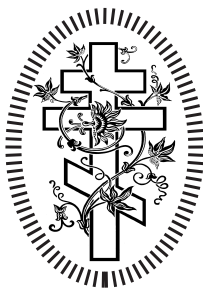

ИВАН ГРОЗНЫЙ

ГОСУДАРЬ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Лешков В. Н.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Погодин М. П.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Беляев И. Д.	Булгаков С. Н.
Иван Грозный	Филиппов Т. И.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Гиляров-Платонов Н. П.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Страхов Н. Н.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Данилевский Н. Я.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Достоевский Ф. М.	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Митр. Антоний Храповицкий
Муравьев А. Н.	Леонтьев К. Н.	Поселянин Е. Н.
Киреевский И. В.	Победоносцев К. П.	Солоневич И. Л.
Хомяков А. С.	Фадеев Р. А.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Аксаков И. С.	Киреев А. А.	Башилов Б.
Аксаков К. С.	Черняев М. Г.	Концевич И. М.
Самарин Ю. Ф.	Ламанский В. И.	Зеньковский В. В.
Валуев Д. А.	Астафьев П. Е.	Митр. Иоанн (Снычев)
Черкасский В. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Белов В. И.
Гильфердинг А. Ф.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Тихомиров Л. А.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.		

ИВАН ГРОЗНЫЙ

ГОСУДАРЬ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2010

Иван Грозный. Государь / Сост. и примеч. В. Г. Манягина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 400 с.

В книге публикуются главные произведения Царя Ивана IV Грозного — великого русского мыслителя, создателя идеологии русской монархии — православного государства.

Личность грозного Царя сыграла выдающуюся роль в истории России. Своими решительными действиями он сумел подавить заговор части правящей элиты, ориентированной на подчинение России католической церкви и Западу. Заговорщики готовились убить Царя, уничтожить Православную веру и расчленить страну.

Сравнительно малой кровью (если сравнивать количество казней, совершенных в аналогичных обстоятельствах в европейских странах) Иван Грозный подавил крамолу.

Последствия Смутного времени были бы для России гораздо серьезнее, если бы Иван IV не ослабил влияние западников. Верхушка самых активных сторонников перехода в подданство к польскому королю была уничтожена Иваном Грозным, а оставшиеся «западники» не имели достаточно влияния, чтобы заставить русское общество отречься от Православия и идеалов русской цивилизации и принять католичество.

ISBN 978-5-902725-40-4

© Институт русской цивилизации, 2010.

*«Да властвую, как Всевышний указал
властвовать своим истинным Помазанникам!»
Иван IV Васильевич Грозный*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпоха царствования Ивана Грозного как бы венчает собой период становления русского религиозного самосознания. Именно к этому времени окончательно сложились и оформились взгляды русского народа на самое себя, на свою роль в истории, на цель и смысл существования, на государственные формы народного бытия.

Царствование Ивана IV протекало бурно. Со всей возможной выразительностью оно обнажило особенность русской истории, состоящую в том, что ее ход имеет в основе не «баланс интересов» различных сословий, классов, групп, а понимание общего дела, всенародного служения Богу, религиозного долга.

Началось царствование смутой. Будущий «грозный царь» вступил на престол после смерти отца Василия III Ивановича трех лет от роду. Реальной властительницей Руси стала его мать — Елена Глинская, «чужеземка литовского, ненавистного рода», по словам Н. М. Карамзина. Ее недолгое (четыре года) правление было ознаменовано разворотом и жестокостью не

столько личными, сколько проистекавшими из нравов и интриг ближних бояр — бывших удельных князей и их приближенных.

По старой удельной привычке каждый из них «тянул на себя», ставя личные интересы власти и выгоды выше общенародных и государственных нужд. Численно эта беспринципная прослойка была ничтожна, но после смерти Елены, лишившись последнего сдерживающего начала, ее представители учинили между собой в борьбе за власть погром, совершенно расстроивший управление страной. Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре, по словам В. О. Ключевского, «повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных фамильных счетов, а не за какой-нибудь государственный порядок».

В 1547 г. сгорела Москва. Пожар и последовавший за ним всенародный мятеж потрясли юного Ивана. В бедствиях, обрушившихся на Россию, он увидел мановение десницы Божией, карающей страну и народ за его, царя, грехи и неисправности. Пожар почти совпал по времени с его венчанием на царство, которое впервые тогда было соединено с Таинством Миропомазания. Церковное Таинство Миропомазания открыло юному монарху глубину мистической связи Царя с народом и связанную с этим величину его религиозной ответственности. Иван осознал себя «игуменом всея Руси». И это осознание с того момента руководило всеми его личными поступками и государственными начинаниями до самой кончины.

Приняв на себя груз ответственности за народ и державу, юный Царь с ревностью приступил к делам государственного, общественного и церковного устройства. Послушаем Карамзина: «Мятежное господство

бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился Святых Таин. Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя перед лицом России: он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного. Они собрались — и в день вокресный, после обедни, Царь вышел из Кремля с духовенством, с крестами, с боярами, с дружиною воинскою на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Иоанн обратился к митрополиту и сказал: «Святой владыко! Знаю усердие твое ко благу и любовь к Отечеству: будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери, а вельможи не радели обо мне: хотели быть самовластными, моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ — и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали, что хотели, злые крамольники, судии неправедные! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! А вы ждите суда небесного!»

Тут государь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасти вас от подобных притеснений и граби-

тельств. Забудьте, чего уже нет и не будет, оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовью христианскою. Отныне я судия ваш и защитник».

В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного венценосца жить для ее счастья, Иван в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным боярам; хотел, чтобы митрополит и святители также их простили именем Судии небесного; хотел, чтобы все россияне братски обнялись между собою, чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока».

Повелением царским был составлен и введен в действие новый Судебник 1550 г. С целью всероссийского прославления многочисленных местночтимых святых и упорядочения жизни Церкви Иоанн созвал подряд несколько церковных Соборов, к которым самолично составил список вопросов, требовавших соборного решения. В делах Царя ближайшее участие принимали его любимцы — иерей Сильвестр и Алексей Адашев, ставшие во главе Избранной рады — узкого круга царских советников, определявших основы внутренней и внешней политики.

В 1552 г. успешно закончился «крестовый» поход против казанских татар. Были освобождены многие тысячи христианских пленников, взята Казань, обеспечена безопасность восточных рубежей. «Радуйся, благочестивый Самодержец, — прислал гонца Ивану кн. Михаил Воротынский, — Казань наша, царь ее в твоих руках; народ истреблен, кои в плену; несметные богатства собраны. Что прикажешь?» — «Славить Всевышнего», — ответил Иван. Тогда же он обрел прозвище «Грозный» — то есть страшный для иноверцев,

врагов и ненавистников России. «Не мочно Царю без грозы быти, — писал современный автор. — Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы».

Счастлирое течение событий прервалось в 1553 г. тяжкой болезнью молодого Царя. Но страшнее телесного недуга оказываются душевные раны, нанесенные теми, кому он верил во всем как себе. У изголовься умирающего Ивана бояре спорят между собою, деля власть, не стесняясь тем, что законный Царь еще жив. Наперсники царские — Сильвестр и Адашев — из страха ли, или по зависти отказываются присягать законному наследнику, малолетнему царевичу Дмитрию. В качестве кандидатуры на престол называется двоюродный брат Царя — кн. Владимир Андреевич.

Россия оказывается на грани нового междуусобного кровопролития. «В каком волнении была душа Иоанна, когда он на пороге смерти видел непослушание, строптивость в безмолвных дотоле подданных, в усердных любимцах, когда он, государь самовластный и венчаный славою, должен был смиренно молить тех, которые еще оставались ему верными, чтобы они охраняли семейство его, хотя бы в изгнании», — говорит церковный историк М. В. Толстой. И все же — «Иоанн перенес ужас этих минут, выздоровел и встал с одра... исполненный милости ко всем боярам». Царь всех простил! Царь не помнил зла. Царь посчитал месть чувством, недостойным христианина и монарха.

Выздоровление Ивана, казалось, вернуло силы всей России. В 1556 г. русское войско взяло Астрахань, окончательно разрушив надежды татар на восстановление их государственной и военной мощи на Востоке. Взоры Царя обратились на Запад. Обеспечив мир на восточной границе, он решил вернуть на Западе древ-

ние славянские земли, лишив Ватикан плацдарма для военной и духовной агрессии против Руси. Но здесь его поджидало новое разочарование. Измена приближенных во время болезни, как оказалось, вовсе не была досадной случайностью, грехопадением, искупленным искренним раскаянием и переменой в жизни.

Избранная рада воспротивилась планам Царя. Вопреки здравому смыслу, она настаивала на продолжении войны против татар — на этот раз в Крыму, не желая понимать, что само географическое положение Крыма делало его в те времена неприступной для русских полков крепостью. Сильвестр и Адашев надеялись настоять на своем, но Царь на сей раз проявил характер. Он порвал с Избранной радой, отправив Адашева в действующую армию, а Сильвестра — в Кирилло-Белозерский монастырь, и начал войну на Западе, получившую впоследствии название Ливонской. Вот как рисует Карамзин портрет Ивана того времени:

«И россияне современные, и чужеземцы, бывшие тогда в Москве, изображают сего юного, тридцатилетнего венценосца как пример монархов благочестивых, мудрых, ревностных ко славе и счастью государства. Так изъясняются первые: «Обычай Иоанна есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: «Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным Помазанникам!» Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целостность порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его.

Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных прохлад

царских. Ласковый к вельможам и народу, любя, награждая всех по достоинству, щедростию искореняя бедность, а зло — примером добра, сей Богом урожденный Царь желает в день Страшного Суда услышать глас милости: «Ты еси царь правды!» И ответствовать с умилением: «Се аз и люди яже дал ми еси Ты!».

Не менее хвалят его и наблюдатели иноземные, англичане, приезжавшие в Россию для торговли. «Иоанн, — пишут они, — затмил своих предков и могуществом, и добродетелью; имеет многих врагов и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив, любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным; скажет боярину: «Иди!» — и боярин бежит; изъявит досаду вельможе — и вельможа в отчаянии, скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока Царь не объявит ему прощения.

Одним словом, нет народа в Европе, более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся, и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит, не скучает делами и не веселится ни звериною ловлей, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России!»

С высылкой предводителей боярской партии интриги не прекратились. В 1560 г. при странных обстоятельствах умерла супруга Ивана — кроткая и нищелюбивая Анастасия. Возникли серьезные опасения, что Царицу отравили, боясь ее влияния на Царя, приписывая этому влиянию неблагоприятное (для бывших царских любимцев) развитие событий. Кроме

того, смерть Царицы должна была, по замыслу отравителей, положить конец и высокому положению при дворе ее братьев, в которых видели опасных конкурентов в борьбе за власть.

Произведенное дознание показало, что нити заговора тянутся к опальным вельможам — Адашеву и Сильвестру. И снова Иван, вопреки очевидности, пощадил жизнь заговорщиков. Царь ограничился ссылкой Сильвестра и Адашева, не тронув более никого из их приверженцев. Надеясь разбудить совесть, он лишь потребовал от «всех бояр и знатных людей» клятвы быть верными государю и впредь не измышлять измен. Все присягнули. И что же? Кн. Дмитрий Вишневецкий, воевода юга России, бросил ратников и перебежал к Сигизмунду, врагу Ивана. Не ужившись с литовцами, переметнулся в Молдавию, вмешался там по привычке в интриги вокруг молдавского господаря Стефана, был схвачен и отправлен в Стамбул, где султан казнил его как смутьяна и бунтовщика.

В 1564 г. доверенный друг Ивана, кн. Андрей Курбский, наместник Царя в Дерпте, тайно, ночью, оставив жену и девятилетнего сына, ушел к литовцам. Мало того, что он изменил Царю, — Курбский предал родину, став во главе литовских отрядов в войне с собственным народом. Подлость всегда ищет оправдания, стараясь изобразить себя стороной пострадавшей, и князь Курбский не постеснялся написать Царю письмо, оправдывая свою измену «смятением горести сердечной» и обвиняя Иоанна в «мучительстве».

Царь ответил изменнику так: «Во имя Бога Всемогущего, Того, Кем живем и движемся, Кем цари царствуют и сильные глаголют, смиренный христианский ответ бывшему российскому боярину, нашему совет-

нику и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому... Почто, несчастный, губишь душу изменою, спасая брненное тело бегством? Я читал и разумел твое послание. Яд аспида в устах изменника — слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы к врагу нашему, если бы не излишно миловали вас, недостойных... Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях! Не губим «сильных во Израиле»; их кровью не обагрим церквей Божиих; сильные, добродетельные здравствуют и служат нам. Казним одних изменников — и где же шадят их?.. Имею нужду в милости Божией, Пречистыя Девы Марии и святых угодников: наставления человеческого не требую. Хвала Всевышнему: Россия благоденствует... Угрожаешь мне судом Христовым на том свете: а разве в сем мире нет власти Божией? Вот ересь манихейская! Вы думаете, что Господь царствует только на небесах, диавол — во аде, на земле же властвуют люди: нет, нет! Везде Господня держава, и в сей, и в будущей жизни!.. Положи свою грамоту в могилу с собою: сим докажешь, что и последняя искра христианства в тебе угасла: ибо христианин умирает с любовию, с прощением, а не со злобою».

«Обласканный Сигизмундом», Курбский, по словам Карамзина, «предал ему свою честь и душу, советовал, как губить Россию, убеждал его действовать смелее, не жалеть казны, чтобы возбудить против нас хана, — и скоро услышали в Москве, что 70 000 литовцев, ляхов, прусских немцев, венгров, волохов с изменником Курбским идут к Полоцку; что Дивлет-Гирей с 60 000 хищников вступил в Рязанскую область».

Терпеть далее такое положение вещей было нельзя. Оно грозило не Царю — под угрозой оказывалось

существование России. После долгих и мучительных колебаний Иван Грозный принял единственно возможное для христианина решение: вынести дело на всенародный суд. Царь прекрасно понимал, что заставить человека нести «Божие тягло» силой — нельзя. Можно добиться внешней покорности, но принять на себя «послушание», осмысленное как религиозный долг, человек должен добровольно. Народ русский должен был решить сам: желает ли он быть народом-богоносцем, хранителем Истины и жизни Православия — или отказывается от этого служения. Согласен ли народ нести все тяготы, искушения и соблазны, грозящие ему на этом пути, по слову Писания: «Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение; управи сердце твое и потерпи» (Сир. 2, 1—2)? И русский народ ответил царю: «Да!»

В начале зимы 1564 г. Иван Васильевич покинул Москву в сопровождении верных ему ближних бояр, дворян и приказных людей «выбором изо всех городов» с женами и детьми. «Третьего декабря рано явилось на Кремлевской площади множество саней, — рассказывает Карамзин. — В них сносили из дворца золото и серебро, святые иконы, кресты... Духовенство, бояре ждали государя в церкви Успения, он пришел и велел митрополиту служить обедню, молился с усердием, принял благословение... милостиво дал целовать руку свою боярам, чиновникам, купцам: сел в сани с Царицею, с двумя сыновьями» — и уехал из Москвы.

Поездив по окрестным монастырям, побывав у Троицы, Царь к Рождеству остановился в Александровской слободе, в 112 верстах от Москвы. Народ ждал, чтобы Иван объяснил свое странное поведение. Царь не заставил себя ждать долго.

3 января 1565 г. в Москву прискакал гонец Константин Поливанов. Он вез две царские грамоты. В одной из них, врученной послом митр. Афанасию, Грозный описывал все измены, мятежи и неустройства боярского правления, сетовал на невозможность в таких условиях нести служение Царя и заключал, что «не хотя многих изменных дел терпети, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь». В другой грамоте, адресованной московскому простонародью, купцам, всем тяглым людям и всенародно читаной на площади, Иван объявлял, чтобы русские люди сомнения не держали — царской опалы и гнева на них нет.

Царь не отрекался от престола, сознавая ответственность за народ и за страну. Он как бы спрашивал: «Желаете ли над собой меня, Русского Православного Царя, Помазанника Божия, как символ и знак своего избранничества и своего служения? Готовы подклониться под «иго и бремя» Богоустановленной власти, сослужить со мною, отринув личное честолюбие, жажду обогащения, междоусобицы и старые счеты?» Воистину, это был один из наиболее драматических моментов русской истории. «Все замерло, — говорит Ключевский, — столица мгновенно прервала свои обычные занятия: лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли». Странное, на первый взгляд, поведение Царя на самом деле было глубоко русским, обращалось к издавна сложившимся отношениям народа и власти.

Когда первое оцепенение москвичей прошло, столица буквально взорвалась народными сходками:

«Государь нас оставил, — вопил народ. — Мы гибнем. Кто будет нашим защитником в войнах с ино-

племенниками? Как могут быть овцы без пастыря?» Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали от митрополита, чтобы он умиловил Ивана, никого не жалея и ничего не страшась. Все говорили ему одно: «Пусть Царь казнит своих лиходеев: в животе и смерти воля его; но царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный: иного не ведаем. Мы все со своими головами едем за тобой бить челом и плакаться».

То же говорили купцы и мещане, прибавляя: «Пусть Царь укажет нам своих изменников: мы сами истребим их!» Митрополит хотел немедленно ехать к Царю; но в общем совете положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была в неопишемом смятении.

Все дела пресеклись: суды, приказы, лавки, караульни опустели. Избрали главными послами святителя Новгородского Пимена и Чудовского архимандрита Левкия; но за ними отправились и все другие епископы: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский, Филофей Рязанский, Матфей Крутицкий, архимандриты: Троицкий, Симоновский, Спасский, Андрониковский; за духовенством — вельможи, князя Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, все бояре, окольничие, дворяне и приказные люди прямо из палат митрополитовых, не захав к себе в дома; также и многие гости, купцы, мещане, чтобы ударить челом государю и плакаться».

Народ сделал свой выбор. Осознанно и недвусмысленно он выразил свободное согласие «сослужить» с Царем в деле Божиим — для созидания России как «Дома Пресвятой Богородицы», как хранительницы и защитницы спасительных истин Церкви. Царь понял

это, 2 февраля торжественно вернулся в Москву и приступил к обустройству страны.

Первым его шагом на этом пути стало учреждение опричнины. Само слово «опричина» вошло в употребление задолго до Ивана Грозного. Так назывался остаток поместья, достаточный для пропитания вдовы и сирот павшего в бою или умершего на службе воина. Поместье, жаловавшееся великим князем за службу, отходило в казну, опричь (кроме) этого небольшого участка.

Иван Грозный назвал опричниной города, земли и даже улицы в Москве, которые должны были быть изъяты из привычной схемы административного управления и переходили под личное и безусловное управление Царя, обеспечивая материально «опричников» — корпус царских единомышленников, его сослуживцев в деле созидания такой формы государственного устройства, которая наиболее соответствует его религиозному призванию. Есть свидетельства, что состав опричных земель менялся, — часть их со временем возвращалась в «земщину» (то есть к обычным формам управления), из которой, в свою очередь, к «опричнине» присоединялись новые территории и города. Таким образом, возможно, что через сито опричнины со временем должна была пройти вся Россия.

Опричина стала в руках Царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга.

Даже внешний вид Александровской слободы, ставшей как бы сердцем суровой брани за душу Рос-

сии, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее обитателей. В ней все было построено по типу иноческой обители — палаты, кельи, великолепная крестовая церковь (каждый ее кирпич был запечатлен знаменем Честного и Животворящего Креста Господня). Ревностно и неукоснительно исполнял Царь со своими опричниками весь строгий устав церковный.

Как некогда богатырство, опричное служение стало формой церковного послушания — борьбы за воцерковление всей русской жизни, без остатка, до конца. Ни знатности, ни богатства не требовал Царь от опричников, требовал лишь верности, говоря: «Ино по грехом моим учинилось, что наши князи и бояре учили изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».

Проворный народный ум изобрел и достойный символ ревностного служения опричников: «они ездили всегда с собачьими головами и метлами, привязанными к седлам, — пишет Карамзин, — в ознаменование того, что грызут лиходеев царских и метут Россию».

Когда в 1565 г. в Александровской слободе Царь принял решение силой выжечь крамолу в России, это решение далось ему страшным напряжением воли. Вот портрет Царя, каким его знали до этого знаменательного дня: Иван был «велик ростом, строен, имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня, и лицо приятное».

Когда же Царь вернулся в Москву и, созвав духовенство, бояр, знатнейших чиновников, вышел к ним объявить об опричнине, многие не узнали его. Иван

постарел, осунулся, казался утомленным, даже больным. Веселый прежде взор угас, густая когда-то шевелюра и борода поредели. Царь знал, что ему предстоит, какую ответственность он берет на себя и сколько сил потребуется на него. По подсчетам «советского» историка Р. Г. Скрынникова, жертвами «царского террора» стали три-четыре тысячи человек. С момента учреждения опричнины до смерти Царя прошло тридцать лет. 100 казней в год, учитывая уголовных преступников. Судите сами, много это или мало. Притом что периодическое возникновение «широко разветвленных заговоров» не отрицает ни один уважающий себя историк. Чего стоит хотя бы политическая интрига, во главе которой стоял боярин Федоров. Заговорщики предполагали во время Ливонского похода 1568 г. окружить царские опричные полки, перебить их, а Грозного выдать польскому королю.

Подвижнический характер имела вся личная жизнь Царя. Это ярче всего проявлялось в распорядке Александровской слободы. Шумную и суетную Москву Царь не любил, наезжая туда «не на великое время». В Александровской слободе он все устроил так, как хотел, вырвавшись из церемонного и чинного порядка государевой жизни с его обязательным сложным этикетом и неизбежным лицемерием. Слобода, собственно, была монастырем в миру. Несколько сотен ближайших царских опричников составляли его братию, а себя Иван называл «игуменом всея Руси». (Царь не раз хотел постричься, и последний раз, после смерти сына в 1581 г., лишь единодушная мольба приближенных предотвратила осуществление этого намерения.)

Опричная «братия» носила монашеские скуфейки и черные подрясники. Жизнь в слободе, как в мона-

стыре, регулировалась общежительным уставом, написанным лично Царем. Иван сам звонил к заутрене, в церкви пел на клиросе, а после обедни, во время братской трапезы, по древней иноческой традиции читал для назидания Жития святых и святоотеческие поучения о посте, молитве и воздержании.

Учреждение опричнины стало переломным моментом царствования Ивана IV. **Опричные полки** сыграли заметную роль в отражении набегов Дивлет-Гирея в 1571 и 1572 гг., двумя годами раньше с помощью опричников были раскрыты и обезврежены заговоры в Новгороде и Пскове, ставившие своей целью отложение от России под власть Литвы и питавшиеся, вероятно, ересью «жидовствующих», которая пережила все гонения.

В 1575 г., как бы подчеркивая, что он является Царем «верных», а остальным «земским» еще надлежит стать таковыми, пройдя через опричное служение, Иван IV поставил во главе земской части России крещеного татарина — касимовского царя Семена Бекбулатовича. Каких только предположений не высказывали историки, пытаясь разгадать это «загадочное» поставление! Каких только мотивов не приписывали Царю! Перебрали все: политическое коварство, придворную интригу, наконец, просто «прихоть тирана»... Не додумались лишь до самого простого — до того, что Семен Бекбулатович действительно управлял земщиной (как, скажем, делал это князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский в отсутствие Петра I), пока Царь «доводил до ума» устройство опричных областей.

Был в этом «разделении полномочий» и особый мистический смысл. Даруя Семену титул «Великого Князя всея Руси», а себя именуя московским кня-

зем Иваном Васильевым, Царь обличал ничтожество земных титулов и регалий власти перед небесным избранничеством на царское служение, запечатленным в Таинстве Миропомазания. Он утверждал ответственность русского Царя перед Богом, отрицая значение человеческих названий.

Приучая Русь, что она живет под управлением Божиим, а не человеческим, Иван как бы говорил всем: «Как кого ни назови — великим ли князем всяя Руси или Иванцом Васильевым, а Царь, Помазанник Божий, отвечающий за все происходящее здесь — все же я, и никто не в силах это изменить».

Так царствование Грозного Царя клонилось к завершению. Неудачи Ливонской войны, лишившие Россию отвоєванных было в Прибалтике земель, компенсировались присоединением бескрайних просторов Сибири в 1579–84 гг. Дело жизни Царя было сделано — Россия окончательно и бесповоротно встала на путь служения, очищенная и обновленная опричной. В Новгороде и Пскове были искоренены рецидивы жидовствования, Церковь обустроена, народ воцерковлен, долг избранничества осознан. В 1584 г. Царь мирно почил, пророчески предсказав свою смерть. В последние часы земной жизни сбылось его давнее желание — митр. Дионисий постриг государя, и уже не Грозный Царь Иван, а смиренный инок Иона предстал перед Всевышним Судией, служению Которому посвятил он свою бурную и нелегкую жизнь.

Вряд ли можно до конца понять течение русской истории, не разгадав личности Грозного Царя. Историки давно сошлись на том, что он был самым даровитым и образованным человеком своего времени. «Муж чудного рассуждения, в науке книжного почитания дово-

лен и многоречив», — характеризует Грозного один из современников. «Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна есть для ума загадка», — сетует Н. М. Карамзин, готовый «усомниться в истине самых достоверных о нем известий». Ключевский пишет о царе: «От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский московский ум».

Характеристики можно множить, они будут совпадать или противоречить друг другу, вызывая одно неизменное чувство неудовлетворения, недосказанности, неясности. Высокий дух и «воцерковленное» мироощущение Царя оказались не по зубам осуетившимся историкам, плотной завесой тайны окутав внутреннюю жизнь Ивана IV от нескромных и предвзятых взглядов.

Духовная проказа рационализма, лишая веры, лишает и способности понимать тех, для кого вера есть жизнь. «Еще ли окаменено сердце ваше имате? Очи имуще — не видите, и уши имущи — не слышите» (Мк 8: 17—18), — обличал Господь маловеров. Окаменевшие неверием сердца повлекли за собой слепоту духовную, лишив историков возможности увидеть сквозь туман наветов и клевет настоящего Ивана, услышать его искренний, полный горячей веры голос.

Как бы предчувствуя это, сетовал Грозный Царь, стеноя от тягот и искушений своего служения: «Тело изнемогло, болезнует дух, раны душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы исцелил меня. Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого; утешающих я не нашел — заплатили мне злом за добро, ненавистью — за любовь».

Мягкий и незлобивый по природе, Царь страдал и мучился, вынужденный применять суровые меры. В этом он удивительно напоминает своего венценосного предка — св. блгв. кн. Владимира равноапостольного, отказавшегося было карать преступников, боясь погрешить против христианского милосердия. «Боюсь греха!» — эти слова св. Владимира как нельзя лучше применимы и к Грозному Царю. Несмотря на многочисленные свидетельства растущей измены, он из года в год откладывал наказание виновных. Прощал измены себе, пока было возможно. Но считал, что не имеет права простить измены делу Божию, строению Святой Руси, ибо мыслил обязанности Помазанника Божия как блюстителя верности народа своему промыслительному предназначению.

По благочестию в личной жизни с Грозным Царем может сравниться, пожалуй, лишь царь Тишайший — Алексей Михайлович, проводивший в храме по пять часов в день и клавший ежедневно от тысячи до полутора тысяч земных поклонов с молитвой Иисусовой.

Известно, сколь трепетно и благоговейно относится Православная Церковь к богослужебным текстам. Сочинители большей их части прославлены ею как святые, свыше принявшие дар к словесному выражению духовных, возвышенных переживаний, сопровождающих человека на пути христианского подвижничества. Стихирами, писанными Царем Иваном Васильевичем, Церковь пользовалась на своих богослужениях даже тогда, когда со смерти его минул не один десяток лет.

Полно и ясно раскрывался внутренний мир Царя и в его постоянном общении со святыми, преподобными, иноками, юродивыми, странниками. Самая жизнь

Царя Ивана началась при непосредственном участии святого мужа — митр. Иоасафа, который, будучи еще игуменом Свято-Троицкой Сергиевой лавры, крестил будущего государя Российского прямо у раки преподобного Сергия, как бы пророчески знаменуя преемственность дела Ивана IV по отношению к трудам великого святого. Другой святой митрополит — Макарий — окормлял молодого Царя в дни его юности и первой ратной славы. Влияние первосвятителя было велико и благотворно. Митрополит был учнейшим книжником. Своим блестящим образованием Грозный во многом обязан св. Макарию, десятки лет работавшему над огромным трудом, Минеями-Четьями, в которых он задумал собрать все «чтомыя книги, яже в русской земле обретаются». Мудрый старец не навязывал Царю своих взглядов, окормляя его духовно, не стремился к почету, власти и потому сумел сохранить близость с государем, несмотря на все политические бури и дворцовые интриги. «О Боже, как бы счастлива была русская земля, если бы владыки были таковы, как преосвященный Макарий да ты», — писал Царь в 1556 г. Казанскому архиеп. Гурию.

Особенно любил Ивана и его добродетельную супругу прп. Антоний Сийский, просиявший святостью жизни в тундре далекого Севера. Он приходил в Москву, беседовал с Царем и пользовал его своими поучениями до кончины своей в 1556 г.

Знаменитый московский юродивый Василий Блаженный хаживал к Царю, не стеснялся обличать его в рассеянности при молитве, умерял царский гнев ласковым: «Не кипятись, Иванушка». Блаженный умер на руках у Царя, предсказав ему, что наследует государство Российское не старший сын Иван, а младший —

Федор. При погребении святого Царь сам с ближайшими боярами нес его гроб.

Отдельного упоминания стоит история взаимоотношений Царя со святым митр. Филиппом, принявшим кафедру московских святителей в 1566 г. Царь сам выбрал Филиппа, бывшего тогда Соловецким игуменом. Иван знал подвижника с детства, когда он, малолетний царевич, полюбил играть с сыном боярина Степана Ивановича Колычева Федором, будущим митрополитом Московским.

В годы боярских усобиц род Колычевых пострадал за преданность кн. Андрею (дяде Царя Ивана). Один из них был повешен, другой пытан и долго содержался в оковах. Горькая судьба родственников подтолкнула Федора на иноческий путь. Тайно, в одежде простолюдина он бежал из Москвы в Соловецкий монастырь, где принял постриг с именем Филиппа и прошел путь от послушника до настоятеля.

Филипп долго отказывался от сана митрополита, отговариваясь немощью и недостойнством. «Не могу принять на себя дело, превышающее силы мои, — говорил он. — Зачем малой ладье поручать тяжесть великую?» Царь все же настоял на своем, и Филипп стал митрополитом. В первое время после его поставления все шло хорошо. Единодушие «священной сугубицы» — Царя и митрополита — лишало боярские интриги возможности маневра, достигавшегося в их «лучшие времена» противопоставлением двух центров власти — светского и церковного.

Эту возможность они потеряли во многом благодаря предусмотрительности Грозного и самого митрополита, при поставлении «давшего слово архиепископам и епископам» и Царю (как говорится об этом

в нарочно составленной грамоте) «в опричнину и царский домовый обиход не вступаться и, по поставлении, из-за опричнины и царского домового обихода митрополии не оставлять». Такой грамотой сама фигура митрополита как бы выносилась за скобки всех дворцовых интриг и, более того, лишала возможности бояр даже требовать его удаления «на покой» под благовидным предлогом «неотмирности» святителя.

25 июля 1566 г. после литургии в Успенском соборе Царь лично вручил новопоставленному митрополиту пастырский посох его святого предтечи — свт. Петра, с умилением выслушал глубоко прочувствованное слово Филиппа об обязанностях служения царского и, пригласив все духовенство и бояр в царские палаты, радушно угощал, празднуя обретение такого помощника. Но единодушие государя и первосвятителя было невыносимо тем, кто в своем высоком положении видел не основание для усиленного служения Царю и России, а оправдание тщеславным и сребролюбивым начинаниям.

В июне 1567 г. были перехвачены письма польского короля Сигизмунда и литовского гетмана Хоткевича к главнейшим боярам с предложением бежать в Литву. Начался розыск виновных, затем последовали казни. Митрополит ходатайствовал о смягчении участи преступников, но политику Царя поддержал. «На то ли собрались вы, отцы и братья, чтобы молчать, страшась вымолвить истину? — обличал он пастырей Церкви, молчаливо сочувствовавших казненным. — Никакой сан мира сего не избавит нас от мук вечных, если преступим заповедь Христову и забудем наш долг пещись о благочестии благоверного Царя, о мире и благоденствии православного христианства».

Не скрывал своего сочувствия к митрополиту свт. Герман, архиепископ Казанский. Но нашлись и такие, которым самоотверженная правдивость митрополита перед Царем грозила разоблачением и опалой. Среди них выделялись: Пимен — архиепископ Новгородский, мечтавший сам занять кафедру митрополита; Пафнутий — епископ Суздальский и Филофей Рязанский. Душой заговора, направленного на разобщение прп. Филиппа с Иваном IV, стал государев духовник, благовещенский протопоп Евстафий, боявшийся потерять расположение и доверие Царя.

Тактика интриги была проста: лгать Царю про митрополита, а святителю клеветать на Царя. При этом главным было не допустить, чтобы недоразумение разрешилось при личной встрече. Кроме того, надо было найти предлог для удаления свт. Филиппа. Время шло, и злые семена лжи давали первые всходы. Царю удалось было внушить, что Филипп, вопреки обещанию, стремится вмешиваться в государевы дела.

Для митрополита не были тайной планы его врагов. «Вижу, — говорил он, — готовящуюся мне кончину, но знаете ли, почему меня хотят изгнать отсюда и возбуждают против меня Царя? Потому что не льстил я пред ними... Впрочем, что бы то ни было, не перестану говорить истину, да не тщетно ношу сан святительский». Какое-то время казалось, что заговорщики потерпят неудачу. Царь отказался верить в злонамеренность Филиппа, потребовав доказательств, которых у них не было и быть не могло.

Тогда, не надеясь найти «компромат» на митрополита в Москве, злоумышленники отправились на Соловки. Там Пафнутий Суздальский, Андроников-

ский архим. Феодосий и кн. Василий Темкин угрозами, ласками и деньгами принудили к лжесвидетельству против свт. Филиппа некоторых монахов и, взяв их с собой, поспешили назад. В числе лжесвидетелей, к стыду обители, оказался игум. Паисий, ученик св. митрополита, прельстившийся обещанием ему епископской кафедры.

Состоялся «суд». Царь пытался защитить святителя, но вынужден был согласиться с «соборным» мнением о виновности митрополита. Причем, зная по опыту, что убедить Царя в политической неблагонадежности Филиппа нельзя, заговорщики подготовили обвинения, касающиеся жизни святителя на Соловках еще в бытность его тамошним настоятелем, и это, похоже, сбило с толку Ивана IV.

В день праздника Архистратига Михаила в 1568 г. свт. Филипп был сведен с кафедры митрополита и отправлен «на покой» в московский монастырь Николы Старого, где на его содержание Царь приказал выделять из казны по четыре алтына в день. Но враги святого на этом не остановились, добившись удаления ненавистного старца в Тверской Отрочь монастырь, подальше от столицы. До этих пор история взаимоотношений Грозного царя с митр. Филиппом очень напоминает отношения Царя Алексея Михайловича с его «собинным» другом — патр. Никоном, также оклеветанным и сосланным.

Однако торжество злоумышленников длилось недолго. В декабре 1569 г. Царь с опричной дружиной двинулся в Новгород для того, чтобы лично возглавить следствие по делу об измене и покровительстве местных властей еретикам-«жидовствующим». В ходе этого расследования могли вскрыться связи новгород-

ских изменников, среди которых видное место занимал архиеп. Пимен с московской боярской группой, замешанной в деле устранения свт. Филиппа с митрополии. В этих условиях опальный митрополит становился опаснейшим свидетелем.

Его решили убрать и едва успели это сделать, так как Царь уже подходил к Твери. Он послал к Филиппу своего доверенного опричника Малюту Скуратова за святительским благословением на поход и, надо думать, за пояснениями, которые могли пролить свет на «новгородское дело». Но Малюта уже не застал святителя в живых. Он смог лишь отдать ему последний долг, присутствуя при погребении, и тут же уехал с докладом к Царю.

Иван, чрезвычайно щепетильный во всех делах, касавшихся душеспасения, заносил имена всех казненных в специальные синодики, которые рассылались затем по монастырям для вечного поминовения «за упокой души». Списки эти (являющиеся, кстати, единственным достоверным документом, позволяющим судить о размахе репрессий) поражают своей подробностью и добросовестностью. Имени свт. Филиппа в них нет. Нет по той простой причине, что никогда никакого приказа казнить митрополита Царь не давал. Эта широко распространенная версия при ближайшем рассмотрении оказывается заурядной выдумкой, как, впрочем, и многие другие «свидетельства» о «зверствах» Грозного Царя.

Опасения заговорщиков оправдались. Грозный все понял, и лишь его всегдашнее стремление ограничиться минимально возможным наказанием спасло жизнь многим из них. Вот что пишут об этом Четьи-Минеи (за январь, в день памяти св. Филиппа):

«Царь положил свою грозную опалу на всех виновников и пособников его (митрополита) казни. Несчастный архиепископ Новгородский Пимен, по низложению с престола, был отправлен в заключение в Веневский Никольский монастырь и жил там под вечным страхом смерти, а Филофей Рязанский был лишен архиерейства. Не остался забытым и суровый пристав святого — Стефан Кобылин: его постригли против воли в монахи и заключили в Спасо-Каменный монастырь на острове Кубенском. Но главным образом гнев царский постиг Соловецкий монастырь.

Честолюбивый игумен Паисий, вместо обещанного ему епископства, был сослан на Валаам, монахи Зосима и еще девять иноков, клеветавших на митрополита, были также разсланы по разным монастырям, и многие из них на пути к местам ссылки умерли от тяжких болезней. Как бы в наказание всей братии разгневанный Царь прислал в Соловки чужого постриженника — Варлаама, монаха Кирилло-Белозерского монастыря, для управления монастырем в звании строителя. И только под конец дней своих он вернул свое благоволение обители, жалую ее большими денежными вкладами и вещами для поминовения опальных и пострадавших от его гнева соловецких монахов и новгородцев».

Во время новгородского расследования Царь оставался верен привычке поверять свои поступки советом людей опытных в духовной жизни, имевших славу святых, праведников. В Новгороде Царь не раз посещал прп. Арсения, затворника иноческой обители на торговой стороне города. Царь пощадил этот монастырь, свободный от еретического духа, и без гнева выслушал обличения затворника, подчас весьма резкие и нелицеприятные.

Характерна для Царя и причина, заставившая его отказаться от крутых мер в Пскове. По дороге из Новгорода Иван был как-то по-особому грустен и задумчив. На последнем ночлеге в селе Любятове, близ города, Царь не спал, молясь, когда до его слуха донесся благовест псковских церквей, звонивших к заутрене. Сердце его, как пишут современники, чудесно умилилось. Иван представил себе раскаяние злоумышленников, ожидавших сурового возмездия и молящихся о спасении их от государева гнева. Мысль, что Господь есть Бог кающихся и Спас согрешающих, удержала Царя от строгих наказаний. Выйдя из избы, Царь спокойно сказал: «Теперь во Пскове все трепещут, но напрасно: я не сотворю им зла».

Так и стало, тем более что по въезде в Псков Царя встретил юродивый Никола, всему городу известный праведник. Прыгая на палочке перед царским конем, он приговаривал: «Иванушка! Покушай хлеб-соль (жители города встречали Ивана постной трапезой. — *Прим. авт.*), чай, не наелся мясом человеческим в Новгороде!» Считая обличения юродивого за глас Божий, Царь отменил казни и оставил Псков.

Можно еще приводить примеры отношения Грозного царя к святым, праведникам, архиереям и юродивым. Но все они и дальше будут подтверждать, что поведение его всегда и во всем определялось глубоким и искренним благочестием, полнотой христианского мироощущения и твердой верой в свое царское «тягло» как Богом данное служение. Даже в гневе Иван пребывал христианином. Вот что сказал он Новгородскому архиеп. Пимену, уличенному в измене собственноручной грамотой, писанной королю Сигизмунду. Архиерей пытался отворотить возмездие, встретив Царя на

Великом мосту с чудотворными иконами, в окружении местного духовенства. «Злочестивец! В руке твоей — не крест животворящий, но оружие убийственное, которое ты хочешь вонзить нам в сердце. Знаю умысел твой... Отселе ты уже не пастырь, а враг Церкви и святой Софии, хищный волк, губитель, ненавистник венца Мономахова!»

Приняв на себя по необходимости работу самую неблагоприятную, Царь, как хирург, отсекал от тела России гниющие, бесполезные члены. Иван не обольщался в ожидаемой оценке современниками (и потомками) своего труда, говоря: «Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого; утешающих я не нашел — заплатили мне злом за добро, ненавистью — за любовь». Второй раз приводим мы изречение Ивана, теперь уже с полным правом говоря — воистину так!

В отличие от историков, народ верно понял своего царя и свято чтит его память. Вплоть до самой революции и последовавшего за ней разгрома православных святынь Кремля к могиле Грозного Царя приходил простой люд служить панихиды, веруя, что таким образом выраженное почитание Ивана IV привлекает благодать Божию в дела, требующие справедливого и нелицеприятного суда.

Митрополит Иоанн (Снычев)

Государственное учение Ивана Грозного. Царь Иван Грозный первый в России сформулировал значение царской власти и фактически первый разработал учение о русской православной монархии.

Государственное управление, по его учению, должно представлять собой стройную систему. Представитель аристократического начала, кн. Курб-

ский, упирает преимущественно на личные доблести «лучших людей» и «сильных во Израиле». Иван IV относится к этому как к проявлению политической незрелости и старается объяснить князю, что личные доблести не помогут, если нет правильного «строения», если в государстве власти и учреждения не будут расположены в надлежащем порядке. «Как дерево не может цвести, если корни засохнут, так и это: еще не прежде строения благая в царстве будут», то и храбрость не проявится на войне. Ты же, говорит Царь, не обращая внимания на строение, прославляешь только доблести.

На чем же, на какой общей идее воздвигается это необходимое «строение», «конституция» христианского царства? Иван Грозный в пояснение вспоминает о ереси манихейской: «Они развратно учили, будто бы Христос обладает лишь небом, а землю самостоятельно управляют люди, а преисподними — диавол». Я же, говорит Царь, верую, что всем обладает Христос: небесным, земным и преисподним и «вся на небеси, на земли и преисподней состоит его хотением, советом Отчим и благоволением Святаго Духа». Эта высшая власть налагает свою волю и на государственное «строение», устанавливает и царскую власть.

Права верховной власти в понятиях Грозного определяются христианской идеей подчинения подданных. Этим дается и широта власти, в этом же и ее пределы (ибо пределы есть и для Грозного). Но в указанных границах безусловное повиновение Царю, как обязанность, предписанная верой, входит в круг благочестия христианского. Если Царь поступает жестоко или даже несправедливо, это его грех. Но это не увольняет подданных от обязанности повиновения.

Если даже Курбский и прав, порицая Ивана как человека, то от этого еще не получает права не повиноваться Божественному закону. Поэтому Курбский своим поступком свою «душу погубил». «Если ты праведен и благочестив, — говорит Царь, — то почему же ты не захотел от меня, строптивного владыки, пострадать и наследовать венец жизни»? Зачем «не поревновал еси благочестия» раба твоего, Васьки Шибанова, который предпочел погибнуть в муках за господина своего?

С этой точки зрения порицание поступков Ивана на основании народного права других стран (указываемых Курбским) не имеет, по возражению Царя, никакого значения. «О безбожных человецех что и глаголати! Понеже тии все царствиями своими не владеют: как им повелят подданные («работные»), так и поступают. А российские самодержцы изначала сами владеют всеми царствами (то есть семи частями царской власти), а не бояре и вельможи».

Противоположение нашего принципа верховной власти и европейского вообще неоднократно заметно у Ивана Грозного и помимо полемики с Курбским. Как справедливо говорит Романович-Славатинский, «сознание международного значения самодержавия достигает в Грозном Царе высокой степени». Он ясно понимает, что представляет в себе иной и высший принцип. «Если бы у вас, — говорит он шведскому королю, — было совершенное королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля в товарищах не были бы». Он ядовито замечает, что шведский король — «точно староста в волости», показывая полное понимание, что этот «несовершенный» король представляет, в сущности, демократическое начало. Так и у нас, говорит Царь, «наместники новгородские —

люди великие, но все-таки «холоп государю не брат», а потому шведский король должен бы сноситься не с государем, а с наместниками. Такие же «комплименты» Грозный делает и Стефану Баторию, замечая послам: «Государю вашему Стефану в равном братстве с нами быть не пригоже». В самую даже крутую для себя минуту Иван Грозный гордо выставляет Стефану превосходство своего принципа: «Мы, смиренный Иоанн, Царь и Великий Князь всея Руси, по Божьему изволению, а не по многмятежному человеческому хотению». Как мы видели выше, представители власти европейских соседей для Ивана Грозного суть представители идеи «безбожной», то есть руководимой не божественными повелениями, а теми человеческими соображениями, которые побуждают крестьян выбирать старосту в волости.

Вся суть царской власти, наоборот, в том, что она не есть избранная, не представляет власти народной, а нечто высшее, признаваемое над собою народом, если он «не безбожен». Иван IV напоминает Курбскому, что «Богом цари царствуют и сильные пишут правду». На упрек Курбского, что он «погубил сильных во Израиле», Царь объясняет ему, что сильные во Израиле — совсем не там, где полагает их представитель аристократического начала «лучших людей». «Земля, — говорит Иван Грозный, — правится Божьим милосердием, и Пречистыя Богородицы милостью, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводами и еже ипаты и стратеги».

Не от народа, а от Божией милости к народу идет, стало быть, царское самодержавие. Иван Грозный так и объясняет.

«Победоносная хоругвь и крест Честной», говорит он, даны Господом Иисусом Христом сначала Константину, «первому во благочестии», то есть первому христианскому императору. Потом последовательно передавались и другим. Когда «искра благочестия дойде и до Русскаго Царства», та же власть «Божиею милостию» дана и нам. «Самодержавие Божиим изволением», объясняет Грозный, началось от Владимира Святого, Владимира Мономаха и т. д. и через ряд государей, говорит он, «даже дойде и до нас, смиренных, скиптродержавие Русскаго Царства».

Сообразно такому происхождению власти у Царя должна быть в руках действительная сила. Возражая Курбскому, Иван IV говорит: «Или убо сие светло — пойти прегордым лукавым рабам владеть, а Царю быть почтенным только председанием и царской честью, властью же быть не лучше раба? Как же он назовется самодержцем, если не сам строит землю?»; «Российские самодержцы изначала сами владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи».

Царская власть дана для поощрения добрых и кары злых. Поэтому Царь не может отличаться только одной кротостью. «Овых милуйте разсуждающе, овых страхом спасайте», — говорит Грозный. «Всегда царям подобает быть обзрительными: овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение; аще ли сего не имеет — несть Царь!» Обязанности царя нельзя мерить меркой частного человека. «Иное дело свою душу спасать, иное же о многих душах и телесах пещися». Нужно различать условия. Жизнь для личного спасения — это «постническое житье», когда человек ни о чем материальном не заботится и может быть кроток, как агнец.

Но в общественной жизни это уже невозможно. Даже и святители, по монашескому чину лично отрeksiеся от мира, для других обязаны иметь «строение, попечение и наказание». Но святительское запрещение — по преимуществу нравственное. «Царское же управление (требует) страха, запрещения и обуздания, и конечно-го запрещения», ввиду «безумия злейшего человекoв лукавых». Царь сам наказуется от Бога, если его «несмотрением» происходит зло.

В этом смотрении он безусловно самостоятелен. «А жаловать есми своих холопей вольны, а и казнить их вольны же есмя».

«Егда кого обрящем всех сих злых (дел и наклонностей) освобожденных, и к нам прямую свою службу содевающим, и не забывающим порученной ему службы, и мы того жалуем великими всякими жалованьями; а иже обрящется в супротивных, еже выше рехом, по своей вине и казнь приемлет».

Власть столь важная должна быть едина и неограниченна. Владение многих подобно «женскому безумию». Если управляемые будут не под единою властью, то хотя бы они в отдельности были и храбры и разумны, общее правление окажется «подобно женскому безумию». Царская власть не может быть ограничиваема даже и святительской. «Не подобает священникам царская творити». Иван Грозный ссылается на Библию и приводит примеры из истории, заключая: «Понеже убо тамо быша цари послушны епархам и сигклитам, — и в какову погибель приидоша. Сия ли нам советуешь?»

Еще более вредно ограничение царской власти аристократией. Царь по личному опыту обрисовывает бедствия, нестроения и мятежи, порождаемые

боярским самовластием. Расхитив царскую казну, самовластники, говорит он, набросились и на народ: «Горчайшим мучением имения в селах живущих пограбили». Кто может исчислить напасти, произведенные ими для соседних жителей? «Жителей они себе сотвориша яко рабов, своих же рабов устроили как вельмож». Они называли себя правителями и военачальниками, а вместо того повсюду создавали только неправды и нестроение, «мзду же безмерную от многих собирающе и вся по мзде творяще и глаголюще».

Положить предел этому хищничеству может лишь самодержавие. Однако же эта неограниченная политическая власть имеет, как мы выше заметили, пределы. Она ограничивается своим собственным принципом.

«Все божественные писания исповедуются, яко не повелевают чадам отцом противитися и рабом господом», однако же, прибавляет Иван Грозный, «кроме веры». На этом пункте Грозный, так сказать, признал бы со стороны Курбского право неповиновения, почему усиленно доказывает, что этой, единственной законной причины неповиновения Курбский именно и не имеет. «Против веры» Царь ничего не требовал и не сделал. «Не токмо ты, но все твои согласники и бесовские служители не могут в нас сего обрести», — говорит он, а потому и оправдания эти ослушники не имеют. Несколько раз Грозный возвращается к уверениям, что если он казнил людей, то ни в чем не нарушил прав Церкви и ее святыни, являясь, наоборот, верным защитником благочестия. Прав или не прав Иван IV фактически, утверждая это, но во всяком случае его слова показывают, в чем он признает границы дозволенного и недозволенного для Царя.

Ответственность Царя — перед Богом, нравственная, впрочем, для верующего вполне реальная, ибо Божья сила и наказание сильнее царского. На земле же, перед подданными, Царь не дает ответа. «Доселе русские владетели не допрашиваемы были («не исповедуемы») ни от кого, но вольны были своих подвластных жаловать и казнить, а не судились с ними ни перед кем». Но перед Богом суд всем доступен. «Судиться же приводиши Христа Бога между мною и тобою, и аз убо сего судилища не отметаюсь». Напротив, этот суд над Царем тяготеет больше, чем над кем-либо. «Верую, — говорит Иван Грозный, — яко о всех своих согрешениях, вольных и невольных, суд прияти ми яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, аще моим несмотрением согрешают».

Л. А. Тихомиров

Православно-монархическая теория Ивана Грозного. Одаренный от природы умом, чуткостью и самыми возвышенными порывами души, весьма начитанный в Священном Писании, Царь Иван Грозный равно был искалечен своеволием и самодурством бояр. Он не любил этих бояр, съехавшихся из отнятых у них княжений в Москву, откуда они хотели править государством в качестве верхнего правительственного слоя. «Подобно бесам от юности моей вы поколебали благочестие и Богом данную мне державную власть себе похитили», — говорил он и выводил измену, которую видел в непризнании нового вводимого им принципа верховной власти. Их требованиям породы он противопоставил свою теорию управления, основанную на Божественной миссии

свыше, миссии, получившей свою печать в поставлении Церковью, в его венчании на царство.

Он не только утвердил царскую власть в России, но и явился основоположником понятия самодержавия, создав целую теорию монархического права. Он дал учение о целях власти, о ее основах и пределах. Он оттенил и священный характер сана, говоря об отношениях подданных к Царю. «Если Царь несправедлив, он грешит и отвечает перед Богом, и Курбский может порицать Иоанна, как человека, — пишет он, — но не может не повиноваться тому, что божественно, — его сану. Не мни праведно на человека возъярився, Богу приразиться ино бо человеческое есть, аще и порфиру носит, ино же Божественное». В себе он видел одного из тех царей, которых помазал Бог на царство в Израиле, но также низвергал и наказывал, и считал себя призванным ответить за каждый поступок перед Царем царей. Он поставлен для доставления другим тихого и безмятежного жития, для наказания злых, для поощрения делающих добро, для осуществления правды на земле. Кн. А. М. Курбского, писавшего о личных доблестях лучших людей, он поучал, что и личные качества не помогут, если нет правильного строения, если власти и управления не будут расположены в надлежащем порядке. «Как дерево не может цвести, если корни засыхают, так и это: аще не прежде строения благая в царствии будут».

И строение это он основывает на вере в Промысл Божий. «Я верую, — пишет он, — что всеми обладает Христос, небесными, земными и преисподними, и все на небеси, на земли и преисподней состоит Его хотением, Советом Отчим и благоволением Св. Духа». «Сильные во Израиле не там, где лучшие люди Курб-

ского». «Земля правится Божьим милосердием, и Пречистыя Богородицы милостью, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государями своими, а не судьями и воеводами и иже ипаты и стратиги». Иван верит в Промысл Божий, действующий через помазанника Божия, и призывает Курбского в основу своих действий положить смирение. «Если ты праведен и благочестив, то почему же ты не захотел от меня, строптивного владыки, пострадать и наследовать венец жизни? Зачем не поревновал еси благочестия раба твоего Васьки Шибанова, который предпочел погибнуть в муках за господина своего?»

Своей власти он придает религиозно-нравственное значение. «Тщусь с усердием людей на истину и на свет наставить, да познают единого истинного Бога, в Троице славимого, и от Бога данного им Государя, а от междоусобных браней и строптивного жития да отстанут, коими царства рушатся». И он требует полного повиновения Царю, поскольку, однако, приказом Царя не затронута вера.

Когда же Курбский ссылался на другие европейские государства, где подданные имеют политические права, Грозный ответил: «О безбожных человецех что и глаголити! Понеже тии все царствиями своими не владеют: как им повелят работные (подданные), так и поступают. А российские самодержавцы изначала сами владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи». И побежденный Стефаном Баторием, он с достоинством говорит его послам о превосходстве своего принципа: «Государю вашему Стефану в равном братстве с нами быть не пригоже, мы же, смиренный Иоанн, Царь и Великий Князь всея Руси, по Божьему изволению, а не по многмятежного человечества хо-

тению». А Елизавете, королеве Англии, писал: «Мы чаяли того, что ты на своем государстве Государыня и сама власть и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, а мужики торговые, и о наших государских головах, и о честех, и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков! А ты пребываешь в своем девичьем чину, как есть пошлая девица». Та же мысль выражена и в послании к шведскому королю: «Если бы у тебя было совершенное королевство, то отцу твоему вся земля в товарищах не была бы».

Все европейские соседи, по мнению Ивана IV, суть представители власти безбожной, руководимой не Божественными повелениями, а человеческими страстями: все они рабы тлена и похоти.

Царь Грозный осудил тот демократический принцип народовластия, который на два века позже обоготворил Руссо. Вопреки современным демократическим принципам, исходящим из принципа непорочной, неповрежденной грехом воли человека, Грозный видел в нем преклонение плоти и противопоставлял ему принцип смирения перед Промыслом Божиим. Не на народном суверенитете основал он свою власть, не на многмятежного человечества хотении, а на том, что «искра благочестия дойде и до Русского царства. Самодержавства нашего начало от св. Владимира, Владимира Мономаха, и даже дойде и до нас, смиренных, скипетродержавие русского царства».

В силу Промысла Божьего, сделавшего его потомком первых самодержцев, правит Иван IV своим царством. Царь — не делегатарий прав народа, говоря современным юридическим языком; верховная власть

принадлежит не народу, а той Высшей силе, которая указывает цели жизни человеческой. Власть Царя — миссия, свыше данная, она — служение, подвиг, а не привилегия. Монарх — лишь выразитель веры народа, а не представитель его воли.

Власть Царя не безгранична, она ограничена самим идеалом власти, целью ее. Курбскому он пишет, что ничего не требовал против веры, и потому тот не имеет законной причины неповиновения. «Не токмо ты, но все твои согласники и бесовские служители не могут в нас того обрести». Когда иезуит Антоний Поссевин предложил Ивану IV **составить суждение по вопросам веры**, тот отослал его к митрополиту, объявив, что некомпетентен высказывать решающее суждение по этим вопросам.

Лишь в отношении своих советников — бояр и вельмож он считал себя властью неограниченной. «Ты пишешь в своей бесосоставной грамоте, чтобы рабам помимо господина обладать властью, — пишет он Курбскому. — Это ли, совесть прокаженная, чтобы царство свое в руке держать, а рабам своим давать властвовать? Это ли противно разуму — не хотеть быть обладаемому своими рабами? Это ли — Православие пресветлое — быть под властью рабов? Как же самодержец наречется, аще не сам строит?»

Но как меняется язык Царя Грозного, когда он говорит не перед «собаками и изменниками», а перед святителями Церкви. Открывая Стоглавый Собор, он обращается с такой речью: «Ныне молю вас, о богособранный Собор, ради Бога и Пречистой Богородицы и всех святых трудитесь для непорочной и Православной веры, утвердите и изъясните, как предали нам св. отцы по Божественным правилам, и, если бы при-

шлось, даже пострадайте за Имя Христово, хотя вас не ожидает ничего кроме труда и разве еще поношения от безумных людей: на то я и собрал вас. А сам я всегда готов вместе и единодушно с вами исправлять и утверждать православный закон, как наставит нас Дух Святой. Если, по нерадению вашему, окажется какое-либо нарушение Божественных правил, я в том непричастен, и вы дадите ответ перед Богом. Если я буду вам сопротивлен, вопреки Божественных правил, вы о том не молчите; если буду преслушником, воспретите мне без всякого страха, да жива будет моя душа, да непорочен будет православный христианский закон и да славится Пресвятое Имя Отца и Сына и Святаго Духа». В делах, связанных с вопросами веры, Грозный считал себя связанным правилами Церкви, а в земных делах мыслил себя лишь орудием Промыслительной Десницы, ища наставления и руководства в святительском благословении и молитвах.

В такой постановке отношений государство не упраздняет Церкви, не отделяется от нее, не подчиняет ее себе, не заменяет ее собой, а принимает ее как нечто существующее и данное, вступая с ней в единение без устранения собственной самостоятельности. Высшая церковная власть в лице своей канонической организации освященного Собора и главного епископа — митрополита Московского всегда была помощником Грозного в устройстве дел земских. Грозный дал такое построение в своей речи на Стоглавом Соборе государственно-церковным отношениям, которое исходило из признания различия сфер действий государства и Церкви, но в то же время признавало необходимость их единения без недопустимого слияния. Принадлежа к Церкви, он сам ей подчинялся, призна-

вая за руководство ее нравственные требования и направляя государственное строительство в духе Церкви. Образец этого давала ему Византия.

Он понимал, что Церковь дает народу его мирозерцание, цели жизни и, обращаясь к ней за содействием в деле воспитания народа, он признавал за ней самостоятельную нравственную силу. В подчинении этой силе его самодержавие находило твердый и непоколебимый оплот. И понятие самодержавия как власти самодовлеющего идеала, подвига личности, освященного Церковью, рукоположением и таинством Миропомазания, перешло неприкосновенным и в Основные законы: «Власти Самодержавного Монарха повиноваться не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает», — гласит ст. 1. И когда имп. Николай II ограничил осуществление законодательной власти сотрудничеством Государственного Совета и Государственной думы, слово «неограниченный» было выпущено из определения его власти, но осталось определение власти как самодержавной; иначе не могло и быть, ибо нравственный идеал жертвенного подвига лишь тогда перестанет быть принципом высшей верховной власти, когда Россия перестанет быть православной. Но пока еще живет в сердцах русских Православие, и в Основных законах русских есть ст. 62: «Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть христианская, православная, католическая восточного исповедания».

Царь Грозный созывал Земские Соборы и для законодательства русского, и для решения высших правительственных вопросов из всех чинов Московского государства. Мы видели, что он не признавал за подданными никаких политических прав в отношении к

Царю — власти Богоустановленной, и у него, конечно, не было и мысли видеть в Земском Соборе представительство власти народа как верховного вершителя дел. Верховной властью была его царская власть, и все права ее вытекали из ее обязанностей, миссии, свыше возложенной; права его были ограничены не правами подданных, а их обязанностями по отношению к Богу. Где верховная власть требует неповиновения Богу, там кончается повиновение ей, ибо она выходит тогда из своей компетенции. Но подданные обязаны содействовать Царю в устройстве государственных дел, когда он призывает их, и решать их, когда он им приказывает это; само право на это определяется их обязанностью содействия Царю.

В этом построении — коренное и неистребимое отличие от демократического построения народного представительства на принципе народного суверенитета, лежащего в основе современного конституционного права. Там действительную верховную власть имеет численное большинство, перед волей которого склоняются и законодательные палаты, и монарх, царствующий волею народа. В основе этого построения лежит гуманистическая вера в то, что неповрежденный от природы человек может наилучше направить жизнь, руководясь только своим разумом и волей. Здесь само государство представляет для людей интерес по преимуществу как высшее орудие для охраны безопасности, права и свободы, на которые каждый имеет одинаковые права.

Этому космополитическому и либерально-эгалитарному принципу государственного строения самодержавно-монархический строй противопоставляется как антипод: здесь верховная власть, построен-

ная на обязанности, миссии, подвиге, не имеет других ограничений, кроме ограничений в Церкви и тех, которые она сама на себя налагает; пределом ее являются не права гражданина, а их более высокие обязанности перед Богом; на все гражданско-политическое строе-ние налагается печать не механической уравни-тельности, а по преимуществу соответствия прав обязан-ностям. Принципиально не обязанности определяются правами, а права — обязанностями.

В первом случае высшая воля народа в принци-пе ничем не ограничена, и, по выражению английских юристов, парламент может все, кроме превращения мужчины в женщину. Во втором случае самодержав-ный носитель власти признает себя подчиненным Высшей силе Промысла Божия, и народ подчиняется ему как помазаннику Божию, то есть посреднику — орудию Его Промысла. Те, кто не смиряется перед та-кою властью, не понимает ее и не повинуется, — лишь «безводные облака, носимые ветром, ропотники, ни-чем не довольные, поступающие по своим похотям, обещающие другим свободу, а сами — рабы тления».

В апостольском учении политическое своеволие есть проявление общего своеволия, вытекающего из непонимания главной цели жизни. Апостол освящает принцип власти как службу, Богом указанную, и кладет границы для повиновения кесарю в необходи-мости воздавать Божие Богу. Понятие христианской вла-сти как подвига-служения совершенно неотделимо от христианского учения и мирозерцания.

При гуманистическом воззрении совершенно не-понятно такое возвышение одного человека, которое происходит при монархии, но когда люди исповедуют не обожествление человека, а лишь святость подвига,

освященного Церковью, тогда они, напротив, не могут понять, во имя чего они будут повиноваться другим без наличия этого освященного подвига, который может нести только личность как носитель религиозно-нравственного сознания.

Не к раболепству перед людьми, а к смирению и подвигу призывает православное учение; смирение и подвиг — его основа; без него нет Православия, и «Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме православной», — гласит ст. 63 Основных законов.

Власть Православного монарха вытекает из православного мирозерцания и без него даже непонятна. Ее создает то мирозерцание, которое не верит в одни силы человеческие, но, уповая на Промысл Божий, полагает, что «кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец». Только указанный Промыслом в силу рождения, верный Церкви, помазанный ею и хранитель ее веры признается достойным устройтелем политической жизни.

Учение Грозного об основах власти, понятие о самодержавии как о власти, обязанной собственному праву по нравственному подвигу в силу Промысла Божия, «доведшего искру благочестия до Русского Царства и скипетродержавие до нас, смиренных», и не опирающейся на «многомятежного человечества хотение», остается основой русского права по Основным законам, непоколебленной ни Смутой XVII в., ни смутой 1905 г.

М. Зызыкин

ЧАСТЬ I ПОСЛАНИЯ

Первое послание Курбскому

(1564)

Царево государево послание во все
его Российское царство об измене
клятвопреступников, князя Андрея
Курбского с товарищами¹

Бог наш Троица, всегда бывший и ныне сущий, Отец и Сын и Святой Дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, которым цари царствуют и властители пишут правду; Богом нашим Иисусом Христом дана была едиnorodного слова Божия победоносная непобедимая хоругвь — крест честной первому во благочестии царю Константину², всем православным царям и сберегателям православных. И после того как исполнилась воля провидения и божественные слуги Божьего слова, как орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия дошла и до Российского

царства. По Божьему изволению начало самодержавия истинно православного Российского царства — от Великого Князя Владимира³, просветившего всю Русскую землю святым крещением, и от Великого царя Владимира Мономаха, который получил от греков достойнейшую честь, и от храброго Великого государя Александра Невского, одержавшего победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы Великого государя Димитрия⁴, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами, вплоть до мстителя за несправедливости, деда нашего, Великого Князя Ивана⁵, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего Великого государя Василия⁶, и до нас, смиренных, скипетродержателей Российского царства. Мы же хвалим Бога за премногую милость к нам, что не допустил он деснице нашей обагриться единоплеменной кровью, ибо мы не отняли ни у кого царства, но по Божию изволению и по благословению своих прародителей и родителей как родились на царстве, так и были воспитаны и выросли, и Божиим повелением воцарились, и взяли все родительским благословением, а не похитили чужое. Да будет известно повеление этой истинно православной христианской самодержавной власти, владеющей многими землями, и да примет наш христианский смиренный ответ бывший истинно православный христианин и наш боярин, советник и воевода, ныне же отступник честного и животворящего креста Господня⁷, и губитель христиан, и служитель врагов христианства, отступивших от поклонения божественным иконам, и пренебрегших всеми божественными священными повелениями, и разоривших святыне храмы, осквернивших и низвергнувших священные сосуды и образа⁸,

как Исавр, Навозоименный⁹ и Армянин, вступивший с ними в союз, князь Андрей Михайлович Курбский, изменнически пожелавший быть Ярославским князем¹⁰.

Зачем ты, о князь, отверг свою единокровную душу, если ты мнишь себя благочестивым? Чем ты заменишь ее в день Страшного Суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть все равно похитит тебя, — зачем же ты по ложному совету своих преданных бесу друзей и прислужников за тело предал душу, если даже ты и побоялся смерти? И всюду, как бесы во всем мире, так и ваши друзья и слуги, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам разнообразными способами, всюду раскинули сети и по обычаю бесов следят за нами, наблюдая, куда мы идем, что говорим, и, воображая, что они бесплотны, они составляют против нас оскорбления и укоризны, приносят их к вам и позорят нас на весь мир. Вы же за это злодеяние даете им многие награды нашей же землей и казной, ложно называя их слугами, и, наполнившись этими бесовскими слухами, словно змеиным ядом, вы, разъярившись на меня и душу свою погубив, принимаетесь разрушать Церковь. Не думай, что это справедливо — разъярившись на человека, восстать на Бога: одно дело — человек, даже носящий на себе царскую порфиру, а другое дело — Бог. Думаешь, окаянный, что убережешься? Никак! Если ты пойдешь вместе с ними воевать, придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; где руками не дерзнешь, там это сотворится из-за смертоносного яда твоей мысли. Представь же себе, как во время нашего воевания войска конские копыта будут попирать и давить нежные тела младенцев! Когда же зимой наступают, совершаются еще большие жестокости. И разве же

твой злодейский поступок не похож на неистовство Ирода, совершившего убийство младенцев? Это ли благочестие — совершать такие злодеяния? Если же ты скажешь, что мы тоже воюем с христианами — германцами и литовцами, то это — не то же самое. Даже если бы в этих странах были христиане — то ведь мы воюем по обычаям своих прародителей, как и прежде многократно случалось; но сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан, кроме мелких служителей Церкви и тайных рабов Господних. Кроме того, и война с Литвой совершилась из-за вашей же измены, недоброхотства и безрассудного нерадения¹¹.

Ты же ради тела погубил душу, презрел вечную славу ради мимотекущей и, на человека разъярившись, на Бога восстал. Пойми, бедный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылись на тебе слова: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». Это ли твое благочестие, что ты погубил себя не во имя Бога, а из себялюбия? Могут и там понять твое злодеяние те, кто поумнее: ты бежал не от смерти, а желая мимотекущей славы и богатства. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, зачем ты убоялся мученической смерти, которая не есть смерть, но приобретение? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоялся смертного приговора из-за лжи и клеветы твоих друзей, слуг сатаны, то это показывает только ваши всегдашние изменнические умыслы! Зачем ты презрел апостола Павла, говорящего: «Всякая душа да повинуется властям; нет власти не от Бога; тот, кто противится власти, — противится Божьему повелению»? Смотри и разумей: кто противится власти — противится Богу; а кто противится Богу, тот называется отступником, а это — наихуд-

ший грех. А ведь это сказано о всякой власти, даже о власти, приобретенной кровью и войной. Вспомни же сказанное выше, что мы ни у кого не похитили престола, — кто противится такой власти, тем более противится Богу! Тот же апостол Павел, слова которого ты презрел, говорит в другом месте: «Рабы! Слушайтесь своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но, как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». Вот воля Господня — пострадать, делая добро! Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивного владыки, пострадать и приобрести мученический венец?

Но ради временной славы, себялюбия и сладостей мира сего ты попрал все свое душевное благочестие и христианскую веру; ты уподобился семени, попавшему на камень и выросшему, но из-за солнечного зноя, то есть из-за одного ложного слова, соблазнился, и отпал, и не сотворил плода; из-за ложных слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там веру в Бога и покорность нам и подчинил тебя своей воле. Во всех божественных писаниях сказано, что дети не должны противиться родителям, а рабы — господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись лжи от отца своего дьявола, будешь утверждать, что бежал от меня ради веры, то — жив Господь мой, жива душа моя — не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, этого греха во мне не найдете. Надемся еще милостию Бога Слова и его Пречистой, заступницы христианской, милостью Матери и молитвами всех святых дать ответ в этом не только тебе, но и тем, кто попрал святые иконы, отверг божественную тай-

ну христианства и отступил от Бога (ты же вступил с ними в дружескую связь)¹², надеемся обличить их нечестивость и выступить на защиту благочестия, дабы воссияла благодать.

Как же ты не устыдился раба своего Васьки Шибанова¹³? Он ведь и у порога смерти сохранил свое благочестие и, стоя перед Царем и перед всем народом, не отрекся от присяги тебе, восхваляя тебя и стремясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков — ибо по Божьему изволению Бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили нам до смерти и завещали своим детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушил присягу на кресте, присоединился к врагам христианства и к тому же еще, не сознавая собственного злодействия, обращаешься к нам с нелепыми и тупоумными речами, словно в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить со своим господином так, как поступил он.

Писание твое принято и [вразумлено веятельно]¹⁴. Змеиный яд у тебя под языком, и поэтому хоть письмо твое и наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни; как сказал пророк: «Уста их мягче елея, но в них — стрелы». Так ли обучен ты, христианин, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от Бога данному, как делаешь ты, изрыгая бесовский яд? В начале твоего письма, которое ты написал не размыслив, содержится наватская ересь, ибо ты, подобно Навату, требуешь от человека такого покаяния, которого не позволяет человеческая

природа. Ты прав, что мы были просвещены светом православия — как тогда, так и теперь мы веруем истинной верой в истинного и живого Бога. Но когда ты пишешь, что [мы выступили] против, и [прибавляешь]: «разумевай, имеющий прокаженную совесть», — тут ты впадаешь в наватскую ересь¹⁵ и не думаешь о евангельских словах: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит; лучше было бы ему, если бы привесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской». В слепоте твоей злобы ты не способен видеть истину; и если уж ты считаешь себя достойным стоять у престола Всевышнего, всегда служить с ангелами и собственными руками заклать жертвенного агнца для спасения мира, то зачем же ты все это поправил и со своими дьявольскими советниками обрек нас своими лукавыми замыслами на многие страдания? Вы ведь еще с юности, подобно бесам, поколебали мое благочестие и державу, полученную мною от Бога и от моих прародителей, взяли под свою власть¹⁶. А это ли совесть прокаженная — держать свое царство в руке и не давать господствовать своим рабам? Это ли противно разуму — не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли православие пресветлое — быть под властью и повелением рабов?

Так обстоит дело с мирскими делами; в духовных же и церковных делах, если я и совершил небольшой грех, то только из-за вашего же соблазна и измены; кроме того, и я — человек; нет ведь человека без греха, один Бог безгрешен; это ты только считаешь себя человеком, равным ангелу. А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управ-

ляют. А русские самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! А ты этого в своей злобе не смог понять, считая благочестием, когда самодержавие находится под властью известного попа¹⁷ и под вашим злодейским повелением. А это, по-твоему, нечестие, когда мы сами обладаем властью, данной нам от Бога, и не хотим быть под властью попа и под вашим злодейским повелением. Когда же Божьей милостью, заступничеством Пречистой Богородицы, молитвами всех святых и родительским благословением я не дал вам, злодеям, погубить себя — это значит, по-твоему, что я выступил против православия? Сколько зла я тогда от вас претерпел! Но об этом напишу подробнее ниже.

Если же ты вспоминаешь о том, что мы не твердо соблюдали церковные обряды и устраивали игры, то ведь это тоже было из-за вашего коварного поведения, ибо вы исторгли меня из спокойной духовной жизни и по-фарисейски взвалили на меня тяжелое бремя, а сами ни одним пальцем не помогли его нести, поэтому я и не соблюдал церковных обрядов — частью из-за забот царского правления, вами подорванного, частью — чтобы избежать ваших коварных замыслов. Устраивал же я игры¹⁸, снисходя к человеческим слабостям, ибо вы много народа увлекли вслед коварным замыслам, устраивал для того, чтобы они нас, своих государей, признали, а не вас, изменников, подобно тому, как мать разрешает детям всяческие забавы, пока в младенческом возрасте, ибо когда они вырастут и превзойдут родителей умом, то откажутся от этих забав сами, или подобно тому, как Бог разрешил евреям приносить жертвы — лишь бы Богу приносили, а не бесам. А чем они у вас привыкли забавляться?

А не в этом ли заключается мое отступничество, что я не дал вам погубить себя? А ты зачем погубил свою душу и разум, нарушив крестное целование, — не из-за страха ли смерти? Советуешь нам то, чего сам не делаешь! По-наватски и по-фарисейски рассуждаешь: по-наватски потому, что требуешь от человека большего, чем позволяет человеческая природа, по-фарисейски же потому, что, сам не делая, требуешь этого от других. Но хуже всего ваши укоры и оскорбления, которые вы начали наносить мне уже давно и продолжаете до сих пор, ярясь, как дикий зверь, и учиня измену, — в этом ли заключается ваша усердная и верная служба, что вы меня оскорбляли и укоряли? Дрожите, как одержимые, а сами, предвосхищая Божий суд и заменяя его своим судом, устроенным вашими начальниками, попом и Алексеем¹⁹, осуждаете меня, как собаки. И этим вы противитесь Богу и всем святым, прославившимся постом и подвигами, ибо они нередко подавали руку впадавшим во грех и вновь подымавшимся (нет беды в том, чтобы подыматься!) и страждущим и подымали из пропасти греха <...>, которых ты отверг бы! Так же как эти святые страдали от бесов, так и я от вас пострадал.

Что ты, собака, совершив такое злодеяние, пишешь и жалуешься! Чему подобен твой совет, смердящий гнуснее кала? Или, по-твоему, праведно поступили те твои дьявольские единомышленники, которые сбросили монашескую одежду и пошли воевать против христиан? Скажете, что это было насильственное пострижение? Но не так это, не так! Разве не говорил Иоанн Лествичник²⁰: «Видел я насильственно обращенных в монахи, которые стали праведнее вольных»? Чего же вы им не подражаете, если вы благочестивы?

Много было насильно постриженных, и получше Тимохи²¹, — даже среди царей, а они не оскверняли монашества. Тем же, которые дерзали расстричься, это на пользу не пошло — их ждала еще худшая гибель, телесная и душевная, как было с князем Рюриком Ростиславичем Смоленским, постриженным по приказу своего зятя Романа Галичского. А посмотри, как была благочестива его княгиня: он захотел освободить ее от невольного пострижения, но она предпочла вечное царство преходящему и приняла схиму; он же, расстригшись, пролил много христианской крови, грабил святые церкви и монастыри, истязал игуменов, попов и монахов и, в конце концов, не удержал своего княжения и даже памяти о нем не осталось. Много было таких случаев и в Царьграде: одним были отрезаны носы, другие же, которые сбросили монашескую одежду и вновь заняли царский престол, были за это наказаны — на этом свете жесточайшей казнью, а на том бесконечными муками, ибо совершили это из гордости и честолюбия. Так было с государями, а с подданными еще хуже! Всякого, кто отречется от ангельского монашеского чина, ждет Божий суд. Те же, которые были пострижены недавно по решению Великого Собора и снова вернули себе прежнее достоинство, совершили еще больший грех, чем прежние преступники, не дерзнувшие это сделать.

Это ли ваше благочестие, что вы совершаете такие дьявольские нечестивые дела? Или ты думаешь, что ты — Авенир, сын Нира, храбрейший во Израиле, если позволяешь себе в своей надменности писать такие дьявольские послания? Но и тогда что произошло во Израиле? Когда убил его Иоав, сын Саруя, тогда не стало во Израиле сильных мужей. Скажешь,

что вы с Божьей помощью одержали славные победы над противниками? Но напрасно ты все время так надменно хвалишься! Вспомни опять о том, кто сотворил подобно тебе, — если любишь Ветхий Завет, с ним и сравним тебя: помогла ли военная храбрость Авениру, когда он бесчестно поступил со своим господином, соблазнил Ресфу, жену Саула, и, уличенный в этом сыном Саула Мемфивосфеем, разгневался, изменил Саулу и затем погиб? Ты подобен ему своими дьявольскими поступками и надменным стремлением к почестям и богатству. Как Авенир посягнул на супругу своего господина, так и ты посягаешь на Богом данные ему города и деревни, совершая столь же дьявольский и бесчестный поступок. Или ты напомним мне плач Давидов? Но хотя этот царь был праведен и не хотел совершать убийства, нечестивые погибли своей смертью. Видишь, что бранная храбрость не помогает тому, кто не чтит своего господина. Приведу тебе еще пример Ахитофела: он подобно тебе составлял коварный заговор, подговаривая Авессалома против отца, — и как же он был наказан за это! Весь его замысел рассыпался в прах благодаря одному старцу; весь Израиль был побежден небольшим числом людей; он же окончил свою жизнь, удавившись. Так было раньше, так бывает и теперь: Божья благодать обнаруживается в немощах, и ваше дьявольское восстание на Церковь рассыпает сам Христос. Вспомни также древнего отступника Иеровоама, сына Навата, как он отделился от Израиля с девятью племенами, создал царство в Самарии, отрекся от Бога живого и стал поклоняться тельцу и как царство в Самарии пришло в смятение; царская власть там не удержалась, и вскоре оно погибло; Иу-

дейское же царство было хоть и мало, но грозно и существовало, пока этого желал Бог <...>.

Как же ты не смог понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? Апостол сказал: «К одним будьте милостивы, с рассмотрением, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели же ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать споры своих подданных?

Как же тебе не стыдно именовать мучениками злодеев, не разбирая, за что они пострадали? Апостол восклицал: «Тот, кто незаконно, то есть не за веру, подвергнется мученичеству, не достоин мученического венца»; божественный Златоуст и великий Афанасий²² в своем исповедании говорили: воры, разбойники, злодеи и прелюбодеи предаются пыткам, но они не мученики, ибо они мучимы за свои грехи, а не во имя Бога. Божественный же апостол Петр говорил: «Лучше пострадать за добро, чем за зло». Разве ты не видишь, что никто не восхваляет мучения творивших зло? Вы же, уподобляясь дьявольским поведением змее, изрыгая яд, не разбираете ни обстоятельств, ни покаяния, ни преступности человека, а хотите только с бесовской хитростью прикрыть свою коварную измену лживым названием.

Разве же это противно разуму — сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он ради царства убил собственного сына!²³ А князь Федор Ростиславич, ваш предок, сколько крови пролил в Смоленске во время Пасхи! А ведь они причислены к святым. А как же Давид, избранный Богом, когда его не приняли в Иерусалиме, приказал убивать иевусеев²⁴ — хромых и слепых, ненавидящих душу Давидову? Или, по-твоему, и те, не желавшие принять данного Богом царя, — тоже мученики? Как же ты не задумался над тем, что такой благочестивый царь обрушил свой могучий гнев на немощных рабов? Но разве нынешние изменники не совершили такого же злодейства? Они еще хуже. Те только попытались помешать царю вступить в город, но не сумели этого сделать; эти же, нарушив клятву на кресте, отвергли уже принятого ими, данного им Богом и родившегося на царстве царя, и сколько могли сделать зла, сделали — словом, делом и тайным умыслом; почему же эти менее достойны злейших казней, чем те? Ты скажешь: «Те действовали явно, эти же тайно»; но потому-то ваше дьявольское злодейство еще преступнее: люди видят ваше доброхотство и службу, а в сердцах ваших злодейские замыслы и стремление к гибели и разорению; устами благословляете, а сердцем проклинаете. Немало и иных было царей, которые спасли свои царства от беспорядка и отражали злодейские замыслы и преступления подданных. И всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым являть милосердие и кротость, злым — жестокость и расправы. Если же этого нет, то он — не царь, ибо царь заставляет трепетать не добро творящих, а зло. Хочешь не бояться

власти? Делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных. Если же ты добр и праведен, то почему, видя, как в царском совете разгорелся огонь, не погасил его, но еще сильнее разжег? Где тебе следовало разумным советом уничтожить злодейский замысел, там ты еще подбавил сорных трав. И сбылось на тебе пророческое слово: «вы, которые возжигаете огонь, ходите в пламень огня вашего, который вы сами разожгли». Как ты сходен с Иудой-предателем! Так же как он ради богатства разъярился и отдал на убиение общего Повелителя, проживая среди его учеников, а веселясь с иудеями, так и ты, пребывая у нас, ел наш хлеб и соглашался служить нам, а в душе копил злобу на нас. Так-то ты выполнил присягу, скрепленную крестным целованием, — желать нам добра без всякой хитрости? Что же может быть подлее твоего коварного умысла? По словам премудрого, «нет головы, подлее змеиной», также и нет злобы подлее твоей злобы.

Почему же ты взялся быть учителем моей душе и телу? Кто тебя поставил судьей или властителем надо мной? Разве же ты дашь ответ за мою душу в день Страшного Суда? Апостол Павел говорит: «Как веруют без проповедующего и как проповедуют, если не будут на то посланы?» Так было в пришествие Христова; ты же от кого послан? И кто тебя сделал архиереем и позволил принять на себя учительский сан? Апостол Иаков это отвергает <...>.

Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежи и злодеев-изменников, а царь им повинуетя? А это, по-твоему, противно разуму и порождено прокаженной совестью, когда невежда вынужден молчать, зло-

деи отражены и царствует Богом поставленный царь? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попом. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам?²⁵ Так пусть эта гибель падет на твою голову! <...>

Неужели же это свет — когда поп и лукавые рабы правят, царь же только по имени и по чести — царь, а властью нисколько не лучше раба? И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет? Апостол Павел писал галатам: «Наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба; он подчинен управителям и наставникам до срока, отцом назначенного». Мы же, слава Богу, дошли до возраста, отцом назначенного, и нам не подобает слушаться управителей и наставников.

Скажешь, что я, поворачивая туда и сюда, пишу все одно и то же? Но в этом виноваты прежде всего ваши злодейские замыслы, потому что вы с попом решили, что я должен быть государем только на словах, а вы — на деле; потому все так и случилось, что вы до сих пор не перестаете затевать злодейские замыслы против меня. Вспомни, когда Бог избавил евреев от рабства, разве он поставил над ними священника или многих управителей? Нет, он поставил над ними единого царя — Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но Аарону зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от Бога. Видишь сам, что не подобает священникам творить царские дела! Также когда Дафан и Авирон захотели захватить

власть — вспомни, как они были наказаны за это гибелью и к какой гибели привели многих сынов Израиля? Того же и вы, бояре, достойны! После этого судьей над Израилем был поставлен Иус Навин, а священником — Элеазар, и с тех пор, до времен жреца Ильи, господствовали судьи: Иуда, Варак, Еффа, Геден и многие другие. И как мудро они боролись с врагами и спасали Израиль! Когда же жрец Илья взял на себя и священство, и царскую власть, то, хотя он сам был праведен и добр, все соблазнились богатством и славой, сыновья его Офний и Финеес отступили от истины, и погиб он сам и его сыновья, весь Израиль был разбит, и киот с заповедями Господними подвергался пленению вплоть до времени царя Давида. Не видишь разве, что власть священника и управителя с царской властью не совместима? Это из ветхозаветной истории, то же бывало и в Римском царстве и после Христова пришествия в Греческом царстве²⁶, когда там осуществлялись злодейские замыслы, подобные вашим. Август-кесарь ведь обладал всей вселенной: Аламанией²⁷, Далмацией, всеми италийскими землями, готами, сарматами, Афинами, Сирией, Киликией, Азией, Междуречьем, Каппадокийскими странами, городом Дамаском, Божьим городом Иерусалимом, Александрией, Египтом, вплоть до Персидской державы, — все это было много лет под единой властью, вплоть до благочестивейшего царя Константина Флавия. Но после него его сыновья разделили власть: Константин в Царьграде, Констанции в Риме, Конста же в Далмации. С этого времени Греческая держава стала делиться и оскудевать. И снова, при царе Маркиане, в Италии многие князья, управлявшие отдельными областями, восстали, подобно тому как делаете вы; в царствование Льва Ве-

ликого каждый из них захватил себе особую область, например в Африке рига Зинзирих²⁸ и другие. И с тех пор прекратился всякий порядок в Греческом царстве — только и делали, что боролись за власть, честь и богатство и гибли в междоусобной борьбе. Особенно же стала ослабевать греческая вера и власть в царствование Анастасия Дикороса Драчанина, ибо в это время начали нападать персы и захватили Месопотамскую митрополию, а многие воины восставали, как, например, Виталик, и подступали с войском к стенам Константинополя. Очень ослабела греческая власть и при Маврикии. Но даже когда при Фоке-мучителе персидский царь Хозрой захватил Фракию и Ираклию досталось сильно уменьшенное царство, духовные, ипаты²⁹ и весь царский совет не перестали воевать между собою из-за власти и богатства и захватывать города, области и имения, а Греческое царство из-за этого все более распадалось. В царствование Юстина Курносого греки снова потерпели поражение от варваров, и было перебито множество воинов. В это время отделились Болгарская держава и Церковь, а духовные, советники и все управители не переставали тем временем бороться из-за власти и не упускали случая приобрести новые имения и богатства в городах и областях <...>.

Так как же, по вашему дьявольскому мнению, можно угождать таким людям? <...>

Потом, в царствование Апсимара, Филиппика и Феодосия-Бороды Адрамического персы захватили у греков Дамаск и Египетскую державу; затем, при Константине Навозоименном от Греческого царства отложились скифы, а при Льве Армянине, Михаиле Аморене и Феофиле отторгся Рим со всей Италией; после этого все они избрали себе в цари латинского

князя Карла³⁰ из земли внутренних фрягов и во многих италийских странах поставили себе собственных королей, князей, властителей и управителей. Также и в Нейстрии, и в Испании, и в Далмации, и у французов, и в Верхне-Немецкой земле, и у поляков, и у литовцев, и у готов, и у валахов, и у молдаван, также и у сербов и болгар, когда они отделились от Греческого царства, установилась своя власть, а Греческое царство из-за этого еще больше распалось. В царствование же Михаила и Феодоры благочестивых персы захватили Божий город Иерусалим, Палестинскую землю и Финикийские страны: столица пришла в еще больший упадок и испытывала частые потрясения от нашествий и войн, а тем временем духовенство и советники не оставляли своих зловредных привычек и не только не беспокоились о таком разорении царства, но как бы сном считали эту гибель. Ведь вы также, подобно им, злодейски желаете себе славы, чести и богатства сверх меры, на гибель христианству! До того времени греки брали со многих стран дань, но потом сами стали платить дань — не по Божьей воле, а из-за беспорядка, подобного тому, который вы затеываете. Таким образом, столичный город все это время пребывал в упадке, вплоть до царствования Алексея, прозванного Дуккой Мурцуфлом, при котором столица была захвачена фрягами³¹ и попала в тяжелейший плен, и так погибла благочестивая и великолепная Греческая держава. Затем Михаил Палеолог изгнал латинян из Царьграда и вновь создал царство, ничтожное по силе; оно просуществовало до царя Константина, прозванного Дрогасом, а при нем явился за наши грехи безбожный Магмет, погасил Греческую державу и, подобно ветру или сильной буре, не оставил от нее ни следа³².

Подумай, какая власть создавалась в тех странах, где цари слушались духовных и советников, и как погибли эти страны! Неужели и нам посоветуешь так поступать, чтобы тоже прийти к гибели? Это ли благочестие — не подавлять злодеев, не управлять царством и отдать его на разграбление иноплеменникам? Этому, по-твоему, учат святители? Хорошо и поучительно! Одно дело — спасти свою душу, а другое дело — заботиться о телах и душах других людей; одно дело — отшельничество, одно дело — монашество, одно дело — священническая власть, а другое дело — царское правление. Отшельническая жизнь — жить подобно агнцу, который ничему не противится, или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницы; монахи же хотя и отреклись от мира, но имеют уже заботы, правила и даже заповеди, — если они не будут всего этого соблюдать, то совместная жизнь расстроится; священническая власть требует многих запретов, наказаний за вину; у священников существуют высшие и низшие должности, им разрешаются украшения, слава и почести, а инокам это не подобает; царской же власти позволено действовать страхом и запрещением и обузданием, а против злейших и лукавых преступников — последним наказанием. Пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. Прилично ли царю, например, если его бьют по щеке, подставлять другую? Это ли совершеннейшая заповедь; как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священнику подобает так делать, — пойми же поэтому разницу между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира существуют многие тяжелые наказа-

ния, хоть и не смертная казнь. Насколько же суровее должна наказывать злодеев царская власть!

Не может осуществиться и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители, и потому можешь понять, что это такое. Пророк говорил об этом: «Горе дому, которым управляет женщина, горе городу, которым управляют многие!» Как видишь, управление многих, даже если они сильны, храбры и разумны, но не имеют единой власти, будет подобно женскому безумию. Ибо так же, как женщина не способна остановиться на едином решении — то решит одно, то другое, так и многие правители царства — один захочет одного, другой другого. Вот почему желания и замыслы многих людей подобны женскому безумию. Все это я указал тебе для того, чтобы ты понял, какое благо выйдет из того, что вы будете владеть городами и управлять царством вместо царей, — имеющему разум следует это понять. Вспомни: «Не обращайтесь сердца к богатству и золоту, даже когда богатство умножается». Кто сказал эти слова? Не обладал ли он царской властью? Разве ему не подобало золото? Но он и не смотрел на золото, а ум его всегда был направлен к Богу и военным делам. Ты же подобен Гиезию, продавшему Божью благодать за золото и наказанному за это проказой; ибо ты тоже ради золота³³ ополчился против христиан. Апостол Павел восклицал: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей; ибо многие, как я часто говорил вам, а теперь говорю с плачем, поступают как враги Христовы; их Бог — чрево, слава их — в сраме, они мыслят о земном». Как же не назвать тебя врагом креста Хри-

стова, если ты ради славы, желая насладиться богатством и честью этого брэнного мира, презирая вечное будущее, научившись измене от своих прародителей и заранее приготовив злодейство в сердце своем, ты, «евший со мной хлеб, поднял на меня свою ногу», нарушил присягу и вооружился, чтобы воевать против христиан? Так пусть же подымется на тебя победоносное оружие Господне — крест Христов!

Как же ты называешь таких изменников доброжелателями? Так же как однажды в Израиле заговорщики, изменнически и тайно сговорившись с Авимелехом, сыном Гедеона от одной из жен, то есть от наложницы, перебили в один день 70 сыновей Гедеона, рожденных в беззаконии его женами, и посадили на престол Авимелеха, так и вы, задумав свою злую собачью измену, хотели истребить законных царей, достойных царства, и посадить на престол хоть и не сына наложницы, но дальнего родственника. Какие же вы доброжелатели и как же вы душу за меня полагаете, если, подобно Ироду, хотели погубить сосущего молоко младенца и меня и посадить на царство чужого царя? Так-то вы душу за меня полагаете и добра мне желаете? Будь это ваши дети, дали бы вы им вместо яйца — скорпиона и вместо рыбы — камень? Если вы злы — то почему умеете творить добро своим детям, а если добры — то почему же вы не творите того же добра нашим детям, что и своим? Но вы еще от прародителей научены совершать измену: как дед твой Михайло Карамыш вместе с князем Андреем Углицким затеял измену против нашего деда, Великого государя Ивана, так и отец, князь Михаил, с Великим Князем Димитрием-внуком причинял вред и готовил смерть нашему отцу, блаженной памяти Великому государю

Василию, так же и деды твоей матери Василий и Иван Тучков говорили пакостные и укоризненные слова нашему деду, Великому государю Ивану, так же и дед твой, Михайло Тучков, при кончине нашей матери, Великой царицы Елены³⁴, сказал про нее много надменных слов нашему дьяку Елизару Цыплятеву, и так как ты — змеиное отродье, то и изрыгаешь яд. Этим я тебе достаточно объяснил, почему твоему дьявольскому разуму противен тот, кто знает, у кого прокаженная совесть! В нашей же державе таких нет. А хоть отец твой, князь Михаил, много претерпел гонений и обид, но такой измены, как ты, он не совершил.

А когда ты писал: за что я перебил сильных во Израиле и данных Богом воевод различным смертям предал и их святую и победоносную кровь в церквах Божьих пролил, обагрив церковные пороги кровью мучеников и придумал неслыханные мучения, казни и гонения для своих доброжелателей, полагающих за нас душу, облыгая православных и обвиняя их в изменах, чародействе и других неподобающих поступках, — то ты писал и говорил ложь, как научил тебя отец твой дьявол, ибо сказал Христос: «Вы дети дьявола и хотите исполнить желания отца вашего, ибо он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». А сильных во Израиле мы не убивали, и неизвестно, кто еще сильнейший во Израиле, потому что Российская земля держится Божьим милосердием, милостью Пречистой Богородицы, молитвами всех святых, благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами. Мы не предавали своих воевод различным смертям — с

Божьей помощью мы имеем у себя много воевод и кроме вас, изменников. Мы же вольны награждать своих холопов, вольны и казнить.

Крови же в церкви мы никакой не проливали. Не знаем, что это за победоносная и святая кровь, — в нынешнее время о такой у нас ничего не было слышно. А церковные пороги, и не только пороги, но и помост и преддверия, мы, как только избавились от вашей бесовской власти, принялись украшать всяким добром, насколько хватает у нас сил и у наших поданных усердия³⁵, — это могут видеть и иноплеменики. Кровью же никакой мы церковных порогов не обагрjali; мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза расточают и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отвернувшегося), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат честно и не забывают (подобно зеркалу) порученной службы, то мы награждаем их великим жалованьем; те же, которые, как я сказал, оказывают противодействие, приемлют казнь по своей вине. А как в других странах карают злодеев, сам увидишь: там не по-здешнему! Это вы утвердили дьявольский обычай любить изменников; а в других странах изменников не любят: казнят их и тем усиливаются.

Мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали, если же ты говоришь об изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят. А что мы якобы облыгаем православных <...>, то, если уж я облыгаю [клеветшу], от кого же тогда ждать истины?

Что же, изменник, по твоему дьявольскому мнению, что бы они ни сделали, их и обличить нельзя? А облыгать мне их для чего? Из желания ли власти моих подданных, или их худого рублища, или чтобы пожирать их? Не смеха ли достойна твоя выдумка? Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов — множество воинов; кто же, имея разум, будет зря казнить своих подданных!

Выше я обещал подробно рассказать, как жестоко я страдал из-за вас от юности до последнего времени. Это известно всем (ты был еще молод в те годы, но, однако, можешь знать это): когда по Божьей воле, сменив порфиру на ангельскую одежду³⁶, наш отец, Великий государь Василий, оставил брненное земное царство и вступил на вечные времена в Царство Небесное предстоять перед Царем царей и Господином государей, мне было три года, а покойному брату, святопочившему Георгию³⁷, один год; остались мы сиротами, а мать наша, благочестивая царица Елена, — столь же несчастной вдовой, и оказались словно среди пламени: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы — литовцы, поляки, крымские татары, Надчитархан, нагаи, казанцы, а вы, изменники, тем временем начали причинять нам многие беды — князь Семен Бельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбегали в Литву — и куда только они не бегали, взбесившись! И в Царьград, и в Крым, и к нагаям, и всюду подымали войну против православных. Но ничего из этого не вышло: по Божьему милосердию и молитвам наших родителей все эти замыслы рассыпались в прах, как заговор Ахитофела. Потом изменники подняли на нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича³⁸, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду

(вот кого ты хвалишь и называешь доброжелателями, полагающими за нас душу!), а от нас в это время отложились и присоединились к князю Андрею многие бояре во главе с твоим родичем, князем Иваном Семеновичем, внуком князя Петра Львова-Романовича, и многие другие. Но с Божьей помощью этот заговор не осуществился. Не это ли то доброжелательство, за которое их хвалишь? Не тем ли они за нас душу полагают, что хотели нас погубить, а дядю нашего посадить на престол? Затем они изменническим образом стали уступать нашему врагу, великому князю литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель, — так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить губить родную землю ради славы, то вступают в союз с иноплеменниками — лишь бы навсегда погубить землю!

Когда же Божьей судьбой родительница наша, благочестивая царица Елена, переселилась из земного царства в Небесное³⁹, остались мы с покойным братом Георгием круглыми сиротами — никто нам не помог; осталась нам надежда только на Бога, Пречистую Богородицу, на всех святых и на родительское благословение. Было мне в это время восемь лет; подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас, государях своих, заботиться не стали, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга⁴⁰. И чего только они не наделали! Сколько бояр и воевод, доброжелателей нашего отца, перебили! Дворы, села и имения наших дядей взяли себе и водворились в них! Казну матери перенесли в большую казну и при этом неистово пихали ее ногами и кололи палками, а остальное разделили между собой. А ведь делал это

дед твой, Михайло Тучков. Тем временем князя Василия и Иван Шуйские самовольно заняли при мне первые места и стали вместо царя, тех же, кто больше всех изменял нашему отцу и матери, выпустили из заточения и привлекли на свою сторону. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея Ивановича, и его сторонники, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, на этом дворе захватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при нашем отце и при нас, и, опозорив его, убили; князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; подняли руку и на Церковь: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение и так осуществили свои желания и сами стали царствовать. Нас же с покойным братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или как нищих. Какой только нужды не натерпелись мы в одежде и в пище! Ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга на своих господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные тяжелые страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и पोест не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Всё расхитили коварным образом — говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; бесчисленную казну нашего деда и отца забрали себе и наковали себе из нее золотых и серебряных сосудов и надписали на них имена своих

родителей, будто это их наследственное достояние; но известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая⁴¹ зеленая на куницах, да еще на ветхих, — так если бы это было их наследственное имущество, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. Что касается казны наших дядей, то ее всю захватили. Потом напали на города и села, мучили различными способами жителей, без милости грабили их имущества. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами устраивали неправды и беспорядки, от всех брали безмерную мзду и за мзду все только и делали.

Так они жили долгое время, но, когда я стал подрастать, я не захотел быть под властью своих рабов; князя Ивана Васильевича Шуйского отправил служить вдали от себя, а при себе велел быть своему боярину князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав многих людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве⁴², и его советники, Кубенские и другие, еще до его приезда захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили; а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Потом князь Андрей Шуйский со своими единомышленниками явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, вытащили из палаты и хотели его убить. Тогда мы послали митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать

им, чтобы они его не убивали, и они, с неохотой послушавшись наших слов, сослали его в Кострому; при этом они оскорбляли митрополита, теснили его и разорвали на нем мантию с источниками⁴³ и толкали в спину наших бояр. Не это ли их доброжелательство, что они, вопреки нашему повелению, захватили угодных нам бояр и перебили их, предав мукам? Так ли они душу за государей своих полагают, что ходят на государей войной, сонмищем захватывают людей, и государю приходится сносить с холопами и упрямить своих холопов? Хороша ли такая верная служба? Поистине вся вселенная будет смеяться над такой верностью! Что и говорить о притеснениях, совершенных ими в то время? Со времени кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!

Когда же мы достигли пятнадцати лет⁴⁴, то взялись сами управлять своим царством, и, слава Богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи всегда раздражают Бога, то случился за наши грехи по Божьему гневу в Москве пожар⁴⁵, и наши изменники бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто наша бабка, княгиня Анна Глинская, со своими детьми и слугами вынимала человеческие сердца и колдовала и таким образом спалила Москву и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись сонмищем иудейским, с криками захватил в церкви Дмитрия Солунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского⁴⁶; оттуда его выволокли и бесчеловечно убили в Успен-

ском соборе напротив митрополичьего места, залив церковный помост кровью, и, вытащив его тело через церковные двери, положили его на торжище, как осужденного преступника. Это убийство в святой церкви всем известно, а не то, о котором ты, собака, лжешь! Мы жили тогда в своем селе Воробьеве, и те же изменники убедили народ убить и нас за то, что мы будто бы прятали у себя мать князя Юрия Глинского, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила⁴⁷. Такие измышления, право, достойны смеха! Чего ради нам самим в своем царстве быть поджигателями? Из родительского имущества у нас сгорели такие вещи, каких во всей вселенной не найдешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег! Во всем видна ваша собачья измена. Разве же можно кропить на такую высоту, как колокольня Ивана Великого? Это — явное безумие! В этом ли состоит достойная служба наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи сборища, убивают наших добрых бояр, да еще наших родственников? Этим ли душу за нас полагают, что всегда жаждут отправить нас на тот свет? Нам велит свято чтить закон, а сами нам в этом не следуют! Чего же ты, собака, хвастаешься военной храбростью и хвалишь за нее других собак и изменников? Господь наш Иисус Христос сказал: «Если царство разделится, то оно не сможет устоять»; кто же может вести войну против врагов, если его царство раздрается междоусобиями? Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: если в царстве нет благого устройства, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель недостаточно укрепляет войско, то ско-

рее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, не думая об этом, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается — это для тебя неважно; ты, оказывается, не только не укрепляешь храбрость, но сам ее подрываешь. И выходит, что ты — ничтожество; дома ты — изменник, а в военных делах ничего не понимаешь, если хочешь утвердить храбрость на самовольстве и междоусобных бранях.

Был в это время при нашем дворе собака Алексей⁴⁸, ваш начальник, еще в дни нашей юности неизвестно каким образом возвысившийся из батожников⁴⁹; мы же, видя измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на его верную службу. Каких почестей и богатства удостоили мы не только его, но и его род! Какой же верной службой он отплатил нам за это? Дальше услышишь. Потом для совета в духовных делах и спасения своей души взял я попа Сильвестра, надеясь, что он, человек, стоящий у престола Господня, побережет свою душу; он, коварный, начал сперва как будто творить благо, следуя Священному Писанию, и я, зная из Писания, что следует без сомнения покоряться добрым наставникам, повиновался ему добровольно, но по неведению; он же, удостоившийся при жизни нести серафимскую службу, попрал свой священнический обет и право предстать с ангелами у престола Господня, у которого всегда стремятся преклониться ангелы и где вечно приносится в жертву тожественный агнец, соблазнился властью, подобно жрецу Илье, и начал, подобно мирским, окружать себя друзьями. Потом собрали мы всех архиепископов, епископов и весь Священный Собор⁵⁰ русской митрополии и получили прощение от нашего отца и богомольца митрополита всея Руси Макария за то, что

мы в юности возлагали опалы на вас, бояр, и за то, что вы, бояре, выступали против нас; после этого мы вас, бояр, и всех прочих людей пожаловали, обещали об этом больше не вспоминать и признали всех вас верными слугами. Но вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: вместо духовных стали заниматься мирскими делами, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, отнимая от нас великолепие нашей власти, приучали вас прекословить нам и нас почти что равняли с вами, а вас — с мелкими детьми боярскими. Мало-помалу это зло распространилось, и он начал возвращать вам вотчины и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас, бросал вотчины словно на ветер и, нарушив уложение нашего деда, привязал этим к себе многих людей. Потом Сильвестр ввел к нам в совет своего единомышленника, князя Димитрия Курлятева, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своим единомышленником осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники, и всегда добиваясь своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас древней прародительской власти и права распределять честь и места между вами, боярами⁵¹, и передали это дело на ваше желание и усмотрение, как вам заблагорассудится и будет угодно, окружили себя друзьями и делали все по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас

не существовало, — все делали по своей воле и воле своих советников. Если мы предлагали даже что-либо хорошее — им это было неуютно, а их даже плохие и скверные советы считались хорошими!

Так было во внешних делах; во внутренних же, даже малейших и незначительных делах, мне ни в чем не давали воли: как обуваться, как спать — все было по их желанию, я же был как младенец. Неужели же это противно разуму, что взрослый человек не захотел быть младенцем? Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии, как ты сейчас написал в своей облыжной грамоте, а если последний из его советников говорит мне надменные слова, обращаясь ко мне не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, — это хорошо; кто нас послушается, сделает по-нашему — тому гонение и мука, кто раздражит нас или в чем-нибудь утеснит — тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь — пагуба моей душе и разорение царству! И так мы пребывали в таком гонении и утеснении, и росло это гонение не день ото дня, а час от часу; все, что было нам враждебно, — усиливалось, все же, что было нам по нраву, — уничтожалось. Вот какое тогда было православие! Кто сможет подробно перечислить все те притеснения, которым мы подвергались в житейских делах, во время путешествий и во время отдыха, в хождении в церковь и во всяких других делах? Вот как это было: они притворялись, что делают это во имя Бога, что творят такие утеснения не из коварства, а ради нашей пользы.

Когда же мы Божьей воле с крестоносной хоругвью православного христианского воинства ради защиты православных христиан двинулись на без-

божный народ казанский, одержали победу над этим бусурманским народом и со всем войском невредимые возвращались восвояси, — какое добро оказали нам люди, которых ты называешь мучениками? А вот какое: как пленника, посадив в судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и невернейшую землю! Если бы рука Всевышнего не защитила меня, наверняка бы я жизни лишился. Вот какво доброжелательство тех людей⁵², про которых ты говоришь, что они душу за нас полагают, — хотят выдать нас иноплеменникам!

По возвращении в царствующий град Москву Бог оказал нам милосердие и дал нам наследника — сына Димитрия⁵³; когда же немного времени спустя я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Алексеем во главе, восстали, как пьяные, решили, что нас уже не существует и, не заботясь о нашей душе и своих душах, забыв присягу нашему отцу и нам — не искать себе иного государя, кроме наших детей, — решили посадить на престол нашего отдаленного родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от Бога, погубить подобно Ироду. Говорит ведь древнее изречение, хоть и мирское, но справедливое: «Царь царю не кланяется, но, когда один умирает, другой принимает власть». Вот каким доброжелательством от них мы насладились еще при жизни, — что же должно было стать после нас! Когда же мы, слава Богу, выздоровели и замысел этот рассыпался в прах, поп Сильвестр и Алексей и после этого не перестали утеснять нас и давать злые советы, под разными предлогами изгоняли наших доброжелателей, во всем потакали князю Владимиру,

преследовали ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали.

В это время собака и изменник князь Семен Ростовский⁵⁴, который был принят нами в думу не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы литовским послам, пану Станиславу Довойно с товарищами, и говорил им оскорбительные слова про нас, нашу царицу и наших детей⁵⁵, мы же, расследовав это злодейство, наказали его, но милостиво. А поп Сильвестр после этого вместе с вами, злыми советниками своими, стал оказывать этой собаке всяческое покровительство и помогать ему всякими благами, и не только ему, но и всему его роду. Таким образом, после этого всем изменникам было хорошо, а мы терпели притеснения; ты также в этом участвовал: известно, что вы с Курлятевым-сыном хотели устраивать суд по делу Сицкого.

Когда же началась война с германцами⁵⁶, о которой дальше будет написано подробнее, поп Сильвестр с вами, своими советниками, жестоко на нас за нее восстал: когда за свои грехи заболел я, наша царица или наши дети, — все это, по их словам, случилось за наше непослушание им! Как не вспомнить немилостивый обратный путь из Можайска с больной царицей Анастасией? Из-за одного неподобающего слова! Молитв, путешествий к святым пустыням, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нас самих, нашей царицы и детей — всего этого нас коварно лишили, о врачебном же искусстве против болезни и помянуть нельзя было⁵⁷.

Пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы

человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, наказали их за все это, но милостиво: смертной казнью не казнили, а разослали по разным местам. Поп же Сильвестр, увидя, что его советники впали в ничтожество, ушел по своей воле⁵⁸, но мы, благословив его, не отпустили, не потому, чтобы устыдились его, но потому, что за его коварную службу и понесенные от него телесные и душевные страдания мы хотим судиться с ним не здесь, а в будущей жизни, перед агнцем Божиим. Поэтому и сыну его я и до сих пор позволил пребывать во благоденствии⁵⁹, только являться к нам он не смеет. Кто же, кроме тебя, будет говорить такую нелепость, что следует повиноваться попу? Видно, вы потому так говорите, что немощны слухом и не узнали как следует христианский монашеский устав, поэтому вы и требуете для взрослого человека учителя, словно молока вместо твердой пищи. Как я выше сказал, я не сделал Сильвестру никакого зла. Что же касается мирских людей, бывших под нашей властью, то мы наказали их по их изменам: сначала никого не казнили смертной казнью, но всем, кто не был с ними заодно, повелели с ними не общаться, в чем и была взята присяга; но те, кого ты называешь мучениками, и их сообщники презрели наш приказ и нарушили присягу, и не только не отстали от этих изменников, но стали им помогать еще больше и всячески старались вернуть их на первое место, чтобы устраивать против нас еще более коварные заговоры, и так как тут обнаружилась неуголимая злоба и непокорство, то виновные получили наказание, достойное их вины. Не из-за того ли, что я не подчинился тогда вашей воле, ты и попрекаешь меня отступничеством? Вы, бессовестные, привыкли нарушать клятвы ради

золота, — видно, вы и нам то же советуете? Скажу поэтому: избавь, Боже, нашу душу и все христианские души от этих Иудиных замыслов! Ибо, как Иуда ради золота предал Христа, так и вы, ради наслаждений мира сего, нарушив присягу, предали православное христианство и нас, своих государей.

В церквах же, как ты лжешь, казней у нас не было. Как я выше сказал, виновные понесли наказание по своим винам; все было так, как я рассказал, а не так, как ты лжешь, неподобающим образом называя изменников и блудников — мучениками, кровь их — победоносной и святой, наших врагов — сильными мучениками, отступников — воеводами; выше я указал, каково их доброжелательство и как они за нас полагают души. Нечего тебе говорить, ибо мы никого не облыгали, а измена их известна всему миру: если хочешь, можешь найти свидетелей этих злодейств даже среди варваров⁶⁰, приходящих к нам по торговым и посольским делам. Так это было; ныне же даже те, кто были в согласии с вами, вкусили все блага свободы и благосостояния, им не вспоминают их прежних проступков, и они находятся в прежней чести и богатстве.

Что же еще? Вы и на Церковь восстаете и не перестаете умышлять против нас всяческие злодейства, вступаете против нас в союз с иноплеменниками и подстрекаете их к истреблению христиан⁶¹; разъярившись на человека, вы, как я сказал выше, восстали на Бога и на Церковь; как сказал божественный Павел: «За что же гонят меня братья, если я и теперь проповедую обрезание? Тогда соблазн креста упразднился бы. Пусть же содрогнутся возмущающие нас!» И так же как им вместо креста было потребно обрезание, так вам вместо государственной власти потребно самоволь-

ство; но теперь ведь нет притеснений: почему же не прекращаете гонений?

Все это я излагаю тебе подробно, чтобы ты понял, почему твоему разуму противен тот, кто знает, у кого прокаженная совесть. Что же говорить о безбожниках, если во всей вселенной нет равных тебе по дьявольским замыслам! И всем ясно также, чего достойны те, которых ты, сочиняя небылицы, подобно Антенору⁶² и Энею⁶³, предателям троянским, называешь сильными воеводами и мучениками. Выше я показал, каковы их доброжелательство и душевная преданность; вся вселенная знает их ложь и измены.

Свет же во тьму я не превращаю и сладкое горьким не называю. Не это ли, по-твоему, свет и сладость, если рабы господствуют? И не это ли тьма и горечь, если господствует данный Богом государь, как я просто-напросто писал тебе выше? Ты ведь в своей облыжной грамоте писал, поворачивая разными словами, все одно и то же, восхваляя такой порядок, когда рабы властвуют помимо господ. Я же стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы они познали единого истинного Бога, в Троице славимого, и данного им Богом государя и отказались от междоусобных браней и преступной жизни, подрывающих царства. Это ли горечь и тьма — отойти от зла и сотворить добро? Это ведь и есть сладость и свет! Там, где царю не повинуются подданные, никогда не прекращаются междоусобные брани. Что может быть зловреднее обычая хватать для самого себя! Сам не зная, где сладость и свет, где горечь и тьма, других поучает. Не это ли сладость и свет — отойти от добра и начать творить зло среди самовластия и междоусобных браней? Всякому ясно, что это — не свет, а тьма и не сладость, а горечь.

О вине наших подданных и нашем гневе на них. До сих пор русские властители ни от кого не подвергались допросу, могли по своей воле жаловать и казнить своих подданных; до сих пор они ни с кем не судились, но если и подобает изъяснять их вины, то я сказал о них выше. Ты же называешь христианскими предстателями тленных людей, как это делалось в отвратительных сочинениях эллинов — они ведь уподобляли Богу Аполлона, Дия, Зевса и многих других скверных людей, как рассказывает Григорий, названный Богословом <...>. Им и ты уподобился по своим стремлениям, ибо тоже называешь тленных предстателями, не страшись наказания за дерзость. Так же как эллины почитали богов в соответствии со своими страстями, так и ты восхваляешь изменников, будучи изменником сам, так же как они вместо Бога чтили свои тайные страсти, так же и ты вместо правды восхваляешь вашу тайную измену. Мы же, христиане, верим в Иисуса Христа, прославляемого в Троице <...>. Мы называем предстателями Троидного Бога, которого познали через Иисуса Христа, и заступницу христианскую Пречистую Богородицу; имеем еще предстателей: Небесные Силы, архангелов и ангелов, — например, архангел Михаил был покровителем Моисея, Иисуса Навина и всего Израиля, он же был покровителем и для первого христианского царя Константина⁶⁴, незримо участвуя в его походах и побеждая его врагов, с тех пор и поныне он помогает всем благочестивым царям. Вот кто наши предстатели: Михаил, Гавриил и другие бесплотные Силы; молятся же за нас перед Богом пророки, апостолы, святители и мученики, добродетельные и святые и молчальники — мужчины и женщины. Вот кто предстатели христиан! Смертных же людей,

которых можно было бы назвать предстателями, мы не знаем: это название не только не подобает нашим подданным, но неприлично и нам, царям, — хотя мы и носим порфиру, украшенную золотом и бисером, но все же мы тленны и подвержены человеческим немощам. Ты же не стыдишься именовать изменников и смертных людей покровителями, хотя Христос говорил в святом Евангелии: «То, что для людей высоко, для Бога — мерзость». Ты же приписываешь изменникам, смертным людям не только человеческое величие, но и Божью славу! Подобно эллинам, ты в умоисступлении и неистовстве чтишь изменников, избирая их по своей страсти, как эллины чтили своих богов! Одни резали и всячески мучили себя в честь богов; другие, уподобляясь богам, предавались всяким страстям, как говорил божественный Григорий: они поклонялись скверне и жестокости; так и тебе подобает. И так же как они разделили участь своих прескверных богов, так и тебе следует разделить страдания твоих друзей-изменников и вместе с ними погибнуть. Так же как эллины называли скверных людей богами, так и ты неподобающим образом именуешь смертных людей мучениками, и поэтому следует и тебе устраивать в честь их праздники, плясать и гудеть, резать и мучить себя. Делай то же, что эллины: пострадай, как они, празднуя в честь своих мучеников!

А что ты писал, будто бы «эти предстатели покорили и подчинили прегордые царства, под властью которых были ваши предки», — это справедливо, если речь идет об одном Казанском царстве, под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были. А насчет бранной храбрости снова могу тебя уличить во лжи. О безумие! Что ты хвалишься, надменный!

Предки ваши, отцы и дяди были так храбры и мудры, что вам и во сне не сравняться с ними, и шли в бой не так, как вы, — не по принуждению⁶⁵, а по собственной воле, и такие храбрые люди в течение тринадцати лет до нашего возмужания не могли защитить христиан⁶⁶ от варваров! Скажу словами апостола Павла: «Подобно вам, буду хвалиться; вы меня к этому принуждаете, ибо вы, безумные, терпите власть, когда вас объедают, когда бьют вас в лицо, когда превозносятся; я говорю это с досадой». Всем ведь известно, как жестоко пострадали православные от варваров — и от Крыма, и от Казани: почти половина земли пустовала. А когда мы, с Божьей помощью, начали войну с варварами, когда в первый раз послали на Казанскую землю своего воеводу, князя Семена Ивановича Микулинского с товарищами, вы все говорили, что мы посылаем их в наказание, в виде опалы, а не для дела. Какая же это храбрость, если вы считаете службу за опалу? Так ли следует покорять прегордые царства? Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили по желанию, а не по принуждению? Когда же Бог оказал нам свое милосердие и покорил христианству этот варварский народ, то и тогда вы настолько не хотели воевать с нами против варваров, что из-за вашего нежелания к нам не явилось более пятнадцати тысяч человек! Тем ли вы разрушаете прегордые царства, что внушаете народу безумные мысли и, подобно Янушу Венгерскому, отговариваете от битвы? Ведь и тогда, когда мы были там, вы все время давали вредные советы, а когда запасы утонули, предлагали вернуться, пробыв только три дня! И никогда вы не соглашались потратить лишнее время, чтобы дожидаться благоприятных обстоятельств; думая о своих головах, а не о

победе, вы стремились только к одному: поскорее победить или быть побежденным и вернуться восвояси. Ради скорейшего возвращения вы не взяли с собой самых лучших воинов, из-за чего потом было пролито много христианской крови. А разве при взятии города вы не собирались, напрасно губя православное воинство, начать битву в неподходящее время, и сделали бы это, если бы я вас не удержал? Когда же город по Божьему милосердию был взят, вы вместо устройства занялись грабежом! Это ли покорение царств, которым ты так надменно хвалишься? Ни единой похвалы оно, по правде говоря, не стоит, ибо все это вы совершили не по желанию, а как рабы — по принуждению и даже с ропотом. Лишь те воины достойны похвалы, которые воюют по собственному побуждению, с охотой. А подчинили вы эти царства так, что там еще семь лет не утихала бранная лютость! Когда же кончилась ваша с Алексеем⁶⁷ собачья власть, тогда это государство само нам подчинилось, и теперь оттуда ходят на помощь православию больше тринадцати тысяч воинов. Так-то вы покорили и подчинили нам прегордые царства! И так заботимся о христианстве мы, кого ты злобно обвиняешь в выступлении против разума!

Это о Казани, а на Крымской земле и на пустых землях, где бродили звери, теперь устроены города и села. А что стоит ваша победа на Днепре и на Дону? Сколько урона и пагубы вы наделали христианам, а врагам — никакого вреда! Об Иване же Шереметеве что и говорить? Из-за вашего злого совета, а не по нашей воле совершилась эта пагуба христианству. Такова ваша верность и добрая служба, и так вы покоряете и подчиняете нам прегордые царства, как я уже выше указывал.

Германские города⁶⁸, по-твоему, достались нам благодаря старанию наших изменников. Как же ты научился от отца своего, дьявола, говорить и писать ложь! Вспомни, как, когда началась война с германцами, мы послали своего слугу царя Шигалея и своего боярина Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, сколько мы услышали укоризненных слов от попа Сильвестра, от Алексея и от вас — не стоит подробно и рассказывать! Что бы плохое ни случилось с нами — все это происходило из-за германцев! Когда же мы послали тебя и нашего боярина и воеводу Петра Ивановича Шуйского на год против германских городов (ты был тогда в нашей вотчине, Пскове, ради собственных нужд, а не по нашему поручению), мне пришлось более семи раз посылать к вам, пока вы наконец пошли с небольшим числом людей и лишь после многих наших напоминаний взяли свыше пятнадцати городов. Это ли ваше старание, если вы берете города после наших писем и напоминаний, а не по собственному стремлению? Как не вспомнить вечные возражения попа Сильвестра, Алексея и всех вас против похода на германские города и как из-за коварного предложения короля датского вы дали ливонцам возможность целый год собирать силы⁶⁹? Сколько христианского народу они перебили, напав на нас в начале зимы! Не это ли старания наших изменников? Вот старания наших изменников и ваше добро — губить христианский народ! Потом мы послали вас с вашим начальником Алексеем и с очень большим числом людей; вы же едва взяли один Вильян⁷⁰ и при этом еще погубили много народа. Испугались литовских войск, словно малые дети! А под Пайдуй⁷¹ вы пошли нехотя, по нашему приказу, изму-

чили войска и ничего не добились! Это ли ваши старания, так-то вы старались завладеть германскими городами? Если бы не ваше дьявольское противодействие, то, с Божьей помощью, в том же году вся Германия⁷² была бы под православной верой. Тогда же вы подняли против православия литовский народ и готский⁷³. Это ли ваши старания и так-то вы стремитесь укреплять православие?

Поголовно мы вас не истребляем, но изменникам всюду бывает казнь: в той стране, куда ты поехал, ты узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше⁷⁴, вы достойны больших казней и опалы; мы еще милостиво вас наказали⁷⁵, — если бы мы наказали тебя так, как следовало, то тебе бы не удалось уехать от нас к нашему врагу; если бы мы тебе не доверяли, то ты не был бы отправлен в этот наш город⁷⁶ и убежать бы не смог. Но мы, доверяя тебе, отправили в эту нашу вотчину, и ты изменил нам, как собака.

Бессмертным себя я не считаю, ибо смерть — общая обязанность всех людей за Адамов грех; хоть я и ношу порфиру, но знаю, что по природе я так же немощен, как и все люди. А то, что вы мудрствуете и хотите, чтобы я был выше законов природы, это — совершенная ересь. Я уже сказал, что благодарю моего Господа, что сумел, сколько было сил, укрепить свое благочестие. Это же достойно смеха, человек, выходит, подобен скоту; если так считать, то у человека пар вместо души, — это ведь саддукейская⁷⁷ ересь! Вот до какой нелепости ты дошел в своем безумном письме! Я же верю в Страшный Суд, когда все души и тела всех людей, царей и нищих, будут собраны, судимы за свои дела и разделены на две части по их делам.

А когда ты писал, что я не хочу предстать перед этим неподкупным судом, то, приписывая ересь другому, сам обнаруживал дьявольскую манихейскую⁷⁸ ересь! Так же как они гнусно сочиняют, что небом обладает Христос, землей — самовластный человек, а преисподней — дьявол, так и ты проповедуешь будущее судилище, а Божьи кары за человеческие грехи на этом свете презираешь. Я же знаю и верю, что те, кто живет злой жизнью и преступает Божьи заповеди, не только там получают кару, но и здесь испивают чашу ярости Господней за свои злодеяния и испытывают многообразные наказания, а, придя на тот свет, в ожидании праведного Господнего суда претерпевают горчайшее осуждение, а после осуждения — бесконечные муки. Так я верю в Страшный Суд Господень. Вопреки манихеям, вопреки твоим гнусным выдумкам, будто я не хочу дать ответ в своих грехах, я знаю, что Христос владеет и распоряжается всем на небе, земле и в преисподней и карает мучениями непокорных. Верю, что мне, как рабу, предстоит суд не только за свои грехи, вольные и невольные, но и за грехи моих подданных, совершенные из-за моей неосмотрительности, — не достойна ли смеха твоя выдумка, что возможно не повиноваться Царю царей, если даже человеческая власть может привлекать к суду силой? Если даже кто-нибудь будет настолько безумен, что не захочет повиноваться Богу, то где же он укроется от его гнева? <...> Так я верую в неподкупный Господень Суд. Кто, живой или мертвый, может ускользнуть от Божьей десницы? Все обнажено и все открыто перед ним.

Я знаю, что истинный Бог наш Христос — противник гордых гонителей <...>. Рассудим же, кто из нас горд: я ли, требующий повиновения только от ра-

бов, данных мне от Бога, или вы, отвергающие мое владычество, установленное Богом, и свое рабское состояние, требующие, чтобы я исполнял вашу волю как Божью, и присваивающие себе учительский сан? <...> Где гордость: когда господин учит раба или когда раб приказывает господину? Даже невежда может это понять. Как же ты, собака, и о том не подумал, что, когда три патриарха с множеством святителей написали длинный список нечестивому царю Феофилу⁷⁹, они все-таки не написали ему таких хулений, как ты; а ведь царь Феофил был нечестив; а благочестивым царям надо писать как можно смиреннее, если хочешь получить милость от Бога. Я же верю в Бога и таких грехов, как Феофил, ни одним движением сердечным не совершил, и если они, имея власть, не хулили нечестивого, то кто ты такой, чтобы, присваивая учительский сан, так неистово меня хулить? Вы хотите утвердить Божий закон насилием и таким дьявольским произволом нарушаете апостольские заветы <...>.

Вы обвиняете других в гонениях; а вы с попом и Алексеем не совершали гонений? Разве не вы приказали народу города Коломны побить камнями нашего советника епископа Коломенского Феодосия? Но Бог сохранил его, и тогда вы согнали его с престола. А что сказать о нашем казначее Никите Афанасьевиче? Зачем вы разграбили его имущество, а самого его много лет держали в заточении в отдаленных землях в голоде и нищете? Кто может полностью перечислить ваши гонения на церковных и мирских людей — так много их было! Все, кто был хоть немного покорней нам, подвергались от вас гонению. Это ли ваша праведность, что вы, подобно бесам, сшиваете и расставляете сети и коварно улавливаете в них жертвы? Ваши беззакон-

ния становятся еще хуже оттого, что вы ведете себя подобно фарисеям: как они снаружи представлялись праведными, внутри же были полны лицемерия и греха, так и вы перед людьми делаете вид, что наказываете ради исправления, а внутри себя даете волю неправедному гневу, — все знают о ваших гонениях. На Страшном же Суде будут не только разбирать наши дела «до власти», но и в душу заглянут <...>, но только не ты будешь судьей. В Деяниях святых старцев рассказывается об Иване Колове, который осудил своего брата, жившего в большом монастыре и предававшегося пьянству, блуду и прочим грехам и скончавшегося среди этих грехов. Иван же вздохнул о нем, и внезапно явилось ему видение: увидел он себя стоящим перед большим городом и увидел Господа нашего Иисуса Христа на престоле и вокруг него множество ангелов. И принесли ангелы душу этих покойников к Ивану и попросили его суда, куда он велит отправить эти души, он же не дал ответа. Когда же Иван приблизился к райским вратам, то Иисус не пустил его, и услышал он издали голос Иисуса: «Не это ли антихрист, присваивающий себе Мой суд?» И после этих слов он был изгнан, и ворота закрылись, и он был лишен своей священнической мантии — покрыва Божьего. Когда же он пришел в себя, то мантии не оказалось, а это — важный признак. После этого он пятнадцать лет страдал в пустыне, не видя не только человека, но и зверя, и наконец снова удостоился видения, получив прощение и мантию. Смотри же, бедняга, — он даже не осудил ближнего, а только вздохнул, а как страшно пострадал, хотя и был праведником! Насколько же сильнее пострадают те, которые сами совершают нечестивые дела и все-таки присваивают себе Божий суд и,

гордись, устрашают и угрожают, а не милостиво упрекают. И если он так пострадал за упреки, насколько же сильнее пострадает осуждающий!

Ты хочешь, чтобы Христос, Бог наш, был Судьей между мной и тобой, — я не отказываюсь от такого суда. Ведь Он, Господь наш, наилучший Судья для праведных, Он знает, что внутри человека и в его сердце, и все, что кто-нибудь подумает в мгновение ока, для Него открыто и известно — ничего не укроется от огня очей Его, знающего сокровенные тайны; Он знает, за что вы восстали на меня, за что ненавидите меня, за что пострадали и за какое безумие я в конце концов воздал вам милостивое наказание. Наоборот — вы виновники всего, ибо вы, говоря словами пророка, считали меня за червя, а не за человека, толковали обо мне, сидя у ворот, и пели обо мне, выпивая вино с другими изменниками, пусть же судит все ваши лстивые советы и замыслы истинный судья — Христос, Бог наш. Ты ведь хочешь поставить судьей Христа, а делам его не следуешь, ибо Он говорил: пусть не зайдет солнце, пока вы будете гневаться, а ты даже на Страшный Суд хочешь идти без прощения и отрекаешься от обидчиков.

Напрасных гонений и зла ты от меня не претерпевал, бед и напастей мы на тебя не навлекали, а если какое-нибудь небольшое наказание и было, то было оно за твое преступление, ибо ты вступил в соглашение с нашими изменниками. Не возводили мы на тебя лжи и не приписывали тебе измены, которой ты не совершал; за твои же действительные проступки мы возлагали на тебя наказание, соответствующее вине. Если же ты не можешь пересказать всех наших опал из-за множества их, то может ли вся вселенная перечислить все

измены и притеснения в государственных и частных делах, которые вы причинили мне по вашему дьявольскому умыслу? Ничего мы тебя не лишали, от Божьей земли тебя не отлучали, но ты сам лишил себя всего, подобно скопцу Евтропию, — не Церковь его предала, а сам он от нее отрекся, так и ты: не Божья земля⁸⁰ тебя изгнала, а сам ты от нее отторгся и принялся губить ее. Какое же я тебе сделал зло и какую обнаружил ненависть? Видели мы тебя с юности при нашем дворе и в совете, и еще до нынешней твоей измены ты всячески пытался нас погубить, но мы никогда не наказывали тебя за твои злые замыслы. Это ли наше зло и неумолимая ненависть, если, зная, что ты замышляешь против нас зло, мы держали тебя в таком приближении и чести, какой не достаивались твои отцы: всем ведь известно, в какой чести и богатстве жили твои родители и какие пожалования, богатство и честь имел твой отец, князь Михайло. Все знают, каков ты по сравнению с ним, сколько было у твоего отца управителей по селам и сколько у тебя. Отец твой, князь Михайло, был боярином Кубенского, ты же был наш боярин: мы удостоили тебя этой чести. Разве не достаточно было тебе чести, имения и наград? Нашими пожалованиями ты был лучше своего отца, а заслугами — хуже, ибо совершил измену. Но если так, чем же ты недоволен? Это ли твое добро и любовь к нам, если ты всегда тщательно расставлял против нас сети и препятствия и, подобно Иуде, предназначал свою душу для гибели?

А что, по твоим безумным словам, твоя кровь, пролитая от рук иноплеменников ради нас, вопиет на нас к Богу, то, раз она не нами пролита, это достойно смеха: кровь вопиет на того, кем она пролита, а ты выполнял свой долг перед Отечеством; ведь если бы ты

этого не сделал, то был бы не христианин, но варвар. Вот о нас можно так сказать: насколько сильнее вопиет к Богу наша кровь, пролитая из-за вас, — не кровавый поток из ран, но пот, пролитый мною при многих непосильных трудах и ненужных отягчениях, совершенных по вашей вине! Также взамен крови я пролил немало и слез из-за вашей злобы и притеснений, немало издыхал и стenal и испытал из-за этого оскорблений, ибо вы не возлюбили меня и не поскорбели вместе со мной о нашей царице и детях⁸¹. И это мое страдание вопиет на вас к Богу еще более, чем другие ваши злодеяния: ибо одно дело — пролить кровь за православие, а другое — желая чести и богатства. Такая жертва Богу не угодна: Он скорее простит удавившемуся, чем погибшему ради славы⁸². Мои же обиды и то, что хоть крови я не пролил, но зато испытал от вас оскорбления и противодействия, все, что было посеяно вашей строптивой злобой, не перестает жить и непрестанно вопиет на вас к Богу! Совесть же свою ты вопрошал не искренне, а лживо и потому не нашел истины, думая только о военных подвигах, а о бесчестии, нанесенном нам, не пожелал вспомнить; поэтому ты и считаешь себя неповинным.

Какие же светлые победы ты совершал и когда ты со славой одолевал наших врагов? Когда мы послали тебя в нашу отчину Казань привести к повиновению непослушных, ты вместо виновников привел к нам невинных, обвинив их в измене, а тем, против кого ты был послан, ты не причинил никакого вреда. Когда наш недруг, крымский царь, приходил к нашей вотчине Туле, мы послали вас против него, но царь устранился и вернулся назад, и остался только его воевода Ак-Магомет-улан с немногими людьми; вы же поеха-

ли есть и пить к нашему воеводе Григорию Темкину и только после пира отправились за ними, и они ушли от вас целы и невредимы. Если вы и получили при этом многие раны, то никакой славной победы не одержали. А как же под городом Невелем: пятнадцатью тысячами человек вы не смогли победить четыре тысячи, и не только не победили, но сами от них едва возвратились, ничего не добившись? Это ли светлая и славная победа, достойная похвалы и чести? А если что было не в твоей власти, то это тебе в вину и не ставится!

А что ты мало видел свою родительницу, мало встречался с женой, покидал Отечество и вечно находился в походе против врагов в дальних городах, терпел болезни и раны от варварских рук и поныне страдаешь от многих ран, — то ведь все это происходило тогда, когда господствовали вы с попом и Алексеем. Если это вам не нравилось, зачем вы так поступали? Зачем, сделав это своей властью, возлагаете на нас вину? А если бы и мы это приказали, то тут нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению. Если бы ты был воинственным мужем, ты бы не считал своих прежних бранных подвигов, а стремился бы к новым; потому ты и считаешь свои бранные подвиги, что ты оказался беглецом, не вынесшим бранных подвигов и захотевшим покоя. Разве же мы презрели твои небольшие ратные подвиги, если мы забывали заведомые твои измены и противодействия и ты был среди наших вернейших слуг по славе, чести и богатству? Если бы не было этих подвигов, то какого наказания ты заслужил бы за свое злодейство?! Если бы не наше милосердие к тебе, если бы, как ты писал в своем дьявольском письме, ты подвергся гонению, тебе не удалось бы убежать к нашему недругу.

Твои бранные дела нам хорошо известны. Не думай, что я слабоумен или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей. Не надейтесь запугать нас страшилищами, которыми пугают детей: если это не удалось вам прежде, не думайте, что сделаете это теперь. Как сказано в притчах: «Не покушайся на то, чего взять не можешь».

Ты пишешь, что ждешь воздаяния от Бога, — по истине время справедливо воздает за всякие дела — добрые и злые, но только следует каждому человеку рассудить: кто какого воздаяния заслуживает за свои дела? Пишешь, что мы не увидим твоего лица до дня Страшного Суда, — видно, ты дорого ценишь свое лицо. Но кому же нужно такое эфиопское⁸³ лицо видеть? Встречал ли кто-нибудь честного человека, который бы имел серые глаза? Ведь даже твой вид обнаруживает твой коварный нрав!

А если ты не собираешься молчать и всегда будешь обращаться с молитвами против нас к пребезначальной Троице и к Пречистой Богородице и ко всем святым, то, даже если бы ты и справедливо молился, вспомни-ка, окаянный, что сказано об этом в послании божественного⁸⁴ о епископе Поликарпе <...>. И если такого праведного и святого мужа, справедливо молившегося о гибели грешников, не послушал ангельский владыка, то тебя, смердящего пса, злого изменника и грешника, молящегося о злом, наверное не послушает <...>.

О святом князе Федоре Ростиславиче⁸⁵ — с охотой принимаю его в судьи, хотя он вам и родственник, ибо святые видят, что было между вами и нами от начала и доныне, и поэтому рассудят справедливо. А как, вопреки вашим суетным злым немилосерд-

ным замыслам, святой Федор Ростиславич действием Святого Духа исцелил нашу царицу Анастасию, которую вы уподобляли Евдокии⁸⁶? Ясно поэтому, что он не вам способствует, но нам, недостойным, оказывает свою милость. Так и теперь мы надеемся, что он будет помогать более нам, чем вам, ибо «если бы вы были детьми Авраама, то творили бы дела Авраама, а Бог может и из камней сделать детей Аврааму»⁸⁷. Не все ведь произошедшие от Авраама считаются его потомством, но только те, кто живет в вере Авраама. По суетным же замыслам мы ничего не решаем и не делаем и на лживое основание ногами своими не опираемся, но, поскольку у нас хватает сил, стремимся к твердым решениям и, опершись ногами на прочное основание, стоим на нем непоколебимо.

Никого мы из своей земли не изгоняли, а если кто отпал от православия, то по своей воле. Избитые же и заточенные, как я выше сказал, получили наказание по своей вине. А если вы называете себя невинными, то совершаете еще худший грех, ибо, сотворив зло, не хотите раскаяться и получить прощение. Грех ведь не тогда опасен, когда его совершают, а когда, совершив его, не приносят покаяния и выдают нарушение закона за законный поступок. Радоваться же победе над вами мне незачем: не радостно узнать об измене своих подданных и казнить их за эту измену. Скорее надлежит скорбеть, что у них мог возникнуть такой дьявольский замысел — сопротивляться своему владыке, данному Богом. Возможно ли, чтобы эти убиенные за свою измену предстали перед Господним престолом? Да и не может быть людям это ведомо. Вы же, изменники, вопиете несправедливо и не получите просимого, ибо, как было сказано выше, просите ради баловства.

Ничем я не горжусь и не хвастаюсь, и нечем мне гордиться, ибо я исполняю свой царский долг и никого не считаю выше себя. Скорее это вы гордитесь, ибо, будучи рабами, присваиваете себе святительский и царский сан и учите, запрещая и повелевая. Никаких средств для мучения христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы мучиться ради них от их врагов не только до крови, но и до смерти. Подданным своим воздаем добром за добро и наказываем злом за зло, и не потому, что нам хочется их наказывать, а по нужде — из-за их злодейских преступлений, ибо сказано в Евангелии: «Когда состаришься, то прострешь руки свои и другой тебя перепояшет и поведет, куда не хочешь»⁸⁸. Видишь ли, что часто я не хочу, но приходится наказывать преступников за их преступления. Пишешь, что мы надругаемся над монашеством и потакаем ласкателям — не знаю каким, не остаткам ли вашего дявольского совета? Среди бояр наших нет несогласных с нами, кроме только ваших друзей и советников, которые и теперь, подобно бесам, не оставляют своих коварных замыслов <...>. Губителей нашей души и тела среди нас нет. Ты опять помышляешь помыкать мною, как младенцем, — вы ведь называете гонением, если я не хочу, подобно ребенку, быть в вашей воле. Вы же всегда хотите быть мне и властителями, и учителями, как младенцу. Мы же уповаем на Божью милость, ибо достигли возраста Христова⁸⁹, и, помимо Божьей милости, милости Богородицы и всех святых, не нуждаемся ни в каких наставлениях от людей, ибо невозможно, властвуя над множеством народа, добиваться наставлений от других. Насчет Кроновых жрецов⁹⁰ ты писал нелепости, лая, подобно псу, или изрыгая яд, подобно змее: родители не станут причинять своим детям та-

ких неприятностей — как же мы, цари, имеющие разум, можем впасть в такое нечестие? Все это ты писал по своему дьявольскому, собачьему умыслу. А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит, ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как делают по обычаю даже невежды; поэтому над тобой не должно будет совершать и последнего отпевания.

Город Владимир⁹¹, находящийся в нашей вотчине, Ливонской земле⁹², ты называешь городом нашего недруга, короля Сигизмунда. Этим ты доводишь свою собачью измену до конца. А что ты надеешься получить от него многие пожалования — это правильно, ибо вы не захотели жить под властью Бога и данных Богом государей, а захотели самовольства; поэтому ты по своему дьявольскому умыслу и искал себе такого государя, который ничем сам не управляет, но хуже последнего раба — от всех принимает повеления, сам же никем не повелевает⁹³. Но ты не найдешь себе там утешения, ибо там каждый о себе заботится: «Кто избавит тебя от насилий со стороны обидчиков, если даже сироты и вдовы не находят правого суда?» — ибо вы враги христианства!

Об антихристе мы слыхали, — вы, замышляющие зло против Божьей Церкви, поступаете подобно ему. О «сильных во Израиле» и о пролитии крови я уже писал; а что мы якобы потакаем кому-либо — неправда, это вы не переносите возражений, а любите, чтобы вам потакали. Никакого советника, рожденного от блуда, мы не знаем, — наверное, это кто-нибудь из вас, а моавитянин⁹⁴ и аммонитянин⁹⁵ — ты сам. Так же как они, происходя от Лота, сына⁹⁶ Авраама, всегда воевали с

Израилем, так и ты, происходя из государского рода, беспрестанно стремишься нас погубить.

Писал ты свое письмо, выступая как бы судьей или учителем, но ты не имеешь на это права, ибо повелеваешь с угрозами. Как все это напоминает коварство дьявола! Он ведь то заманивает и ласкает, то гордится и пугает, так и ты: то, впадая в безмерную гордость, ты воображаешь себя правителем и пишешь обвинения против нас, то притворяешься беднейшим и скудоумнейшим рабом. Как и другие, бежавшие от нас, ты написал свое письмо собачьим, неподобающим образом — в иступлении ума, в неистовстве, по-изменнически и по-собачьи, как подобает одержимому бесом <...>.

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России, в 7072 году от создания мира, в 5-й день июля [1564 г.].

Второе послание Курбскому

(1577)

Такая грамота послана государем также из Владимирца к князю Андрею Курбскому с князем Александром Полубенским⁹⁷

Всемогущей и вседержительной десницей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, держащего в своей длани все концы земли, которому поклоняемся и кого славим вместе с Отцом и Святым Духом, милостью своей позволил нам, смиренным и недостойным

рабам своим, удержать скипетр Российского царства от его вседержительной десницы христоносной хоругви⁹⁸, так пишем мы, Великий государь, Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский и Царь Астраханский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский⁹⁹ и иных, Государь и Великий Князь Нижнего Новгорода, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский и отчинный Государь и обладатель земли Лифляндской Немецкого чина, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и Северной страны повелитель, — бывшему нашему боярину и воеводе князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Со смирением напоминаю тебе, о князь: посмотри, как к нашим согрешениям и особенно к моему беззаконию, превзошедшему беззакония Манассии¹⁰⁰, хотя я не отступил от веры, снисходительно Божье величество в ожидании моего покаяния. И не сомневаюсь в милосердии Создателя, которое принесет мне спасение, ибо говорит Бог в святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся грешнике, чем о девяти девяти праведниках; то же говорится и в притче об овцах и драхмах. Ибо если и многочисленнее песка морского беззакония мои, все же надеюсь на милость благоутробия Божьего: может Господь в море своей милости потопить беззакония мои. Вот и теперь Господь помиловал меня, грешника, блудника и мучителя, и животворящим своим крестом низложил Амалика¹⁰¹ и Максентия¹⁰². А наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна, что знает не только Русь, но

и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы. Сам спроси у них и узнаешь, я же не хочу перечислять себе эти победы, ибо не мои они, а Божьи. Тебе же напомним лишь кое-что из многого, ибо на укоризны, которые ты писал ко мне, я уже со всей истиной ответил; теперь же напомним немного из многого. Вспомни сказанное в книге Иова: «Обошел землю и иду по вселенной»; так и вы с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но Бог дает власть тому, кому захочет.

Писал ты, что я растлен разумом, как не встретишь и у неверных. Я же ставлю тебя самого судьей между мной и тобой: вы ли растленны разумом или я, который хотел над вами господствовать, а вы не хотели быть под моею властью, и я за то разгневался на вас? Или растленны вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили как хотели, а меня устранили от власти: на словах я был государь, а на деле ничем не владел. Сколько напастей я от вас перенес, сколько оскорблений, сколько обид и упреков! И за что? В чем была моя вина перед вами с самого начала? Кого и чем я оскорбил? Это ли моя вина, что полтора десятка детей Прозоровского вам были дороже моего сына Федора? Вспомни и рассуди: как оскорбительно для меня вы разбирали дело Сицкого с Прозоровским и допрашивали, словно злодея! Неужели эта земля вам была дороже наших жизней? И что такое сами Прозоровские рядом с нами? <...> Божиим милосердием, милостью Пречистой Богородицы, и молитвой великих чудотворцев, и милостью святого Сергия у моего батюшки и с батюшкиного благословения у меня была

не одна сотня таких, как Прозоровский. А чем лучше меня был Курлятев? Его дочерям покупают всякие украшения, это благословенно и хорошо, а моим дочерям — проклято и за упокой¹⁰³. Много такого было. Сколько мне было от вас бед — не исписать.

А с женою моей зачем вы меня разлучили?¹⁰⁴ Не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв. А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюл чистоты, — так ведь все мы люди¹⁰⁵. А ты для чего взял стрелецкую жену? А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить?¹⁰⁶ Разве я похитил престол или захватил его через войну и кровопролитие? По Божьему изволению с рождения был я предназначен к царству, и уже не вспомню, как меня отец благословил на государство¹⁰⁷, — на царском престоле и вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем? Он — сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости? В чем моя вина перед ним? Что ваши же дяди и господа уморили отца его в тюрьме¹⁰⁸, а его с матерью также в тюрьме держали? А я и его и его мать освободил и держал их в чести и в благоденствии; а он уже был всего этого лишен. И я такие оскорбления стерпеть не смог — и стал за самого себя. И вы тогда начали против меня еще больше выступать и изменять, и я потому еще жестче начал выступать против вас. Я хотел вас подчинить своей воле — и как же вы из-за этого надругались над святыней Господней и осквернили ее! Рассердившись на

человека, восстали на Бога. Сколько церквей, монастырей и святых мест вами поругано и осквернено! Сами за это Богу ответ дадите. Но опять-таки умолчу об этом, пишу здесь тебе о нынешних делах. Смотри, княже, на Божий суд: как Бог дает власть кому хочет. Вы ведь с попом Сильвестром и с Алексеем Адашевым хвастались, как дьявол в книге Иова: «Обошел землю и прошел вселенную, и вся земля под ногами моими» (и сказал ему Господь: «А знаешь ли ты раба моего Иова?»). Так и вы мнили, что вся Русская земля у вас под ногами, но по Божьей воле мудрость ваша оказалась тщетной. Вот ради этого я и поострил свое перо, чтобы тебе написать. Вы ведь говорили: «Нет людей на Руси, некому обороняться», — а нынче вас нет; кто же нынче завоевывает претвердые германские¹⁰⁹ крепости? Это сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, завоевывает крепости. Не дожидаются бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего креста!¹¹⁰ А где случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой был. Много всяких людей отпущено: спроси их, узнаешь.

Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальноконные города как бы в наказание посылали, — так теперь мы, не пожалев своих седин, и дальше твоих дальноконных городов, слава Богу, прошли и ногами коней наших прошли по всем вашим дорогам — из Литвы и в Литву, и пешими ходили, и воду во всех тех местах пили, — теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Волмер, на покой твой привел нас Бог: настигли тебя, и ты еще дальноконнее поехал.

Итак, мы написали тебе лишь немного из многого. Рассуди сам, как и что ты наделал, за что великое Божье провидение обратило на нас Свою милость, рассуди, что ты натворил. Взгляни внутрь себя и сам перед собой раскройся! Видит Бог, что написали это мы тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал.

Писано в нашей отчине Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 году¹¹¹, на 43-м году нашего правления, на 31-м году нашего Российского царства, 25-м — Казанского, 24-м — Астраханского.

Послание английской королеве Елизавете

(1570)¹¹²

Некоторое время тому назад брат твой, король Эдуард, послал нескольких своих людей, Ричарда и других, для каких-то надобностей по всем странам мира и писал ко всем королям, и царям, и властителям, и управителям. А на наше имя ни одного слова послано не было. Неизвестно, каким образом, волею или неволею, эти люди твоего брата, Ричард с товарищами, пристали к морской пристани у нашей крепости на Двине¹¹³. Тогда мы, как подобает государям христианским, милостиво оказали им честь, приняли и угостили их за государевыми парадными столами, пожаловали и отпустили к твоему брату. А затем приехал к нам от твоего брата тот же Ричард Ричардов¹¹⁴

и Ричард Грей. Мы их также пожаловали и отпустили с честью. И после того как к нам приехал от твоего брата Ричард Ричардов, мы послали к твоему брату своего посланника Осипа Григорьевича Непею¹¹⁵. А купцам твоего брата и всем англичанам мы дали такую свободную жалованную грамоту, какую даже из наших купцов никто не получал, а надеялись за это на великую дружбу со стороны вашего брата и вас и на верную службу всех англичан. В то время, когда мы послали своего посланника, брат твой Эдуард скончался, и на королевство вступила твоя сестра Мария; спустя некоторое время она вышла замуж за испанского короля Филиппа. И испанский король Филипп и сестра твоя Мария приняли нашего посланника с честью и к нам отпустили, но поручения с ним никакого не передали. В то же время ваши английские купцы начали совершать над нашими купцами многие беззакония и свои товары начали продавать по столь дорогой цене, какой они не стоят. А после этого стало нам известно, что сестра твоя, королева Мария, скончалась, а испанского короля Филиппа англичане выслали из королевства, а на престол посадили тебя. Но мы и в этом случае не учинили твоим купцам никаких притеснений и предложили им торговать по-прежнему.

А до сих пор, сколько ни приходило грамот, хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей, — таким грамотам ни в каких государствах не верят; у каждого государя в государстве должна быть единая печать. Но мы и тут всем вашим грамотам доверяли и действовали в соответствии с этими грамотами.

После этого ты прислала к нам по торговым делам своего посланника Антона Янкина¹¹⁶. И мы, рассчитывая, что он пользуется твоей милостью, привели его к присяге и вместе с ним другого твоего купца Ральфа Иванова¹¹⁷, как переводчика, потому что некому было быть переводчиком в таком великом деле, и передали с ним устно тайные дела великого значения, желая с тобой дружбы. Тебе же следовало к нам прислать доверенного человека, а с ним Антона или одного Антона. Нам не известно, передал ли это поручение тебе Антон или нет; а в течение полутора лет про Антона не было известий. А от тебя никакой ни посол, ни посланник не прибывал. Мы же ради этого дела дали твоим купцам свою новую жалованную грамоту; рассчитывая, что эти гости пользуются твоей милостью, мы даровали им свою милость свыше прежнего.

После этого нам стало известно, что в Ругодив¹¹⁸ приехал твой подданный, англичанин Эдуард Гудыван¹¹⁹, с которым было много грамот, и мы велели спросить его об Антоне, но он ничего нам об Антоне не сообщил, а нашим посланникам, которые были к нему приставлены, сказал много невежливых слов. Тогда мы велели расследовать, нет ли с ним грамот, и захватили у него многие грамоты, в которых для унижения нашего государева достоинства и нашего государства написаны ложные вести, будто в нашем царстве якобы творятся недостойные дела. Но мы и здесь отнеслись к нему милостиво — велели держать его с честью до тех пор, пока не станет известен ответ от тебя на поручения, переданные с Антоном.

После этого приехал от тебя к нам посланник в Ругодив Юрий Милдентов¹²⁰ по торговым делам. Мы его велели спросить про Антона Янкина, был ли он

у тебя и когда он должен прибыть от тебя к нам. Но посланник твой Юрий ничего нам об этом не сказал и наших посланников и Антона облаял. Тогда мы также велели его задержать, пока не получим от тебя вестей о делах, порученных Антону.

И наконец нам стало известно, что к Двинской пристани прибыл от тебя посол Томас Рандольф¹²¹, и мы послали к нему с жалованьем своего сына боярского¹²² и приказали ему быть приставом при после, а послу оказали великую честь. А приказали спросить его, нет ли с ним Антона; он же нашему сыну боярскому ничего не сказал и начал говорить о мужицких и торговых делах; а Антон с ним не пришел. С того времени, как он пришел в наше государство, мы много раз ему указывали, чтобы он вступил в переговоры с нашими боярами и сказал, есть ли у него приказ от тебя о тех делах, о которых мы передали тебе с Антоном. Но он нелепым образом уклонился. А писал жалобы на Томаса и на Ральфа и занимался другими торговыми делами, а нашими государственными делами пренебрегал. Из-за этого-то твой посол и запоздал явиться к нам; а затем пришло Божье послание — моровое поветрие¹²³, и он не мог быть принят. Когда же Божье послание — поветрие — кончилось, мы его допустили перед свои очи. Но он опять говорил нам о торговых делах. Мы выслали к нему своего боярина и наместника вологодского князя Афанасия Ивановича Вяземского, печатника своего Ивана Михайлова и дьяка Андрея Васильева¹²⁴ и велели его спросить, есть ли у него поручение по тем делам, о которых мы передавали тебе с Антоном. Он ответил, что такое поручение с ним также имеется. А мы поэтому оказали ему великую почать, и он был принят нами наедине. Но он говорил о тех же мужиц-

ких и торговых делах и лишь изредка касался того дела. В то время нам случилось отправиться в нашу вотчину Вологду, и мы велели твоему послу Томасу ехать с собой. А там, на Вологде, мы выслали к нему нашего боярина князя А. И. Вяземского и дьяка Петра Григорьева и велели с ним переговорить, как лучше всего устроить между нами это дело. Но посол твой Томас Рандольф все время говорил о торговом деле, и едва его убедили и поговорили о тех делах¹²⁵. Наконец договорились об этих делах, как следует их устроить, написали грамоты и привесили к ним печати. Тебе же, если тебе это было угодно, следовало таким же образом написать грамоты и прислать к нам в качестве послов достойных людей и с ними вместе прислать Антона Янкина. Прислать Антона мы просили потому, что хотели его расспросить, передал ли он тебе те слова, которые мы ему говорили, согласна ли ты на наше предложение и каковы твои намерения. Вместе с твоим послом послали своего посла Андрея Григорьевича Совина¹²⁶.

Ныне ты к нам отпустила нашего посла, а своего посла с ним ты к нам не послала. А наше дело ты сделала не таким образом, как договорился твой посол. Грамоту же ты послала обычную, вроде как проезжую. Но такие дела не делаются без клятвы и без обмена послами. Ты совсем устранилась от этого дела, а твои бояре вели переговоры с нашим послом только о торговых делах, управляли же всем делом твои купцы сэр Ульян Гарит¹²⁷ да сэр Ульян Честер. Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства, — поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые¹²⁸, и не

заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица. А тому, кто хотя бы и участвовал в нашем деле, да нам изменил, верить не следовало.

И раз так, то мы те дела отставим в сторону. Пусть те мужики, которые пренебрегли нашими государскими головами и государской честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское государство пока и без английских товаров не бедно было. А торговую грамоту, которую мы к тебе послали, ты прислала бы к нам. Даже если ты и не пришлешь эту грамоту, мы все равно по ней ничего делать не будем. Да и все наши грамоты, которые до сего дня мы давали о торговых делах, мы отныне за грамоты не считаем¹²⁹.

Писана в нашем Московском государстве, в году от создания мира 7079-м, 24 октября [24 октября 1570 г.].

Ответ Яну Роките¹³⁰

(1570)

Не хотел тебе отвечать, поскольку ты заявлял, что прения эти лишь ради спора, а не веры. Но мы научены Христом не давать святое псам и не метать бисер перед свиньями, не давать святого слова псам неверным <...> Немного скажу, но ты не возомни, что не понимаю, какой яд ты излил, и чтобы вы не подумали, что не могу я против вас и слова составить и не знаю Писа-

ния, или испугался тьмы ваших обманов и в уныние впал, или сладость вашего учения принял, или не знаю ничего об истинном христианстве. Чтобы разрушить ваши сомнения, скажу немногое.

О вашем учителе Лютере. <...> Поистине Лютер лютым называется¹³¹, люто это, люто, если к краеугольному камню — Христу прижаться, и Его божественные уставы разорять, и божественное Его учение и апостольские проповеди рассекать, и святых отцов уставы извращать. И всяческие козни строить, неистинное писание исповедуя. Подобно тому как Сатанаил отвержен был Небесами и вместо ангела света тьмой и обманом нарекся, а ангелы его бесами. Так и вы, подобно тому как начальник бесов зовется Сатана, так и вашему начальнику имя Лютер, как его же ангелы именуются бесами, так и вы — кознодеями¹³².

Писал ты, что из-за преступления, совершенного Адамом, мы все рождаемся под завесою плоти и осуждены умирать. Но ведь ради этого Бог Слово¹³³ и вселился в нас, захотел Бог помиловать заблудшего человека. Воплотился в человека от Пречистой Девы Марии. До того царствовала смерть от Адама и до Авраама, а от Авраама до Моисея, от Моисея до воплощения Христова и на несогрешивших¹³⁴. <...> Царство же это смертное, где и праведники до Христова воплощения были осуждены на смерть и сходили во ад. Но после воплощения Христа этого дерзновения смерть не имеет, ведь Господь наш Иисус Христос обновил новый удобный путь делающим благо и верующим в правду спасения. Сейчас смерть утратила всякую власть, и все праведники, будто сном засыпая, к вечному царствию приходят. <...> Они последовали по стопам Христа, и князь мира сего¹³⁵ не имеет над ними никакой власти.

Поэтому и смерти среди них места нет. А если кто самовольно предаст себя князю мира сего и соблазнам его последует, те по собственной воле попадут в царство смерти. И здесь горестные души их страшно с телом расстанутся и бесконечные муки примут. Ведь Господь наш Иисус Христос сотворил человека самовластного¹³⁶, каким и был Адам до грехопадения. Поэтому тем, кто идет по стопам Христовым, грехопадение прощается, и смерть на них никакой власти не имеет. Согрешившим или отступникам приходится отвечать не только за преступление Адама, но и за все свои злые дела, и вдвойне они от своих грехов мучаются. На них царствует смерть, как и прежде. <...>

Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение¹³⁷. Что же значит: «в человецех благоволение»? Прежде гнев Божий и гнев его пребывали на роде человеческом, от Адама до воплощения Христа, Христовым же божественным телесным состраданием всё это было разрушено, и смерть, и грех, и власть дьявола. И самовластны люди благодатью Христа, и научены, как побеждать князя тьмы века сего и миродержителя. <...> Самовольно же не принимающие заповедей Христовых и самовластно дьяволу покоряющиеся обречены на муки вечные.

Божественный апостол Павел говорит: «Каждому дается проявление Духа на пользу; одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество; иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя по власти, как ему угодно. Ибо как тело одно, но имеет много членов,

все же члены одного тела, хотя их и много, суть одно тело; так и Христос. Ибо единым Духом мы все в единое тело крестимся, иудеи, эллины, рабы, свободные, и все единым пивом напоены»¹³⁸.

Писал ты о поклонении иконам, и это твое безумие кратко обличу. Если хочешь узнать истину, то прочти о царствовании Льва Исавра Иконоборца, и сына его Константина Гноетезного, и Льва Армянина, и Феофила Богомерзкого¹³⁹, святым досадителя, и там найдешь все объяснения божественному иконопоклонению и богомерзкому сопротивлению этих царей, нечестию которых вы самовольно предались. А что к Второзаконию¹⁴⁰ прибегаешь, о том я уже тебе писал. Если к закону Моисееву¹⁴¹ прибегаешь, то подобает тебе все по закону делать. Если только обрезание сделаешь, не только все законы, но и Иисус Христос на пользу тебе не пойдет, вот и апостол Павел пишет в послании к галатам: «Если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон. Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати»¹⁴². А если еще приводить от Десятисловия: «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли»¹⁴³, что подтверждают и все пророки, и я из этого пользу для себя извлекаю, поскольку все это об идолах сказано. Как в Исходе Моисеевом говорится, что когда Моисей получил скрижали, тогда народ «собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами; ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось»¹⁴⁴. И собрали они золото, перстни и серьги у жен своих, и

бросили их в огонь, и отлили тельца, и поклонились ему, говоря: «Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской». Из-за женской красоты Ваальфегору послужили, и ели жертвы бездушных идолов...¹⁴⁵ смешались с язычниками, и научились делам их, и служили истуканам их, которые стали для них сетью. И пожрали сыновей своих и дочерей своих, и пролили невинную кровь, кровь сынов своих и дочерей, пожранных истуканами хананеянскими¹⁴⁶. И много об идолопоклонстве пророки и апостолы говорили, и ты, между святым и мирским не различая, о Христовой иконе судил как об идолопоклонстве, скверно и мерзко. Христовы же образы и Пречистыя Матери его и всех святых, хотя и видимы, но одновременно и бес-телесны и подобно первообразу спасению способствуют. Где ты найдешь жертвоприношение и кровопролитие перед иконами <...>? Этого перед иконами не совершается. Идолам капища и дым жертвенный, и не только жертвы, но и кровавые возлияния, иконам же в церквах духовные молитвы и сердечные жертвы. Иконам честь воздавая, поклонимся. Но образам Христа и Богородицы, а не краскам и доскам поклонимся. И на первое место ставим поклонение не материи иконы, а образу, запечатленному в ней. А если на закон Моисеев ссылаешься, то приведу тебе самого Моисея. Как Моисей двух золотых херувимов создал в Святая Святых¹⁴⁷, как и завесу соткал, на которой были вышиты образы небесного, а также кивот завета, окованный золотом, в котором хранились манна, жезл Ааронов и скрижали завета, все, чему поклонялись иудеи. <...> Так же было воплощено и Слово Божие¹⁴⁸.

Эдесский князь Авгарь принял образ Господа на убресе¹⁴⁹. И он поднял его от недуга расслабления.

И на том самом одре болезнь прекратилась, когда наш Господь Иисус Христос послал ему свой образ на убресе с апостолом. <...> И сколько от того божественного образа было различных чудес. Больным исцеление и изгнание бесов, поражение воинствам нечестивых, благочестивым — победа. Вплоть до гибели Греческого царства много было чудес от этого благочестивого образа. Если хочешь истину познать, прочти о царстве Греческом и все узнаешь. О том, как кровоточивая жена, исцеленная от раны, божественный образ Христов в меру возраста Господня из меди отлила¹⁵⁰. Много исцелений было от него вплоть до лета сатанинского, когда пришел отступник, злочестивый царь Юлиан. Что о Лиддской церкви, то в ней появилось изображение Пречистой Богоматери с предвечным младенцем на столбе у западных врат¹⁵¹. Эту церковь создали апостолы, в ней и явилось это изображение. <...> Божьим повелением нерукотворный образ на столбе возник. Не рукописан был, но богописан, как сама Богоматерь во плоти. Апостолы просили ее прийти на освящение храма. Она же сказала: «Придете, чада, и я с вами там буду». И когда они пришли, то увидели преславный этот образ и, радости бесчисленной исполнившись, со слезами молились Творцу. Потом и Богоматерь пришла, увидела свой образ и сказала: «Благодать моя и сила да будет с тобою». И это божественное изображение злосмердный Юлиан¹⁵² хотел уничтожить. Но сколько его воины рубили камень, пытаясь образ на землю низвергнуть, настолько божественным повелением оно силу взяло, в камень войдя, и до той поры совершались чудеса, пока посланные (воины) не отошли, не сумев сбросить образ. <...> И об Энее. Исцеленный от Петра и Иоанна, он воздвиг прекрасную церковь, где

появился образ Богоматери¹⁵³. Этой иконой совершились многие чудеса. Вот и божественный Лука образ Богоматери написал и к ней принес. Она же сказала: «Благодать моя и сила будет с тобою». Божьим повелением эта икона здесь, в царствующем граде Москве, сохраняя христианство, пребывает¹⁵⁴. <...> И что еще скажу? Не хватит мне времени, чтобы рассказать обо всем, как апостол Павел в «Послании к евреям» пишет. И если хочешь истину познать, все в божественном Писании найдешь... Божественное воплощение это воплощение Спаса и Господа нашего Иисуса Христа, изволившего воплотиться и спасти нас. Пречистая Его Богоматерь сподобилась такому божественному таинству послужить и огонь божественный в утробу приняла. Потому что ходатайствует она о спасении рода нашего, через нее с Богом сочетаемся. И во имя этого ее образу поклоняемся. <...> Отличается поклонение иконам от идольского бесования. Скажи мне, могут ли такие чудеса быть от идолов? И такие же исцеления, как и от икон? Если ты иконному поклонению, как пес, не веруешь, по заповеди Господа не подобает с тобой о святом говорить. Что ты писал об Иоанновом послании? В этом послании сказано: «Дети! Храните себя от идолов». А об иконах там ничего не сказано.

И здесь ты ложь написал. А что писал о тех, которых Бог карал за то, что образы ставят, и мы того в божественном Писании нигде не нашли. А что писал о вознесении Господнем, и той строки там нет. <...> И еще в «Откровении Иоанна Богослова» об ангеле¹⁵⁵. Все это смирения ради. Поэтому и Сам Господь наш Иисус Христос, когда преобразился на горе¹⁵⁶ и сошел с нее, заповедал ученикам своим никому не рассказывать о виденном, покуда Сын Человеческий не

воскреснет из мертвых. Это Господь показал во имя смирения и уча смиряться, чтобы никто себя сам не превозносил. Ради этого и ангел у Иоанна Богослова смиряется. Так и Петр поднял Корнилия ради смирения <...> А еще ты писал, что не подобает, кроме Бога, никаких святых на помощь призывать, но в Евангелии написано иное: «Иисус, вышед, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря». Тогда обратился он к ученикам своим: «Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою». И призвал учеников своих, дав им власть на духов нечистых, чтобы их изгонять и исцелять всякий недуг и всякую болезнь. И ты видишь, какая власть была дана Господом ученикам своим и святым, не потому, что он сам не мог спасти людей, но сходя к их немощам и неразумию... А если ссылаешься на псалом Давида, так там все об идолах писано, а не об иконах. А еще писал, что несколько сот лет образов не было. И это писал ложно, от Христова воплощения начались образы и доныне появляются. А что писал о святом Епифании Кипрском¹⁵⁷, будто он образ терзал какого-то святого, и то писано ложно. Это написание еретическое и истинными христианами не приемлется. <...> А что в вашей стране делается с образами, о том и говорить не хочу, поскольку поддались вы бесовскому обольщению и сами о том знаете.

<...> Вот мое слово. За то, что ты писал по нашему велению вольно и говорил смело, мы на тебя не гневаемся, и сейчас свое слово помним, и на тебя опалы никакой не кладем. Почему мне тебя нельзя не считать еретиком, так это потому, что учение твое полностью противоположно Христову учению и все рассуждения

твои против Христовой Церкви направлены. И ты не только еретик, но и слуга антихристово дьявольского совета¹⁵⁸. Едва ли не больший, чем Лютер. Впредь своего учения в нашей стране не объявляй. Господа нашего Иисуса Христа, всех Спасителя, прилежно молим, чтобы наш российский род сохранил от тьмы неверия вашего. Отцу слава с присносущим¹⁵⁹ его Сыном и Святым Духом и во веки веков. Аминь.

**Первое послание
шведскому королю Юхану III**

(1572)¹⁶⁰

Божьей милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, Великого государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, от нашего высочайшего царского порога грозное повеление и наставление.

Когда ты получишь это наше государево послание, тебе, Юхану, королю Шведскому, Готскому и Вендийскому¹⁶¹, будет уже известно и другое наставление, данное нами прежде, в январе месяце. В этом наставлении было подробно описано, как ты присылал к стопам нашего владычества бить челом Павла, епископа Абовского¹⁶², когда наше высокое величество было в своей вотчине, в Великом Новгороде, как о приезде твоих послов было донесено нам в Великий Новгород, как мы по прежнему обычаю дали твоим послам наставление, как твои послы раздражили наше величе-

ство своим нелепым поведением и мы на них разгневались, как мы, находясь в Великом Новгороде, хотели за твое малоумие обратить свой гнев на твою Шведскую землю, и по какой причине наше величество, надеясь, что ты образумишься, отложило свой гнев, снисходя к челобитию твоих послов нашей государевой думе, Михаилу Кайбуловичу Астраханскому¹⁶³ с товарищами, к ходатайству наших детей и к челобитью нашей думы, и как мы, отпустив твоих послов, послали с ними к тебе наставление и повеление, как тебе заслужить прощение нашего высокого величества. Об этом тебе неоднократно было писано подробное наставление и установлен срок для прибытия твоих послов к нам в нашу вотчину, Великий Новгород, в Троицын день этого года. Мы же, как истинный христианский государь, умилосердились над твоей Шведской землей, удержали свой гнев и остановили бранную лютость. Но даже немногие наши люди из передовых частей, оторвавшись от остальных, сумели причинить твоей земле достаточно вреда, — ты сам знаешь, чего они достигли и сколько людей пленили и куда ты дел своих людей. Мы надеялись, что ты и Шведская земля уже осознали свою глупость. Поэтому мы и оказали милость твоим послам, отпустив их домой. Мы дали тебе наставление, как тебе бить челом, и назначили срок — Троицын день. Мы же обещали быть к этому времени в своей вотчине, в Великом Новгороде, и выслушать твое челобитье от твоих послов.

К указанному тебе сроку, в Троицын день, наше величество прибыло в нашу вотчину, в Великий Новгород, со своими думными людьми. Но ты словно обезумел, и по восьмой день августа от тебя никакого ответа нет. А мы до сих пор ожидали от тебя ответа, мило-

ство и кротко пребывая здесь со всей своей царской роскошью и со всей своей думой, с ближними людьми и без рати, но до сих пор про твоих послов слуху нет, придут они или нет. А выборгский твой приказчик Андрус Нилишев¹⁶⁴ писал к ореховскому наместнику князю Григорию Путятину, будто наше высокое величество само просило мира у ваших послов.

Нет нужды много писать об этом: этой зимой ты сам увидишь, как мы просим мира, — то будет уже не то, что было прошлой зимой! А после этого нам сказали, что твои послы будут к Петрову дню. Не надеешься ли ты, что Шведская земля может по-прежнему плутовать, как делал твой отец Густав, нападавший вопреки перемирию на Орешек? Как тогда досталось Шведской земле! А как брат твой Эрик обманом хотел нам дать жену твою Катерину¹⁶⁵, а его свергли с престола и тебя посадили! А потом осенью нам говорили, что ты умер, а весной сказали, что тебя согнали с государства брат твой Карл да зять твой герцог Магнус. А после этого пришла весть про послов твоих, будто они идут и будто ты на своем государстве. Ныне же про послов твоих слуху нет; говорят, что ты сидишь в Стокгольме, в осаде, а брат твой Эрик на тебя наступают. И тут-то ваше плутовство и обнаруживается: оборачиваетесь, как гад, разными видами. И раз уж год прошел, а ты бить челом не прислал, а земли своей и людей тебе не жаль (богат и надеешься на деньги!), то мы тогда много писать не хотим: возложили упование на Бога. А как крымскому хану без нас от наших воевод досталось¹⁶⁶, о том спросив, узнаешь!

Ныне же мы поехали на свое царство в Москву, а в декабре опять будем в своей вотчине, Великом Новгороде, и тогда ты посмотришь, как мы и наши

люди станем у тебя мира просить! Если же ты захочешь бранную лютость утолить и пришлешь послов, согласно нашему наставлению, то мы тебя за твою покорность пожалуем.

Дано это величественное наставление в нашей вотчине, в Великом Новгороде, в 7080¹⁶⁷ году, 11 августа, на 39-й год нашего правления, 26-й год принятия Российского царства, 20-й год Казанского царства, 18-й год Астраханского царства.

Второе послание шведскому королю Юхану III

(1573)¹⁶⁸

Божьей милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, Великого государя, Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси наставление и слово Юхану, королю шведскому.

Ты прислал к нам через пленника свою грамоту¹⁶⁹, наполненную собачьим лаем, — мы дадим тебе на нее отповедь позже. А сейчас, по своему государскому обычаю, достойному нашего высокого величества, посылаем тебе пространное наставление со смирением.

Первое: ты пишешь свое имя впереди нашего, это неприлично, ибо нам брат цесарь Римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честью ниже этих государств, как будет доказано впереди. Ты говоришь, что Шведская земля вотчина отца твоего; так ты бы нас из-

вестил, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, был ли твой дед на престоле¹⁷⁰ и с какими государями он был в братстве и в дружбе, укажи нам всех их поименно и грамоты пришли, и мы тогда уразумеем.

Когда ты прислал гонца, своего переводчика Петрушу¹⁷¹, просить охранной грамоты для своих послов, то мы думали — ты хочешь заключить мир по прежнему обычаю: с наместниками новгородскими¹⁷² (так ведь велось исстари в течение нескольких сот лет, еще при князе Юрии да при посадниках новгородских, а у вас — при князе Магнусе, который ходил войной к Орешку), и потому мы послали охранную грамоту по прежним обычаям и хотели даровать тебе по прежним обычаям мир с нашими вотчинами — Великим Новгородом и Ливонской землей. Но ты епископа Павла прислал без настоящих полномочий и с надменностью, и поэтому из этого ничего не вышло. С архиепископом Павлом была послана охранная грамота, — так почему же ты к нам в течение всего лета не прислал послов? А мы были в своей вотчине, в Великом Новгороде, и ждали, что ты смиришься, а военных действий не вели нигде, разве что какие-нибудь мужики столкнулись между собой на границе. А если некоторые люди, оторвавшись от наших передовых частей, и повоевали в Финской земле, то это случилось потому, что, когда мы отправили с епископом Павлом охранные грамоты на послов, эти люди уже далеко зашли — мы приказали их вернуть, но не успели, поэтому они и повоевали.

А Ливонскую землю мы не перестанем завоевывать, пока нам ее Бог даст. Злое же дело начал ты, как только сел на государство и наших великих послов, боярина нашего и наместника смоленского

Ивана Михайловича Воронцова, дворецкого нашего можайского Василия Ивановича Наумова и дьяка нашего Ивана Васильева сына Лапина, неповинно и с глумлением велел ограбить и обесчестить¹⁷³, в одних сорочках их оставили! А ведь это такие великие люди: отец того Ивана, Михаил Семенович Воронцов, был нашим наместником в нашей вотчине, в Великом Новгороде; а прежде никогда не бывало, чтобы от нас, государей, ходили послы в Шведскую землю: послы всегда ходили от новгородских наместников! А наказание на послов возложено напрасно, якобы за то, что они за твоей женой приехали, а они не сами приехали: прислали их, а послали их из-за вашего же вранья: сказали, что тебя в живых нет. Если бы сказали, что ты жив, как же было твою жену просить? Каждый знает, что жену у мужа взять нельзя. И тебе надо было пенять на своего брата Эрика да на его советников, которые с ним делали это дело обманом. А послы наши, боярин и наместник смоленский Иван Михайлович Воронцов с товарищами, приняли страдания и глумления из-за твоего недомыслия.

Произошло это все таким образом: прежде всего, вскоре после твоей свадьбы стало известно, что твой брат Эрик подверг тебя заточению, а после этого стало известно, что ты скончался. И мы, прождав года с полтора, послали к твоему брату, королю Эрику, гонца своего, Третьяка Андреевича Пушечникова, узнать, жив ты или нет, чтоб брат твой Эрик, если тебя нет в живых и детей у тебя также нет, прислал к нам, ради наших милостей, Катерину, сестру брата нашего короля польского и Великого Князя литовского Сигизмунда-Августа, а мы его за то пожалуем, освободим от сношений с наместниками нашей вотчины, Великого Нов-

города, и начнем с ним сношаться сами. А просили мы Катерину, сестру брата своего, для того только, чтобы, взяв ее, отдать ее своему брату Сигизмунду-Августу, Божьей милостью королю польскому и Великому Князю литовскому, а у него взять за сестру его Катерину свою вотчину, Ливонскую землю, без кровопролития, а не по той причине, которую измыслили лгуны и бездельники; в этом деле нет никаких причин, кроме тех, о которых мы писали выше.

Тебя же от нас спрятали; ведь если бы мы знали, что ты жив, разве мы стали бы просить твою жену? И посланника нашего Третьяка, заведя в пустынное место, умили, предав насильственной смерти, а к нам прислал твой брат своего посланника Ивана Лаврентьева¹⁷⁴ с уверением, что наш гонец Третьяк умер случайно, и с просьбой сообщить, что именно мы хотели передать через Третьяка. И мы Ивану Лаврентьеву велели сказать о нашей милости твоему брату: если он пришлет сестру польского короля Катерину, то мы его пожалуем — освободим от сношений с наместниками. После этого твой брат Эрик послал к нам своих послов, князя Нильса¹⁷⁵ с товарищами, и они посулили отдать нам сестру польского короля Катерину, а мы пожаловали твоего брата Эрика, освободили его от сношений с наместниками, дали клятву и послали своих полномочных послов. Наши полномочные послы жили у вас года с полтора, а про тебя слуху никакого не было, жив ты или нет, и у Нильса с товарищами не могли они ничего про тебя выпытать, поэтому-то о тебе и не думали, поэтому и была высказана такая просьба. Когда же ты пришел к власти, ты беспричинно предал наших послов грабежу, бесчестью и оскорблениям из-за лживого сообщения твоего брата и всех шведских людей.

Заманили обманом наших послов, да и мучат, и грабят, да год просидели в Або в заточении, да еще отпустил ты их, как каких-нибудь пленников! Но ведь наши послы не виноваты ни в чем — не солгали бы ваши люди нашим людям, и ходить незачем было; а мы думали, что они говорят правду. Тебе следовало пенять на своих людей, которые сообщают неправду, а наши послы у тебя напрасно мучились из-за твоего недомыслия. А после всего этого ты с надменностью послал к нам своих послов, Павла, епископа Абовского, и других. Итак, это ты начал делать злое дело, нападая на честных людей вместо лживых, если бы мы вашей лжи не поверили, этого бы не было.

Все это мы тебе обстоятельно объяснили, а много говорить об этом нет нужды: жена твоя у тебя, никто ее не хватает, а вот много крови ради одного слова своей жены пролил ты напрасно. Вперед об этом вздоре много говорить не стоит, а станешь говорить, мы тебя и слушать не будем: делай что хочешь со своей женой, никто на нее не покушается!

А что ты писал о своем брате, короле Эрике, будто мы из-за него собирались начать с тобой войну, то это смехотворно. Ради этого нам нечего было с тобой войну начинать: нам брат твой Эрик не нужен. А что мы ему свою жалованную грамоту послали, то это произошло таким образом: в то время, когда ты присылал к нам своего гонца Антона Ольса, между нашей вотчиной, Великим Новгородом, и тобой началась война, и к нам через некоторых людей дошло челобитье от твоего брата короля Эрика, чтобы нам ему оказать помощь или, если он прибежит к нам, принять его к себе. И мы потому оказали ему милость, что ты враг нашей вотчине и нам нужно было что-нибудь сделать, чтобы

ты осознал свою гордость и присмирел; а если бы нам пришлось начать войну, это также пригодилось бы. А ради этого нам войну начинать не стоило, да и не собирались мы войну начинать: а беглого нам как не принять? Тебе же мы писали, чтобы ты пришел в сознание и прислал послов, тогда и решение было бы обо всем по-хорошему. Но ты из гордости не прислал послов, из-за этого и кровь льется. Об Эрике же мы тебе ни с кем ничего не передавали и за него не хлопотали, а раз такого дела не было, то что и говорить? А что значит, что была грамота? Было написано, да прошло.

Если бы ты хотел жить по правде, так ты бы прислал ко мне послов — все бы и без крови разрешилось. А ты крови желаешь, поэтому ты бессмыслицу говоришь и пишешь. Никто на тебя не покушается, делай с женой и с братом что хочешь; об этом много говорить не стоит. А много крови проливается из-за нашей вотчины, Ливонской земли, да из-за твоей гордости, что не хочешь по прежним обычаям сноситься с новгородскими наместниками: и пока ты этого не осознаешь, и дальше будет литься много невинной крови из-за твоей гордости и из-за того, что незаконно вступил в нашу вотчину, Ливонскую землю. Ты писал, что мы не сдержим обязательств, данных в грамоте и скрепленных печатью, но ведь на свете есть много великих государств, и во всех этих государствах наше слово неизменно ценится (ты спроси там — узнаешь!), почему же в одной Шведской земле будет по-иному? А что послы твои вопреки обычаю и охранной грамоте были обесчещены и отправлены в заключение, то ты этому не дивись: нельзя же было не ответить на твой недостойный поступок с нашими послами, да и то мы еще не поквитались за наших послов: ведь

наши послы великие люди, а те холопы, а наши послы у тебя в Або сидели взаперти долго (это ли не заточение?), да и отпустил ты их, как пленников, а всех их опоили отравой, и они, приехав сюда, померли. Спеси же с нашей стороны никакой нет, а писали мы тебе так, как подобает писать нашей самодержавной власти к твоей королевской, ибо раньше того не бывало, чтобы великим государям всея Руси сноситься со шведскими правителями; сносились шведские правители с Новгородом. Неужели же достоинство нашей вотчины, Великого Новгорода, заключалось в том, что она от нас отделялась, а теперешнее бесчестие в том, что она признает нас, великих государей, как ты нелепо пишешь? А войску нашему правитель Бог, а не человек: как Бог даст, так и будет.

А это истинная правда, а не ложь — что вы мужичий род, а не государский. Пишешь ты нам, что отец твой венчанный король, а мать твоя также венчанная королева; но хоть отец твой и мать венчанные, но предки-то их на престоле не бывали! А если уж ты называешь свой род государским, то скажи нам, чей сын отец твой Густав, и как деда твоего звали, и где на государстве сидел, и с какими государями был в братстве, и из какого ты государского рода? Пришли нам запись о твоих родичах, и мы по ней рассудим. А нам хорошо известно, что отец твой Густав происходил из Смоланда, и еще потому нам известно, что вы мужичий род, а не государский, что когда при отце твоём Густаве приезжали наши торговые люди с салом и с воском, то твой отец сам, надев рукавицы, как простой человек, пробовал сало и воск и на судах осматривал и ездил для этого в Выборг; а слышал я это от своих торговых людей. Разве это государское дело? Не

будь твой отец мужичий сын, он бы так не делал. Ты пишешь, что в течение нескольких сот лет в Швеции были короли, но мы таких не слышали за исключением Магнуса, который ходил под Орешек, да и тот был князь, а не король. А давно ли в Шведской земле сидел правитель Стен Стуре? Об этом у тебя многие помнят: спроси, узнаешь. А отец твой обменивался грамотами с новгородскими наместниками, и грамоты эти писались следующим образом: сперва написан титул нашего царского величества, а затем написано: «Густав Эрикович, Божьей милостью Шведский и Готский король, и советники королевства Шведского и вся земля Шведская присылали своих послов к Великому государю Ивану, Божьей милостью Царю и Государю всея Руси и Великому Князю бить челом, чтобы Великий государь Иван Густава, короля Шведского и Готского, и советников королевства Шведского и всю землю Шведскую пожаловал, велел своим боярам и наместникам Великого Новгорода и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины, Великого Новгорода, торговать со Шведской землей по-прежнему. И Великий государь Иван по их челобитью Густава Эриковича, шведского короля, и всю Шведскую землю пожаловал, велел своему боярину и наместнику Борису Ивановичу Горбатову и дворецкому Семену Никитичу Бутурлину и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины торговать со Шведской землей по-прежнему». И довели до конца это челобитье новгородскому наместнику Великому государя Царя русского князю Б. И. Горбатову и дворецкому С. Н. Бутурлину шведские послы господин Кнут Андреевич и Бернардин Николаевич¹⁷⁶ и от имени

всей Шведской земли заключили перемирие на шестьдесят лет — от Благовещенья 7045 г. до Благовещенья 7105 г.¹⁷⁷ с наместником Великого государя Царя русского Б. И. Горбатым и дворецким С. Н. Бутурлиным, которые выступали от имени вотчины Великого государя, Новгородской земли; и по условиям этого мира должен быть устроен съезд в Соболине, на реке Вуоксе, через десять лет после заключения мира, в Ильин день 7055 г.¹⁷⁸, а на этом съезде должны присутствовать с обеих сторон достойные люди из вотчины Великого государя Царя русского, Великого Новгорода, а также из Шведского королевства, которые должны измерить границы по земле и воде согласно грамотам князя Юрия и князя Магнуса. Во исполнение всех этих условий, по повелению Великого государя Ивана боярин и наместник Великого Новгорода Б. И. Горбатый и дворецкий С. Н. Бутурлин привесили к этой мирной грамоте свои печати и принесли клятву, целуя крест за вотчину Великого государя, Великий Новгород, и за Новгородскую державу. А от имени Шведской державы короля Густава и от Выборгской державы и от города Выборга, за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников королевства Шведского целовали крест послы Шведского королевства Кнут Андреевич и Бернардин Николаевич. Когда же новгородские наместники Великого государя Царя русского пошлют своего посла к королю Густаву, то Густав, король Шведский и Готский, должен будет за всю Шведскую державу перед этим послом целовать крест, обязуясь исполнить то, что написано в этой мирной грамоте, и должен будет Густав, король Шведский, привесить к этой грамоте свою печать. А архиепископ Упсальский

должен будет поручиться за всю Шведскую державу, и должны будут они исполнять то, что написано в этих грамотах. Заключен этот мир в Великом Новгороде в 7045 году, а от воплощения Господня в 1537 году.

Все это мы тебе выписали точно из грамоты о перемирии, которую отец твой Густав заключил с новгородскими наместниками. И если бы у вас было настоящее королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля не считались бы за товарищей, а землю к именам великих государей не приписывают. Всего же достовернее будет, если ты пришлешь запись о своем государском роде, о котором ты писал, что ему четыреста лет, кто после кого сидел на престоле, с какими государями были в братстве, и мы отсюда уразумеем величие твоего государства. Какие ваши предки жили в городах и столицах, а не в мужичьих деревнях, и кто входил в ваш род, кроме твоего отца (сообщи все это обстоятельно!), и какие у вас в Швеции были еще короли и из какого рода. А что ты писал о короле Арцымагнусе¹⁷⁹, так мы и помимо него знаем, что вы — мужичий род и попали на престол не по своему достоинству, а благодаря родству. Те же, которые сидели в городах и больших местах, были не из вашего рода и также не короли. А королев мы в Шведской земле не слыхали до твоего отца Густава; первый король твой отец, а ссылался он в своих грамотах на грамоты князя Магнуса, а не короля. Ведь и твой отец мог бы сыскать прежних королев, да не ссылался на королев, а ссылался на князя Магнуса, а ты, неведомо каким образом, сыскал у себя прежних королев! И потому еще ваш род — мужичий и государство — не великое, что написано в тех же грамотах, что отец твой должен целовать крест за всю Шведскую державу, и за город

Выборг, и за Выборгскую державу, а архиепископ Упсальский должен поручиться; а от имени Шведской державы короля Густава, и от Выборгской державы, и от города Выборга, от всей Шведской земли за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников Шведского королевства целовали крест послы Шведского королевства, обещая, что король Густав будет целовать крест, а архиепископ Упсальский даст поручительство, и все сказанное должны будут исполнить. И ты бы сам рассудил, ведется ли так в великих государствах, как в вашем? Отец твой целовал за Шведскую державу и за Выборгскую державу, выходит, что Выборг как бы особое место, а сидит там как будто бы товарищ отца твоего. Если бы ваше государство было великое, то и архиепископ Упсальский не был бы записан в товарищах отца твоего, а то записан архиепископ как товарищ твоего отца. Почему советники Шведского королевства товарищи твоему отцу? А послы не от одного отца твоего, а от всего Шведского королевства, а отец твой во главе их, как староста в волости. И если бы отец твой был великим государем, то и архиепископ у него в товарищах не был бы, и советники, и вся земля Шведская, и Выборгская держава приписаны не были бы, и послы были бы от одного твоего отца, а не от королевства Шведского, а здесь послы от королевства Шведского, а не от одного отца твоего, и архиепископ приписан. «Должны будут исполнить то, что написано в той грамоте», — видишь ведь, как отцу твоему исполнить, так и архиепископу! И тебе поэтому нельзя равняться с великими государями: у великих государей таких обычаев не бывает. Если же кто-нибудь не бережет своего государственного достоинства и

называет тебя своим братом, то это его дело; нас это не касается, мы соблюдаем свою честь, как подобает нашему царскому величеству. Если же ты не доверяешь той грамоте своего отца, то пришли своих послов, верных людей, и они посмотрят эту грамоту и печать твоего отца на ней. И с этими послами ты сообщи нам, был ли кто-нибудь королем в Шведской земле до отца твоего, кто именно был и из какого рода и с кем он был в братстве; а мы об этом не слыхали, уж не нашел ли ты этих королей у себя в чулане?

А король Магнус нам этого не рассказывал, и он сам столько не знает про ваш мужицкий род, сколько мы узнали от людей, приходящих из разных земель. А что мы короля Арцымагнуса пожаловали городом Полчевом и иными городами, то мы, слава Богу, в своей вотчине вольны: кого хотим, того и жалуем. А что было написано о деде Арцымагнуса Фридрихе, то тут, как видно, переводчики сделали какую-то описку. Сам же ты написал вполне верно, что некоторое время тому назад Христиерн, благородный король Дании, взял под свою благородную власть Шведское королевство, а затем, оставив там своих бояр, поехал на свое государство в Датскую землю; и отец твой Густав, сговорясь с прежними правителями Шведской земли, примчался из Смоланда с коровами и перебил бояр короля Христиерна Датского, а сам стал королем: после этого он сговорился с Христианом, отцом Магнуса, и они захватили Христиерна, а датским королем посадили Христиана. Так оно и было, правду ты нам написал, больше и писать нечего. Сам ведь ты написал, что ваше королевство выделилось из Датского королевства, а если ты еще нам пришлешь грамоту с печатью о том, как бессовестно поступил отец

твой Густав, захватив королевство, то и того лучше будет, нам и писать будет нечего об этом: сам ты свое холопство признал!

Ты писал насчет нашего царского письма о Великом государе самодержце Георгии-Ярославе, это мы потому писали, что с Великим государем самодержцем Георгием-Ярославом¹⁸⁰ во многих битвах участвовали варяги, а варяги — немцы; и раз они его слушали, значит, были его подданными: но мы об этом только известили, а нам это не нужно. А о твоей печати мы писали потому, что если ты хочешь с нами сноситься, минуя наместников новгородских, то ты должен за это нас чем-нибудь отблагодарить. Вот почему мы тебе об этом писали; а без такой благодарности тебе нельзя позволить сноситься с нами помимо наместников. Что же касается печати Римского царства, о которой ты писал, то у нас есть своя печать от наших прародителей; а римская печать нам также не чужда: мы ведем род от Августа-кесаря¹⁸¹, а ты судишь о нас вопреки воле Бога, что нам Бог дал, то ты отнимаешь у нас; мало тебе нас укорять, ты и на Бога покушаешься. Напрасно ты думаешь, что мы хотим присвоить твои титулы и печать для возвеличения, нам твоей мужичьей чести добиваться нечего и величия твоего не нужно. Мы тебе потому писали, что тебе нужно было сноситься с нами помимо наместников, но без достойного выкупа тебе этого не видать. Если же ты захочешь из-за этого кровь проливать, дело твое; а мы положились на Божью волю, что нам милосердный Бог даст. А твоего титула и печати мы просто так не хотим: если тебе хочется с нами сноситься помимо наместников, то ты нам уступи и подчинишься и отблагодари нас как следует, и тогда мы тебя пожалуем и

освободим от сношений с наместниками, а сноситься тебе с нами даром не дает права ни твое государство, ни твой род; а без твоего подчинения мы и сами не хотим твоего титула и печати. А если ты хочешь присвоить титулы и печати нашего царского величества, так ты, обезумев, можешь, пожалуй, и государем вселенной назваться, да кто тебя послушает? Если же тебе неуютно по нашему указанию поступить, то сносись по-старому с наместниками. Напрасно ты пишешь, что мы из честолюбия хотим присвоить твою печать и землю; мы писали об этом потому, что если ты хочешь с нами сноситься помимо наместников, то ты должен нам подчиниться, а если ты подчинишься, то и земля твоя, и владения, и печать будут нашими, и тогда мы тебя пожалуем и будем сноситься с тобою как со своим; а с чужим и столь незначительным государем, как ты, сноситься нам не подобает.

А к наместникам я тебя не приравниваю, так истари ведется, так Бог твое место определил, а ты Богу противишься и не хочешь по его повелению поступить. Да какому тебе Богу молиться, ты ведь безбожник: не только истинной веры не познал ты, но даже скромное прибежище латинского богослужения разрушено у вас, и иконы уничтожили, и священников сравняли с мирянами¹⁸²; ты сам ведь писал, что принял власть от отца своего, короля Шведской земли. А себя мы не хвалим и не прославляем, а только указываем на достоинство, данное нам от Бога; и тебя мы не хулим, а пишем это лишь для того, чтобы ты пришел в сознание и не требовал неподобающих вещей.

А что ты писал, будто мы просим у тебя твою королеву, так ты, неразумный человек, не понял. Мы писали тебе, что так же возможно, чтобы ты нам свою

жену отдал, как и то, чтобы мы сами тебе крест целовали; но ведь это невозможно, чтобы у мужа жену взять, всякий это знает (да мы и не хотим этого!), также невозможно и то, чтобы мы с тобой сами сносились помимо наместников, настолько это недостижимо! А ты, не рассудив, написал. Мы тебе писали не затем, чтобы жену твою просить; нам твоя жена не нужна, мы для твоего вразумления писали: насколько невозможно у тебя взять жену, настолько же невозможно тебе не сноситься через наместников. Мы писали тебе, осуждая твою гордыню, а не просили твою жену: нам твоя жена вовсе не нужна, делай с ней что хочешь. И крови неповинной мы не желаем, это ты из-за своей гордости проливаешь кровь христианскую и стремишься и далее проливать. Ты пишешь, будто это ложь, что польская королева была замужем за конюхом, так ты спроси тех, кто знает, кто такой был Войдило при Ягайле, короле польском, и из-за чего была борьба между Ягайло и его дядей Кейстутом, и как Кейстут повесил Войдила, и как Ягайло Кейстута захватил и велел удавить, тогда и узнаешь правду¹⁸³.

А что наш дьяк передавал твоему подданному Антону Ольсу¹⁸⁴, чтобы ты нам уступил все те земли, которые ты захватил в нашей вотчине Ливонской земле, незаконно туда вступив, и насчет серебряной руды и мастеров, которые добывают руду, и насчет десяти тысяч ефимков за оскорбление наших послов, и насчет воинских людей, так это мы передавали тебе потому, что раз тебе надобно с нами сноситься, то ты должен это сделать; а если за такое великое дело с нашей стороны вы не оплатите великим же делом, то ничего не выйдет. Мы несообразностей не признаем, это ты признаешь несообразности. Что тут сооб-

разного, чтобы ты с нами сноился? Это совсем несообразно, чтобы мы сноились с тобой, сами с тобой заключали мир, целовали крест, минуя наместников, и своих послов к тебе посылали.

Ты не хочешь послать нам послов бить челом, мы удивлены, откуда у тебя такая гордость и сила взялась, что ты не хочешь согласиться на то, на что соглашался твой отец: отец твой весь свой век прожил, сносясь с наместниками, только разок под старость не захотел, и как ему удалось это, ты знаешь! Отец твой с этим век прожил, а ты не хочешь, видно, ты лучше отца, что места его не хочешь! Если не пришлешь послов, миру не бывать; нам же к тебе послов посылать не подобает. Мы из снисхождения к тебе пишем: если хочешь, чтобы мы тебя пожаловали и от сношения с наместниками освободили, то пришли к нам своих великих послов бить челом и отблагодари нас за это великим делом, насколько сможешь; тогда мы тебя пожалуем и от наместников освободим; а, не дав выкупа, ты у нас этого не добьешься.

А что ты писал к нам лай и дальше хочешь лаем отвечать на наше письмо, так нам, Великим государям, к тебе, кроме лая, и писать ничего не стоит, да писать лай не подобает Великим государям; мы же писали к тебе не лай, а правду, а иногда потому так пространно писали, что если тебе не разъяснить, то от тебя и ответа не получишь. А если ты, взяв собачий рот, хочешь лаять для забавы, так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой бесчестие, а лай тебе писать и того хуже, а перелаиваться с тобой горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и пере-

лаивайся. Отныне, сколько ты не напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем.

Если хочешь выступить, так наши люди твои пушки видели: а захочешь еще попытаться, увидишь, какая тебе будет прибыль. Если же захочешь мира своей земле, пришли к нам своих послов, и мы узнаем от них твои намерения и решим, что следует сделать.

Писана в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Пайде¹⁸⁵, в 7081 году¹⁸⁶, 6 января, на 40-й год нашего правления, на 26-й год нашего Российского царства, 21-й — Казанского, 18-й — Астраханского.

Послание в Кирилло-Белозерский монастырь

(1573)

Послание Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича всея Руси в Кириллов монастырь, игумену Козьме с братиею во Христе¹⁸⁷

В пречестную обитель Успения Пречистой Богородицы и нашего преподобного отца Кириллачудотворца, священного Христова полка наставнику, вождю и руководителю в небесные селения, игумену Козьме с братиею во Христе, Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич челом бьет.

Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! Кто я такой, чтобы покушаться на такую дерзость? Молю вас, господа и отцы, ради Бога,

откажитесь от этого замысла. Я и братом вашим называться не достоин, считайте меня, по евангельскому завету, одним из ваших наемников. И поэтому, припадая к вашим святым ногам, умоляю, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Сказано ведь в писании: «Свет инокам — ангелы, свет мирянам — иноки». Так подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и погрязших среди греховного тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить, и чему наставлять, и чем просветить?

Сам вечно среди пьянства, блуда, прелюбодеяния, скверны, убийств, грабежей, хищений и ненависти, среди всякого злодейства, как говорит великий апостол Павел: «Ты уверен, что ты путеводитель слепым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания и истины; как же, уча другого, не учишь себя самого? проповедуя не красть, крадешь? говоря «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь; гнушась идолов, святотатствуешь; хвалишься законом, а нарушением его досаждаешь Богу». И опять тот же великий апостол говорит: «Как, проповедуя другим, сам останусь недостойным?»¹⁸⁸

Ради Бога, святые и преблаженные отцы, не принуждайте меня, грешного и скверного, плакаться вам о своих грехах среди лютых треволнений этого обманчивого и преходящего мира. Как могу я, нечистый и скверный душегубец, быть учителем, да еще в столь многомятежное и жестокое время? Пусть лучше Господь Бог, ради ваших святых молитв, примет мое писание как покаяние. А если вы хотите найти учителя, есть он среди вас, великий источник света,

Кирилл¹⁸⁹. Почаще взирайте на его гроб и просвещайтесь. Ибо его учениками были великие подвижники, ваши наставники и отцы, передавшие и вам духовное наследство. Да будет вам наставлением святой устав великого чудотворца Кирилла, который принят у вас. Вот ваш учитель и наставник! У него учитесь, у него наставляйтесь, у него просвещайтесь, будьте тверды в его заветах, передавайте эту благодать и нам, нищим и убогим духом, а за дерзость простите, Бога ради. Вы ведь помните, святые отцы, как некогда случилось мне прийти в вашу пречестную обитель Пречистой Богородицы и чудотворца Кирилла и как я, по милости Божьей, Пречистой Богородицы и по молитвам чудотворца Кирилла, обрел среди темных и мрачных мыслей небольшой просвет, зарю света Божия и повелел тогдашнему игумену Кириллу с некоторыми из вас, братия (был тогда с игуменом Иоасаф, архимандрит Каменский, Сергей Колычев, ты, Никодим, ты, Антоний, а иных не упомяну), тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мирского мятежа и смятения; и в долгой беседе я открыл вам свое желание постричься в монахи и искушал, окаянный, вашу святость своими слабосильными словами. Вы же мне описали суровую монашескую жизнь. И когда я услышал об этой божественной жизни, сразу же возрадовалась моя окаянная душа и скверное сердце, ибо я нашел Божью узду для своего невоздержания и спасительное прибежище. С радостью я сообщил вам свое решение: если Бог даст мне постричься при жизни, совершу это только в этой пречестной обители Пречистой Богородицы и чудотворца Кирилла; вы же тогда молились. Я же, окаянный, склонил свою скверную голову и припал к честным стопам тогдашнего ваше-

го и моего игумена, прося на то благословения. Он же возложил на меня руку и благословил меня на это, как и всякого человека, пришедшего постричься.

И кажется мне, окаянному, что наполовину я уже чернец: хоть и не совсем еще отказался от мирской суеты, но уже ношу на себе благословение монашеского образа. И видел я уже, как многие корабли души моей, волнуемые лютыми бурями, находят спасительное пристанище. И поэтому, считая себя уже как бы вашим, беспокоясь о своей душе и боясь, как бы не испортилось пристанище моего спасения, я не мог вытерпеть и решился вам писать.

И вы, мои господа и отцы, ради Бога, простите меня, грешного, за высказанные вам суетные слова [цитата из св. Илариона Великого, в которой он «ужасается» из-за того, что его принуждают присваивать себе «учительский сан»].

И если такое светило так говорит о себе, что же делать мне, вместилищу всяких грехов и игралищу бесов? Хотел было я отказаться от этого, но раз вы меня принуждаете, то я, как говорит апостол Павел, буду вести себя как безумец и в своем безумии буду говорить с вами не как учитель, имеющий власть, но как раб и подчинюсь вашему повелению, хоть и безмерно мое невежество.

И опять, как говорит то же великое светило Иларион, добавляя к предыдущему [еще цитата из Илариона, в которой тот, несмотря на свои сомнения, все же выражает согласие написать просимое «писание»].

Прочитав это, и я, окаянный, дерзнул написать, ибо кажется мне, окаянному, что такова Божья воля.

Поверьте мне, господа мои и отцы, свидетель Бог, Пречистая Богородица и чудотворец Кирилл, что и

того великого Илариона я до сих пор не читал и не видел и даже не слышал о нем, но когда я захотел к вам писать, то хотел выписать вам из послания Василия Амасийского, и, раскрыв книгу, нашел это послание великого Илариона, и, вникнув в него, увидел, что оно очень подходит к нынешнему случаю, и решил, что здесь заключается для нашей пользы некое Божье повеление, и поэтому дерзнул написать. Обратимся же, с Божьей помощью, к беседе. Вы принуждаете меня, святые отцы, и я, повинуюсь, пишу вам ответ.

Прежде всего, господа мои и отцы, вы, по Божьей милости и молитвами его Пречистой Матери и великого чудотворца Кирилла, имеете у себя устав этого великого отца, действующий у вас до сих пор. Имея такой устав, мужайтесь и держитесь его, но не как рабского ярма. Крепко держитесь заветов чудотворца и не позволяйте их разрушать <...>.

И вы, господа и отцы, стойте мужественно за заветы чудотворца и не уступайте в том, в чем вас просветили Бог, Пречистая Богородица и чудотворец, ибо сказано, что «свет инокам — ангелы и свет мирянам — иноки». И если уж свет станет тьмой, то в какой же мрак впадем мы, темные и окаянные! Помните, господа мои и святые отцы, что маккавеи только ради того, чтобы не есть свиного мяса, приняли мученический венец и почитаются наравне с мучениками за Христа; вспомните, как Елеазару сказал мучитель, чтобы он даже не ел свиное мясо, а только взял его в руку, чтобы можно было сказать людям, что Елеазар ест мясо. Доблестный же так на это ответил: «Восемьдесят лет Елеазару, а ни разу он не соблазнил людей Божьих. Как же ныне, будучи стариком, буду я совращать народ Израиля?» И так погиб. И божественный Златоуст пострадал от

обидчиков, предостерегая царицу от лихоимства. Ибо не виноградник и не вдова были причиной этого зла, изгнания чудотворца, мук его и его тяжелой смерти во время принудительного путешествия. Это невежды рассказывают, что он пострадал за виноградник, а тот, кто прочтет его житие, узнает, что Златоуст пострадал за многих, а не только за виноградник. И с виноградником этим дело было не так просто, как рассказывают. Но был в Царьграде некий муж в боярском сане, и про него наклеветали царице, что он поносит ее за лихоимство. Она же, обьятая гневом, заточила его вместе с детьми в Селунь¹⁹⁰. Тогда он попросил великого Златоуста помочь ему, но тот не упросил царицу, и все осталось как было. Там этот человек и скончался в заточении, но царица, неутомимая в своем гневе, захотела хитростью отнять убогий виноградник, который он оставил своей семье для прокормления. И если святые из-за столь малых вещей принимали такие страдания, сколь же сильнее, мои господа и отцы, следует вам пострадать ради заветов чудотворца. Так же как апостолы Христовы шли за ним на распятие и умерщвление и вместе с ним воскреснут, так и вам подобает следовать великому чудотворцу Кириллу, крепко держаться его заветов и бороться за истину, а не быть бегунами, бросающими щит и другие доспехи, наоборот, возьмитесь за оружие Божье, да не предаст никто из вас заветов чудотворца за серебро, подобно Иуде или, как сейчас, ради удовлетворения своих страстей. Есть и у вас Анна и Кайафа, Шереметев и Хабаров, и есть Пилат, Варлаам Собакин¹⁹¹, ибо он послан от царской власти, и есть Христос распинаемый, поруганные заветы чудотворца, ради Бога, святые отцы, ведь если вы в чем-нибудь малом допустите послабление, оно обратится в великое.

Вспомните, святые отцы, что писал к некоему иноку великий святитель и епископ Василий Амасийский, и прочтите там, какого плача и огорчения достойны проступки ваших иноков и послабления им, какую радость и веселье они доставляют врагам и какой плач и скорбь верным! То, что там написано некоему монаху, относится и к вам и ко всем, которые ушли от бездны мирских страстей и богатства в иноческую жизнь, и ко всем, которые воспитались в иночестве <...>.

Разве же вы не видите, что послабление в иноческой жизни достойно плача и скорби? Вы же ради Шереметева и Хабарова преступили заветы чудотворца и совершили такое послабление. А если мы по Божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдет, а монастыря уже и не будет! Зачем тогда и монашество, зачем говорить: «Отрекаюсь от мира и всего, что в нем есть», если мир весь в очах?

Как тогда терпеть скорби и великие напасти со всей братией в этом святом месте и быть в повиновении у игумена и в любви и послушании у всей братии, как говорится в иноческом обете? А Шереметеву как назвать вас братиею? Да у него и десятый холоп, который с ним в келье живет, ест лучше братии, которая обедает в трапезной. Великие светильники православия Сергей, Кирилл, Варлаам, Дмитрий и Пафнутий¹⁹² и многие преподобные Русской земли установили крепкие уставы иноческой жизни, необходимые для спасения души. А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы: выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них; не вы им учителя и законодатели, а они вам. И если вам устав Шереметева хорош, держите его, а устав Кирилла плох, оставьте его. Сегодня тот боярин один

порок введет, завтра другой иное послабление введет, мало-помалу и весь крепкий монастырский уклад потеряет силу и пойдут мирские обычаи. Ведь во всех монастырях основатели сперва установили крепкие обычаи, а затем их уничтожили распутники. Чудотворец Кирилл был когда-то и в Симонове монастыре, а после него был там Сергей. Какие там были правила при чудотворце, узнаете, если прочтете его житие; но Сергей ввел уже некоторые послабления, а другие после него еще больше; мало-помалу и дошло до того, что сейчас, как вы сами видите, в Симонове монастыре все, кроме тайных рабов Господних, только по одеянию иноки, а делается у них все, как у мирских, так же как в Чудовом монастыре, стоящем среди столицы перед нашими глазами, и нам и вам это известно. Были там архимандриты: Иона, Исак Собака, Михайло, Вассиан Глазатый, Авраамий, при всех них был этот монастырь одним из самых убогих. А при Левкии он сравнялся по благочинию с лучшими обителями, мало в чем уступая им в чистоте монашеской жизни. Смотрите сами, что дает силу: послабление или твердость? А вы над гробом Воротынского¹⁹³ поставили церковь! Над Воротынским-то церковь, а над чудотворцем нет! Воротынский в церкви, а чудотворец за церковью! Видно и на Страшном Суде Воротынский да Шереметев станут выше чудотворца: потому что Воротынский со своей церковью, а Шереметев со своим уставом, который для вас крепче, чем Кириллов. Я слышал, как один брат из ваших говорил, что хорошо сделала княгиня Воротынская. А я скажу: нехорошо, во-первых, потому что это образец гордости и высокомерия, ибо лишь царской власти следует воздавать честь церковью, гробницей и покровом. Это не только не спасение

души, но и пагуба: спасение души бывает от всяческого смирения. А во-вторых, очень зазорно и то, что над Воротынским церковь, а над чудотворцем нету, и служит над ним всегда только один священник, а это меньше, чем собор. А если не всегда служит, то это совсем скверно; а остальное вы сами знаете лучше нас. А если бы у вас было церковное украшение общее, вам было бы прибыльнее, и лишнего расхода не было бы, все было бы вместе и молитва общая. Думаю, и Богу это было бы приятнее. Вот ведь на наших глазах только в монастырях преподобного Дионисия в Глушицах и великого чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и эти монастыри по Божьей благодати славятся монашескими подвигами. А у вас дали сперва Иоасафу Умному оловянную посуду в келью, потом дали Серапиону Сицкому и Ионе Ручкину, а Шереметеву отдельный стол, да и кухня у него своя. Дашь ведь волю царю, надо и псарю; дашь послабление вельможе, надо и простому. Не рассказывайте мне о том римлянине, который славился своими добродетелями и все-таки жил такой жизнью: то ведь не установлено было, а было случайностью, и в пустыне было, недолго и без суеты, никого не соблазнило, ибо сказано в Евангелии: «Не надобно прийти соблазнам; горе тому человеку, через которого приходит соблазн!» Одно дело жить одному, а другое дело вместе с другими.

Господа мои, отцы преподобные! Вспомните вельможу, описанного в «Лестнице»¹⁹⁴, Исидора, прозванного Железным, который был князем Александрийским, а какого смирения достиг? Вспомните также и вельможу царя индийского Авенира: в какой одежде он явился на испытание, не в куньей, не в собольей. А Иоасаф, сын этого царя: как он, оставив царство, пешком по-

шел в Синаридскую пустынь, сменил царские одежды на власяницу и претерпел много бедствий, о которых раньше и не знал, как он достиг божественного Варлаама и какой жизнью стал жить вместе с ним, царской или постнической? Кто же был более велик, царский сын или неведомый пустынный? Принес ли царский сын с собой свои обычаи, или стал жить по обычаям пустынного даже и после его смерти? Вы сами знаете это гораздо лучше нас. А ведь у него много было своих Шереметевых. А Елизвой, царь эфиопский, какой суровой жизнью жил? А как Савва Сербский отца, мать, братьев, родных и друзей вместе со всем царством и вельможами оставил и принял крест Христов и какие монашеские подвиги совершил? А как отец его Немадя, он же Симеон, с матерью его Марией ради его поучения оставили царство и сменили багряные одежды на монашеские и какое при этом они обрели земное утешение и небесную радость? А как Великий Князь Святоша¹⁹⁵, владевший Великим княжением Киевским, постригся в Печерском монастыре и пятнадцать лет был там привратником и работал на всех, кто знал его и над кем он прежде сам властвовал? И не устыдился ради Христа такого унижения, что даже его братья вознегодовали на него. Они видели в этом унижение для своей державы, но ни сами, ни через других людей не могли отвратить его от этого замысла до дня его кончины, и даже после его кончины от его деревянного стула, на котором он сидел у ворот, бесы бывали отгоняемы. Вот какие подвиги совершали эти святые во имя Христа, а ведь у всех них были свои Шереметевы и Хабаровы. А как похоронен праведный цареградский патриарх, блаженный Игнатий, который был сыном царя и был, подобно Иоанну Крестителю, замучен

кесарем Вардой за обличение его преступлений, ибо Варда жил с женой своего сына?

А если в монахах жить тяжело, надо было жить в боярах, а не постригаться. На этом, святые отцы, я могу и закончить мое нелепое пустословие. Я мог ответить вам немного, ибо вы все это в Божественном Писании знаете гораздо лучше нас, окаянных. Да и это немного я сказал вам только потому, что вы меня к этому принудили. Вот уже год, как игумен Никодим был в Москве, а отдыха все нет: все Собакин и Шереметев! Что я им, отец духовный или начальник? Пусть как хотят, так и живут, если им спасение своей души не дорого! Долго ли будут длиться эти разговоры и смуты, суета и мятеж, распри и нашептывания и празднословие? И из-за чего? Из-за злобесного пса Василия Собакина, который не только не знает правил иноческой жизни, но не понимает даже, что такое чернец, а тем более инок, что еще выше, чем чернец. Он даже в одежде монашеской не разбирается, не только в жизни. Или из-за бесова сына Иоанна Шереметева? Или из-за дурака и упыря Хабарова? Поистине, святые отцы, это не чернецы, а поругатели монашеского образа. Разве же вы не знаете отца Шереметева, Василия? Ведь его бесом звали! А как он постригся да пришел в Троице-Сергиев монастырь, так сошелся с Курцевыми. А Иоасаф, который был митрополитом, с Коровиными, и начали они между собой ссориться, тут все и началось. И в какое убожество впала эта святая обитель, известно всем, имеющим разум.

А до этого времени в Троице были крепкие порядки; мы сами это видели: когда мы приезжали к ним, они потчевали множество людей, а сами блюли благочестие. Однажды мы в этом убедились собствен-

ными глазами во время нашего приезда. Дворецким тогда у нас был князь Иоанн Кубенский. Когда мы приехали, благовестили ко всенощной; у нас же кончилась еда, взятая в дорогу. Он и захотел поесть и попить, из жажды, а не для удовольствия. А старец Симон Шубин и другие, которые были с ним, не из самых главных (главные давно разошлись по кельям), сказали ему как бы шутя: «Поздно, князь Иван, уже благовестят». Сел он за еду — с одного конца стола ест, а они с другого конца отсылают. Захотел он попить, хватился хлебнуть, а там уже ни капельки не осталось: все отнесено в погреб. Такие были крепкие порядки в Троице, и ведь для мирянина, не только для чернецов! А слышал я от многих, что были в этом святом месте и такие старцы, которые, когда приезжали наши бояре и вельможи, их потчевали, а сами ни к чему не прикасались, если вельможи их заставляли в неподобающее время, и даже в подобающее время, и тогда едва прикасались. А про порядки, которые были в этом святом месте в древние времена, я слышал еще более удивительные вещи: было это, когда к монастырю Живоначальной Троицы приезжал помолиться к гробу Сергия-чудотворца преподобный чудотворец Пафнутий и жившая там братия вела с ним духовную беседу. И когда он захотел уйти, они из духовной любви к нему проводили его за ворота. И тогда, вспомнив завет преподобного Сергия — не выходить за ворота, они стали на молитву и преподобного Пафнутия побуждали молиться вместе с ними. И об этом молились и затем разошлись. И даже ради такой духовной любви не пренебрегали отеческими заповедями, а не то что ради чувственных удовольствий! Вот какие были в этом святом месте крепкие порядки в эти древние вре-

мена. Ныне же, за наши грехи, монастырь этот хуже Песношского, как в те времена была Песношь.

А все это послабление начало твориться из-за Василия Шереметева, подобно тому как в Царьграде все зло началось от царей Льва Исавра и его сына Константина Навозоименного. Ведь Лев только посеял семена злочестия, Константин же обратил царствующий град от благочестия к мраку: так и Вассиан Шереметев своими кознями разрушил отшельническую жизнь в Троице-Сергиевом монастыре вблизи столицы. Так же и сын его Иона стремится погубить последнее светило, сияющее, как солнце, и уничтожить спасительное пристанище для душ: отшельническую жизнь в Кирилловом монастыре, в самом пустынном месте. Ведь этот Шереметев, когда он еще был в миру, первый вместе с Висковатым перестал ходить крестным ходом. А глядя на это, и все перестали ходить. А до этого времени все православные христиане, с женами и с младенцами, участвовали в крестном ходе и в те дни не торговали ничем, кроме съестного. А кто попробует торговать, с тех взымали пеню. И такой благочестивый обычай погиб из-за Шереметевых. Вот каковы Шереметевы! Кажется нам, что они таким же образом хотят истребить благочестие и в Кирилловом монастыре. А если кто заподозрит нас в ненависти к Шереметевым или в пристрастии к Собакиным, то свидетель Бог, Пречистая Богородица и чудотворец Кирилл, что я говорю это ради монастырского порядка и искоренения послаблений. Слышали мы, что на праздник у вас в Кириллове монастыре были розданы братии свечи не по правилам, а некоторые при этом и служебника обижали. А прежде даже Иоасаф-митрополит не мог уговорить Алексия Айгустова, чтобы тот прибавил нескольких

поваров к тому небольшому числу, которое было при чудотворце. Немало и других было в монастыре строгостей, и прежние старцы твердо стояли и настаивали даже на мелочах. А когда мы в юности впервые были в Кирилловом монастыре, мы как-то однажды опоздали ужинать из-за того, что у вас в Кириллове в летнюю пору не отличить дня от ночи, а также по юношеским привычкам. А в то время помощником келаря¹⁹⁶ был у вас тогда Исайя Немой. И вот кто-то из тех, кто был приставлен к нашему столу, попросил стерлядей, а Исайи в то время не было — был он у себя в келье, и они с трудом едва его привели, и тот, кто был приставлен к нашему столу, спросил его о стерлядях или иной рыбе. А он так ответил: «Не было мне об этом приказа; что мне приказали, то я вам и приготовил, а сейчас ночь, взять негде. Государя боюсь, а Бога надо больше бояться». Вот какие у вас тогда были крепкие порядки: «правду говорить и перед царями не стыдился», как сказал пророк. Ради истины праведно и возражать царям, но не ради чего-либо иного. А ныне у вас Шереметев сидит в келье словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят, и пьют словно в миру. А Шереметев, не то со свадьбы, не то с родин, рассылет по кельям пастилу, коврижки и иные пряные искусные яства, а за монастырем у него двор, а в нем на год всяких запасов. Вы же ему ни слова не скажете против такого великого и пагубного нарушения монастырских порядков. Больше и говорить не буду: поверю вашим душам! А то ведь некоторые говорят, будто и вино горячее¹⁹⁷ потихоньку приносили Шереметеву в келью, так ведь в монастырях зазорно и фряжские¹⁹⁸ вина пить, а не только что горячие. Это ли путь спасения, это ли монашеская жизнь? Неужели вам не-

чем было кормить Шереметева, что ему пришлось завести особые годовые запасы? Милые мои! До сих пор Кириллов монастырь прокармливал целые области в голодные времена, а теперь, в самое урожайное время, если бы вас Шереметев не прокормил, вы бы все с голоду перемерли. Хорошо ли, чтобы в Кирилловом монастыре завелись такие порядки, которые заводил митрополит Иоасаф, пировавший в Троицком монастыре с клирошанами, или Мисаил Сукин, живший в Никитском¹⁹⁹ и других монастырях как вельможа, или Иона Мотякин и другие люди, не желающие соблюдать монастырские порядки? А Иона Шереметев хочет жить, не подчиняясь правилам, так же как отец его жил. Про отца его хоть можно было сказать, что он неволей, с горя в монахи постригся. Да и о таких Лествичник писал: «Видел я насильственно постриженных, которые стали праведнее вольных». Так те ведь невольные! А ведь Иону Шереметева никто взащей не толкал: чего же он бесчинствует?

Но если, может быть, такие поступки у вас считаются приличными, то дело ваше: Бог свидетель, я пишу это, только беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Гнев на Шереметевых тут ни при чем: у него ведь имеются братья в миру, и мне есть на кого положить опалу. Кто же будет надругаться над монахом и возлагать на него опалу! А если кто скажет, что я ради Собакиных, так мне из-за Собакиных нечего беспокоиться. Варлаамовы племянники хотели меня с детьми чародейством извести, а Бог меня от них спас: их злодейство раскрылось, и из-за этого все и произошло. Мне за своих душегубцев мстить незачем. Одно только было мне досадно, что вы моего слова не послушались. Собакин приехал с моим поручением, а вы

его не уважили, да еще и поносили его моим именем, что и рассудилось судом Божиим. А следовало бы ради моего слова и ради нас пренебречь его дуростью и поступить с ним кротко. Шереметев же приехал сам по себе, и вы потому его чтите и бережете. Это — не то что Собакин; Шереметев дороже моего слова; Собакин приехал с моим словом и погиб, а Шереметев — сам по себе и воскрес. Но стоит ли ради Шереметева целый год устраивать мятеж и волновать такую великую обитель? Новый Сильвестр на вас наскочил: видно, вы одной с ним породы. Но если я гневался на Шереметевых за Собакина и за пренебрежение к моему слову, то за все это я воздал им еще в миру. Ныне же, поистине, я писал, беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Не было бы у вас в обители тех пороков, не пришлось бы и Собакину с Шереметевым браниться. Слышал я, как кто-то из братьев вашей обители говорил нелепые слова, что у Шереметева с Собакиным давняя мирская вражда. Так какой же это путь спасения и чего стоит ваше учительство, если и после пострижения прежняя вражда не разрушается? Так вы отрекаетесь от мира и от всего мирского и, отрезая волосы, отрезаете и унижающие суетные мысли, так вы следуете повелению апостола: «жить обновленной жизнью»? Сказал ведь Господь: «Оставьте порочным мертвецам погребать свои пороки, как и своих мертвецов. Вы же, шествуя, возвещайте царство Божие». И если уж пострижение не разрушает мирской вражды, тогда, видно, и царство, и боярство, и любая мирская слава сохранится в монашестве, и кто был велик в бельцах, будет велик и в чернецах? Тогда уж и в Царствии Небесном так же будет: кто здесь богат и могуществен, будет и там богат и могуществен? Так

ведь это подобно лживому учению Магомета, который говорил: у кого здесь богатства много, тот и там будет богат, кто здесь в силе и славе, тот и там будет. Он и другое многое лгал. Это ли путь спасения, если и в монастыре боярин не сострижет боярства, а холоп не освободится от холопства? Как же будет с апостольским словом: «Нет ни эллина, ни скифа, ни раба, ни свободного, все едины во Христе»? Как же они едины, если боярин по-старому боярин, а холоп по-старому холоп? А разве апостол Павел не называл Анисима, бывшего раба Филимона, его братом? А вы и чужих холопов к боярам не приравниваете. А в здешних монастырях до последнего времени держалось равенство между холопами, боярами и торговыми мужиками. В Троице при нашем отце келарем был Нифонт, холоп Ряполовского, а с Бельским²⁰⁰ с одного блюда ел. На правом клиросе стояли Лопотало и Варлаам, неизвестно какого происхождения, а на левом — Варлаам, сын Александра Васильевича Оболенского. Видите: когда был настоящий путь спасения, холоп был равен Бельскому, а сын знатного князя делал одно дело с мужиками. Да и при нас на правом клиросе был Игнатий Курачев, белозерец, а на левом — Федорит Ступишин, и он ничем не отличался от других клирошан, да и много других таких случаев было до сих пор. А в Правилах святого Василия написано: «Если чернец хвалится при других благородством происхождения, то пусть за это постится 8 дней и совершает 80 поклонов в день». А ныне то и слово: тот знатен, а тот еще выше, так тут и братства нет. Ведь когда люди равны, тут и братство, а коли не равны, какому тут быть братству? А так и иноческая жизнь невозможна. Теперь же бояре своими пороками разрушили поря-

док во всех монастырях. Скажу еще более страшную вещь: как рыбак Петр и поселянин Иоанн Богослов будут судить царя Давида, о котором Бог сказал, что он пришелся ему по сердцу, и славного царя Соломона, о котором Господь сказал, что «нет под солнцем человека, украшенного такими царственными достоинствами и славой», и великого царя Константина и своих мучителей и всех сильных царей, господствовавших над вселенной? Двенадцать скромных людей будут их судить. Да еще того страшнее: родившая без греха Господа нашего Христа и первый среди людей человек, креститель Христов, будут стоять, а рыболовы будут сидеть на 12 престолах и судить всю вселенную²⁰¹. А вам как своего Кирилла²⁰² поставить рядом с Шереметевым, кто из них выше? Шереметев постригся из бояр, а Кирилл даже приказным дьяком не был! Видите, куда завели вас послабления? Как сказал апостол Павел: «Не впадайте во зло, ибо злые слова растлевают благие обычаи». И пусть никто не говорит мне этих постыдных слов: если вам с боярами не знаться, монастырь без даяний оскудеет. Сергей, Кирилл, Варлаам, Димитрий и другие многие святые не гонялись за боярами, но бояре за ними гонялись, и обители их росли: монастыри поддерживаются благочестием и не оскудевают. Иссякло в Троице-Сергиевом монастыре благочестие, и монастырь оскудел: никто у них не постригается и никто им ничего не дает²⁰³. А в Сторожевском монастыре до чего допились? Некому и затворить монастырь, на трапезе трава растет. А мы видели, как у них было больше восьмидесяти человек братии и по одиннадцать человек на клиросе: монастыри разрастаются благодаря благочестивой жизни, а не из-за послаблений <...>.

Это лишь малое из многого. Вы сами знаете всё лучше нас; если же хотите еще больше узнать, можете многое найти в божественных писаниях. А если вы напомним, что я забрал Варлаама из монастыря, обнаружив этим милость к нему и враждебность к вам, то Бог свидетель, что мы сделали это только потому, что, когда возникло это волнение и вы сообщили об этом нам, мы захотели наказать Варлаама за его бесчинство по монастырским правилам. Племянники же его нам говорили, что вы его притесняли ради Шереметева. А Собакины тогда еще не совершили измены против нас. И мы из милости к ним велели Варлааму явиться к нам и хотели его расспросить, из-за чего у них возникала вражда, и приказать ему, чтобы он сохранял терпение, если вы будете его притеснять, ибо притеснения и обиды помогают душевному спасению иноков. Но в ту зиму мы за ним потому не послали, что мы были заняты походом в Немецкую землю²⁰⁴. Когда же мы вернулись из похода, то послали за ним, расспрашивали его, и он стал говорить вздор, доносить на вас, что будто вы говорите о нас неподобающие и оскорбительные слова. А я на это плюнул и выругал его. Но он продолжал говорить нелепости, настаивая, что говорит правду. Затем я расспрашивал его о жизни в монастыре, и он стал говорить невесть что, и оказалось, что он не только не знает иноческой жизни и одежды, но вообще не понимает, что такое чернецы, и хочет такой же жизни и чести, как в миру. И видя его сатанинское стремление к мирской суете, мы его и отпустили жить суетной жизнью. Пусть сам отвечает за свою душу, если не ищет душевного спасения. А к вам его, поистине, потому не послали, что не хотели огорчать себя и волновать вас. Он же очень

хотел к вам. А он, настоящий мужик²⁰⁵, врет, сам не зная что. Вы тоже нехорошо поступили, что прислали его как бы из тюрьмы, а старец соборный при нем словно пристав. А он явился как государь какой-то. И вы еще прислали с ним к нам подарки, да к тому же ножи²⁰⁶, как будто вы хотите нам вреда. Как же можно посылать подарки с такой сатанинской враждебностью? Вам следовало его отпустить и отправить с ним молодых монахов. А посылать подарки при таком нехорошем деле неприлично. Все равно соборный старец ничего не мог ни прибавить, ни убавить, унять его он не сумел; все, что он захотел врать, он соврал, что мы захотели слушать, выслушали: соборный старец ничего не ухудшил и не улучшил. Все равно мы Варлааму ни в чем не поверили. Свидетель Бог, Пречистая Богородица и чудотворец, что я беспокоюсь о нарушении монастырских порядков, а не на Шереметева гневаюсь. Если же кто скажет, что это жестоко и что Шереметев вправду болен, то, если ему нужно послабление, пусть ест один в келье с келейником. А сходиться к нему зачем, да пировать, да яства в келье на что? До сих пор в Кириллове лишней иголки с ниткой не держали, а не только других вещей. А двор за монастырем и запасы на что? Все это беззаконие, а не нужда. Если нужда, пусть он ест в келье, как нищий: кус хлеба, звено рыбы да чашку квасу. Если же вы хотите дать ему еще какие-нибудь послабления, то вы давайте сколько хотите, но пусть хотя бы ест один, а сходок и пиров не было бы, как прежде у вас водилось. А если кто хочет прийти к нему ради беседы духовной, пускай приходит не в трапезное время, чтобы в это время еды и питья не было, так это будет действительно духовная беседа. Подарки же, которые

ему присылают братья, пусть отдает в монастырское хозяйство, а у себя в келье таких вещей не держит. Пусть то, что к нему пришлют, будет разделено на всю братию, а не дано двум или трем монахам по дружбе и пристрастию. Если ему чего-нибудь не хватает, пусть временно держит. И иное что можно, тем его усладите. Но давайте ему из монастырских запасов, и пусть пользуется один в келье, чтобы не возбуждать соблазна. А люди его пусть при монастыре не живут. Если же придет кто-нибудь от его братьев с письмом, едой или подарками, пусть поживет дня два-три, возьмет ответ и едет прочь, и ему будет хорошо, и монастырю безмятежно. Мы еще в детстве слышали, что таковы были правила и в вашем монастыре, да и в других монастырях, где по-божественному жили. Мы и написали вам все лучшее, что нам известно. А вы теперь прислали нам грамоту, и нет нам отдыха от вас из-за Шереметева. Вы пишете, что я передавал вам через старца Антония, чтобы Шереметев и Хабаров ели в общей трапезной с братией. Я передавал это только ради соблюдения монастырских порядков, а Шереметев увидел в этом опалу на него. Я писал только то, что я знал из обычаев вашего и других крепких монастырей, и для того, чтобы он мог спокойно жить в келье, не волнуя монастырь, хорошо, если и вы его предоставите тихой жизни. А не потому ли вам так жаль Шереметева, что его братья до сих пор не перестают посылать в Крым и навлекать бусурман на христиан? Хабаров велит мне перевести его в другой монастырь, но я не стану содействовать его скверной жизни. Видно, уж очень надоело! Иноческое житье не игрушка. Три дня в чернецах, а седьмой монастырь меняет! Пока он был в миру, только и знал, что образа

складывать, переплетать книги в бархат с серебряными застежками и жуками²⁰⁷, аналои убирать, жить в затворничестве, кельи ставить, вечно четки в руках носить. А ныне ему с братией вместе есть тяжело! Надо молиться на четках не по скрижалям каменным, а по скрижалям сердец человеческих! Я видел, как по четкам матерно бранятся! Что в тех четках? Нечего мне писать о Хабарове, пусть как хочет, так и дурачится. А что Шереметев говорит, что его болезнь мне известна, так ведь не для всякого же лежебоки нарушать святые правила.

Написал я вам малое из многого из любви к вам и для укрепления иноческой жизни, вы же это знаете лучше нас. Если же хотите, найдете многое в Божественном Писании. А мы к вам больше писать не можем, да и нечего писать. Это конец моего к вам письма. А вперед бы вы нам о Шереметеве и других нелепицах не докучали: мы отвечать не будем. Если вам благочестие не нужно, а желательно нечестие, то это дело ваше! Скуйте Шереметеву хоть золотые сосуды и воздайте ему царские почести, ваше дело. Установите вместе с Шереметевым свои правила, а правила чудотворца отставьте, так хорошо будет. Как лучше, так и делайте! Вы сами знаете; делайте как хотите, а мне ни до чего дела нет! Больше не докучайте: поистине, ничего не отвечаю. А злокозненную грамоту, которую вам весной прислали Собакины от моего имени, сравните повнимательней с моим нынешним письмом, а затем уже решайте, верить ли дальше нелепицам.

Да пребудут с вами и с нами милость Бога мира и Богородицы и молитвы чудотворца Кирилла. Аминь. А мы вам, мои господа и отцы, челом бьем до земли.

Послание Василию Грязному

(1574)

От Царя и Великого Князя
Ивана Васильевича всея Руси
Василию Григорьевичу Грязному-Ильину²⁰⁸

Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен; так надо было, Васюшка, без пути среди крымских улусов не разъезжать; а уж как заехал, надо было не по объездному спать: ты думал, что в объезд²⁰⁹ приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя в торок и привязали. Или ты думал, что и в Крыму можно так же, как у меня, стоя за кушаньем, шутить? Крымцы так не спят, как вы, да вас, неженок, умеют ловить; они не говорят, дойдя до чужой земли: «Пора домой!» Если бы крымцы были такими бабами, как вы, то им бы и за рекой не бывать, не только что в Москве²¹⁰.

Ты объявил себя великим человеком, так ведь это за грехи мои случилось (и нам это как утаить?), что отца нашего и наши князья и бояре нам стали изменять и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды²¹¹. А вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине²¹²: такие там в станицах езжали, а ты в станице у Пенинского²¹³ был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили.

И мы не запираемся, что ты у нас в приближенъе был; и ради приближенъя твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали, а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут и не дают такого выкупа ни за кого, кроме государей. А если б ты объявил себя маленьким человеком, то за тебя бы в обмен Дивея не просили²¹⁴. Про Дивея хоть хан и говорит, что он человек маленький, да не хочет взять за тебя ста тысяч рублей вместо Дивея: Дивей ему ста тысяч рублей дороже; за сына Дивеева он дочь свою выдал; а ногайский князь и мурзы все ему братья; у Дивея своих таких полно было, как ты, Вася. Кроме князя Семена Пункова, не на кого было бы менять Дивея; разве что если бы надо было доставать князя Михаила Васильевича Глинского, можно было его выменять; а в нынешнее время некого на Дивея менять. Тебе, выйдя из плена, столько не привести татар и не захватить, сколько Дивей христиан пленит. И тебя ведь на Дивея выменять не на пользу христианству, во вред ему: ты один свободен будешь, да, приехав, из-за своего увечья лежать станешь, а Дивей, приехав, станет воевать да несколько сот христиан поллучше тебя пленит. Какая в том будет польза?

Если ты оценил себя выше меры и обещал за себя мену выше своей стоимости, как же можно дать за тебя такой выкуп? Мерить такой неправильной мерой — значит не пособить христианству, а разорить христианство. А если будет мена или выкуп по твоей мере, и мы тебя тогда пожалуем. Если же из гордости ты станешь против христианства²¹⁵, тогда Христос тебе противник!

Послание Полубенскому

(1577)

Такая грамота послана от Государя из Пскова с князем Тимофеем Романовичем Трубецким во Владимир²¹⁶ к князю Александру Полубенскому²¹⁷

Божьей волей*, и желанием, и властью, и силой творения, когда сказал Бог «да будет свет», стал свет, и совершилось иное творение тварей как наверху, на небесах, так и внизу, на земле и в преисподней²¹⁸. И затем создал Бог человека, мужчину и женщину, сотворил их, поселил в раю и дал им наставление; когда же они послушали врага²¹⁹ и наставление преступили, Бог за это прогневался на них, и изгнал их из рая нищими, и осудил их на смерть и болезни, и обрек их на труд, и отлучил их Бог от лица своего. И увидел враг, что первые его козни пошли ему на пользу и что Бог прогневался на человека, и, увидя это, решил оконча-

---

* Трисолнечного божества благоволением и благостию и волею, яко же рече избранный сосуд апостол Павел: «вемы яко ни един идол в мире и яко никто же Бог ин, токмо един; ибо аще и суть глаголемии бозе, или на небеси или на земли, но нам един Бог отец, из негоже вся и мы у него, и един господь Иисус Христос, им же вся и мы тем, един дух свят, в нем же всяческая и мы в нем». Сего убо трисиянного божества Отца и Сына и Святого Духа в лицах, во едином же ипостаси исповедуема существе и поклоняема и славила и безначална, и бесконечна волею и хотением и властью и действием творения, рек Бог «да будет свет» и бысть свет, и прочая творения твари яже на небеси горе и яже на земли низу и в преисподних [вступительная часть титула в переводе сокращена. — Прим. изд.]

тельно уничтожить людей и побудил Каина убить Авеля. Бог же, не оставляя свое создание, из милосердия к роду человеческому сотворил ради Адама родоначальника правды, Спасителя. И затем Енох угодил Богу, ради чего Бог прославил его взятием на небо и сохранил его как прорицателя Своего второго пришествия. И когда умножились люди, и враг окончательно усилился, и люди стали повиноваться врагу во всем и восприняли все его злые дела, то Бог еще более разгневался, и истребил всех людей на земле потопом, и, обнаружив, что только праведник Ной действует по Его заповедям, сохранил его за это как родоначальника вселенной. Затем, когда люди вновь умножились и враг еще более прельстил их и люди усердно предались вражьему прельщению и уклонились в богоборство, они начали создавать столп, говоря себе: если снова захочет Бог навести потоп, то мы, взойдя на столп, вступим в борьбу с Богом. И создали столп этот выше облаков, и Бог гневом, дыханием уст своих, дыханием бурным и сильным, сокрушил столп и одних побил, а других разделил на семьдесят два языка. Один только Евер не присоединился к их делу и замыслу, за что Бог и помиловал его: не отнял у него языка Адамова. От его имени и называются евреи. А других он разделил, чтобы, разделившись, восставали друг на друга и мучились за это преступление. Когда я говорю о Боге, то, как и выше, я говорю об Отце и Сыне и Святом Духе в едином существе; ибо здесь были произнесены такие слова: «Вот люди говорят одним языком и едиными устами и могут сделать всё, что захотят, спустимся и разделим их». Кто бы это мог говорить, как не Троица? И затем, когда люди вновь умножились и подчинились врагу и Бог еще более на

них прогневался и отступил от них, дьявол поработил их и по своей воле стал вести все человечество. И отсюда пошли мучители, и властители, и цари, как первый Неврод²²⁰, который начал строить столп, когда и произошло разделение языков. Неврод начал царствовать в Вавилоне, затем Мисрем²²¹ в Египте, и в Ассирии Вил Крепкорукый, он же Крон, и Бел, и Белус, и Белье, и Вабал, и Вельефегор, и Вельсавух, и Вельсавав, и Астарта, затем Ниние и Фор, он же Арес²²², и повсюду возникли многообразные царства, и каждое царство отдельно. Так возникло среди людей неблагочестивое царствование, то, о котором Господь наш Иисус Христос говорит в Евангелии: высокое для людей — мерзость для Бога. И так увидел Бог, что погибает род человеческий, и умилился над ним и создал праведника Авраама, того Авраама, который познал истинного Бога и которого Бог возлюбил. И ради этого Бог склонился на милосердие к человечеству, и благословил Авраама, и указал ему его обязанности, и даровал ему наследника Исаака, и Исааку Иакова, он же Израиль²²³. И обещал Бог Аврааму: «Сделаю тебя прародителем многих народов, и цари от тебя произойдут». И те, которые произошли от Авраама, Исаака и Иакова, стали называться людьми, а прочие язычниками, ибо говорит великий пророк Моисей: «Всевышний поставил пределы народов по числу ангелов Божиих; и стал Иаков уделом Господним, Израиль достоянием его». И в то время, когда Бог пас народ израильский, и извел его из Египта двумя своими крепкими и величественными руками, праведником Моисеем и Иисусом Навином, и поместил их в Обетованной земле (было в то время много государств, и некоторые из них израильтяне истребили), и когда он

так сохранял еврейский народ и давал ему судей и правителей и сам руководил ими до самого времени пророка Самуила, израильтяне, из-за того что после преступления Адама все человечество было охвачено прельщением и порабощено врагу, часто преступали Божьи заповеди, прельщаясь делами беззаконных язычников. Бог же на них иногда гневался и отдавал их в рабство иноплеменникам, иногда же миловал и освобождал: когда они отступали от Бога и поклонялись идолам, тогда предавал их, когда же обращались к Господу, тогда освобождал их. Поэтому Он, снисходя к их слабости, разрешал им даже приносить жертвы, не потому, что Он хотел от них жертв, а уступая их слабости: «Пусть приносят жертвы, лишь бы истинному Богу приносили, а не бесам». Так было до пророка Самуила. Но человеку родственна всякая нечисть: не захотели израильтяне жить под Божьим именем и под руководством его праведных слуг и попросили себе царя, и Бог весьма за это прогневался на них и дал им царя Саула. И много напастей претерпели, и Бог умилосердился над ними и дал им царя-праведника Давида и распространил царство его. Это было первое благословение царству: Бог снизошел к слабости человеческой и благословил царство. И затем, когда умножились люди, и царства, и власти и разрослось беззаконие, Бог не презрел рода человеческого, мучимого дьяволом. Прежде всего послал пророков, провозвестивших пришествие Божьего Слова и обличающих грехи и беззакония; были же люди неразумны, и враг ими владел, и избили они пророков и еще более впали в нечестие. И затем во имя человеколюбия сам Бог Сын, Слово Божие, соизволил воплотиться от Пречистой Матери, чтобы спасти людей на земле. И сперва

Он отверг царство, ибо говорит Господь в Евангелии, что высокое для людей — мерзость для Бога, а затем и благословил его, ибо божественным своим рождением прославил Августа-кесаря²²⁴, соизволив родиться в его царствование; и этим прославил его, и расширил его царство, и даровал ему не только Римскую державу, но и всю вселенную, и готов, и сарматов, и Италию, и всю Далмацию, и Анатолию, и Македонию и иные страны, Азию²²⁵, и Сирию, и Междуречье, и Египет, и Иерусалим, вплоть до границ Персии. И когда Август владел, таким образом, всей вселенной, он посадил брата своего Пруса в город, называемый Мальборг, и в Торунь, и в Хвойницу, и в преславный Гданьск на реке, называемой Неман, которая течет в море Варяжское²²⁶. Когда же Господь наш Иисус Христос осуществил предназначенное Ему провидением, послал Он божественных своих учеников²²⁷ по всему миру просветить вселенную. Они же, точно на крыльях облетев всю вселенную, проповедовали слово Божие. И так как в то время всюду царствовал грех и господствовало нечестие, а цари и князья и управители служили дьяволу и противодействовали ученикам Божиим, то они были избиты, и многие ученики Божьи, как священники, так и простые люди, приняли мученичество. И со времени царствования Августа вплоть до Максентия и Максимиана Галерия было в Риме гонение на христиан. Господь же наш Иисус Христос не презрел моления рабов своих, но, внимая мольбам Своей Матери и исполняя Свой обет: «Я с вами до скончания мира сего, аминь», создал опору благочестия, великого, сияющего благочестием Константина Флавия, царя правды христианской, соединившего священство и царство воедино, и с этого времени повсюду умножи-

лись христианские царства. И затем по благоволению в Троице славимого Бога в Российской земле создано царство, когда, как я уже говорил, Август, кесарь римский, обладающий всей вселенной, поставил сюда своего брата, упомянутого выше Пруса. И силою и милостью Троицы так создано это царство: потомок Пруса в четырнадцатом колене, Рюрик, пришел и начал княжить на Руси и в Новгороде, назвался сам Великим Князем и нарек этот город Великим Новгородом. Сын же его Игорь переселился в Киев и там установил скипетр российского царствования и брал дань с греков и жил в Переяславле Дунайском, где находятся Бен и Бедна. Что же после них? Умилосердился Бог над нашей Российской землей и привел сына этого Святослава, Владимира, к познанию истины и просветил светом благочестия, чтобы он славил Его, истинного Бога, Отца и Сына и Святого Духа, во единстве почитаемого, избрал его, как второго Павла, в царственных сединах²²⁸, обратил его к крещению и сделал царем правды христианской, как великого Константина. Как говорит божественный апостол Павел: нет власти не от Бога, пусть всякая душа повинется власти; поэтому тот, кто противится власти, противится Божьему повелению, и никому не следует вступать в чужие пределы. Мы же хвалим, прославляем и почитаем Господа, вечно поем и превозносим Его, давшего нам средство к спасению, как в дому раба своего Давида, так и в дому²²⁹ блаженного великого Владимира, во святом крещении Василия. Его же Божьей милостью, благоволением и волею утвердился и скипетр Российской державы и был передан нам от этого великого Владимира, во святом крещении Василия, который рисуется на иконах с царским венцом, и от

сына его Великого государя Ярослава, названного в святом крещении Георгием, который завоевал эту Чудскую землю, то есть Ливонию, и поставил город, названный по его имени Юрьевом, а теперь называемый Дерптом, и от Великого царя и Великого Князя Владимира Мономаха, который воевал в византийской Фракии и приобрел царский венец и имя (получил он их от царя Константина, царствовавшего в то время в Царьграде), и от преславного Великого Князя Александра, одержавшего на Неве победу над немцами римской веры, и от достойного хвалы великого государя, Великого Князя Димитрия²³⁰, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами, и от деда нашего, блаженной памяти Великого государя Ивана Васильевича, собирателя Русской земли и многих земель обладателя, и от отца нашего, Великого государя, Царя всея Руси блаженной памяти Василия, приобретателя исконных прародительских земель, перешел, наконец, по наследству и к нам скипетр Российского царства. Мы же хвалим Бога за премногую его милость к нам.

Этого тричисленного Божества, Отца, Сына и Святого Духа милостию, властью и волей покровительствуемые, а иногда охраняемые, защищаемые и укрепляемые, мы и удержали скипетр Российского царства; мы, Великий государь, Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, оповещаем думного дворянина княжества Литовского, князя Александра Ивановича Полубенского, дудку, пищалку, самару, разладу, нефиря (все это — дудкино племя!)²³¹, о нашем царском повелении.

А наставление наше царское таково. Ливонская земля с незапамятных времен наша вотчина: от Вели-

кого Князя Ярослава, сына великого Владимира, а во святом крещении Георгия, который завоевал Чудскую землю и поставил в ней город, названный по его имени Юрьевом, а по-немецки Дерптом, а затем от Великого государя Александра Невского; Ливонская земля давно уже обязалась платить дань, и они неоднократно присылали бить челом прадеду нашему, Великому государю и Царю Василию, и деду нашему, Великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти Государю и Царю всея Руси Василию, о своих винах и нуждах и о мире с их вотчинами, с Великим Новгородом и Псковом, и обязались не присоединяться к Литовскому государю.

И к нашему царскому величеству также неоднократно присылали бить челом своих послов и обязались платить дань по-старому, но потом всего этого не исполнили, и за это на них наш меч, гнев и огонь ходит. И как-то раз дошло до слуха нашего, что люди безвластного государства Литовского, преступив Божье повеление, не позволяющее никому вступать в чужие владения, вступили в нашу вотчину, в Ливонскую землю, и тебя сделали там гетманом. И ты совершил многие недостойные дела: не имея воинской доблести, обманом взял Изборск, пригород нашей вотчины Пскова, где, будучи отступником от христианства, надругался над Божьими церквами и иконами. Но милость Бога и Пречистой Богородицы и молитвы всех Его святых и сила икон посрамили вас, иконоборцев, а нашу древнюю вотчину нам возвратили, а ваша надежда Крон и Зевс и другие, о которых мы говорили выше, оказалась напрасной.

А пишешь, что ты Палемонова рода, так ведь ты полоумова рода, потому что завладел государством, а

удержать его под своей властью не сумел, сам попал в холопы к чужому роду. А что ты называешься вице-регентом земли Ливонской, правителем рыцарства вольного, так это рыцарство бродячее, разбрелось оно по многим землям, а не вольное. А ты вице-регент и правитель над висельниками: те, кто из Литвы от виселицы сбежал, вот кто твои рыцари! А гетманство твое над кем? С тобой ни одного доброго человека из Литвы нет, а всё мятежники, воры и разбойники. А владений у тебя нет и десяти городков, где бы тебя слушали. А Колывань²³² у шведского короля, а Рига отдельно, а Задвинье у Кетлера. А кем тебе править? Где магистр, где маршал, где командоры, где советники и все воинство Ливонской земли? Всего у тебя ничего!

А сейчас наше царское величество пришло обозревать свои вотчины, Великий Новгород, Псков и Ливонскую землю, и мы шлем тебе с милостивым покровительством наше царское повеление и достойные наставления: мы хотим на угодных нам условиях заключить мир, о котором ваш избранный государь Стефан Обатур²³³ пишет к нам и присылает своих послов, а ты бы не мешал заключению мира между нами и Стефаном Обатуром, не стремился к пролитию христианской крови и уехал бы со всеми людьми из нашей вотчины, Ливонской земли, а мы всему своему воинству приказали литовских людей не трогать. А если ты так не сделаешь и из Ливонской земли не уйдешь, тогда на тебя падет вина за кровопролитие и за судьбу литовских людей, которые окажутся в Ливонии. А мы не будем вести никаких военных действий с Литовской землей, пока послы от Обатура находятся у нас. А с этой грамотой мы послали к тебе своего воеводу князя Тимофея Трубецкого, сына Романа, сына

Семена, сына Ивана, сына Юрия, сына Михаила, сына князя Димитрия, сына Великого Князя Ольгерда²³⁴, у которого твои предки Палемонова рода служили.

Писано в нашей вотчине, в доме св. Троицы²³⁵ и Великого государя Всеволода-Гавриила из двора нашего боярской державы в городе Пскове в 7085 году²³⁶, 9 июля, на 43-й год нашего государства, на 31-й год нашего Российского царства, 35-й год — Казанского, 24-й год — Астраханского.

А на подписи к грамоте написано: почтенному дворянину Великого княжества Литовского, князю Александру Ивановичу Полубенскому, дудке, вице-регенту бродячей Литовской земли и разогнанного Ливонского рыцарства, старосте Вольмерскому, шуту.

Послание Яну Ходкевичу

(1577)

Такая грамота послана от Государя из Владимирца²³⁷ к пану Яну Еронимовичу с князем Александром Полубенским

Божьей милостью, мы, Великий государь, Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, шлем наше слово пану государя Стефана Яну Еронимовичу Ходкевичу, графу на Шклове и Мыши, пану Виленскому, старосте Жмудскому, маршалку земскому Велико-го княжества Литовского, старосте Ковенскому и правителю Плотельскому и Тельшовскому.

Муж храбрый, высокоумный и почтенный, достоин ты быть первым среди своего рода и начальствовать! Издавна ведь я слышал о доблести твоей, и дивился ей, и хвалил тебя, и стремился показать тебе мою любовь и милость во многих и различных случаях. Мне не пришлось сделать это, когда ты во время отсутствия короля писал к нам через Ливонскую землю, ныне же по благоволению Божьему пришло то время, о котором говорил апостол Павел: «Во время благоприятное послушал тебя, в день спасения помог тебе; вот ныне время благоприятное, ныне день спасения, и никакого нигде нет препятствия»; поэтому и пишу тебе.

Божьей милостью с крестonosной хоругвию ходили мы очищать и оберегать свою вотчину и ныне с помощью всемогущей Божьей десницы и силою животворящего креста вся вотчина, Ливонская земля, оказалась под нашей властью. А ты назывался администратором и гетманом Ливонской земли, а теперь ты этого лишился; так ты бы, муж благоразумный и храбрый, этому не удивлялся, ибо Бог дает власть тому, кому хочет. А это ведь было звание, достойное государя, и тебе то не подобало (ты из рода великих панов, и поэтому мы, чтобы доставить тебе удовольствие, называем тебя графом, хотя это также тебе не подобает). А убытка ты здесь никакого не понес, потому что было у тебя только название, и огорчаться тебе из-за этого не стоит, ибо название вещь мимолетная, а не постоянная. Слышал я о твоём благоразумии и храбрости во время сражения под Улой и восхищался, как ты доблестно там действовал; а вот в Ливонскую землю вступил ты напрасно. И поэтому обращаюсь к твоему благоразумию; ибо сказано: «Покажи премуд-

дрому его вину и мудрее станет, объясни праведному и сумеет постигнуть». Вот почему тебе, премудрому человеку, не должно из-за этого смущаться и, отказавшись от смущения, следует озаботиться об установлении мира между христианами. И указали бы вы государю вашему Стефану, королю польскому, чтобы он не воевал с нашей вотчиной, Ливонской землей, и ничем ее не задевал. Также и ты не проявлял бы досады. А нехороша пословица: «отними у того, у кого уже отнято», из-за нее-то и происходит зло. Будь и ты в добром здравии, а вотчине нашей, Ливонской земле, никакого вреда не причиняй.

А больше вам не следует говорить те слова, которые вы говорили в Полоцке: что там не наша земля, где ноги нашего коня не стояли; ведь теперь в нашей вотчине, Ливонской земле, во многих областях нет такого места, где бы не только ноги нашего коня, но и наши ноги не были, нет и такой воды в водах и озерах, которой бы мы не пили, но все это по Божьей воле оказалось под ногами наших коней и под нашим господством. Также вам не следует говорить, что мы вопреки перемирию вступили в Ливонскую землю, ибо слова эти лживы. Никогда мы не говорили о мире с Ливонской землей, а Литовской земли мы в нынешнем своем походе ничем не задели и не оскорбили. И ты бы сам говорил своему государю, а также братии своей, панам вашей рады и совместно со своей братьей, с панами рады говорил бы своему государю королю Стефану, чтобы ваш государь незамедлительно слал к нам своих послов, а мы хотим достойным образом заключить с ним мир и установить дружеские отношения. А он бы нас за это отблагодарил, ибо без такой благодарности братство между нами установиться не может.

Писано в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 году²³⁸, 12 сентября, на 43-й год нашего государства, на 31-й год нашего Российского царства, 25-й год Казанского, 24-й год Астраханского.

Послание польскому королю Стефану Баторию

(1581)

А это грамота от Государя к королю, пересланная с его гонцом Криштофом Держком²³⁹

Божьей милостью мы, смиренный Иван Васильевич, удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста Христова, Российского царства и иных многих государств и царств скипетродержателем, Царь и Великий Князь всея Руси, по Божьему изволению, а не по многомятежному желанию человечества²⁴⁰, Стефану, Божьей милостью королю Польскому, князю Семиградскому и иных.

Прислал ты к нам гонца своего Криштофа Держка²⁴¹ с грамотой; а в грамоте своей писал нам, что наши полномочные послы, дворянин и наместник муромский Остафий Михайлович Пушкин и дворянин наш и наместник шацкий Федор Писемский и дьяк Иван Андреев сын Трифонов, прибыли к тебе с нашей верительной грамотой, в которой мы просили тебя доверять их словам, сказанным от нашего имени. Ты пишешь, что они объявили тебе, что пришли со всеми необхо-

димыми полномочиями, чтобы заключить христианский мир; но, когда ты им позволил вести переговоры с панами твоей рады, они потребовали сохранения за нами четырех замков в Ливонской земле: Новгородка Ливонского, Сыренска, Адежа и Ругодива²⁴², да еще прибавили к этому города, которые в прошлом году с помощью Божьей перешли в твои руки; за это они, по твоим словам, должны были быть отправлены назад, не окончив переговоров. А затем они попросили, чтобы ты дозволил им послать к нам за полномочиями о всех объявленных тобою условиях мира и дружбы, и ты разрешил им это. Ты хочешь теперь, чтобы, ознакомившись с посланием наших послов, мы дали им достаточные указания об этом и прислали грамоту со всеми полномочиями для заключения христианского мира и установления дружбы и братства между нами; удостоверившись в этом, ты согласишься заключить мир. А указания и полномочия своим послам ты просишь послать не мешкая, ибо для тебя убыточно держать внутри своего государства набранные войска, а если подвинуть их ближе к границе, тогда, по твоим словам, и нашему государству не избежать убытков. Ты пишешь также, что велел нашим послам упомянуть город Себеж, построенный на земле Полоцкой, не ради какой-нибудь корысти, а только для того, чтобы установленная дружба не была нарушена своевольными людьми, ибо возле Себежа всюду расположены села и люди полоцкие; нам же, пишешь ты, следует мириться так, чтобы доброе дело нерушимо укрепилось на благо христиан, а дружба между нами все более усиливалась. Но ты предлагаешь это только на наше усмотрение и решение, а сам ты ради блага христиан не собираешься этим малым делом разрушать боль-

ших. Тех же твоих купцов, которые без всякой вины задержаны в нашей земле, ты просишь добровольно выпустить со всем их имуществом и тем самым дать тебе доказательство нашей склонности и готовности к дружбе. С этой своей грамотой ты послал к нам своего дворянина Криштофа Держка, и ты просишь без всякой задержки отпустить его к тебе, чтобы он не опоздал к сроку, указанному нашим послам.

Твои же паны, как сообщают наши послы, дворянин и наместник муромский Остафий Михайлович Пушкин с товарищами, говорили им от твоего имени, что ты с нами помиришься, только если мы уступим тебе всю Ливонскую землю до последней пяди, что Велиж, Усвят и Озерище, все это уже у тебя, а Луки Великие, Заволочье и Холм беспрекословно оставлены нами при отступлении и что мы должны разрушить город Себеж да еще уплатить тебе четыреста тысяч золотых червонцев за твой убыток, что ты снаряжался, отправляясь воевать наши земли. Мы никогда еще не встречали такой самоуверенности и недоумеваем: ведь нынче ты собираешься мириться, а твоя рада предъявляет такие безмерные требования, чего же они потребуют, прервав мирные переговоры? Твои паны попрекали наших послов, что они приехали торговать Ливонской землей. Так что же: если наши послы торгуют Ливонской землей, то это плохо, а если твои паны нами и нашими владениями играют и из гордости предлагают невозможное, это хорошо? Да это не торговля была, а переговоры.

А когда в вашем государстве были благочестивые христианские государи, от Казимира до нынешнего Сигизмунда-Августа, они жалели проливать христианскую кровь и посылали к нам своих послов, и наши

послы к ним ездили, и наши бояре вели с их послами предварительные переговоры и неоднократно принимали решения, выгодные для обеих сторон, чтобы христианская кровь не лилась напрасно и между государствами царили мир и спокойствие, вот к чему стремились паны в прежние времена. Ездят, бывало, туда и обратно, побранятся с послами и снова помиряются, и делают дело долго, а не в один час обернутся. А ныне мы видим и слышим, что в твоей земле христианство умалывается; поэтому-то твоя рада, не беспокоясь о кровопролитии среди христиан, действует наскоро. И ты бы, король Стефан, припомнил все это и рассудил: по христианскому ли это обычаю делается?

Когда послал ты к нам своих полномочных послов, воеводу мазовецкого Стефана Крыйского с товарищами, то они без всякого принуждения договорились с нашими боярами, написали от твоего имени грамоту, привесили к этой грамоте свои печати и присягнули, целуя крест, что, когда приедут наши послы, ты напишешь такую же свою грамоту, какую они написали в Москве, привесишь к ней свою печать и присягнешь, что будешь соблюдать эту грамоту в течение указанных лет, а наших послов отпустишь с той своей грамотой, не задерживая.

Мы же, согласно решению твоих послов и наших бояр, послали к тебе своих послов, дворецкого Тверского и наместника муромского Михаила Долматовича Карпова, своего казначея и наместника тульского Петра Ивановича Головина и дьяка Тарасия-Курбата Григорьева сына Грамотина, довести до конца то дело, о котором договорились твои послы, взять у тебя грамоту о перемирии и привести тебя на той грамоте к присяге. Но наш полномочный посол Михаил Долма-

тович Карпов скончался неизвестно от чего, а когда его товарищи, наш казначей и наместник тульский Петр Иванович Головин и наш дьяк Тарасий-Курбат Григорьев сын Грамотин, пришли к тебе, то ты пренебрег договором, отказался следовать присяге твоих послов, предал наших послов бесчестию и насильно посадил их под стражу как узников. А отказались вести с тобою переговоры наши послы потому, что они, увидя твою надменность, когда ты не встал при произнесении нашего имени и не спросил о нашем здорьеве, не решались без нашего ведома стерпеть это. Отныне же, как бы надменно ты ни поступал, мы ни на что не будем отвечать. А вести переговоры с твоими управителями у себя в доме нашим послам не подобало: при предках твоих никогда так не бывало. Но много говорить об этом здесь нет надобности. Ты же прислал к нам своего гонца Петра Гарабурду с непристойной грамотой, а сам начал собирать против нас войска из многих земель. А в грамоте, присланной с Петром Гарабурдой, было написано, чтобы мы отказались от условий, принятых твоими послами, и составили новый наказ своим послам и велели им снова договариваться о Ливонской земле. Где же это ведется, чтобы нарушать скрепленное присягой? Даже если послы совершают что-нибудь дурное, то и тут не нарушают соглашения, а ждут истечения срока, установленного договором; послов за их вину наказывают, а что сделано, не переделывают, нигде не переделывают и присяги на кресте не нарушают. Не только в христианских государствах не принято нарушать присягу, как ты захотел сделать (называясь христианским государем, ты захотел действовать не по-христиански, надругаясь над нашей присягой и вопреки присяге

твоих послов, сделанной за тебя, захотел делать все сызнова, это нигде не ведется!), но и в бусурманских государствах не принято нарушать клятву, даже бусурмане, если они государи почтенные и разумные, держат клятву крепко и не навлекают на себя хулы, а тех, кто нарушит обещание, укоряют и хулят и нигде не нарушают обещанного. Да и у предков твоих этого не бывало, чтобы нарушить то, о чем послы договорились: ты установил новый обычай! Прикажи поискать во всех своих книгах, ни при Ольгерде, ни при Ягайле, ни при Витовте, ни при Казимире, ни при Альбрехте, ни при Александре, ни при Сигизмунде Первом, ни в наше время при Сигизмунде-Августе никогда не поступали по твоему новому обычаю. И если уж ты этих прежних государей называешь своими предками, чего же ты по их установлениям не действуешь, а заводишь свои новые обычаи, которые приводят к пролитию невинной христианской крови? Те прежние государи, предки твои, не нарушали обещаний своих послов. Узнав о таком неподобающем деле, мы задержали твоего гонца Петра Гарабурду, ожидая, что ты согласишься на достойное соглашение и доведешь дело с нашими послами до конца.

И тут мы узнали, что ты готовишься к войне. Тогда мы отправили к тебе твоего гонца Петра Гарабурду, а с ним своего гонца Андрея Михалкова с грамотой, в которой написали, что нельзя так поступать: отменить присягу и все делать заново; тебе следовало довести до конца то соглашение, которое заключили твои послы с нашими боярами; а о Ливонской земле ты должен прислать к нам других своих послов, и мы поручим боярам договориться с ними как должно. И ты, не послушав этого, впал в еще большую ярость и, нарушив

присягу своих послов, выгнал наших послов из своей земли, как каких-то злодеев, не допустив их до свидания с тобой. С ними ты наспех прислал к нам своего гонца Венцлава Лопатинского с грамотой, а в ней написал о нашем государском величестве многие несправедливые слова и укоры, которых не стоит подробно повторять, а после этого отпустил к нам нашего гонца Андрея, прислав с ним грамоту, также наполненную яростью. Сам же ты пошел войной со многими людьми из разных земель и с нашими изменниками Курбским, Заболоцким, Тетериным и другими. И нашу вотчину, город Полоцк, взял изменой: наши воеводы и люди плохо дрались против тебя и изменнически сдали тебе город Полоцк. Ты же, идя на Полоцк, сам писал нашим людям грамоту, чтобы они нам изменяли и переходили к тебе с крепостями и городами, и хвалился, что отомстишь нам за наших изменников. Не на войско надеешься, на изменников! А мы, не ожидая, что ты так поступишь, и надеясь на присягу твоих послов (ведь ты поступил так, как от веку не бывало!), пошли было очищать свою вотчину, Ливонскую землю. Но когда мы пришли в свою вотчину, в Псков, до нас дошла весть о тебе, что ты пришел с войной к нашей вотчине, к Полоцку, и мы, не желая, вопреки присяге, начинать с тобой кровопролитие, сами против тебя не пошли и большого числа людей не послали, а послали лишь немногих людей к Соколу разведать о тебе. Тем временем твой воевода Виленский, придя со многими людьми к Соколу, необыкновенным способом зажег город Сокол и перебил наших людей, а над мертвыми надругался незаконным образом, как не слыхано и у неверных; убить кого-нибудь в бою и оставить, это военный обычай, а твои люди поступили собачьим обычаем: вы-

бирали трупы лучших воевод и детей боярских, разрезали у них животы и вынимали у них сало и желчь как бы для колдовства²⁴³. Ты пишешь и называешь себя государем христианским, а дела у тебя делаются недостойные христианских обычаев: христианам не подобает радоваться крови и убийствам и действовать подобно варварам. И мы, всё еще сохраняя терпение и надеясь, что ты умеришь свои притязания, разрешили своим боярам снестись с твоими панами, да и сами неоднократно с тобой сносились. Но ты возгордился безмерно и не захотел делать так, как велось при твоих предках, и не пожелал послать к нам послов по прежним обычаям, а начал снаряжать войско против нашей земли. В грамоте же, которую ты прислал нам со своим гонцом Венцлавом Лопатинским, написано, что наши послы «призваны перед твой маестат»²⁴⁴, как будто это какие-то безвестные сироты, а не послы, и поставили их, этих сирот, у порога дверей, и оттуда они беседуют с тобой как с Богом на небесах: так выглядит это «призвание послов перед твой маестат» и твоя безмерная гордость! Ни в каких землях такого не слыхано: когда к Великому государю приходят послы не только от равного, но даже и не от великого государя, то держат их по посольским обычаям, а не как простых людей, не как данников, не ставят их «перед маестатом». Также, когда ты прислал нам со слугой наших бояр Левой Стремоуховым свою охранную грамоту для наших послов (а твои паны написали нашим боярам, чтобы мы по этой охранной грамоте послали своих послов), то эта грамота оказалась написана не таким образом, как пишутся охранные грамоты для послов: твоя грамота написана как бы для мелких купцов, проезжающих через твое государство. На что по-

хоже такое высокомерие? Ты бы даже своему воеводе Виленскому не написал таких укоров, какие заключены в этой грамоте. Таких укоров мы не слышали ни от турецкого, ни от иных бусурманских государей. Но мы, всё еще сохраняя терпение, чтобы не допустить пролития христианской крови, послали к тебе своего дворянина Григория Афанасьевича Нащокина, а в грамоте писали тебе, чтобы ты послал к нам своих послов по прежнему обычаю. Устно же мы передали тебе с этим дворянином, чтобы ты, если не захочешь послать к нам послов по прежнему обычаю, прислал нам подобающую охранную грамоту для наших послов, а не такую, какую ты послал с Левоу Стремоуховым, и тогда мы к тебе тотчас же пошлем своих послов, хотя это и противоречит прежним обычаям, а ты бы дожидаясь наших послов в своем государстве. Ты отпустил к нам нашего дворянина Григория с грамотой к нам, но послать по прежнему обычаю послов не пожелал. А в своей грамоте ты писал, чтобы мы прислали к тебе своих послов, и прислал на наших послов охранную грамоту, но указал такой срок для прибытия послов, что невозможно было поспеть не только послам, но и гонцу. А сам, желая пролития христианской крови, как только отпустил нашего дворянина Григория, тотчас же, не дожидаясь наших послов, сел на коня и пошел войной на нашу землю. А при предках твоих не принято было воевать, пока послы едут; только когда послы чего-нибудь натворят, тогда начинали войну, да и то не сразу. А мириться с мечом в руках, как теперь при тебе, какой же это мир?

И мы, видя, что ты не щадишь христианства, спешно послали к тебе своих послов, своего стольника и наместника нижегородского князя Ивана Васильевича

ча Сицкого-Ярославского, своего думного дворянина и наместника елатмовского Романа Михайловича Пивова и дьяка своего Фому-Дружину Пантелеева сына Петелина. А перед ними послали к тебе своего слугу Федьку Шишмарева с грамотой, прося, чтобы ты подождал наших послов в своей земле. Этот наш гонец встретил тебя на дороге вблизи Витебска, но ты даже не взглянул на нашу грамоту, а сам пошел на нашу землю военным походом, никого не пропуская и не щадя христианской крови. И мы велели своим послам идти к тебе в военный стан, хотя еще никогда не бывало, чтобы послы находились в войске. Мы и тут хотели тебя убоготворить, да не убоготворили — ты и в Витебске не подождал наших послов и пошел на нашу землю войной, а наших послов велел вести за собою не спеша. А тем временем наши изменники по твоим жалованным грамотам уступили твоим людям Велиж, Усвят и Озерище, а сам ты пошел к Лукам, а наших послов велел вести за собой. И, придя к Лукам, ты начал приступ, а нашим послам велел вести переговоры, но какие же тут могут быть переговоры? Сколько льется неповинной христианской крови, а послам вести переговоры! А твои паны, приходя к нашим послам, говорили, отрубая одним словом: либо сделай так, тогда будет мир, а не сделают так, как говорят паны, тогда миру не будет. Что же это за мир? Паны с послами в шатре говорят о мире, а в то же время по городу бьют непрерывно, что ж тут послам с панами твоими делать? А когда ты занял город, тут послам уже и посольствовать нечего, тут уже всему их посольству конец! А к нам прислал ты своего гонца Григория Лазовицкого с грамотой и с ним отпустил нашего сына боярского Никифора Суцова, а предлагал при этом неподобаю-

щее дело, которое не может осуществиться, а другого своего гонца Гавриила Любощинского прислал к нам с сообщением, что взял Луки, как бы грозя нам и хвастаясь. А сроки ты устанавливаешь невозможные, так что не только наши гонцы к тебе, но и твои гонцы к нам за такие сроки не могут приехать; ездят же они по дорогам лениво, а из-за этого льется невинная христианская кровь. И такого нечестия даже в бусурманских государствах не слыхано, чтобы войска сражались, а послы тут же вели переговоры. Если послы, то они и ведут переговоры, а если хотят воевать, то выставляют какую-нибудь причину, прерывают переговоры и шлют войска. Всю осень таскал ты за собой наших послов, да и всю зиму продержал их у себя, а отпустил их ни с чем, за все это укоряя и ругая нас. А когда послы наши были у тебя в Варшаве, твои паны отказались от тех условий, о которых они же сами говорили нашим послам под Невелем. Когда же паны твоей рады приходили к нашим послам с ответом, вместе с ними пришло человек с сорок твоих людей, а твои паны сказали послам, что это твоя младшая рада. Ни при каких твоих предках не бывало, чтобы при переговорах были иные люди, кроме радных панов. Видно, твоя рада, желая лить христианскую кровь, всю твою землю склоняет к пролитию христианской крови. Побеспокоились ли твои паны о христианской крови, когда они говорили нашим послам в Варшаве: «На тех условиях, о которых мы с вами, а вы с нами сговорились под Невелем и о которых вы просили и получили ответ, христианский мир заключен быть не может, ведь после этого прошло долгое время и наш государь понес большие расходы на войско: взял наш государь у вашего государя Заволочье, а теперь начал снова со-

бирать войско, тут уж без расходов не обойтись»? Похристиански ли твои паны говорят: проливать христианскую кровь не жалеют, а о расходах жалеют? А если тебе убыток, так ты бы Заволочья не занимал, кто тебе об этом бил челом? А это ли не жажда кровопролития, послов у себя держать, дела с ними не делать, от брата своего послов не ждать, а войско снова собирать, да все это еще нам в убыток поставить? Кто тебя заставляет так расходоваться?

Отпуская к нам наших послов, ты передавал с ними, что если мы захотим с тобой соглашения, то можем послать к тебе еще послов. И мы, всё еще сохраняя терпение и надеясь, что ты придешь в себя и откажешься от безмерных требований, послали к тебе других послов, дворянина своего и своего наместника муромского Остафия Михайловича Пушкина с товарищами. Но ты, охваченный высокомерием, и тут не пошел на приемлемые условия и передал нашим послам через радных панов, что ты с нами не помиришься, пока мы не уступим всю Ливонскую землю со всеми крепостями и снаряжением; кроме того, мы должны уступить тебе Себеж, Велиж и Невель уже у тебя, а Луки и Заволочье и Холм оставлены при отступлении, как и Озерище и Усвят. Да к тому же мы должны еще уплатить тебе за твои сборы, когда ты снаряжался на нашу землю, всего четыреста тысяч золотых червонцев и заключить вечный мир. А ты будто присягал, что будешь добывать у нас Ливонские земли и разрешишь другие давние споры времени Великого государя блаженной памяти Ивана, деда нашего, и короля Александра.

И если это так будет, то что же это будет за мир? Взять теперь у нас казну, нанести нам убыток да на

наши же деньги нанять людей и взять нашу Ливонскую землю, а немного погодя, наполнив ее своими людьми, собрать еще большие силы да на нас же напасть и остальное отнять! Можно ведь и не мирясь все это делать и невинную христианскую кровь проливать! Видно, ты хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь; хотя бы мы тебе и всю Ливонскую землю уступили, да ведь тебя и этим не успокоишь, и после этого все равно ты будешь лить христианскую кровь! Вот и теперь, чего только ты у прежних наших послов ни просил, а нынешним нашим послам ты еще прибавил Себеж, а дай тебе его, возгордишься безмерно и еще чего-нибудь попросишь, ничем не удовлетворишься и не помиришься. Мы добиваемся, как бы унять кровопролитие, а ты добиваешься, как бы воевать и лить невинную христианскую кровь. Так чем нам с тобой мириться, можно и не мирясь то же делать. Не по христианскому обычаю все это у тебя делается! Мы писали к тебе неоднократно, что если бы ты прислал к нам своих послов по прежнему обычаю, то пролитие невинной христианской крови прекратилось бы скорее. Послы же наши не могут добиться мира потому, что, когда мы посылаем к тебе наших послов с каким-нибудь предложением, ты на него не соглашаешься, выставляешь новое требование и, прервав переговоры, снова принимаешься воевать; просишь прислать еще послов, а сам все время сидишь на коне наготове, а сроки указываешь по бусурманскому обычаю такие, чтобы послать было нельзя. Вот ведь и теперь, мы уже надеялись, что тебя ублаговторили, послали своих послов, согласившись на все, что ты хотел, а тебе и это не полюбилось, и ты, выставив неприемлемые требования и не сделав дела, сел на коня

и пошел на нашу землю войной. Потому-то так и получилось, как мы к тебе писали, что нашим послам никогда не добиться от тебя соглашения.

А что наша вотчина, Ливонская земля, твоя, это написано несправедливо; никогда ты не сможешь доказать, чтобы она при каких-либо твоих предках со времен Казимира входила в королевство Польское и Великое княжество Литовское. Если же у тебя есть об этом грамота или какое-нибудь доказательство, пришли к нам, и мы их рассмотрим и в соответствии с этим будем поступать как подобает. Не доказать тебе этого! Только когда появилось в твоей земле лютеранство, воевода виленский Николай Янович Радзивил и иные паны начали спор о Ливонской земле ради пролития христианской крови. В семь тысяч шестьдесят седьмом году²⁴⁵, когда король Сигизмунд-Август присылал послов своих, пана подляшского Василя Тышкевича с товарищами, они говорили с нами по его поручению о ливонцах как о чужой земле: что государь их им поручил заключить договор не только между нами и собою, но что он рад и все христианство видеть в мире, что, как он узнал, мы ведем войну с Ливонией, орденом Немецкой империи, а этого не допустит император и Немецкая империя, что, кроме того, архиепископ Рижский Вильгельм князь бранденбургский, его родственник, и из-за нанесенной Вильгельму обиды он в прошлом году выступал против этой земли и воевал до тех пор, пока ливонцы не осознали своего преступления и не попросили прощения, и тогда он, вернув князю-архиепископу его прежний сан, принял их просьбу, не разрушая их земли, ибо они христиане; поэтому он и нас просил остерегаться кровопролития и сохранять мир с его родственником,

князем-архиепископом Рижским. Сам посмотри: если бы Ливонская земля входила в королевство Польское и Великое княжество Литовское, он бы об этом упомянул, а он вовсе не упомянул и не называл эту землю своею, а говорил о ней как о чужой; войной же он ходил на нее не для того, чтобы ее покорить себе, а ради своего родственника, архиепископа Рижского Вильгельма, потому что его обидели ливонцы; ходил за его обиду, а не для того, чтобы их подчинить. Сам же написал: «не разрушая их землю», заметь, что «их землю», а не свою. А после этого в семь тысяч шестьдесят восьмом году²⁴⁶ прислал к нам король Сигизмунд-Август своего посланника Мартына Володкова и с ним передавал о Ливонской земле, что она издавна христианскими императорами передана его предкам и присоединена к их наследственному владению, Великому княжеству Литовскому, для укрепления и обороны. Рассуди сам, король Стефан, хорошо ли государям говорить противоречивые вещи: через своих послов передавал как о чужой земле, а тут заявляет, что она ему передана от императора, и называет ее своею! В своей грамоте он писал также, что князья, магистр Кетлер и другие, обратились с мольбой о покровительстве к его маестату. И, сделав такое неправо дело, паны короны Польской и Великого княжества Литовского стали называть Ливонскую землю своей и послали туда своих смутьянов-ротмистров. И если бы они говорили правду, то в одно слово говорили бы, а то говорят и пишут разными словами, ухищряясь как-нибудь прибрать к рукам Ливонскую землю и проливать неповинную христианскую кровь. После этого твои паны стали говорить, что мы вопреки присяге вступили в Ливонскую землю, но до сих пор не

могут указать, в какой же это грамоте мы присягали. И после этого принялись говорить, что мы нарушили охранные грамоты и вторглись в Ливонскую землю, а мы ничего этого не нарушали, ибо Ливонская земля не упоминается в мирных грамотах ни с какой стороны и в охранных грамотах не говорится, что мы не должны очищать свою вотчину, Ливонскую землю, от врагов. Опять-таки, если у тебя имеются какие-нибудь грамоты твоих предков, наших прародителей и наши о Ливонской земле, пришли их к нам, и мы тогда не будем больше говорить о Ливонской земле, а то, кроме кровопролития, оправдания у тебя никакого нет. А как можно нарушать то, чего ни в каких грамотах нет и никогда не бывало? А у панов твоих вечно одни и те же слова: напал на ливонцев, нарушил присягу, нарушил охранную грамоту. Но если эта земля существовала отдельно, а жители ее были нашими данщиками, и были в ней магистр и архиепископ и епископы, а в городах князья, а ни одного литовца там не было, то была ли тогда нарушена присяга и охранная грамота с Литвой? И кто ими владел, неужели литовские ротмистры? Этого тебе никак не доказать! Когда они еще не были разорены, они обращались к нам с челобитными, а поссорившись, заключали мир с такими же нашими вотчинами, как они сами, с Великим Новгородом и Псковом. А в челобитных они писали, что они испросили у нас прощения за то, что они присоединялись к королю польскому и Великому князю Литовскому и что отныне они никогда не будут присоединяться к нему и ничем не будут ему помогать. Если хочешь, можешь в этом убедиться: мы послали тебе списки с тех грамот при этой своей грамоте. А если, может быть, ты захочешь посмотреть самые эти

грамоты, то пошли посмотреть своих полномочных послов, и мы им покажем грамоты с печатями, в которых ливонцы били челом о своих винах нашим прародителям, деду нашему, блаженной памяти Великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти Великому государю и Царю всея Руси Василию, и в которых они отреклись от подчинения королевству Польскому и Великому княжеству Литовскому. Но ведь если бы Ливонская земля принадлежала Польше и Литве, то ливонцы не писали бы так в своих челобитных грамотах. Почему твои предки не удержали их, когда они в шесть тысяч девятьсот шестьдесят восьмом году²⁴⁷ присылали бить челом прадеду нашему, блаженной памяти Великому государю Василию Васильевичу, о котором ты пишешь, будто он заключил соглашение с Казимиром о Великом Новгороде? А если бы это утверждение было справедливо, то ливонцы не посылали бы бить челом нашему прадеду через Новгород. А они многократно посылали бить челом также и деду нашему, блаженной памяти Великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти Великому государю и Царю всея Руси Василию, и к нам, и эти приходы и челобитья их послов, не тайные, но явные, были известны в Москве представителям всяких вероисповеданий и чужеземцам. А предки твои ни нашим прародителям, ни нам, когда мы еще были в юношеском возрасте, никогда не писали, чтобы мы не принимали челобитья ливонцев и не вступали в их области и не называли их своими подданными; а если бы это была их земля, то твои предки бы об этом не молчали, а раз молчали, значит, это была не их земля! А что твои паны возражают: если это была наша земля, то зачем нам было с нею заключать перемирие?

Так ведь эта земля была особая, наша вотчина, отданная в держание, жили в ней немцы, а заключали соглашения о перемириях с нашими вотчинами, Великим Новгородом и Псковом, с нашего разрешения и по нашему приказу, подобно тому как мужики в волостях заключают между собой соглашения, как им торговать, а не так, как заключаются перемирия между государями. Ты вот называешься прусским, а в Пруссии свой князь, и ты принимаешь от него присягу, стало быть, Пруссия не твоя? Вот Ливония и была такой же нашей вотчиной, отданной в держание, как Пруссия у тебя. Твои паны говорят на это, что если это была наша вотчина, то мы должны были бы назначить им держателей, но ведь эта наша вотчина, Ливонская земля, была не нашей веры, а жили в ней немцы, и наши прародители и мы оказали им милость, позволили им выбирать магистров и держателей согласно их вере и обычаю, а у них зато были устроены христианские церкви, дворы и слободы для русских купцов, которые торговали, приезжая к ним. А хотя держателей они получали, но ведь они получали их от папы, епископов ведь всех ставит папа, а не король, и твои предки епископов не ставили. Вы вспоминаете еще, что архиепископ Вильгельм был родственник короля Сигизмунда-старшего, так ведь для него нигде местечка не было, и по просьбе короля ливонцы дали ему архиепископство Рижское; а ставил его в архиепископы опять-таки папа, а не король: короли ведают мирскими делами, а церковными делами ведают папа и архиепископы и епископы; так дает ли это основание считать Ливонскую землю вашей? А что паны твои говорят, что ливонцы вели войну с блаженной памяти великим государем и царем всея Руси Василием, отцом нашим, так

тут дивиться нечему! Часто бывает, что подданный, желая выйти из подданства, противится своему государю, за это его и наказывают. Воевали же Ягайло и Витовт с пруссами, а предки твои с Кондратом, князем Мазовецким. А к нашему отцу, блаженной памяти Великому государю и Царю всея Руси Василию, присылал с челобитьем князь Прусский Альбрехт, магистр немецкого ордена в Пруссии, маркграф Бранденбургский, Штетинский, Померанский, Кашубский и герцог Вендский, бургграф и герцог Ноурмерский и князь Ругенский о помощи против короля Сигизмунда-старшего. Да ты сам зачем к Гданску ходил войной? Ведь он твой, а к своему зачем ходить войной? Вот так и Ливонская земля затеяла войну против отца нашего. Говорят твои паны, что ливонцы обратились за покровительством к вам, королям Польским и Великим князьям Литовским, так почему же они не обращались к вам, пока в своей воле были? А вот когда они нам изменили и мы на них возложили свой гнев и разбили их, тут они к вам и обратились. Во всей вселенной ведь так принято: кто беглеца принимает, тот вместе с ним виновен; не значит ли это, что и ты покушаешься на чужую собственность? Почему же вы не сумели овладеть ими, пока они не были разбиты? А когда Витовт вел борьбу с Ягайло из-за убийства отца, к каким именно немцам он обращался и с какими немцами ходил к Вильне войной и чуть не взял Вильно?! Ни единым словом не сможешь ты доказать, что Ливонская земля, пока она не была разбита, подчинялась королевству Польскому и Великому княжеству Литовскому; сколько ни разбирай это дело, всегда обнаруживается, что Ливонская земля в большей степени подчинялась нашему государству, чем вашему.

Да что об этом много говорить! Известно, что вы называете Ливонскую землю своей, попусту желая пролития неповинной христианской крови. Говорили еще твои паны нашим послам, что ты присягал, что добудешь Ливонскую землю, христианское ли это дело: присягать, что будешь вздорно и несправедливо, желая славы, богатства и расширения государства, лить неповинную христианскую кровь? Вот ты писал, что предки наши несправедливыми поступками свое государство расширили, а ты очень справедливо добываешь потерянное, проливая кровь вопреки присяге? Говорили еще твои паны нашим послам, что они за ливонцев вступились всей землей потому, что Ливонская земля римской веры, одной веры с ними, поляками, и поэтому всей этой земле следует быть в твоей власти, ибо нехорошо, чтобы в одной земле были два государя: «А у нас государь по нашей воле: выбираем себе государем кого захотим; какой бы ни был у нас государь, а без нас ничего не делает; а если и захочет что-нибудь делать, так мы не дадим; а когда мы выбирали теперь нашего государя, то указывали ему, что многие места нашей земли несправедливо отобраны вашим государем и его предками; и государь наш присягал нам, что он будет добывать наши давние владения и очистит Ливонскую землю. Христианское ли это дело? Называетесь христианами, а ведь папа и все римляне и латиняне вечно твердят, что вера греческая и латинская едина; а когда был в Риме в шесть тысяч девятьсот сорок седьмом году²⁴⁸ от сотворения мира при папе Римском Евгении собор и присутствовал на нем греческий царь Иван Мануйлович, а с ним патриарх Царьградский Иосиф (на этом соборе он и скончался), а из Руси был митрополит Исидор, то на этом соборе постано-

вили, что греческая вера и римская должны быть едины²⁴⁹. Как же паны твои придерживаются христианства, если они не допускают, чтобы Ливонская земля была под греческой верой? Они и папе своему не следуют: папа их установил, что греческая и латинская веры едины, а они это отвергают и обращают людей из греческой веры в латинскую! Христианское ли это дело? А в нашей земле, если кто держится латинской веры, то мы их силой из латинской веры не обращаем, а жалуем их наравне со своими людьми, кто какой чести достоин, по их происхождению и заслугам, а веры держатся какой хотят. Говорят еще твои паны, что если в одной земле два государя, то добру не бывать; так мы же к тебе затем и послали, чтобы ты заключил с нами соглашение о Ливонской земле, а ты с нами подобающего соглашения не заключаешь. А что ты присягал о тех, что будешь добывать отошедшие области и очищать Ливонскую землю, и паны твои также присягали, что будут тебя в этом поддерживать, так ведь это сделано по бусурманскому обычаю, ради пролития неповинной христианской крови. Вот, значит, каков твой мир: ничего не хочешь, кроме истребления христиан; согласишься ли ты и твои паны с нами или будешь воевать, тебе и твоим панам нужно только удовлетворить свое желание, губить христиан. Так что же это за мир? Это обман! А если мы тебе уступим всю Ливонскую землю, то нам от этого большой убыток будет, что же это за мир, если убыток?

Тебе же ничего другого не нужно, только бы тебе быть сильнее нас. И зачем нам давать тебе силу против самих нас? А если ты силен и жаждешь крови христианской, так ты приди, пролей неповинную христианскую кровь и возьми. Ведь и под Невелем твои паны,

тоже желая христианской крови, говорили нашим послам, стольнику и наместнику нижегородскому князю Ивану Васильевичу Сицкому-Ярославскому с товарищами, что если мы тебе не уступим всей Ливонской земли, то ты будешь беспрестанно отвоевывать все те области, которые отделены от Великого княжества Литовского к Московскому государству, а если теперь чего-нибудь и не успеешь отвоевать, так оно и потом не уйдет. Если таково твое и твоей рады непрестанное стремление и желание кровопролития, какого ж тут ждать мира и доброго дела! Ведь уже сначала, когда тебя посадили на престол, паны привели тебя к присяге, что ты добудешь все давно отошедшие области, чего же было и послов посылать? Одною душой, а дважды ты присягал: ты присягал панам и земле, что будешь добывать земли, а послы твои присягали, что ты заключишь с нами мир. И ты тогда присягни-ка еще уступить нам какие-нибудь места получше! Присягнешь еще раз, и совсем будет непонятно, какая присяга крепче, и держаться ли тебе той присяги, которую давал земле, или той, которую дали твои послы, или той, о которой договорятся наши послы? Видно, одной какой-нибудь присяге придется быть нарушенной, нельзя и две присяги вместе соблюсти; какое же тут может быть соглашение? И поэтому между обеими нашими землями никогда не будет конца кровопролитию. Когда же ты разрешил нашим послам отправить к нам нашего сына боярского Никифора Суцова, а твои паны велели ту грамоту, которую они к нам посылали, принести к себе, прочли ее и велели им написать только то, что ты пишешь, и ничего иного, разве же это по христианскому обычаю было сделано? Неизвестно, послы ли они, пленники ли, твои ли люди, мои ли, если

ни единого слова без твоего ведома не смеют написать. Это прямое притеснение, а ведь твои послы, наоборот, поступали по своей воле, и ты их присягу нарушил. Так зачем же и послов посылать, если вы всей землей стремитесь к кровопролитию? Сколько послов ни посылай, что ни делай, ничем вас не удовлетворишь и миру не добьешься. Ведь твои паны писали, и ты сам неоднократно передавал с послами и посланниками, что ты для того и приглашен на престол, чтобы разрешить давние споры. Это к добру не приведет: взыскиваешь более чем за сто лет, а за это время с обеих сторон не один государь умер и предстал на Божий суд. Видно, все те государи не знали, как за свое стоять, а бояре и паны у них глупы были, что не взыскивали это никаким образом, а не только кровью? А ты, видно, всех своих предков лучше, а паны твои умнее своих отцов: чего отцы их не умели добыть, они с кровопролитием добывают! Скоро начнешь взыскивать и то, что при Адаме потеряно! Если давно прошедшие споры разбирать, так тут, кроме кровопролития, ждать нечего, а если ты пришел кровь проливать и паны посадили тебя на престол для этого, то зачем было и послов приглашать? Их ничем не удовлетворишь, пока кровью христианской не насытятся. Оно и видно, что ты действуешь, предавая христианство бусурманам! А когда обессилишь обе земли, Русскую и Литовскую, все бусурманам и достанется. Называешь себя христианином, Христово имя поминаешь, а хочешь ниспровергнуть христианство²⁵⁰.

Ты предлагаешь нам заключить вечный мир, но ведь прежде, при твоих предках, перемирие было крепче мира: перемирий никто не нарушал, а вечный мир всегда нарушался, а ныне и подавно верить не-

чему, присяга тебе нипочем, ты, играя, нарушаешь ее: нарушил то, в чем послы твои присягали, и начал кровь проливать. Но если ты присяги не соблюдаешь, нечему верить, а раз нечему верить, невозможно заключить вечный мир. А город Себеж, поставленный от нашего имени в годы нашего детства, король Сигизмунд-старший, как набожный христианский государь, не желая кровопролития и стремясь к миру, нам уступил и благодаря этому избежал пролития христианской крови между нами. И ты, пришелец, просишь теперь от нас невозможного: самим сжечь или разобрать этот город, а землю уступить тебе вместе с Полоцком; какое может быть соглашение, если твое предложение ни с чем не сообразно? Ты пишешь, что в верительной грамоте наших полномочных послов, нашего дворянина и наместника муромского Остафия Михайловича Пушкина, нашего дворянина и наместника шацкого Федора Андреевича Писемского и дьяка Ивана Андреева сына Трифонова, указано, чтобы ты доверял их словам, сказанным от нашего имени; так ведь такие слова пишутся во всяком охранном листе; если же тебе неизвестно, что делалось в этой земле до тебя, спроси старых панов и узнаешь. Говорили они тебе также, что имеют достаточные полномочия, но на тех условиях, о которых говорится в твоей грамоте, в речах твоих панов нашим послам и в письмах наших послов, соглашение заключено быть не может. Ты пишешь, что нам следует дать им еще более подробные указания, но подробнее этого как можно указать! И так наши послы уступили тебе более семидесяти городов, Полоцк с пригородами и города из нашей вотчины, Ливонской земли, не считая Курляндской земли, а Курляндская

земля тебе в придаток, а в ней городов с тридцать. Ни в каких государствах это не принято уступать города; а мы тебе столько городов уступили и все-таки не смогли побудить тебя к соглашению! Просили они тебя оставить нам из нашей вотчины, Ливонской земли, Новгородок, Сыренск, Адеж и Ругодив, но ты и этого не хочешь уступить! Просили они тебя также оставить нам наши извечные вотчины, которые ты захватил: как же мы можем уступить тебе эти извечные вотчины, доставшиеся нам от наших прародителей? И ты обо всем этом договориться не пожелал и решил отослать их, не договорившись; а когда они попросили разрешения снести с нами, ты сообщил им твои условия мира, чтобы мы, ознакомившись с их сообщением, дали им указания и полномочия.

Мы внимательно прочли послание своих послов и уразумели все твои предложения, но эти предложения не только не могут привести нас к соглашению, но подрывают христианский мир, ведут к кровопролитию и делают невозможной долговую дружбу между нашими потомками, им остается только вечно продолжать беспрестанное кровопролитие. А сверх тех подробных указаний и полномочий, которые мы уже дали, что мы можем еще дать? Ты пишешь, что если твое войско будет близко к нашим границам, то от этого будет убыток, так ведь давно известно, что ты всегда жаждешь пролития христианской крови! А разрушить город Себеж и землю его уступить, на это согласиться невозможно; а если ты хотел христианского мира, так ты бы к Полоцку не ходил и его не забирал, все бы это и была одна земля, не из-за чего было бы и воевать. Если же ты стремишься поступать по закону, то по перемирию, которое было при коро-

ле Сигизмунде-старшем и при короле Сигизмунде-Августе новом, Себеж и был вместе с Полоцком, а войны ни из-за чего не было; а ты нынче пишешь, чтобы только ссору затеять. Твои паны говорили еще, что в обмен за Себеж ты велишь сжечь Дриссу, таким способом только младенцев надувают; а нам от этого что за прибыль? Мы Себеж велим сжечь, ты велишь Дриссу сжечь, а обе земли у тебя будут! И ты сожжешь, а потом снова велишь поставить. Это ведь ухищрения твоих панов, а не дело! Ты пишешь еще в своей грамоте, что нам нужно мириться так, чтобы на благо христиан доброе дело укрепилось нерушимо, а дружба усиливалась, и что ты не хочешь малым делом разрушать большое, пишешь о нерушимости доброго дела, а сам его всячески разрушаешь, опасаясь малым делом разрушить большое, а сам ни большого ни малого не укрепляешь, только бы воевать! А купцы, о которых ты писал, были задержаны из-за войны, а содержат их со всеми удобствами, не как узников, товары у них не отняты и находятся в тех же домах, где они сами, а не отпускаем мы их ради того, чтобы они, придя к тебе, не сообщили вестей о нашем государстве, так же как и ты, вопреки нашим просьбам, не выдаешь наших узников ни за выкуп, ни на обмен, опасаясь, что мы узнаем вести о тебе и твоём государстве. Но если между нами, Бог даст, будет заключено соглашение, то мы их отпустим со всем имуществом без всякого ущерба; а подробнее мы пишем тебе об этом в особой грамоте. Что же касается того, чтобы отослать твоего дворянина Криштофа Держка без задержки к объявленному тобой сроку, то мы отпустили его, как только смогли. Но этот твой дворянин, Криштоф Держко, приехал к нам за тринадцать дней

до истечения этого срока, и поспеть к этому сроку он не мог, но даже если бы мы его и скорее отпустили и если бы он даже поспел к этому сроку, то все равно мы бы тебя этим не ублаговторили и не отвлекли от кровопролития: поспеет гонец или не поспеет, мир или война, а кровопролитие все равно будет! А предки твои в таких случаях ожидали у себя в столице, а не в военном стане, не на границе. Мы же отпустили его к тебе, как только стало возможно. А что просишь оплатить военные сборы, это ты придумал по бусурманскому обычаю: такие требования выставляют татары, а в христианских государствах не ведется, чтобы государь государю платил дань, нигде этого не сыщешь; да и бусурмане друг у друга дань не берут, только с христиан берут дань. Ты ведь называешься христианским государем, чего же ты просишь с христиан дань по бусурманскому обычаю? И за что нам тебе дань давать? С нами же ты воевал, столько народу в плен забрал, и с нас же убытки взимаешь. Кто тебя заставлял воевать? Мы тебе о том не били челом, чтобы ты сделал милость, воевал с нами! Взыскивай с того, кто тебя заставил с нами воевать; а нам за что тебе платить? Следовало бы скорее тебе оплатить нам убытки за то, что ты, беспричинно напав, завоевывал нашу землю, да и людей следовало бы вернуть без выкупа. А это разве по-христиански у тебя делается, что, когда наши послы, посланники и гонцы, на основании твоих охранных грамот отсылают к нам людей и подводы, то твои пограничные жители, оршане и дубровляне и из других городов, этих наших людей и их проводников, которых отсылают наши послы и гонцы, грабят и обыскивают по военному обычаю, а лошадей у них отнимают? И если ты, забыв христиан-

ское благочестие, так стремишься к кровопролитию и настолько охвачен гордостью, что словно хочешь все вокруг проглотить и хвалишься, как Амалик и Сенахерим или воевода Сарвар при Хозрое: «Не надейтесь на Бога, завтра город ваш, как птицу, возьму моей рукой!», то к чему и писать много! Мы же надеемся на Всевышнего и уповаем на силу животворящего креста, и ты вспомни-ка Максентия в Риме, погибшего силою благочестивого и животворящего креста; также и все гордящиеся и возвышающиеся не избегнут гибели <...>. И если ты силен, то плени: «Господь мне в помощь, убоюсь ли человека?» <...>. И если уж мира не будет, а только кровопролитие, то ты бы наших послов к нам отпустил, а за пролитие православной христианской крови нас с тобой Бог рассудит.

Если же захочешь воздержаться от пролития неповинной христианской крови, то и мы с тобой хотим заключить перемирие и вечный мир. А на тех условиях, которые мы предлагали со своими послами, со своим дворянином и наместником муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами, ты заключить с нами вечный мир и перемирие не захотел, а теперь и мы не хотим заключать с тобою перемирие и вечный мир на тех условиях, которые передавали со своими послами, стольником и наместником нижегородским, князем Иваном Васильевичем Сицким-Ярославским с товарищами, и со своими нынешними послами, с дворянином и наместником муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами. А хотим заключить перемирие и вечный мир на условиях, о которых теперь сообщили своим послам, послав к ним грамоту с окончательными указаниями, как можно заключить соглашение между нами. Ты писал, чтобы

мы послали своим послам грамоту с полномочиями, как нам заключить между собой соглашение, чтобы, удостоверившись в этом, ты мог согласиться на мир и чтобы на основании этой грамоты мог быть заключен христианский мир, мы и послали своим послам эту полномочную грамоту со своей печатью.

Больше ни на какие условия перемирия не согласны; мы готовы заключить с тобою перемирие только на тех условиях, о которых теперь написали и передаем устно через своих послов, послав им наказ. И если ты хочешь с нами соглашения, договора или перемирия, то согласись на условия, переданные нашим послам, дворянину и наместнику муромскому Остафию Михайловичу Пушкину с товарищами. Если же не хочешь соглашения, а желаешь кровопролития, то отпусти к нам наших послов, и пусть с этого времени между нами в течение сорока-пятидесяти лет не будет ни послов, ни гонцов. А когда ты послов наших отпустишь, то прикажи проводить их до границы, чтобы их твои пограничные негодяи не убили и не ограбили; а если им будет причинен какой-нибудь ущерб, то вина ляжет на тебя. Мы ведь предлагаем добро и для нас и для тебя, ты же несговорчив, как онагр-конь²⁵¹, и стремишься к битве; Бог в помощь! Уповая на его силу и вооружившись крестоносным оружием, ополчаемся на своих врагов.

Грамоту эту мы запечатали своей большой печатью, чтобы ты знал, какое государство поручил нам Бог. Писана в Москве, в нашем царском дворце, в семь тысяч восемьдесят девятом году²⁵², двадцать девятого июня, на 46-й год нашего правления, на 34-й год нашего Российского царства, 28-й — Казанского, 27-й — Астраханского.

Духовная

(1572)

Царя и Великаго князя Иоанна Васильевича,
Самодержца Всероссийскаго²⁵³

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Святыя и Живоначальныя Троицы, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь, и по благословию отца нашего Антония, Митрополита всея России, се аз, многогрешный и худый раб Божий Иоанн, пишу сие исповедание своим целым разумом. Но понеже разума нищетою содержимь есмь, и от убогаго дому ума моего не могах представити трапезы, пищи ангельских словес исполнены, понеже ум убо острюпись, тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася, и не сушу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох, воздаша ми злая возлагая, и ненависть за возлюбление мое. Душею убо осквернен есмь и телом окалях. Яко же убо от Иерусалима божественных заповедей и ко ерихонским страстем пришед, и житейских ради подвиг прелстихся мира сего мимотекущею красотою; яко же к мирным гражданам привед, и багряницею светлости и златоблещанием предахся умом, и в разбойники впадох мысленныя и чувственныя²⁵⁴, помыслом и делом; усыновения благодати совлечен бых одеяния, и ранами исполумертв оставлен, но паче нежели возмнитися видящим, но аще

и жив, но Богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший, его же иереи видевоу, не внят, левит и той возгнушався, премину мне. Понеже от Адама и до сего дни всех преминух в беззакониях согрешивших, сего ради всеми ненавидим есмь, Каиново убийство прешед, Ламеху уподобихся, первому убийце, Исаву последовах скверным невоздержанием, Рувиму уподобихся, осквернившему отче ложе²⁵⁵, несытства и иным многим яростию и гневом невоздержания. И понеже быти уму зря Бога и царя страстем, аз разумом растлен бых, и скотен умом и проразумеванием, понеже убо самую главу оскверних желанием и мыслию неподобных дел, уста разсуждением убийства и блуда, и всякаго злаго делания, язык срамословия, и сквернословия, и гнева, и ярости, и невоздержания всякаго неподобнаго дела, выя и перси гордости и чаяния высокоглаголиваго разума, руце осязания неподобных, и грабления несытно, и продерзания, и убийства внутрення, ея же помыслы всякими скверными и неподобными оскверних, объядении и пьянствы, чресла чрезъестественная блужения, и неподобнаго воздержания и опоясания на всяко дело зло, нозе течением быстрейших ко всякому делу злу, и сквернодеяния, и убивства, и граблением несытнаго богатства, и иных неподобных глумлений. Но что убо сотворю, понеже Авраам не уведет нас, Исаак не разуме нас, и Израиль не позна нас! Но Ты, Господи, Отец наш еси, к Тебе прибегаем, и милости просим, Иже не от Самарии, но от Марии Девы неизреченно воплотивыйся, от пречистых Тя ребр воде и крови, яко масло, возлияв, Христе, Боже, язвы струп моих глаголюще душевныя и телесныя, обяжи и к небесному сочитай мя лику; яко милосерд, Господи, Боже мой, мир даждь нам, разве Тебе иногo не знаем, и Имя

Твое разумеем; просвяти лице Твое на ны и помилуй ны. Твоя бо есть держава неприкладна, и Царство безначално и безконечно, и сила, и слава, и держава, ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

И понеже, по Писанию, не должны суть хранити имения чада родителям, но родителие чадам, и яже убо вышнее именование, яко же реченно: «Премудрость во исходящих поется, на краех же забралных мест проповедается, при вратех же сильных дерзающе глаголет, се предлагаю вам глас мой, сыновом человеческим, лучше бо ту куповати, паче злата и сокровища многа, честнейший же суть камения многоценна, все честное недостойно ея есть». Глаголет Господь: «Мною царие царствуют и сильнии пишут правду». Сего ради и аз предлагаю учения, елико мой есть разум, от убожества моего, чадца моя, благодать и Божий дар вам.

Се заповедаю вам, да любите друг друга, и Бог мира да буди с вами. Аще бо сия сохраните, и вся благая достигните; веру к Богу твердо и непостыдну держите, и стоите, и научитися Божественных догматов, како веровати, и како Богу угодная творити, и в какове оправдании пред нелицымерным Судиею стати. То всего больше знайте: Православную Христианскую веру держите крепко, за нее страждите крепко и до смерти. А сами живите в любви. А воинству, поелику возможно, навькните. А как людей держати, и жаловати, и от них беречися, и во всем их умети к себе присвоивати, и вы б тому навькли же. А людей бы есте, которые вам прямо служат, жаловали и любили, их ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат. А каторые лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию. А всякому делу навькайте, и Божественному, и свя-

щенническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию, и житейскому всякому обиходу, и как которыя чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет, то бы есте сами знали. Также и во обиходе во всяких, как кто живет, и как кому пригоже быти, и в какове мере кто держится, тому б есте всему научены были. Ино вам люди не указывают, вы станите людям указывати. А чего сами не познаете, и вы сами стате своими государствами владети и людьми.

А что, по множеству беззаконий моих, Божию гневу распростершуся, изгнан есмь²⁵⁶ от бояр, самоволства их ради, от своего достояния, и скитаюся по странам, а може Бог когда не оставит, и вам есми грехом своим беды многая нанесены, Бога ради, не пренегайте в скорбех, возвержите на Господа печаль свою, и Той вас препитает, по пророку глаголющу: «Отец мя и мати остависта, Господь же восприимет, понеже бо вся в руце Господеви, яко чаша уклони от сия, в сию смиряет, а сего возносит, никто же бо приемлет честь от себе, но званый от Бога, дает бо власть, ему же хочет, и воздвизает от земли убога и от гноища возносит нища, посадити его с князи людей, и престол славы наследует ему».

А докудова вас Бог помилует, свободит от бед, и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили, и земля бы заодин, и казна бы у вас заодин была, ино то вам прибылняе.

А ты, Иван сын, береги сына, Федора, а своего брата, как себя, чтоб ему ни в каком обиходе нужды не было, а всем бы был исполнен, чтобы ему на тебя не в досаду, что ему не дашь удела и казны. А ты, Федор сын, Ивана сына, своего брата старейшаго,

докудова строитель, уделу и казны не прося, а в своем бы еси обиходе жил, смечаясь, как бы Ивану сыну не убыточнее, а тебя б льзе прокормити было, и оба вы есте жили заодин и во всем устраивали, как бы прибыточнее. А ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата молодшаго, держал, и берег, и любил, и жаловал его, и добра ему хотел во всем так, как себе хочешь, и на его лихо ни с кем не ссылался, а везде бы еси был с Федором сыном, а своим братом молотшим, и в худе и в добре, один человек, занеже едиnorodный есть у матери своей.

И вы бы сами о себе прибежище положили, яко же рече Христос во святом Евангелии: «Иде же собрани аще два или три во имя Мое, ту есмь Аз посреде их». И аще Христос будет посреде вас для вашей любви, и никто может вас поколебати, вы будете друг другу стена, и забрало, и крепость. К кому ему прибегнуть и на кого уповать! Ты у него отец, и мать, и брат, и государь, и промысленник. И ты б его берег, и любил, и жаловал, как себя. А хотя буде в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял, а ссоркам бы еси отнюдь не верил, занеже Каин Авеля убил, а сам не наследовал же.

А Бог благоволит вам, тебе быть на государстве, а брату твоему Федору на уделе, и ты б удела его под ними не подыскивал, а на него лиха ни с кем ни ссылался.

А где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, и ты б его берег и накрепко бы еси смотрел правды, а напрасно бы еси не задирался, а людским бы вракам не потакал, занеже, аще кто и множество земли приобрящет и богатства, а трилакотна²⁵⁷ гроба не может избежати, и тогда то все останется, по Господней

притчи, — ему же угобзися нива, иже хотяше разорити житницы и болшая создати, к нему же рече Господь: «Безумие, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготова, кому будет?»

А ты б любовь нелицемерную держал к брату своему, а к моему сыну Федору, яко же рече божественный апостол Павел: «Любы не завидит, любы не гордится, любы не злообразуется, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истинне, все уповает, вся терпит, любы николи же отпадает»; яко же рече той же апостол: «Аще кто о ближних своих не промышляет, веры отверглся, и есть невернаго горши».

А ты, сыне мои Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем, как мене, и покорен буди ему во всем, и добра хоти ему, как мне, родителю своему, во всем, и во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был так, как мне, отцу своему, и во всем бы еси жил так, как из моего слова. А будет, благоволит Бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал, и на ево лихо не ссылался ни с кем, а везде бы еси с Иваном сыном был в лихе и в добре один человек. А докуды, и по грехом, Иван сын государства не доступит, а ты удела своего, и ты бы с сыном Иваном вместе был заодин, и с его бы еси изменники и с лиходеи некоторыми делы не ссылался. А будут тебе учнут прельщать славою, и богатством, и честию, или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят, мимо Ивана сына, или на государство учнут звати, и ты б отнюдь того не делал и из-Ивановой сыновниной воли не выходил; как Иван сын тебе велит, так бы еси был, а ни на что бы еси не прельщался. А где тебя Иван сын пошлет на свою

службу или людей твоих велит тебе на свою службу послати, и ты б на его службу ходил и людей своих посылал, как коли сын мой Иван велит.

А где по рубежам Иванова сыновня земля сошлась с твоею землею, и ты б берег того накрепко, смотрел бы еси правды, а напрасно бы еси не задирался, и людским бы еси вракам не потакал, занеже аще кто множество богатства или земли приобретаешь, а трилакатнаго гроба не может избежать, и тогда то все останется, токмо едина дела, что сотворихом, благо ли, или зло.

И ты б сына моего Ивана, а своего брата старейшаго, держал в мое место, отца своего, честно и грозно, и надежду бы еси держать во всем на Бога да на него, и ни в чем бы еси ему не завидел, занеже единокровные есте у своей матери.

И вы б сами себе прибежище положили, яко же рече Христос во Святом Евангелии: «Иде же собрани два или три во имя Мое, то есмь и Аз посреде их». И аще Христос будет посреде вас для ваша любви, ино кто может вас поколебать! Он тебе стена, и забрало, и рать, и крепость. К кому тебе прибегнуть и на кого уповать! Он тебе отец, и мать, и брат старейший, и Государь, и промысленик.

И ты б, Федор сын, сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, во всем покорен был, и добра ему хотел и во всем так, как мне и себе, и во всем воли его буди, до крови и до смерти, ни в чем ему не прикослови. А хотя будет на тебя Иванов сыновей гнев или обида в чем ни будь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, непрекословен был, и рати никакой ни вчинял, и собою ничем не боронился, а ему еси бил челом, чтоб тебя пожаловал, гнев свой сложить изво-

лил, и жаловал тебя во всем по моему приказу. А в чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, как ему любо, и послушает челобитья, ино добро, а не послушает, и ты б собою не оборонялся ж, а всем бы еси печаль на радость преложа, положил на Бога, занеже всяким неправдам местник есть Бог.

А ты б, Иван сын, с братом своим младшим, а с моим сыном Федором, жил в любви и в согласии заодин во всем, по моему приказу.

И вы б, дети мои, Иван и Федор, жили в любви и в согласии заодин, и сей мой наказ памятовали крепко. Аще бо благо учнете творити, вся вам благая будет. Аще ли злая сотворите, вся вам злая склуются, яко же речено бысть во Евангелии: «Аще кто преслушает отца, смертию да умрет».

Всего же болши гоните, и утверждайтесь, и разумейте от Православных веры догматех, да zde благоугодно поживши, и тамо будущих благ наследницы будете, яже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыде, яже уготова Бог любящим Его. Бога любите от всего сердца, и заповедь Его от всего сердца творите, елико ваша сила. Яко же речено бысть во Евангелии: «Уподобися Царствие Небесное десяти девам, яже прияша светилники своя, изыдоша в сретение жениху, пять же бе от них мудрых и пять юродивых, яже приимши светилники своя, не взяша с собою елея, прияша елей в сосудех со светилники своими; коснящу же жениху, воздремаша вси, и спаша, в полунощи же вопль бысть: се жених грядет, исходите во сретение ему. Тогда воставше вся девы тыя, украсиша светильники своя, юродивый же мудрым реша: дадите нам от масла вашего, яко светилницы наши угасают. Отвещаша же мудрыя: егда нам и вам не до-

станет, идите же паче к продающим и купите себе. Идущим же им купити, прииде жених, и готовый внидоша с ним на браки и затворени быша двери. Последди же приидоша и протчия девы, глаголюще: Господи, Господи, отверзи нам. Он же отвещав, рече им: аминь, глаголю вам, яко не весте дне и часа, в он же Сын Человеческий приидет». И паки глаголет: «Человек некий отходя, призва своя рабы и предаст им имение свое, овому даст пять талант, овому жь два, овому жь един, комуждо противу силы его. Имый пять талант дела в них, и сотвори другая пять талант. Такожде иже два име, приобрете им другая два. Приемый же един, вкопа его в землю и скры сребро господина своего. По мнозе же времени прииде господь раб тех, стезався с ними словесы. И приступл пять талант приемы, принесе другую пять талант, глаголя: господи, пять талант ми еси предал, и се другая пять приобретох ими. Рече же ему господь его: добрый рабе, благий и верный, в мале бысть верен, над многими тя поставлю, вниди в радость господя своего. Приступл же два таланта приемый, рече: господи, два таланта ми еси предал, се другая два таланта приобретох ими». И сей тут же благодать прия. Закопавы же в землю прият наказание. Размыслите в сердце своем и веру имейте, яко иже глаголет, бывает, яко речет: «Глаголю вам, вся, елика аще молящися просите, веруйте, яко приемлете, и будет вам. И егда стоите молящися, отпускаете, и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Небо и земля преидет, словеса же Моя не прейдут. О дни том и о часе никто же весть, ни ангели, иже суть на небесех, ни Сын, токмо Отец. Блюдите, бдите, молитесь, не весте бо, когда Господь дому приидет, в вечер, или в полунощь, или в петлоглашение²⁵⁸,

или утро, да пришед внезапно, обрящет вы спяща. Весте, яко царие язык господствует и велицы обладают, не тако же будет в вас, понеже аще хочет вящий быти, да будет всем слуга; иже аще хочет в вас быти старейший, да будет всем раб, яко же Сын Человеческий не прииде, да послужат Ему, но да послужити и дати душу Свою избавление за многих». Я же вам глаголю: «Иже бо аще кто постыдится Моих словес, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Своей и Отчей Исус Христос. И кто бо есть строитель верный и мудрый, его же поставить Господь над челядию Своею, даяти во време житомерие! Блажен раб той, его же пришед Господь его, обрящет тако творяща, воистину глаголю вам: над всем именем Своим поставит его. Аще же речет раб той и во сердци своем, коснись господин мой медлит прийти, и начнет бити рабы и рабыня, ясти же и пити и упиватися, приидет господин раба того в день, в онь же не чае, и в час, в он же не вест, опровергнет его и часть его с неверными положит. Той же раб, ведый волю господина своего, и не сотворив, биен будет много, не ведавый же сотворив, достойная мзду примет: всякому ему же дано будет много, много възыщится от него, и ему же предаша множайша, просят от него».

И паки рече Исус: «Человек некий сотвори вечерю велию, и зва многи, и посла раб своих в год вечера рещи званным: грядите, яко же уже готово суть вся. И начаша вкупе отрицатися вси. Первый рече: село купил и имам нужду изыти и видети, молю ти ся, имей мя отреченна. И другой рече: супруг волов купил пять, и иду искусити их, молю ти съ, имей мя отреченна. И другой рече: жену поях, и сего ради не могу прийти. И шед раб той, поведа господину вся сия. Тогда раз-

гневался дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутия и стогны града, и нищия, и бедныя, и слепыя, и хромья введи семо. И рече раб: се есть, яко же повеле, и еще есть место. И рече господин рабу: изыди на распутия и халуги, убеди внити, да наполнится дом мой. Глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусил моя вечера, мнози бо суть звани, мало же избранных. И паки: «Человека два внидоста в церковь помолитися, един фарисей, а другой мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмы, яко же прочий человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или яко же сей мытарь: пощуся два краты в субботу, десятину даю всего, елика притяжу. Мытарь же издалече стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше в перси своя, глаголюще: Боже, милостив буди мне, грешнику.

Глаголю вам, яко сей изыде оправдан паче онаго, яко всяк возносяйся смириться, смиривыйся вознесется. Яко же воздадите убо, яже кесарева кесареви, и яже Божия Богови. Не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется им мир; веруя в Он не будет осужден, а не веруя уже осужден есть, яко не верова во имя Единороднаго Сына Божия. Се есть суд, яко свет прииде в мир, и возлюбиша человецы тму паче, неже свет, беша бо дела их зла. Всяк бо делая зло, ненавидит света и не приходит ко свету, да не облечатся дела его, яко лукава суть, творяй же истину, грядет ко свету, да явятся дела его, яко о Бозе делани суть. Аще кто Мне служит, и Мне да последствует, иде же есмь Аз, ту и слуга Мой будет, и аще кто Мне служит, почтет его Отец Мой. И аще любите Мя, заповеди Моя соблюдете, и Аз умолю Отца, инаго Утешителя вам даст, да будет с вами в веки Дух ис-

тинный. Аще кто любит Мя, и слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, к нему прииде и обитель у него сотвориве». Сице убо заповеда Господь наш Иус Христос совершати заповеди Своя, совершавшим же и волю Его сотворившим сице любовне о них молить и благодать подаютъ. «Отче, прииде час, прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя, яко же дал еси Ему власть всякой плоти, да всяко, яже дал еси Ему, даст им живот вечный. Се же есть живот вечный, да знают Тебе, Единого Бога, и Его же посла Иус Христа; Аз прославих Тя на земли, и дела соверших, еже дал еси Мне, сотворю; и ныне прослави Мя, Отче, у Тебе Самого славу, яже имех у Тебе, прежде мир не бысть; и явих имя Твое человеком, их же дал еси мне от мира, Твои беша, и Мне их дал еси, и слово Твое сохраниша; ныне разумеша яко вся, елика дал Мне, от Тебе суть; яко глаголы, их дал еси Мне, дах им, и тии прияша и разумеша, яко от Тебе изыдох, и вероваша, яко Ты Мя посла, Аз о сих молю, ни о всем мире молю, но о тех, иже дал еси Мне, яко Твоя суть; и Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя, и прославихся в них; Аз дах им слово Твое, и мир возненавиде их, яко не суть от мира, яко же и Аз от мира несъмь; не молю, да возмеша их от мира, но да соблюдеши их от неприязни; от мира не суть, яко же и Аз несъмь от мира; спаси их во истинну Твою, слово Твое истинно есть; яко же Мене посла в мир, и Аз послах их в мир, и за них Аз свящу Себе, да и ти будут священники во истину; не о сих молю токмо, но и о верующих слове их ради в Мя, да вси едино суть, яко и Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и ти в Нас едино будет, да и мир веру имет, яко Ты Мя посла; и Аз славу, ю же дал еси Мне, дах им, да будут едино, яко же и Мы едино естъмы; Аз в

них, и Ты во Мне, да будут совершении во едино, и да разумеет мир, яко Ты Мя посла и возлюбил еси их, яко же Мене возлюбил еси. Отче, их же дал еси, хощу, дондеже естмь Аз, и тии будутъ со Мною, да видят славу Мою, ю же дал еси Мне, яко возлюбил Мя еси прежде сложения мира. Отче Праведный, мир Тебе не позна, Аз же Тя познах, и тии познаша, яко Ты Мя посла; и сказах им имя Твое, и скажу, да любы, ею же Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них». Видите, какво сие Божие дарование, что убо сего любезнейший, еже в Бозе быти, и яко Богу быти, и с Богом пребывати, и Божий любви в целовецех вселятися, и безконечных благ наслаждатися и наследствовати! Что убо сего злешии, еже от Бога отлучитися, и вечных благ наслаждения лишитися, и безконечных мук восприяти! И вы бы, дети моя, Иван и Федор, Божиих заповедей и евангельских усердно послушали, и моего наказания и повеления так же бы есте со усердием послушали, и усердно от всея силы и крепости, елико возможно, прелестей мира сего злых отбегали, и безконечных заповедей же Господних, и благих и вечных благ наслаждения наследствовати возжелете от всея души, и крепости, и разума, и берегучись от всякаго поползновения, и преткновения, и ветреннаго соблазна вражия.

И были есте, дети мои, Иван и Федор, в любви по сему моему наказу, заодин, нераздельно, раздельны бы есте были вотчинами и казнами, а сердцем бы есте и любовию были неразделны, а никто никому ни в чем не завидел; а будет кто чем скуден, ино по любви друг друга слушал, а силою б никто ни у кого не имал, а во всяком бы еси деле были, в лихе и в добре, везде заодин, а друг бы за друга не отрехся во вся-

ком деле не токмо что труждатися или страдати, но и кровь пролити и умрети.

И были бы есте, Иван и Федор, по моему наказу оба заедин, и во всем бы себя берегли, и жили по Бозе во всяких делах. И хотя, по грехом, што и на ярость приидет в междоусобных бранях, и вы бы творили по апостолу Господню: правду и равнение давайте рабом своим, послабляюще прощения, ведяще, яко и вам Господь есть на небесех. Так бы и вы делали во всяких опалах и казнях, как где возможно, по разсуждению, на милость претворяли и оставливали часть душам своим, яко долготерпения ради от Господа милость приимите, яко же инде речено есть: «Подобает убо Царю три сия вещи имети, яко Богу не гневаться, и яко смертну не возноситься, и долготерпеливу быти к согрешающим». Сице аще о Бозе благо поживете, и приложатся вам лета живота. Нас же, родителей своих и прародителей, не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будет, но аще и в гонении и во изгнании будете, во Божественных литургиях, и в панихидах, и в литиях, и в милостынях к нищим и препитаниях, елико возможно, не забывайте, понеже наших прародителей душ воспоминанием велику ползу нам и себе приобретаете zde и в будущем веце, и благостоянием Святым Божиим Церквам, и на враги победа, и одоление, и государству строение, и своему животу покой и вечных благ наслаждение молитвою их происходит, понеже от отец благодать Божия и благословение к вам пришедшее, наследником и чадом. И Бог мира, в Троице славимый, буди с вами, молитвами Пресвятым и Преблагословенным Владычицы нашей Богородицы, Заступницы христианския, и милость честнаго Ея образа иконы Владимирския, Державы

Руския заступление, во всяко время, на всяком месте, буди на вас, и всех святых всея Вселенный молитва и благословение, и русских чудотворцов, Петра, Алексея, Ионы, Ивания, Никиты, и Леонтия, Сергия, и Варлаама, и Кирила, и Похнутия, и Никиты, и всех святых Русских молитвами, и благословения всего нашего Роду, от Великаго князя Владимирера, просветившаго Рускую землю святым крещением, нареченнаго во святом крещении Василия, и до отца нашего, Великаго князя Василия Ивановича всея России, во иноцех Варлаама²⁵⁹, и матери наша, Великия княгини Елены, и жены моей Настасии²⁶⁰, а вашей матери, молитва и благословение буди на вас, ныне, и присно, и во веки веков. А что, по грехом, жон моих, Марьи²⁶¹ да Марфы²⁶², не стало, и вы б жон моих, Марью да Марфу, а свои благодатный матери, поминали во всем по тому, как аз оставил, и поминали бы есте их со всеми своими родители незабвенно. А будет Бог помилует, и государство свое доступите, и на нем утвердитесь, и аз благословляю вас. Ты, сын мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем. А ты, сын мой Иван, держи сына моего Федора, а своего брата молотшаго, без обиды, и буди ему во всем в мое место.

Благословляю сына моего Ивана крест, Животворящее Древо, большой Цареградской. Да сына же своего Ивана благословляю крест Петра чудотворца, которым Чудотворец благословил прародителя нашего, Великаго Князя Ивана Даниловича, и весь Род наш. Да сына же своего Ивана благословляю Царством Руским, Шапкою Мономаховскою, и всем чином Царским, что прислал прародителю нашему, Царю и Великому Князю Владимиру Мономаху, царь Константин Мономах из Царяграда. Да сына же свое-

го Ивана благословляю всеми Шапками Царскими и чином Царским, что аз промыслил, и посохи, и скатерть²⁶³, а по немецки центурь.

Да сына же своего Ивана благословляю своим Царством Руским, чем мя благословил отец мои, Князь Великий Василей, и что мне Бог дал.

А что есьми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят; а образец им учинен готов.

А ныне приказываю свою душу, сына своего Федора отцу своему, богомольцу, Антонию, Митрополиту всея России, да тебе, сыну своему Ивану.

А ты, сын мой Федор, сына моего Ивана, а своего брата старейшаго, слушай во всем и держи его в мое место, отца своего, и государства его под ним не подыскивай. А учнешь ты, сын мой Федор, под сыном под Иваном государств его подыскивать, или учнешь с кем-нибудь ссылатися на его лихо, тайно или явно, или учнешь на него кого подымати, или учнешь с кем на него одиначитися, ино по евангелскому словеси, Федор сын, аще кто не чтит отца или матерь, смертью да умрет.

А кто сию мою душевную грамоту порушит, тому судит Бог, и не буди на нем мое благословение.

ЧАСТЬ II

МОЛИТВОСЛОВИЯ

Молитва

Царя Иоанна Васильевича Божией Матери и святителю Петру, Митрополиту Московскому и всея России чудотворцу об избавлении от безбожных агарян (1541)¹

О Пресвятая Госпоже Богородице Владычице, покажи милость на роде христианстем, помиловала еси прадеда нашего Великаго князя Василия от нахождения поганых от безбожнаго царя Темер-Акъсака², тако и ныне пошли милость Свою на нас на чяд их и избави нас и весь род крестьянский³ от безбожнаго царя Саип-Гирея, прииде на мя на всю Рускую землю похваляся, пошли, Царице, милость Свою, да не рекут погании: где есть Бог их, на Него же уповают.

О чудотворныи Петре, призри на нас сирых, остались есмы от пазухи отца своего и от чрезл матери своя млады⁴, ниоткуда себе на земли утехи не имеем, и ныне прииде на нас великая натуга от бесерменства⁵, и тебе подобает о нас молитися, а вжег тя Бог нам светлую свещу и постави на свещнице, тобя даро-

ва Бог роду нашему и всему православному крестьянству крепкаго стража, не остави нас во время скорби нашея, помоли о нас Бога и о всем роде крестиянством, да избавит нас от поганных⁶.

Молитва

Царя Иоанна Васильевича «о поможении
Православному христианству от безбожных
и злых изменников казанских татар» (1552)⁷

Боже, сотворивый небо и землю и вся, яже суть
Твоя создания, и ведый Ты, Человеколюбец, тайная
человеком, ничтоже еси иное помышлях, но токмо
требую покою христианьского! Се же врагы креста
Твоего злые казанцы ни на что иное упражняются, но
токмо снедати плоти раб Твоих сирых и поругати имя
Твое святое, Егоже не могут знати, и осквернити свя-
тыя церкви Твоя: мсти им, Владыко! По Пророку реку:
не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дажь славу,
настави нас, Господи, на путь спасения и даруй ми по-
страдати за имя Твое святое и за порученное мне от
Тебе христианство!

Моление царское

за Божественной Литургией перед
взятием Казани (1552)⁸

О Владыко премилостивый Христе, помилуй раб
Своих! Се время прииде милости Твоея, се время! По-

дай крепость на съпротивных рабом Твоим! Помилуй, Милостиве, помилуй падшихся раб Твоих, Человеколюбие! Възстави в благо и плененых сирых свободы, пошли, Милосерде, милость Свою древнюю свыше, и разумеют погании, яко Ты еси Бог наш, на Тя уповающе побежаем. И Ты, о Пречистая Владычица Богородица, умоли рождышагося ис Тебе Христа истиннаго Бога нашего, да не помянет грехов моих и беззаконий великих, елико съгрешил есми пред величеством славы Его, но помилуй мя великиа ради милости Своея! Ты, Владычице, помощница нам буди и всему воиньству нашему, на Тя надеющесе, не посрамымся в бранех молитвами Твоими и всех святителей Руских чудотворцов и сродников наших⁹, молитвенников и помощников на съпротивных.

Хвала Царя Богу

после взятия Казанского царства (1552)¹⁰

Слава Тебе, всемилостивый Господи Иисусе Христе Сыне Божий, давай нам победу на врагы наша! Что Ти въздам, Господи, за вся благая, яже въздал еси нам? Слава Тебе, Господи, яко малое въздыхание сердца моего и слезы моя услышал еси и прошения наша исполнил еси и милость Свою излил еси на нас и съпротивных наших до конца потребил еси! О премилостивая Владычице Богородице, слава Тебе, яко Твоими молитвами и заступлением побеждены враги наша! О всемилостивая Владычице Богородице, Ты с всеми святыми да и с нашими заступники новыми чудотворцы Рускими умолила еси Господа нашего Ии-

суса Христа с безначальным Отцем и животворящим Духом, да услыша Господь молитву Твою и дал нам победительная на сопостаты и покорил врагы наша под ноги наша, и от всех их прославляется Пресвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа и ныне и присно и в веки веком, аминь. Ты убо, Владыко Господи, освяти место сие святому Твоему имени.

Стихиры

Владимирской иконе
Божией Матери
(1550—1560 гг.)¹¹

Иуния 23-го дня

**В той же день празднуем Сретение Пречистой
Владимирской иконы**

На Велицей Вечерни

На Господи, воззвах: стихиры, глас 4-й...

Ины стихиры, глас 1-й. Подобен: О дивное чудо.

Творение Царево

О великое милосердие грешнымо еси, Богородице Пречистая, скорая помощь, спасение и заступление. Веселися преименитыи град Москва, приемля чудотворную икону Владычица; воспоимо верении со архиереи и со князи: Обрадованная, радуйся, с Тобою Господе, подаяи намо Тобою велию милость.

Дивно Твое милосердие, Владычице: егда бо християне припадоша Ти избавитися пагубнаго заколения, тогда невидимо Сыну си молящися, честнымже си образом люди спасающе, християне возрадуются поюще: Обрадованная, радуйся, с Тобою Господе, подаи намo Тобою велию милость.

Твое славяте заступление архиереи и священницы, царие и князи, иноки же и причетницы, и весе народное множество, со женами и младенцы, о святей иконе Твоей хвалящися, припадаютe велможи с воинствы рускими, зовуще: Обрадованная, радуйся, с Тобою Господе, подаи намo Тобою велию милость.

Слава и ныне, глас 6-й

Вострубите трубою песней во благонароचितе дни праздника нашего, и тмы разрушение и свету пришествие паче солнца восиявошу; се бо весехo Царица и Владычица и Богородица, Мати Творца весехo, Христа Бога нашего, услышавоше моление, недостoинного рабо Своихo, на милосердие прекланяетесь, и милостивено невидимо руце простирающи к Сыну си и Богу нашему, молитву о всей Руси преодолагающи, и согрешением свобожение даровати молящися, и праведное Его прещение возвратити. О, великое милосердие, Владычица! О, великое щедрото милости Царица! О, великое заступление, Богородица, како убо, молящи Сына Своего и Бога нашего, пришествиемe честенаго образа преславлено и выше слова градо и вся люди ото напасти и смерти избавляющи. Царие и князи да сотекутся, святители и священницы да возвеселяются, и всяко возрасто вереныхo множество совокупленное, весехo Царицы Царя рожешей да воспоем благодарственная в радости глаголющи:

радуйся, Божие жилище и граде одушевленный Царя Христа Бога нашего; радуйся, християномо излияние милости и щедрото и промышления; радуйся, к Тобе прибегающимо, пристанище и заступление, и избавление и спасение наше.

На литии

Слава и ныне, глас 6-й

Яко венцеме пресветлыме, Пречистая Богородице, образом Твоим святыме градо Москва украсися и светися...

Все до конца. Писан Покрову¹².

Тропарь

Преподобному отцу нашему
Никите Столпнику,
Переяславскому чудотворцу
(начало 1550-х гг.)¹³

Глас 4-й

Христову мученику тезоименит¹⁴ был еси, преподобие, многи подвиги и труды претерпел еси Христа ради, Егоже ради вериги носил еси, блаженне: Того ныне о нас моли, Никито преподобие, душевныя наша и телесныя страсти уврачевати, иже верою и любовию почитающих присно память твою.

**Тропарь, кондак¹⁵
и послание¹⁶**

на перенесение честных мощей
святых мучеников и исповедников
благодарного Князя Михаила
Черниговского и боярина его
Феодора († 20.9.1246),
чудотворцев (1578)¹⁷

**На перенесение мощем
Тропарь**

Великому Князю
Михаилу Черниговскому,
творение Ивана, богомудраго Царя,
Самодержца Российскаго

Глас 8-й

Троичнаго Божества осиянием просветився,
пресветле и всеблаженне Великий Княже Михаиле
з доблим и всемудрым боярином ти Феодором,
ярости нечестиваго царя не убоявшеся, исповеда-
ния ради Святыя Троица, самозваннии к подвигом
устремистеся и видимому солнцу паче праведнаго
солнца Христа не поклонистеся. Кусту ж, и огню, и
идолом не поклонистеся, но поплевасте. Крови сво-
их струями обагрившеся, востекосте радостно ко

Господу господем и Царю царем, Господу нашему Иисусу Христу в Троице славимому. От Него победная венца приясте и своими кровии страдания тогда всю Русскую землю от нечестия свободисте, тако и ныне своим пришествием нас свыше назирайте, престоюще у престола Владыки Христа, моляще Святую Троицу избавитися нам от ходящих ны зол: душевных согрешений, и телесных болезней, и варварскаго нахождения, и междуусобных брани, и всяких скорбей душевных и телесных, и мятежей. Молим вы, святии, яко да вашими молитвами подасть нам вся благая Христос человеколюбец, прославляемый во святых Своих.

Кондак

Глас 5-й

Солнца мысленаго, праведнаго Христа, озарився сиянием пребогате, Михаиле, видимому солнцу не поклонился еси, и твари, паче Творца, не послужил еси, и нечестия обуздал еси. Ярости царя не убоаяся и крови своих обагрении предстал еси, радуяся. И ныне в пренесении мощей твоих нас свыше назирай, и Христа Бога нашего моли ти тебе о нас молимся, яко спастися нам, и державы царствия непоколебимо отечество ваше соблюсти о всех противных иноплеменных и междуусобных ратей, и мятежа, и оскудения, и праведнаго Господня гнева и прещения возвратити, и сохранить Господу Богу нашему Иисусу Христу во всем молитвами твоими святителя же, и царя, и вся люди по велицей Его милости.

Послание

благочестиваго Царя и Великаго Князя
Ивана Васильевича всея Руси
и всего Освященнаго собора¹⁸
к Великим страстотерпцем и исповедником¹⁹:
к Великому Князю Михаилу Черниговскому
и боярину его Феодору, имеюще образ сицев

Святии Великомученицы и исповединики Господни Благоверный Княже Михаиле, и ты, боярине его Феодоре, понеже веру соблюдоште во Христа Господа нашего в Троицы славимаго, тричисленнаго истиннаго Божества, славу и власть и честь непоколебимую и крепкую силу Отца и Сына и Святаго Духа проповедаваше, дерзостне подвиг скончавше, течение совершивше, и своими кровными страданиями Христа Бога нашего истиннаго исповедаваше, и нечестие злочестиваго царя²⁰ возразисте и православие тогда заступисте, от всех многих напастей и бед, душевных же и телесных, видимых и невидимых, иноплеменных находение и разорение, и приясте от Бога венцы и царствие безконечное на небесех со всеми святыми страстотерпцы Христови, душевне же и телесне, душевне убо царствия иного неизживущаго приясте; телесне же чудесем дар приясте, кровми вашими обогрившися, и Духа Святаго в телесех ваших живущаго сохраняющаго, и действующа чудесы, имуща отечество ваше сохраняюще отътоле и досе-

ле; яко некое молчание бысть. Ныне же при нас убогих и недостойных раб своих Господу нашему Иисусу Христу за Него же страдавша, произволившу вас своих угодников прославити толикими чудесы, и толикое отступников многочисленное воинство, и злокознение их ухищрение вашими святыми молитвами в Троице славимому Христу Богу нашему, и заступлением ни вочтоже положено бысть вашими ко Господу молитвами, по глаголющему пророку: сеть сокрушися, мы избавлени быхом, помощь наша во имя Господне, сотворшаго небо и землю²¹. Мы же смиреннии, со отцем своим Митрополитом и со святители и со всем Освященным собором, и со иноки, и с бояры, и со всеми православными Христианы, слышавши сия величия Божия и ваша святыни чудодействия, прославихом славимаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, прославляющаго вас, угодников Своих, и радостию духовною возвеселихомся, яко в наша лета Господу нашему Иисусу Христу над нами таковая милосердие Свое содевающе; тем же советовахом, мы смиреннии, со отцем своим Антонием Митрополитом всея Руси и со святители Русския земли и со всем Освященным собором и со иноки и с бояры и со всеми православными Христианы, соборне советовавше, к вам, святии, верою влекомы, желающе ваша мощи видети в славном граде Москве; тем же соборне единомышлено мы, смиреннии, со отцем своим Антонием Митрополитом всея Руси, и со всеми православными христианы, моление послахом к вашей святыни, не яко властельски и заповедающе, но яко рабски и припадающе молим вашу святыню, не яко отшедшим, но яко живых вас молим. Понеже человеколюбия неизреченнаго Господа

нашего Иисуса Христа смирения устыдестеся и с Ним единение соблюдете, и заповеди Его сохраните и пребываете в любви Его; и Господь наш Иисус Христос Вас состави Собо Самому, якоже уды главе, един дух с Ним быстей душ ваших и телес, или яко исмесися и не токмо живым, но и по скончании вашем не отступаете, персти ваша и кости полны Того суть благодати; яко во страшной и животворящей Господа нашего Иисуса Христа смерти блаженней души пречистаго тела отступльше, и божеством не разлучив отбег от него, иже во ядрех сый присносущнаго Отца и душею бе во аде и телом во гробе. Сицем образом душа и телеса ваша друг друга ближних своих отступиша, Господа же нашего Иисуса Христа неразлучишася, и телеса ваша своих душ лишени быша; Господа же нашего Иисуса Христа живота истиннаго в себе имате, якоже душа ваша в Того живут руку; тако и телеса ваша Того имут жителя, и сего ради демоном страшни и душевный изцелевати струпы и телесныя болезни неизцельныя уврачеваете, и дарования духовная и сила вся якоже живым даровавшаго и душ отлучившихся Вас ничтоже лишения имуще являетесь действия ради; якоже Вы известующе слово еже не ложной обеща: «веруй в Мя смерти не имать видети во век»²², и паки рече: «нсть Бог мертвых, но Бог живых»²³, яко живыми и мертвыми обладая, вси бо тому живи суть; тем же и мы веруем, яко раби есте живаго Бога и сами по смерти живи есте. Якоже и мы вам молимся к вашей любви возводяще, презрите беззакония наша, не возгнушайтесь срамных дел наших, очистите согрешения наша, не отыщете в дальняя страны, или в неведомая места, или в руки отступников, за наша

согрешения умолены будите труды своими и поты и заколении кровными, яже ради излиясте за имя Его святое подобящся Его милосердию; якоже Он человеколюбия ради сниде на землю и воплотися от Пречистый Матере Его, тако вы подобящся Вадычно человеколюбию, призрите на наше смирение, услышите моление святительское, и всего Освященного собора, подадите себе нам не бо властельски заповелеваем, но рабски молим вы: владите себе посланным от нас к вам; не бо они мощи ваши принесут, но вы сами благоизвольно приидете к нам и нас просветите и град сохраните по Божию изволению, изволиите с нами в царствующем граде Москве жити, и нас и всего православия сохраняюще, призрите на достояние христианское и на люди христианские и подайте мир градовом христианским; освятите церкви христианские; облецете иерея в правду; даждьте царем суд; разрушите иноплеменных рати; уставите обдержажии на ны мятежи, и утолите усобныя брани сими всеми и иными Божиими дарованиями, и нас пришествием своим просветите и впредь просвещайте в славу и хвалу Христу Богу нашему, ниже бо отечество ваше без сохранения будут, возможно бо Божиею благодатию вашей святыни, яко же молнии повсюду милосердием пронизати и охранити, токмо нас не оскорбите и не оставите сирых, приидете к нам благоизволением, милостию и человеколюбием, и нас сподобите вашей святыни благодостне прославите; Бога ради услышите моление Преосвященного Антония Митрополита всеа Русии и всего еже о нем Освященного собора, и нашего убожества моления²⁴ и всего православнаго христианства.

Стихиры²⁵

на преставление святителя Петра²⁶,
Митрополита Московского и всея
России чудотворца (нач. 1580-х гг.)

Декемврия 21-го дня
В той же день преставление Петра, Митрополита
Московского и всея России чудотворца

На Велицей вечерни

*На Господи, воззвах: стихиры, глас 2-й. Подобен:
Кими похвальными венцы:*

*Ины стихиры, глас той же. Творение Царя Иоанна,
деспота Росийскаго*

Кыми похвалеными венцы увяземо святителя, иже плотью в Руси суща и духовно всем достигающа, иже чисте того любяще, верномо предстателя и заступника, иже веемо скорбнымо утешителя, благочестия реку, землю Рускую веселящу течении, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя.

Кыми пророческими пении венчаемо святителя, нечестию спротивобореца, и благочестию правителя, освященнаго ото пелено²⁷, столпа Церкви неподвижимаго, иже вся злобенья посрамляюща, потребителя сеитова, реку многих чюдесо, землю Рускую веселящу течении, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя.

Кыми духовеными пении воспоимо святителя, иже далная суца провидяща и отстоящая яко близо суца пророчествующа неложено²⁸, иже явлениию Пречистый первосвятителю являшуща, дивнаго в чюдесех, исцеления весемо подавающа, землю Рускую веселящу течении, Петра, теплаго предстателя нашего и хранителя.

Слава, глас 1-й

Божественаго совыше явления светелостию умою своею просветився, Петре, твердый умоме, законы избеже естественныя, якоже сене, благодатию же истинною, весемудре, осияно бысте, отонюдуже и приятелище Пресвятаго Духа бысте, чюдесею дарово приятно, обогащая сими чада своя, и ныне, с первосвятителю предостоя Христу, молися о душахо нашихо.

И ныне, праздника, глас тойже

Примите ясли, Егоже во купине Моисей законоположенико провиде во Хориве ныне ражаемо ото Девы Духоме Божественныме: тая и есте иже в законе реченная, тая есте пророческая печате, яже Бога плотию тленнымо являюще, Емуже поклонимся.

Отче преблаженне, святителю Петре, аще и гробо твои молчит, но больша чюдеса истекаюте, проповедают благодате веемо притекающим с верою, исцеления приемлюще. Смирения высотою обогатился еси, ею же востекло еси на небесная селения отонюду же чада своя насо свыше назираи, молися спасти душа наша.

Глас 3-й

Отче преблаженне святителю Петре, Пресвятаго Духа мироположница²⁹, сыи весемо, яко широко муруоу-

ханено благоухаеши, истачаючи чудеса притекающимо независтено. Христовым бо апостолом подобенико быво, всю Рускую землю объходиши словесы учении своихо, тем же и далняя яко близо суца. Иже Андрея, епископа Тверскаго буяя словеса обличило еси, и милостивено поучило еси, смирению Христову ревнитель бысть, и обидимымо заступенико бысте, тем же и нас от находящих лют свободы твоими молитвами.

Глас 7-й

Отче преблаженне святителю Петре, кто бо, слыша безмерное твое смирение и терпение, не удивитесь. Пустыненное пребывание и еже к нищим тихосте, всемо образо и начало быв добродетели, и святителемо повинуюся, и пища образо Божия Слова³⁰, и Того Всенепорочныя Матери, и весехо святых Его. И от того умо возводя ко вышнему богоразумию, отнюду же архиереиства саном осененимо Пресвятаго Духа почтен быво проречением иконы Божия Матери, ю же ты сам написал еси, и сие тебе воздаяние даровавоши небесная селения. Свеща светла был еси, Церковь непорочну сохранил еси, и стадо добре упасло еси, и храм Пресвятыя Божия Матери воздвижено бысте с повелением твоиме³¹. И проуведев свое к Богу отшествие, Великому князю Ивану Даниловичю оставлявши миро и благословение, и многолетствие роду, и на враги победу. И по своем преставлении, яко жив сын, духом благословляеши князя и окрестныя народы. Теме же и ныне молимо тя, яко же тогда, тако и ныне во твою священную память, невидимо насо духовено свыше назираи, царя же и первосвятителя и весехо верныхо соборо, иже верою ко честенымо мощемо твоиме притекаючи, напастей и бедо и искушении, и ото всех лют избави-

тися, и греховных страстей свободитися, и Небеснаго Царства наследити, молися, молимо тя, помиловатися душамо нашимо.

Слава, глас 6-й. Творение Царево

Денесе собори рустии сошедошея радостено празденуимо первосвятителю Петру и чудотворецу, ото земля на небо прошедошу, благочестено торжествуимо, прежеосвященнаго ото пелено, во спасение Христовых словесеных овец: цари свеща носяща преидуте, царскаго благолепия чтуще, честеное украшение, святители трудо весе отоложеше радостено последующе первосвятителю Божию Петру и представителю. Веси убо радостено возопиемо: радуйся, святителю Петре, молися прилежно о душахо нашихо.

И ныне, празднику

Канон

Ангелу Грозному, и воеводе, и хранителю
всех человек, от Бога посланному по вся душа
человеческая (1570 — нач. 1580-х гг.)³²

Ты же, человече, не забывай часа смертного: пой по
вся дни канун сей, творение Уродиваго Парфения³³.

По утреннем пении глаголи³⁴:

За молитв святых отец наших, Господи Иисусе
Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь

Царю небесный, Утешителю, Душе истинный, Иже везде сый и вся исполняя, сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, душа наша.

Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи Безсмертныи, помилуй нас (*трижды с поклонами*).

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (*поклон*),
И ныне и присно и во веки веком, аминь (*поклон*).

Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святыи, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради.

Господи, помилуй (*трижды*).

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (*поклон*),
И ныне и присно и во веки веком, аминь (*поклон*).

Отче наш, Иже еси на небесех; да святится имя Твое; да приидет царствие Твое; да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Господи, помилуй (*12 раз*).

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (*поклон*),
И ныне и присно и во веки веком, аминь (*поклон*).

Приидите, поклонимся Цареви нашему Богу (*поклон*).

Приидите, поклонимся и припадем Христу, Цареву и Богу нашему (*поклон*).

Приидите, поклонимся и припадем к Самому Господу Иисусу Христу, Цареву и Богу нашему (*поклон*).

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей. И по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омой мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя. Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих. Яко да оправдишися во словесех своих, и победиши внегда судити Ти. Себо, в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя. Себо, истину возлюбил еси, безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси. Окропиши мя иссопом, и очищуся. Омыеши мя, и паче снега убелюся. Слуху моему даси радость и веселие, возрадуются кости смиренныя. Отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом Владычним утверди мя. Научу беззаконный путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся. Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего, возрадуется язык мой правде Твоей. Господи, утне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою. Яко аще бы восхотел жертве, дал бых убо, всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждут-

ся стены Иерусалимския. Тогда благоволиши жертву правде, возношение и всесожигаемая; тогда возложат на олтарь Твой тельца.

Канон, глас 6-й

Песнь 1

Ирмос: Яко по суху ходив Израиль, по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема, Богу победную песнь поим, вопияше.

Запев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Прежде страшнаго и грознаго твоего, Ангеле, пришествия умоли о мне грешнем о рабе твоём *имрек*³⁵. Возвести ми конец мой, да покаюся дел своих злых, да отрину от себе бремя греховное. Далече ми с тобою путешествовати. Страшный и грозный Ангеле, не устраши мене маломощнаго. Дай ми, Ангеле, смиренное свое пришествие и красное хождение, и велми ся тебе возрадую. Напой мя, Ангеле, чашею спасения.

Слава: Святый Ангеле, да мя напоиши чашею спасения и весело теку во след твоему хождению и молюся, не остави мене сира.

И ныне: Рождшия Ти Царя вышним силам, Пресвятая Царица, Ты бо еси милостива, можеша бо облехчати мое бремя греховное тяжкое.

Песнь 3

Ирмос: Несть свята, якоже Ты, Господи Боже мой, вознесыи рог верных си Блаже, и утверждь их на камени исповедания Ти.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Святый Ангеле Христов, грозный воевода, помилуй мя, грешного раба своего *имрек*. Егда придет время твоего прихода, святой Ангеле, по мене грешного *имрек* разлучити мою душу от убогаго ми телеси, вниди с тихостию, да с радостию узрящу тя честно.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Молю ти ся, святой Ангеле, яви ми свой светлый зрак и весело возри на мя окаянного, да не устрашит мене приход твой святой, да уготоваюся на сретение тебе честно.

Слава: Святый Ангеле, посланиче Божий, дажь ми, Ангеле, час покаяться согрешении и отринуту от себе бремя тяжкое. Далече ми теши во след тебе.

И ныне: Святой Ангеле, не имам иного разве тебе заступника скоро. Помилуй грешного раба своего *имрек* и приведи душу мою ко Владычицы. Та бо есть милостива отпущати грешным согрешения.

Песнь 4

Ирмос: Христос мне сила, Бог и Господь, честная Церковь боголепно зовет вопиюще, от совести чисты, о Господе празднующи.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Молю ти ся, страшный и грозный Посланниче Вышняго Царя, воевода, весело возриши на мя окаянного, да не ужаснуса твоего зрака и весело с тобою путешествую.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Плчась и вопию, Воевода Небесного Царя. Грозно вохождение твое, да не вскоре разтлише мене грешнаго, но весело и тихо напой мене смертною чашею.

Слава: От сердца вопию ти, грозный Воевода и воине Царя царствующим, несть сильнее тебя и крепчайши во брани, и умиленна в смерти, и пряма во исправлении. Исправи душу мою на путь вечен.

И ныне: Госпоже, Богородице Дево, рожшия Царя Небеснаго, смертоноснаго часа не минухся, избави душу раба Своего *имрек* от сети ловящих.

Песнь 5

Ирмос: Божиим светом Ти Блаже, утренюющих Ти душа любовию просвети молюся, Тя ведети, Слово Божие, истинного Бога, от мрака греховного изымающа.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

О сродници мои, егда видите мене от вас разлучена, и зрак лица моего изменихся, и гробу предаюся, и ко Судии влеком буду, и молитесь о мне святому Ангелу, да ведет душу мою в место покойно.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

О друзи мои любезнии, егда видите мене от вас разлученна и земли предаема, помолитесь о мне грешнем ко святому Ангелу, да проводит душу мою вся двадесят мытарств и измет от всех погибелей.

Слава: Людие Божии, благочестнии и вся племена земьстии, егда видите смертное тело на земли повер-

жено и вонею объято, помолитесь ко Ангелу смертоносному о мне, да ведет душу мою в тихое пристанище.

И ныне: Пресвятая Дево Богородице, Владычице, Ты веси немощь земных человек. Вскоре разорятца естество плоти нашей. Ты, Госпоже, буди нам Заступница.

Песнь 6

Ирмос: Житейскаго моря, воздвизаема зря напастей бурею, в тихое пристанище приток, вопию Ти, возведи от тли живот мой многомилостиве.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

От Бога посланнаго страшнаго Воина, царем, и князем, и архиереем, и всем людем великое изменение от суетнаго века сего, в напастех пребывающих и в скорбех тружающих сущи верных.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Святый Ангеле, от всех нас на земли живущих дань свою примешь, от Бога повеленную ти, егда приидеши и неси в сокровище света.

Слава: Святый Ангеле, грозный Посланниче, и мене избави от суетнаго жилища сего.

И ныне: О Царице Владычице, сирым Питательница и обидимым Заступнице и бедным Помощница, болным надеяние и всем грешным оцыщение, и мне грешному *имрек* буди ми Помощница и помилуй мя.

Кондак, глас 5-й

Небеснаго Царя воевода и предстатель Престо-
лу Божию и творитель воли Господни и совершитель

заповедей Его, не лишиши ся славы велелепныя и прославишия, скоро пленяеши и не замедлиши николи же. Всюду готов стоиши, и храбруеши, и зла не убоишия, ни стара отриеши, ни млада отступиши. Вся имеши и ведеши в место покойно. И мене помилуй грешнаго и окаяннаго *имрек*, да поем ти: Аллилуиа.

Песнь 7

Ирмос: Хладодательну убо пещь сотвори Ангел преподобным детем, халдеи же опали велением Божиим, мучителя увеща вопити: благословен Боже отец наших.

Запев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Великий, мудрый хитрец, никто не может твоея хитрости разумети, дабы скрылся от твоея нещадности. Святый Ангеле, умилися о мне грешнем и окаяннем.

Запев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Мудрый Ангеле и светлый, просвети ми мрачную мою душу своим светлым пришествием, да во свете теку во след тебе.

Слава: Святый Ангеле, радуюся душою и трепещу рукою и показуя³⁶ людем час разлучения души моей грешней от убогаго ми телеси. Святый Аньгеле, помолися о мне грешнем.

И ныне: Пресвятая Богородице, Владычице, помилуй грешнаго в час разлучения. Святый Ангеле, страшный Посланниче, изми душу мою от сети ловящих.

Песнь 8

Ирмос: Из пламене святым росу источи, а праведного жертву и воды попали, вся бо твориши, Христе, елика хочещи. Тем Тя превозносим Господа во веки.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Царю Небесному, слава Нетленному и непроходимая сотворшему чины ангелския, такова страшна и грозна смертоносна Ангела. Хвалите, пойте и превозносите его во веки.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Царя Небеснаго слуга и предстатель Престолу Божию, святой Ангеле, смерть принося нам, измени нас добротой здания твоего и приведи нас к свету Светлейшему Судии. Хвалите, пойте и превозносите его во веки.

Слава, и ныне: Царю Небесному, Богу нашему угождаеши, славы не отпадаеши, и заповеди Его не преступавши, и волю Его твориши, и в любви пребываеши. Ангела тя свята хвалим, поем и превозносим его во веки.

Песнь 9

Ирмос: Бога человеком неудобь видети, Наньже не смеют чины Ангельстии зрети; Тобою бо, Пречистая, явися нам, Слово Воплощенно, Егоже величающе, с небесными вои Тя величаем.

Занев: Святой Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Осквернивше душу злыми похотми и теплыми слезами не омывше и милостынею не очистивше, страшнаго Посланника не поминающе, мы же тя, Ангеле, по достоянию величаем.

Занев: Святый Ангеле, грозный воевода, моли Бога о нас.

Бога нам поведаеши, святый Ангеле, и душу мою окаянную ис тела изимаеши, и плоть различиши и гробу предаеши, молим ти ся, святый Ангеле, изми душу мою от сети ловящих, тя величаем.

Слава: От Бога посланному, всех ангел претрашен еси, святый Ангеле, не устраши мою душу убогую, наполнену злосрадия, и очисти, и престави ю Престолу Божию непорочну. Тя величаем.

И ныне: О Богоматерь Пречистая, вся спасаеши и милуеши, такожде помилуй мене грешнаго и злосраднаго в час разлучения и в муку посланному. Тогда же ми помози, и огня изхити мя и от муки избави мя. Тя величаем.

Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородице, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего, честнейшую херувим и славнейшую воистину серафим, без исления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем (*поклон всегда земной*).

Святыи Боже, Святыи Крепкий, Святыи Безсмертныи, помилуй нас (*трижды с поклонами*).

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (*поклон*),

И ныне и присно и во веки веком, аминь (*поклон*).

Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша;

Святой, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради.

Господи, помилуй (*трижды*).

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (*поклон*),
И ныне и присно и во веки веком, аминь (*поклон*).

Отче наш, Иже еси на небесех; да святится имя Твое; да приидет царствие Твое; да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Небесных сил избраннаго воеводу, от Бога посланнаго мудраго оружника и грознаго полченина и победителя вражиимъ силам, святаго ангела, поюще, хвалим. Смертию нас назирает, и от суеты мира избавляет, и на суд праведни ко Христу представляет, и от вечных мук избавляет.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (*поклон*),
И ныне и присно и во веки веком, аминь (*поклон*).

Упование наше, Богородице, крепкая Помошнице скорбящим, и от смерти изимаеши и от муки избавляеши, комуждо по достоянию благодати даеши. Тя величаемъ.

Та же и отпуст.

Честнейшую херувим и славнейшую воистину серафим, без истления Бога Слова рождышую, сущую Богородицу Тя величаем

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (*поклон*),
И ныне и присно и во веки веком, аминь (*поклон*).

Господи, помилуй (*трижды*).

Господи, благослови.

Конец всем благим. Слава свершителю Богу.
Аминь.

Молитва

к Господу нашему Иисусу Христу,
ко святому архангелу Михаилу

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, Великий Царю безначальный и невидимый и несозданный, сидя на Престоле со Отцем и со Святым Духом, приемля славу от небесных сил, послы архангела Своего Михаила на помощь рабу Своему *имрек*, изъяти мя из руки враг моих. О великий Михаиле архангеле, демоном прогонителю! Господи Иисусе Христе, излей миро, яко благ и человеколюбец, на раба Твоего и запрети всем врагом, борющимся со мною. Сотвори их яко овец, и сокруши их яко прах пред лицом ветру. О великий Михаиле архангеле, шестокрылатых первый князь и воевода небесных сил, херувим и серафим, и всех аггел. О чюдный архистратиге страшный Михаиле архангеле, хранителю неизреченных тайн, егда услышиши глас раба Божия *имрек*, призывающа-

го тя на помощь, Михаиле архаггеле, услыши и ускори на помощь мою и прожени от мене вся противная нечистыя духи, силою святого твоего духа, молитвами святых апостол и святых пророк, святых святитель и святых мученик и святых пустынник, святых безмездник и святых столпник, святых мучениц и всех святых праведник, угодивших от века Христу молитвами их, соблюди раба Божия в бедах и в скорбех и в печалех, на распутиях, на реках, и в пустынях, в ратех, в царех, и в князех, в вельможах, и в людех, и во всякой власти, и от всякой притчи, и от диявола. Господи, Исусе Христе, избави и великий Михаиле архаггеле, соблюди раба Божия *имрек* от очию злых человек и от напрасный смерти, и от всякого зла, молитвами Пресвятыя Владычица наша Богородица и Приснодевы Мария и святого пророка и Предотечи Крестителя Господня Иоанна и святого пророка Илии и святого отца нашего Николы Чюдотворца, и святых мученик Никиты и Еупатия, и всех святых Твоих молитвами, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

ЧАСТЬ III ЛЕТОПИСИ

КАЗАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

О смерти Великого Князя Василя, и о приказе царства сыну его, и о самовласти боярь его

И отъ того времени и донныне велико зло бысть христьяномъ отъ Казанцовъ. Въ то же время преставися Князь Великіи Василеи Ивановичъ, во иноцехъ Варламъ, въ лето 7042, месяца Декабря въ 5 день. Царствова на великомъ княжени 28 летъ, много брався съ Казанцы, и весь животъ свои премогаяся до конца своего, и не возможже имъ ничтоже сотворити. И оставаша отъ него 2 сына, яко отъ красноперого орла два златоперная птенца: первіи же сынъ, ныне нами наречень Князь Великіи Иванъ, остался отца своего 4 летъ 3 мѣсѣць благородень зело,

ему же отецъ его великую власть Рускія державы по смерти своеи дарова; другіи же сынъ его, Георгіи, не таковъ, благородень и кротокъ, тои бо остана 3-ю летъ суцу. Умирая бо повеле къ себе ихъ въ ложницу внести, оба сына своя, и, ту сидящимъ у него митрополитъ Даниль всеа Русіи, отецъ его духовный, и всемъ боляромъ, и княземъ, и воеводамъ, и восклонися отъ одра своего, седе, стоня, двема боляриномъ поддержишь, и взя на руце свои болшаго сына своего, целова его съ плачемъ, глаголаше, яко сеи будетъ по мне царь и самодержецъ; тои омыетъ слезы христьяньскія, вся враги своя проженетъ и победитъ. И целовавъ оба своя детища, и отдавъ ихъ пестуномъ, а самъ тихо возлегъ на одре и конечное прощеніе и целованіе великое давъ великой княгине своеи Елене, и всемъ княземъ, и боляромъ, и приказщикомъ своимъ, и успе вечнымъ сномъ, не созрель сединами, ни старости достигъ многолетняя, и остави по себе плачь великъ всеи Руской земли, до возраста и до воцаренія сына своего. И ростяху оба сына его въ воли своеи, и безъ отца, и безъ матери, Богомъ самомъ брегомы и учимы, и наказуеми. И всемъ тогда княземъ и боляромъ и велможамъ и судьямъ градцкимъ, самовластіемъ живущимъ, не по правде судящимъ, по мзде, насилствуя людемъ, никогоже блюдушимся бе бо Князь Великіи юнъ, ни страха Божія имущимъ и не брегушимъ отъ супостать своихъ Рускія земля: везде погани христьянь воеваху и губяху, и велможи христьянь губяху, продажею великою. И тако раби ихъ видяху господь своихъ, тако же творяху. Неправды умножишася, обиды, тадбы и разбои, и убиства, по всеи земли рыданія и вопль великъ.

**О Цари и Великомъ Князе Иване Васильевиче,
и о разуму его, и о премудрости его,
и о согляданіи его боляръ, и о избьени,
и о согляданіи земля своя, и о любви къ воємъ
своимъ, и уведаньи его о Казанскомъ царстве**

Возрастшу же, великъ разумъ приимшу Великому Князю Ивану Василевичу, и восприемникъ бысть по отце своемъ во всеи Руской державе, великаго царства Московского, и воцарися на царство великимъ царствомъ, въ лето 7050, месяца Сентября въ 16 день, и помазанъ бысть святымъ миромъ, венчанъ святыми бармы и венцомъ Манамаховымъ, по древнему чину царьскому, якоже и Римсти цари и Гречести православнии цари поставляхуся, и наречеся царь державы Рускія, и самодержецъ великіи показася, и страхъ его одержаша вся языческая страны. И бысть велми мудръ и храбръсердъ, и крепкорукъ, и силенъ теломъ, и легокъ ногама, аки пардусъ; подобенъ по всему деду своему, Великому Князю Ивану. И преже бо никто же отъ прадедъ его словяще въ Руси царь и никто же не смейша отъ нихъ поставитися царемъ и зватися новымъ темъ именемъ, блюдущися завиденія и востанія на нихъ поганыхъ цареи неверныхъ. Сему же удившася, слышаща врази его, погани цари и нечестивіи короли, похвалиша его, и прославиша его, и прислаша послы своя зъ дары къ нему, и назваша его великимъ царемъ самодержцомъ, не гордящеся имъ и не завидяша ему. О семъ же наче великіи салтанъ Турскіи похвалная написа ему сице: «Воистину ты еси самодержецъ и царь премудры и верны и волны Божіи слуга.

Удивляетъ бо насъ и ужасаетъ превеликая твоя власть, и слава, и огненная твоя хоругвь прогоняетъ и попяляетъ воздвижущихся. Уже отъ нея вси боятся орды наши, на твоя пределы наступати не смеютъ». И седе на великомъ царстве державы своя благоверны Царь, самодержецъ, Иванъ Василевичъ всеа Русіи, и вся мятежники старыя избивъ, владевшія царствомъ не по правде до совершенного возраста своего, и многихъ велможъ устраши, отъ лихоиманія и неправды обрати, и праведень судъ судити научи, и правляще съ ними до конца добре царство свое, кротокъ и смиренъ быта нача, и праведень въ судехъ, и непоклонень, ко всемъ воинственнымъ своимъ людемъ милостивъ, и многодаровитъ, и весель сердцемъ, и сладокъ речью, и окорадостень, и въ скорбехъ и въ бедахъ множае во всемъ искусень быдаеть, и много стражущихъ въ напастехъ помогати, и разумъ и смыслъ великъ въ немъ препложается: тако и державны малъ сеи остася отца своего и матери, во юности своей вся собою позна, яко злато въ горниле, въ бедахъ искусися. И согляда всю землю свою очима своимъ, всюде яздыше. Виде многи грады Рускія, старыя, запустеша отъ поганныхъ: Рязанская земля и Сиверская Крымскимъ мечемъ погублена, Низовская земля вся, Галичь, и Устюгъ, и Вятка, и Пермь отъ Казанцовъ запусте. И плакашеся всегда предъ Богомъ, моляшеся, да вразумитъ его Богъ тоже языкомъ воздати, еже они христьяномъ воздаша. И смети во всей области своей ратныхъ людеи служивыхъ ему, и любля ихъ и брежаше старыя, яко отца, средовечныя, яко братію, юнныя же, яко сыны, все почиташе честми прилежными. И отъ сего самодержца почашася воемъ быти трудъ великъ и печали велицы, и брани, и кровопролитіе, обещашеся копя,

и медныя щиты златыя, шлемы и железныя одеянiя на всехъ. Яко разуме, яко мощно есть, Божiею помощiю и съ темъ своимъ воинствомъ, бреши землю свою со всехъ странъ отъ поганыхъ языкъ, и еще ново прибави къ нимъ огненныхъ стрелцовъ много, къ ратному делу гораздо изученыхъ и главъ своихъ не щадящихъ, а въ нужное время отцы и матери, и женъ, и дети своихъ забывающы, и смерти не боящыся, ко всякому бою, аки къ велице которой корысти или къ медвяной чаше цареве, другъ друга напередъ течаху и силно бiяхуся, и складаху главы своя нелестно за веру христианскую и за любовь къ нимъ царскую, забывая жены своя и дети. И увеiдавъ Царь и Князь Великiи, что издавна на Руской земли есть ново царство Срачинское, Казань, по Рускому же языку котель, златое дно, и велика скорбь и беда пределомъ Рускимъ отъ него, и какъ отецъ его, и дедъ, и прадедъ воеваху съ ними и конечныя споны не возмогоша сотворити Казани. И много летъ преидоша, до 300 летъ, отъ перваго начала Казани отъ Саина царя, отнележе бяху обладающа царствующа князи и цари страны тоя, частью многою Рускою землею завладеша. Ныне слово мое грядеть похваляя доблесть его много: иже преже его бывши державствующы Московстii, праотецъ сего, великiя князи, востающа, ополчающыся на Казанцовъ, хотяще взяти змiево гнездо ихъ, Казань градъ, изгнати ихъ ото отечества своего, Рускiя державы, и взявше не единою Казань и держати за собою царство не моглоша, и укрепить его и не разумеша, лукавства ради Казанцовъ. И много крови проливающе отъ Казанцовъ, ово же наипаче Рускiя болши. Овогда державнii наши побеждаху Казанцовъ, ово же сами отъ нихъ сугубо побеждаемы бываху, никоего же зла могуще сотворити Агаряномъ,

внукомъ Измаиловымъ, но сами паче множае безделны и посрамлены возвращахуся отъ нихъ. Умелы бо суть Измаилтяне, отъ начала бранемъ учатся, отъ младенства сицовымъ образомъ, потому же суровы и безстрашны и усерды намъ бываху, смиреннымъ; бо отъ праотець своихъ благословени быша они же, ото Измаила и отъ Осава прегордого, питатися оружіемъ своимъ; мы есмя отъ кроткого и смиренного праотца нашего Іакова, темъ силно не можемъ противитися имъ и смиряющися предъ ними, яко Іаковъ предъ Исавомъ, и побеждаемъ ихъ оружіемъ крестнымъ; то бо есть намъ во бранехъ помощь и утверженіе на противныя наша. Они бо Измаилтяне оружіемъ своимъ преодолеша многимъ землямъ и понасиловаше великимъ градомъ, яко въ нашей стране обладаша напрасно украиною нашею земля Рускія, и вселишася въ неи, и расплодишася много ихъ, и крепишася, зле быша на насъ за умножение предъ Богомъ беззаконія нашего.

**Отъ Казанцовъ плененіе Рускую землю
и скверненіе отъ нихъ святыхъ церквей
и наруганіе христьяномъ православнымъ**

И како могу сказати или списати напасти сія грозныя и страшныя Рускимъ людемъ во время то. И страхъ бо мя обдержитъ, и сердце ми горитъ, и плачь смущаетъ, и сами слезы текутъ изъ очію моею. И кто бо тогда изрещи можетъ беды сія за многа лета отъ Казанцовъ, отъ поганья Черемисы православнымъ христьяномъ, паче Батыя. Баты бо единою Рускую землю прошелъ и, яко молнина стрела и яко темная главня, попаляя и пожигая и грады разрушая, пленяще христьянство, ме-

чемъ губя; Казанцы же не такъ губяше Русь, всегда изъ земли Рускія не изхождаху: овогда съ царемъ своимъ, овогда же воеводами воююще Русь, посекающе, аки сады, Рускія люди и кровь ихъ, аки воду, проливающе, отъ нашихъ же христіанъ, христовыхъ воеводъ, Московскихъ князей и боярь, противъ стати и возбранит не могуще отъ сихъ свирепства и суровства. И всемъ тогда беда и тоска велика въ украине живущимъ варваръ техъ, у всехъ Рускихъ люди отъ очію слезы текуще, аки реки; крыющесе въ пустыняхъ, въ лесахъ и въ горахъ, въ теснотахъ горкихъ живяху зъ женами и зъ детми, отъ поганыхъ варваръ техъ покидающе родъ и племя отечества своя, бежаху во глубину Русь. Мнози гради Русты роскопаша, и травю и быліемъ заростивша, села и деревни, многія улусы орастеша былемъ отъ варваръ. Великія монастыри и святія церкви оскверниша лежаще и спяще, блудъ надъ пленомъ творяще зъ женами и зъ девицами, и святія образы секирами разсекающе, огню предающе служебныи сосуды, изъ нихъ же дома скверно піюще и ядуще; святія образы и кресты переливаху серги и ожерелія, маниста, тафя на главы своя украшахуся; а въ ризахъ церковныхъ себе ризы перешиваху, и мнихомъ наругающесе, образъ ангелскии безчестиша: угліе горящіе за сапоги; обдираху; ужемъ за шею оцепляюще, скакати и плясати веляще имъ; младыхъ телеситыхъ чернцовъ черныя ризы снимаху, и ругахуся, въ Срацинскія ризы облечаша. И продаваша мирскіи полонъ въ далныя Срачины, имъ и выти не могуще. А иныя черница, аки простыя девица, за себя поимаша надъ мирскими же девицами, предъ очима отцовъ и матери, насилствующе, блудное дело творяще, и надъ женами предъ очима мужей, еще же надъ старыми женами, кои летъ 40 или 50 вдовствующи

ще перебуваше. Несть беззаконія исчести мошно тобе. Есмь самъ видехъ очима своима пишу сія, видехъ горкую беду сію. Православнії же христьяне по вся дни Татары и Черемисою въ пленъ ведомы, а старымъ коимъ очи избодаху, уши, и уста, и носъ обрезаха, зубы искореневаху, и ланиты выломляху; овемъ же руже и ноze отсецаху; такъ пометаху по земле: тело валяшесе, после умираше; инымъ же главы отсецаху и на двое отсекаху; ови же удами, за ребра и за ланиты пронизающе, повешаху, а иныхъ на коля посажаху около града своего, и позоры деяху, и смехъ. Оле Христе царю терпенія твоего! **И сіе же злее паче сихъ всехъ реченныхъ**, младенца незлобивая отъ пазухъ матереи своихъ и техъ, погани кровопіицы, о камень ударяху, и задавляху, и на копьяхъ прободающе подымаху. О солнце, како не померкне, сіяти не преста! О како луна въ кровь не преложися, и земля, како стерпе таковая, не пожре живыхъ поганныхъ! **И кто тогда горце не восплакася**: горе увы! видяще отца и мать отъ чадь своихъ разлучахуся, аки овца отъ стадъ своихъ, чада же отъ родителей своихъ, други отъ друзей своихъ. Ови же, яко новобрачни суще, живше день единъ или два, ови же, токмо обручившесе по законному браку, отъ церкви въ дома своя идуща, венчавшесе женихъ съ невестою, разлучахуся, не ведуще, аки зверіе пустынные, возхищающе. Злато и сребро въ мгновеніе ока имаше. Поганіи же Казанцы все себе поимаху по плененную Русь и прелщаху имъ мужескъ полъ и женескъ въ Срацынскую веру, принуждаху пріяти. Неразумніи же мнози пріимаху Срацынскую веру ихъ, нужи, страха ради мукъ, и за проданія боящесе, и прелстишася: горе варваръ и Черемиса христьянъ губяху. **А кои же не восхотеша веры пріяти**, и техъ, аки скоть, овехъ толпами,

перевязанныхъ, держаща на торгу, продаваху иноземцамъ поганымъ. Не смееху бо Казанцы многи Руси у себя держати мужеска полу, не обусурманныхъ держати, разве женъ и детеи малыхъ, да не наполнится Русь въ Казани; того ради запродаху ихъ. Великъ плачь, и скорбь, и беда, и стонаніе отъ языка поганово.

**Моленіе къ Богу Царя и Великого
Князя о жалости христьянскаго
народа, кои въ пленъ взяты**

Православныи же Царь, Князь Великіи Иванъ Васильевичъ, всегда сія реченная слыша, плачь и рыданіе, и погибель христьянскую, стоня, сердцемъ боля о нихъ, яко оружіемъ уязвляшеса, мысляше, какъ бы противъ воздати Казани, поганои Черемисе. И начать всегда день и ночь моляся, съ постомъ и молитвою, и мало сна пріимаше, Давидско постелю свою омочаше слезами и глаголя: «Боже, языцы погани пріидоша въ достояніе твое, еже далъ еси намъ въ жреби жити въ немъ, и оскверниша церкви святыя Твоя, и положиша телеса рабъ Твоихъ брашна птицамъ небеснымъ». И много плакавъ предъ Богомъ: «согрешихъ безъ числа и не преста отъ злобъ своихъ; доколе, Господи, прогневаешися на рабъ Твоихъ? Мене бо еси поставилъ пастыря избранному своему стаду; азъ согрешихъ и погуби преже, а не овца моя; да за что си погибають? Токмо греховъ моихъ ради и небреженія, нипопеченія о сихъ! Ныне, Господи, прости вся грехи моя и не помяни первыхъ беззаконии моихъ, во юности сотворенныхъ мною, и не отврати лица Твоего отъ моленія моего, внуши слезы моя горкія, призри на рабы Твоя и

на стадо свое, за нихъ же кровь свою на кресте изліяль еси; пролеи гневъ Твои на языки, не знающія Тебе, истинного Бога; помози грешнымъ имене ради Твоего святаго; сотвори съ нами по милости Твоеи, да постыдятся супостаты наши, да изнемогутъ отъ силы Твоея, крепость ихъ разрушится, и да разумеютъ, яко Ты еси Богъ единъ и славенъ по всеи земли, да тихо поживутъ благоверніи Твои христьяне, славяще имя Твое святое. Услыши молитву рабъ своихъ, боящихся Тебе; Господи, прозри.

**О виденіи сна Царя и Великого Князя,
и о второмъ его послани воеводъ хъ
Казани, и о поставлени Свіажска града**

И абіе видить виденіе некое во сне, показующе ему место то, где онъ самъ виде градъ, ту поставити веляше, яко древле царю Костянтину, на устрашеніе Казанцомъ, яко да погибнуть отъ лица его и да мало некое пособіе отъ града будетъ и украинамъ Рускимъ, и воемъ хрестьянскимъ крепость и покои ратующимся съ Казанцы, да яко дома, на Русіи, во граде своемъ живуще и временемъ изходящи изъ него воюють землю Казанскую. И убудився отъ сна своего и разуме, яко истинное виденіе, а не лжа, и пославъ призываетъ къ себе прежь помянутого многащи старого царя Шигалея изо отчины земля его, исъ Касимова, яко веренъ ему бе паче инехъ цареи и князеи, и веля ему итти къ Казани со всеми его служивыми варвары, яко уже гораздно знаема есть ему Казань и обычаи ихъ великъ Казанцомъ введомъ. Посылаетъ же съ нимъ 9 великихъ воеводъ своихъ, первое князя Петра Шуиского, вто-

рое князя Семіона Микулинського, выше реченного, четвертое князя Василя Оболенського Серебряного, пятое брата его, князя Петра Сребряного, шестое Ивана Челядинова, семое Данило Романова, осмое Ивана Хабарова, девятово Ивана Шереметева; съ ними же протчихъ воеводъ, многочисленное воинство Руское, твердооружное и все златомъ испрещенно, и хитреца и градоздавца и делателя; и повеле имъ Казанскія улусы пленити и воевати, и не щадити ни женъ, ни дети, старыхъ и юнньныхъ, и всехъ подъ мечъ клонити, и на месте своемъ, на любимомъ и паче же Богомъ избранномъ, и градъ возградити, и всячески неослабно притужити и хъ Казани, егда коли будетъ мошно. Царь же Шигалеи Касимовской повеленіе приимъ отъ Царя самодержца своего веселымъ сердцемъ, не зъ гневомъ и хуленіемъ и скорбію, тако же и все воеводы великія и все Московское воинство радостны поидоша, аки ведая на готово орудіе, шествіе вскоре творяще хъ Казани плаваніемъ въ лодіяхъ великою рекою Волгою, теченіе имеюще еи изъ Руси прямо на востокъ, отъ нея же за 5 версть градъ Казань о левую страну, везуци съ собою готовы градъ древяны на великихъ лодіяхъ Белозерскихъ, тово же лета новъ, хитръ сотворенъ. И пливше 30 дни и приидоша въ землю Казанскую на реку Свіягу, на место указное имъ, Маія мѣсяца въ 16 день, въ субботу седмые по Пасце, и сташа ту, не дошедъ Казани за 15 версть. И видеша место угодно и добро велми, и возлюбиша е Царь и воеводы, и возрадовашася воя вся, и наутре, въ неделю, распустиша воя по улусомъ Казанскимъ воевати и пленити горныя Черемисы и нижнія, овому же воиску, пешцемъ, повелеша на горе тои сеци лесъ и место чистити на поставленіе града. Божіимъ поспешеніемъ вскоре дело конецъ

пріять и немного дни готовы собравше и поставиша градъ, великъ и красенъ, въ лета 7059, Юня въ 30 день, и въ немъ церковь соборную, Пречистыя Богородица, честнаго Ея рожества, и 6 инехъ монастыреи внутри града устроиша, въ немъ же храмъ преподобны Сергіи чудотворецъ. Все воеводы и боляре, и купцы, богати и прости, и жителіе во граде дома светлыя многи жити себе построиша, и радости и веселія наполнишася вси людіе, и прославиша Бога.

**О бывшемъ звону на месте, и о чудотворени,
и о явлени Сергея чудотворца**

И многа тогда быша исцеленія отъ иконы великого чудотворца Сергея, яко же у гроба его: слепы прозреша, немыя проглаголаша, хромымъ хожденіе дарова, сухимъ простреніе, глухимъ слышаніе, и бесы изгна, и отъ плена исъ Казани избавляше, и всякъ недугъ исцелеваше данною ему отъ Бога благодатію. Яко же бо Царь некїи градъ свои велики возлюбилъ, въ немъ же царствовати хотяше, то всяцеми земными вещми драгими и видимыми добротами украше, и да темъ славенъ и красенъ будетъ ото иноземцовъ далечихъ и странныхъ купцевъ и ото всехъ человекъ, входящихъ вонь, да зряще нань и дивятся и во своя си пришедше и сказуютъ инемъ красоты его, тако же и блаженны нашъ Сергеи чудотворецъ благими своими знаменіи и чудесы украси и прослави новы градъ свои, и отъ всехъ познася по всему, яко хошетъ неотступно жити въ немъ, и градъ свои и вся люди своя, живущая въ немъ, надблюдати присно, отъ варваръ сохранятьи; и преже намъ сего радостны вестникъ, неложный, бываетъ, о еже до

конца изчезновение Казанцомъ. И отъ сего пріяша вся воя Рускія известное дерзновение на враги своя Казанцы и на всю Черемису ихъ. Место же то сяково, идеже поставися градъ: прилежаху бо къ нему подале отъ него превысокія горы и лесомъ верхи своя покрывающе, и стремнины глубокія, и дебри, и блата; и близь же града обь едину страну озеро мало, имеюще въ себе воду сладку и рыбиць всякихъ мале доволну на пищу человекомъ, изъ него же округъ града течеть Щука река и, мало шедъ, вьтечетъ въ Свіягу реку. На такове границы красне, промежь двою рекъ Щуки и Свіяги, градъ ста. И се первіе явися начало Божія помощи, молитвь ради Пречистыя Богородицы и новыхъ святыхъ всехъ чудотворецъ Рускихъ: егда Царю и воеводамъ, пришедшимъ градъ Свіяскъ ставити, и почившимъ въ третій день, и прійдоша зъ дари и обославшеся стареишины и сотники горныя Черемиса, и моляху Царю и воеводамъ, еже не воевати ихъ, княземъ бо и мурзамъ ихъ оставльше ихъ и въ Казань въ осаду бежавшимъ. Тогда вся горная Черемиса Царю и Великому Князю приложися, поль земля Казанскія людеи. И посла Царь въ улусы писари, и отписаша ихъ 40 000 луковъ гарздыхъ стрелцовъ, кроме мала и стара; не возраставого бо юноши, ни стара мужа не написоваху техъ луковъ. Сказываху бо се Царю и воеводамъ нашимъ стареишины и сотники горнія Черемисы, живуща неподалече отъ Свіяжска града, тужаще и жалящеся, иже добре и гораздо сія святяща: «и до поставленія града», рекоша, «за 5 летъ, Царю нашему того лета умершу, и месту тому пуну сушу, и граду Казанску мирну, и всеи земли его не силно велми воеваней отъ васъ, слышахомъ ту часто по Руски звоняще церковны звонъ: намъ же во страсе бывшимъ и недоумеющимся и чюдящимся,

и послахомъ некихъ юношъ лехкихъ, многажды, до-скочиши до места того и видети, что есть бывающее. И слышаху гласы прекрасно поющихъ во время церковного пенія, а поющихъ не видеша ни единого же, но токмо видеша стара калугеря ту, на вашее рекша калугера, ходяща ту, крестомъ и на вся страны благо-словляюща, и водою кропяща, и образомъ яко любую-ща, а се стоя размеряюща, идеже поставитися граду; то же место исполнено благоуханія многа. Наши же юноша посланы жива яти его покусишася, да въ Казань сведуть и на испытаніе, откуда приходитъ на место, и невидимъ бываше отъ нихъ; они же стрелы своя изъ луковъ своихъ пуцаху на него, да уязвивъше поне тако изымутъ его, стрелы же ни блиско къ нему прихожаху, ни уязвляху его, но вверхъ сходяще на высоту и сокрушася тамо на полы, и падаху на землю, и устрашившеся юноша тыя, и прочь отбегаху. Мы же ждахомъ, како, и помышляхомъ и дивящеся въ себе, что се будетъ новое сіе знаменіе надъ нами; и поведомъ Государемъ нашимъ, княземъ, и мурзамъ, они же шедше въ Казань Царице нашей и всемъ велможамъ Казанскимъ. И Царица же и оне тако же дивяхуся и ужасася о явлени калугера».

Советъ зъ боляры своими Царя и Великого Князя

И призываетъ къ себе въ великую полату златую братью свою, благороднаго князя Георгія, и князя Владимера, и вся князи местныя, и вся великія воеводы, и вся благородныя своя велможи. И посадивъ ихъ по местомъ ихъ и начъ благъ и мудръ советъ съ ними тво-

рити, хотя самъ въскоре двигнутися на безбожную и поганую Казань, на презлыя и недруги своя Казанцы, мстити крови христьяньскія <...> И вся бывшая сія Царь Князь Великіи зъ братею своею и со князи местными, и съ великими воеводами премудре, царски и думаше, и паки глаголаше: «или егда убо я хуждыше отца моего, Великого Князя Василья, и деда моего, Великого Князя Ивана, недавно предо мною бывшихъ, и царствовавшихъ на Москве, и скиферты правящихъ всея Рускія державы; тако же бо и инехъ покориша подъ ся, великія грады и земля чюжихъ странъ, многихъ языкъ незнаемыхъ поработиша и память себе велику и похвалу въ роды вечныя оставиша. И язъ, сынъ и внукъ ихъ, взятыя же грады и земли единъ содержу; коими бо царствоваше оне, а азъ теми владею, и вся суть въ рукахъ моихъ, и мною ныне вся строятца. Азъ есмь Божеи милостию царь и сопрестолникъ ихъ. Тацьи же есть у меня воеводы великіи и славны, и силны, и храбры, и въ ратныхъ делехъ искусны, яковы же были у нихъ; и кто ми возбраняетъ творити тако же, яко же бо они подщашася, намъ сотвориша многа блага. Тако же и мы хощемъ, Богу помогающе намъ, инемъ по насъ сотворити. Велико бо ныне зло постиже отъ единыхъ Казанцовъ, паче всехъ врагъ моихъ и супостатъ, и не вемъ бо, како мощень буду съ ними управитися, зело бо стужаютъ, отъ нихъ и слышати уже не могу всегдашняго плача и рыданія людеи моихъ, и терпети не хощу досады мне отъ Казанцевъ. И за сіе вся, князи мои и воеводы, надеяся азъ на премилостивого и всещедрого и человеколюбимового Бога дерзаю, хощу второе самъ съ вами итти на Казанскія Срацъны и страдати за православную веру нашу и за святыя церкви, не токмо же до крове страдати хощу,

но и до послѣдняго издыханія; сладко бо есть всякому человеку умерети за веру свою, паче же кому, за христьянскую святую, несть бо то смерть, но животъ. Сіе бо страданіе пріяша святіи отцы, и апостоли, и мученицы, и благочестивы цари, и благоверны князи, сродницы наши, и за то отъ Бога пріяша не токмо земныя почести, царство же, и славу, и храбрость на сопротивныя, и многолетно и славне на земли пожиша, и дарова имъ Богъ за ихъ благочестіе и страданіе, еже за провославе пострадаша, по отшествіи сего прелестнаго мира въ земныхъ место небесная, въ тленныхъ место нетленная и въ бесконечную радость вечное веселіе. Се же бы кто у Господа Бога своего: всегда со аггелы предстояти, со всеми праведными веселитися въ бесконечныя веки. Вы же, братія и вся благородныя наша велможи, что ми отъ сихъ промыслите и речете?» Преста глаголя и мало молчанію бывъ.

Отвѣтъ ко Царю и Великому Князю отъ братія его и отъ всехъ велможъ его и воеводъ

И отвещаша ему братія его, князь Георгіи да князь Владимерь, и вся благородныя его велможи, яко единными усты и единомъ гласомъ, веселіемъ сердца рекоша, вкупе, все: «дерзай, не боися, о великіи нашъ самодержце, побежай супостаты своя и славу присокупляи благородству своему. Не супротивимся тебе, ни вопреки что глаголемъ, и воля твоя, и ни въ чемъ же тебе не отнимаемъ; и твори, еже хоцещи. Много бо слышахомъ отъ отецъ своихъ, иная же сами видехомъ очима своимъ, великія обиды тебе отъ Казанцовъ да многія измены. Да все мы по силе своеи, елико помо-

жетъ намъ Богъ, крепко имамы страдати и класти главы наша нелестно за святыя церкви, и за все православие державы твоя, и за тебе, великого нашего самодержца, должни есми умрети, и въсе богатество наше, и дома, и жены, и чада своя забыти, ни во что же вменити, а не яко же иногда нераденіемъ и леностію своею одержими бехомъ и леностію тебе служихомъ, другъ на друга смотривше, и великія наша отчины, даныя прадедомъ нашимъ отъ прадеть твоихъ, сами вкупе съ Казанцы небреженіемъ нашимъ или неможеніемъ въ конечное запустеніе предахомъ». Симъ же словесемъ, реченнымъ бывшимъ отъ братія его и отъ всехъ благородныхъ велможъ и бояръ и воеводъ его, сія же слышавъ отъ нихъ царь Великіи Князь и возлюби зело добры ответъ ихъ и премудрыя глаголы ихъ къ нему. Воспроси бо, рече, отца твоего, и возвеститъ тебе, и старца твоя поведять тя. И воставъ съ престола своего и поклонися имъ на все страны до земля и рече: «велми угоденъ ми бысть советъ вашъ, любиміи мои думцы, и познахъ, яко будетъ на ползу всемъ и мне».

О собрани Рускихъ вои и о рассмотрени ихъ

И вскоре повеле всемъ княземъ, и воеводамъ, и благороднымъ, и середнимъ же, и обычнымъ готовымъ быти на царскую свою службу со всякимъ запасомъ ратнымъ съ конми и со отроки. Раславъ же листы по всеи области державы своя по градомъ на собраніе воинственного чина, да скоро соберутся въ преславны градъ Москву иже вся воинская дела творяще люди. Вборзе же, не во многи дни, по царскому его веленію, множество собращася вои въ преимениты градъ, яко

отъ великого собранія силы и не бе во граде места, где стояти по улицамъ и по домоу людскимъ, но поставляхуся около посадовъ, по полю и по лугомъ въ шатрахъ своихъ. И по неколикихъ днехъ восхоте видети самъ всего своего воиска число, и уряди въ разное украшеніе ихъ и преже повеле княземъ и воеводамъ во градъ пріеждати на велику площадь, предъ царскія своя полаты, и красно нарядяся, по нихъ же среднимъ и обычнымъ воемъ. Великія воеводы и вся благородныя велможи и вся силныя же и несилныя пріежжаху во градъ, единъ по единому ихъ, на площадь, ко царскимъ его полатамъ, и показующися ему, изодевъшися въ пресветлыя своя одеянія и со всеми отроки своими, тако же и добрыя своя коня во утварехъ красныхъ ведущи, яко достоитъ быти на ратехъ воеводамъ. Царь же Князь Великіи рассмотривъ самъ своя князи и воеводы и вся благородныя и до последнихъ всехъ, на полатныхъ своихъ лествицахъ стоя, и велми всехъ похвали, яко верно служащихъ ему; тако же и множество воинства своего видехъ изъ далныхъ своихъ градовъ и земель, скоро, незамедленно собравшихся по словеси его, зело возрадовася радостію великою. Видевъ же инехъ вои своихъ, убозехъ сущихъ и нужныхъ всемъ, не имеющихъ у себя ни коней воинскихъ, ни кормли, и техъ для сотвори полаты своя оружныя и ризныя и житница хлебныя, даваше имъ до любве ихъ и оружія всякая, и светлы ризы, и кормлю, и добрыя кони исъ конюшни своя преже всего своего пошествія. Избравъ исъ техъ вои и отпускаетъ воеводъ своихъ съ ними 12, съ великою силою хъ Казани, Маія въ 9 день, двема рекама, въ лодіяхъ и въ струзехъ, Волгою и Камою; Волгою же отпусти съ кормлею и со всякимъ запасомъ разнымъ всего великого воинства своего и зъ

болшимъ стенобитнымъ нарядомъ огненнымъ, яко да не будетъ нужда отъ пищи въ воехъ на долго время; Камою же, сверху отъ Вятки зашедь, воевати полныя места и не двигомыя Казанскія. Кама бо великая река, три земли вкругъ Пермскую землю и Вядкую и всю Казанскую, и устіемъ въ Волгу падеть, ниже Казани за 60 версть. По ней же придоша хъ Казаніи Московскія воеводы, съ Устяжны и съ Вятчаны, съ храбрыми людьми, и воеваше по Каме богатыя улусы Казанскія. И по двою месяцу по преже посланными воеводахъ празновавъ царь Князь Великіи пятьдесятны день по Пасце, сшествіе Святого Духа на святыя своя ученики и апостолы, и всю ту неделю пянтикосную царски веселяся и съ велможамы своими, и предаеть славны градъ Москву въ Божіи руце и Пречистой Богородицы, и оставляетъ въ себе место на Москве брата своего, благороднаго князя Георгія, и призываетъ брещи его отцу своему, митрополиту Макарію.

Наказаніе Царя и Великого Князя Царице своеи Анастасее

И тогда благоверныи Царь Князь Великіи миръ и любовное целованіе Царице своеи Анастасіе оставль, и прирекъ ей слово едино «азъ тебе, о жено, повелеваю никако же скорбети о моемъ шествіи, но пребывати въ подвизахъ духовныхъ, и въ посте, и воздержаніи, и часто приходити къ церквамъ Божіимъ, и многи молбы творити за мя, и за ся, и милостину убогимъ давати, и бедныхъ миловати, и въ царскихъ нашихъ опалахъ разрешати, и въ темницахъ заключеныя испущати, да сугубу мзду отъ Господа приимеше въ будущемъ веце».

То же слово и брату своему наказа. Царица же, слышавъ сія отъ благочестивого Царя, супруга своего любимаго, и нестерпимую скорбію уязвися о шестви его, и не можетъ отъ великія печали стояти, и хотяше пасти на землю, аще не бы самъ Царь супружницу свою рукама поддержаль. И на много часъ она безгласна бывши и восплакася горце, едва мало возможе удержатися отъ великихъ слезъ и проглаголати: «ты убо, благочестивы мои господине Царю, заповеди Божія храниши и тшишися единъ, паче всехъ, душу свою положить за люди своя; азъ же, свете мои драгы, како стерплю на долго время разлученіе твое отъ мене; или кто ми утолитъ горкую мою печаль; или кая птица въ часъ единъ прилететь и долготу путя того возвеститъ мне и сладкую вестъ здравія твоего, яко ты съ поганымъ брався и одолети возможе. О всемилостивы, Господи Боже мои, призри на мое смиреніе и услыши молитву рабы твоея, и вонми рыданія моего слезы, и даруй ми слышати супруга моего, царя, преславно победивъша враги своя, и сподоби мя здравіе его сождати, светла и весела видети ко мне пришедша, радующася и хвалящася о милости твоеи». Царь же Князь Великіи утешивъ Царицу свою словесы, и наказаніемъ, целованіемъ, и здраве давъ ей, исходитъ отъ нея ись полатъ своихъ и входитъ во церковь Пресвятыя Богородица, честнаго ея Благовещенія, еже стоитъ на сеньяхъ близъ царскихъ полатъ его. Благоверная же Царица его Анастасія проводивъ до церкви тоя супруга своего Царя и возвратився въ полаты своя, аки ластвица во гнездо свое, съ великою тугою и печалью, и со многимъ сетованіемъ, аки светлая звезда темнымъ облакомъ скорбію и тоскою прикрывся въ полате своей, въ ней же живяше, и вся оконца позакры, и света дневного зрети не хотя, доколе Царь съ победою возвра-

тится, и въ посте, и въ молени пребываше, день и ночь Бога моля о супрузе своемъ, да, на неже пошелъ есть орудіе свое, и то непредткновенно да исправится ему, съ веселіемъ и съ радостію да прійдетъ къ неи во своя, оба да престануть отъ печали своая и сетованія и туги.

О молитве и о молени Царя и Великого Князя

Царь же Князь Великіи со священники молебная совершивъ и поиде отъ Пречистыя Царь, отъ Благовещенія, въ великую соборную церковь Пречистыя Богородица, славнаго ея Успенія, и повеле ту молебная совершати и самому светеишему митрополиту Макарію, правящему тогда митрополию Рускія церкви Московскія, мужу въ добродетелехъ совершенну, и всемъ епискупомъ съ нимъ, прилучшимся тогда въ царствующемъ граде некоихъ ради духовныхъ винъ, и со всеми прозвитеры, и со дяконы. Самъ же христоролюбивы Царь изъ глубины сердца своего крепко востонавъ ко всемогущему Богу и спасителю всехъ, проливавъ слезы, и рече: «Господи, Боже всемошны, царю небесны, крепки и силны, и непобедмыи во бранехъ Христе, помилуй насъ Пречистыя Матере молбамы, и не остави насъ быти въ скорбехъ и въ печалехъ нашихъ до конца; ты бо еси Богъ нашъ, и мы грешны рабы твои, и на тебе надеемъ и отъ тебе всегда милости просимъ. Посли намъ крепкую твою руку свыше и помилуй насъ убогихъ, и даи же намъ помощь и силу на всегдашняя враги наша Казанцы, и посрами ихъ, обидящихъ насъ и борющихся съ нами, и низложи шатанія ихъ, воздажь же имъ по деломъ ихъ и по лукавству начинанія ихъ. Силенъ бо еси, Господи,

и кто можетъ противитися тебе?» И по семь падаетъ предъ образомъ владычица наша Богородицы, юже и евангелистъ Лука написа, сице моляся во уме своемъ: «владычица наша, пресвятая Богородица, молися сыну своему, Христу Богу нашему; рождшемуся отъ тебе спасенія ради нашего; возжежи, госпоже, о насъ къ нему пречистыи свои руце и не презри насъ, грешныхъ рабъ своихъ, молящихся къ тебе верою испроси намъ помощь и победу на вся враги наша, и буди намъ всегда твердая стена отъ лица супостатъ нашихъ, и крепки столпъ, и оружіе непобедително, и ополченіе крепко, и воевода силенъ, и предстатель непобедимъ на противныя наша. Помяни, владычице, милосердіе свое, еже имаши ко христьянскому роду, обещница бо еси спасенію нашему, и мы есмя вси не хужніи твои раби и тобою избавляемся отъ всякихъ бедъ и злыхъ напасти, и прослави, госпоже, и возвеличи христьянское имя надъ погаными всеми, да разумеють и веруютъ, яко единъ есть царь и владыка сынъ твои и Богъ надо всеми языки; и ты, Богородица, во истинну можеша на небеси и на земли творити, елика хочеша, и невозбранно есть ничесо же». Тако же и къ небеснымъ силамъ и ко всемъ святымъ моляшеса, и къ новымъ нашимъ Рускимъ чюдотворцамъ, Петру и Алексею, Іоне, и мощи ихъ лобзя съ верою и со многими слезами. И положи заветъ зъ Богомъ въ церкви, передъ иконою Спасовою, глаголя: «владыко царю, человеколюбче, аще ныне погубиши враги моя Казанцы и предаси ми градъ ихъ Казань, то воздигну святыя церкви въ немъ, во славу и похвалу пречистому Ти имени, и православие утвердите хошу, яко да воспоется внове и возпрославится во веки пресвятое и великолепное имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа; безсерменство имамъ

потребити и веру ихъ и жертву до конца искоренити». И скончану же бывшу молебному пенію въ церкви велицеи, поиде изъ великія церкви Пречистыя Богородица. Близъ ту стоящу церковь великого чиноначалника архистратига Михаила, въ немъ же храме лежать умерши родители его и прародители, и ту молебная певъ небесному Христову воеводе и у гробовъ родителей своихъ и прародителии простився. Съ нимъ же вкупе ходяще и моляхуся князи и воеводы, и многу милостину нищимъ даючи; вдана же бысть тогда отъ самодержца милостива велика по всеи земли Руской, по градомъ и по селомъ, ереискому, и святителемъ, и по всемъ монастыремъ черноризцемъ, и пустыннымъ инокомъ, и нищимъ всемъ.

**О благословеніи митрополитомъ Царя
и Великого Князя и все воинство
его и проречени его о Казани**

По молитве же своей благоверны Царь самодержецъ, благословляя отъ пресвещенного отца своего, Макарія митрополита, и отъ прочихъ епископъ. Светиши же митрополитъ Макареи благословляетъ самодержца животворящимъ крестомъ и святою водою покропивъ, и молитвою вооружи, и конечную победу наказавъ, и проречествуетъ ему ко уху глаголя: «о пресветлы царю и предобрыи пастырю, полагаи душу свою за словесныи своя овца, ихъ же Богъ дарова тебе паствити, имаши бо теплеишу ревность по Бозе своемъ и дерзаеши неотложно за благочестіе страдати; и всемогущи же Богъ, молитвами пречистыя его Матери, подаетъ ти помощь и конечное одоленіе на сопоста-

ты твоя, и на свои престоль Росиского царства здравъ и радостень съ победою возвратишия, со всемъ своимъ христоролюбивымъ воинствомъ, и многолетень будеши на земли и съ царицею своею. И мы смиренни безъ престани должни есмя Бога молити, и Пречистую Богородицу, и святыхъ всехъ о твоёмъ Богомъ хранимомъ царстве». И отпускаеть его, яко ангель Божій Гедеона на цареи Мадіямскихъ и яко Самоиль на кроткого Давида, на силного исполіяна Галиада, и даеть ему вместо видимого оружія невидимое и непобедимое оружіе, крестъ Христовъ; благословлять же крестомъ, вооружаеть и брата его благородного князя Владимира, и всехъ благоверныхъ князеи, и велможъ, и великихъ воеводъ. Епископы же и попове, въ дверехъ церковныхъ стояще, благословляху все христоролюбивое воинство, и святою водою кропляху, и благословени быша отъ святителии вся воя, отъ мала и до велика. Царь же Князь Великіи пріемлетъ святительское благословеніе, яко отъ вышняго десницы вседержителевы, вкупе же съ нимъ храбръство и мужество Александра, царя Макидонского, и всемъ святителемъ миръ давъ, и всему бещетному множеству великому народу Московскому на четыре страны до земля поклонися, и веля имъ о себе во церквахъ и особо по домомъ своимъ прилежно Бога молити и постъ держати по силе своеи зъ женами и зъ детми.

**О пошествіи на Казань Царя и Великого
Князя, и о пришествіи Крымского царя
на Рускія пределы, и о прогнании его**

И повелеваеть привести къ себе великіи свои конь и всадаеть нань, глаголющи протчее слово: ревнуя яко

поревновахъ по Господе Бозе своемъ, Вседержителе. Вседаеть же на своя коня сильная вси князи, и воеводы, и храбрѣя воины, и седше вскоре, яко высокопарнии орли, полетевше изо очію безчисленнаго множества народа Московскаго, борзо идучи и другъ друга жещуци, и другъ друга состизающіи, яко на царевъ пирь позвани и царемъ радующеса, идяху. Выездятъ же царь Князь Великій изъ великаго своего града столнаго, славныя Москвы, въ лето 7060-го, мѣсяца Іюня, въ первую неделю Петрова поста, въ 10 часъ дни, 22-е лето отъ роженія возраста своего. И поиде съ Москвы на Коломну, и слыша тамо буяго варвара, нечистиваго царя Крымскаго Девлетъ-гирея, пришедшаго со многими Срацыны своими на Рускія пределы, на Тулу, отаи и неведомо, яко тать въ ноци, и хотя православие пленити. Аки два лва кровопіица изъ дубровы искочиста, и две огненныя главни пожигающіи и попадающіи христьянство, аки терніе траву, едномысленно совещашеса на стадо Христово Крымскій царь съ Казанскимъ царемъ, яко да каждо ихъ отъ своя си ны спадуть, чаяху бо уже пошедше хъ Казани Московскаго самодержца со всеми вои Рускими, и мневше себе, окаянны, благополучно время изыскавше исполнити хотеніе свое невозбранно и некому стати мошно впреки ему, яко темъ смирятъ и устрашатъ Царя и Великаго Князя того лета не воевати Казань, да соберутца Казанцы съ Крымцы и могутъ съ ними братися. И не попусти имъ Богъ тако быти по воле ихъ. Царь же Князь Великій пришедъ на Коломну и входитъ во церковь соборную Пречистыя Богородица, честнаго ея Успенія, и повеле ту сущему епископу Феодосію со всемъ его соборомъ пети молебны; самъ же приходитъ къ пречистыя образу, иже была на Дону съ преслав-

нымъ и Великимъ Князем¹, и тако припадаетъ и молится и милосердаго владыку и Господа нашего Исуса Христа, рожшую его Богоматерь, со многими слезами и въздыхани сердечными, о пособленіи, и о помощи, и о победе на противныя Агаряны. И помолился, изходитъ изъ церкви, взявъ благословеніе отъ епископа Феодосія и отъ всего священного собора, и отпускаетъ противъ царя Крымского великихъ воеводъ своихъ, князя Петра Щенятева да князя Ивана Турантая Пронского со инеми со многими вои. Они же шедше и обретоша царя у Тулы града стояща. И мало въ ту ночь не взя градъ, всехъ бо уже градныхъ боицевъ изби, и врата града изломи, но вечеръ приспе, и жены яко мужи охрабришася и съ малыми детми и врата граду каменіемъ затвердиша. Царь же очюти пришедшихъ воеводъ Московскихъ, и паде на ны страхъ и трепеть, вставъ и побежа ночью отъ града Тулы, и весь нарядъ² свои у града стоящи пометавъ, съ великимъ срамомъ, гонимъ Божиимъ гневомъ, и токмо единеми душами своими и телеса своя носящи, оставивъ катарги своя, и шатры, и велбуды, и колесница во станахъ в нихъ же бе все стяжаніе ихъ, серебряное, и златое, и ризное, и стенобитныя сосуды, и бежаща исполнишася весь путь мечаше различныя своя оружія и ризы. Воеводы же последи царя женуще и победиша много силы его и весь Рускіи пленъ назадъ отпленіша, самого же царя прогнаша въ поле великое за Донъ, мало его жива не яша, и много Крымскіи пленъ приведоша во градъ на Коломну, на увереніе самодержцу и на показаніе всему народу. Онъ же прославль Бога о семъ, посрамльшаго лютаго врага, Крымского царя, и возвеселися по седмъ днеи веселіемъ великимъ, со всеми князи и воеводами, и воздавая победителемъ почести великія комуж-

до по достоянію ихъ. Техъ же пленныхъ Крымцовъ по веленію его живыхъ всехъ въ реку вметаша.

О пошестви съ Коломны Царя и Великого Князя и о рядстве полковъ его

Царь же Великіи Князь и не возьмется отъ нечестиваго царя прихода на Русь, ни усташися, ни убояся, вспять не возвратися отъ пошествія своего, яко воинъ страшень, но прогнавъ врага своего Божією помощію и со тшаніемъ великимъ, верою Христовою укрепляемъ, надеждою и подвизаніемъ, и грядяше небоязненно на злыя Казанцы, не на силу свою великую надеяся, но на Бога своего, поминая рекшаго, яко не спасетса царь многою силою своею, исполинъ не спасетса множествомъ крепости своея. И прииде съ Коломны во славні градъ Владимиръ и препочи въ немъ неделю едину, по церквамъ ездя и Богу моляся, и милостину нищимъ дая; изъ Володимера же въ Муромъ градъ прииде и стояше въ немъ десять дни, собираяся по малу съ вонествомъ и ожидая царя Шигалея. И по днехъ 10 преиде въ Муромъ царь Шигалей, исъ предела своего, исъ Касимова, съ нимъ же силы его варваръ 30 000; и два царевича Астороханскія орды и съ нимъ же придоша, Каибула именемъ, другіи же Дербышалеи, обославшеся царемъ Шигалеемъ, дающесе волею своею въ послуженіе Царю и Великому Князю, а съ ними татаръ 20 000. Онъ же радостно прія техъ и царскими дарованми одари ихъ и местомъ быти учини ихъ подъ царемъ Шигалеемъ. И возвигнувся изъ Мурома Царь Князь Великіи, собрався со всеми силами Рускими, изыде на чистое поле на великое и ту бла-

горазумно уряжаетъ полки, и много искусны воеводы устроятъ, и учиняетъ начальники воемъ, и поставляютъ воеводъ ертаулному полку, надо всеми благородными юношами, царского своего двора князя Дмитрея Микулинского и князя Давида Палецкого и князя Ондreja Телятевского, подавъ имъ Черкасъ 5000, любоискусныхъ ратоборець, и огненныхъ стрелець 3000, въ преднемъ же полку начальныхъ воеводъ устави надо всею силою Татарскою Крымского царевича Тактамыша, и царевича Шибанского Кудаита, и князя Михаила Воротынского, и князя Василя Оболенъского, и князя Василя Оболонского Помяса, и князя Богдана Трубецкого; въ правои руке начальныхъ воеводъ устави Касимовского царя Шигалея и съ нимъ князя Ивана Мъстисловского, и князя Юрья Булгакова, и князя Олександра Воротынского, и князя Василя Оболенского Сребряного, и князя Ондreja Суждалского, и князя Ивана Куракина; въ матице же велицеи начальныхъ воеводъ самъ благочестивы царь и съ нимъ братъ его, князь Владімеръ, и князь Иванъ Белскои, и князь Александръ Суждалскои, по реклому Горбаты, князь Ондреи Ростовскіи Красны, и князь Дмитриеи Палецкои, и князь Дмитриеи Щенятевъ, и князь Семіонъ Трубецкои, и князь Федоръ Куракинъ, братъ его князь Петръ Куракинъ же, и князь Юрьи Кашинъ, и князь Иванъ Нохтевъ, и многіе князи и бояре; въ левои же руке начальные воеводы Астороханскіи царевичъ Каибула, и князь Иванъ Ярославскои Пенковъ, и князь Иванъ Пронскои Турантаи, и князь Юрьи Ростовскои Темкинъ, и князь Михаило Репнинъ; въ сторожевомъ полку начальные воевода царевичъ Дербышалеи, князь Петръ Щенятевъ, и князь Ондреи Курпскои, и князь Юрьи Пронскои Шемяка, князь Микита Одоевскои. И

съ теми всехъ великихъ воеводъ 90, вси князи велицы и благородни и первы въ советехъ царскихъ, подъ теми же иныя воеводы средни и меншіи. Во всехъ же бе тогда Рускія силы число благородныхъ князеи и боярь, и великихъ воеводъ, и храбрыхъ отрокъ, и крепкихъ конникъ, и стрелець изученыхъ гораздо, и сильныхъ ратоборець и въ твердыя пансыри и въ доспехи облоченныхъ 300 000, и огненныхъ стрелцовъ 30 000, и въ ладіяхъ рати 100 000, и съ Касимовскимъ царемъ Шигалеемъ и со царевичи иноязычныя силы Татарскія, служащихъ Рускому царству князеи и мурзь и казаковъ, 60 000, къ нимъ же черкасовъ 10 000, и мордвы 10 000, и немецъ и фрягъ и ляховъ 10 000, кроме обышныхъ вои и конникъ и пешцовъ, возящихъ ратны запасъ, и те люди безчисленны. Яко же о приходе Вавилонского царя ко Еросалиму пророчествова Іеремія: и отъ яжденія бо, рече, громовъ кольсницъ его, и отъ ступанія слоновъ его потрясета земля и сице бысть zde. Поиде Царь Князь Великіи чистымъ великимъ хъ Казани со многими и языцы реченными, служащи ему, съ Русью, и съ татары, и съ черкасы, и съ мордвою, и со фряги, и съ немцы, и съ ляхи, въ силе велицей тяжце зело, тремя пути, на колесницахъ и на конехъ, четвертымъже путемъ реками, въ лодіяхъ, вода съ собою воя воюючи Казанскую землю.

**О величестве поля, и о нужде
безводіемъ, и о пришестви Царя
и Великого Князя въ Свияжски градъ**

Поле же то великое зело велико, конца мало ходячи до дву морю, на востокъ до Хвалынского, а

полудніе до Чернаго, на немъ же Русти гради и веси и села мнози стояху древле, и мнози бяху людіе живущи въ нихъ, имеюще селеніе и водвореніе, и за поле Куликово по Мечю реку, на оной же стране реки тоя тако же мнози въ вежахъ своихъ Срацыни, Половцы живяху, качующи. Но обо между себе, Русь и варвари, отъ частыхъ воеваніи запустеша, и удалишася особе, яко же пишутъ Русти летописцы, конечно же и отъ силного Батыева плененія, и отъ ыныхъ по немъ цареи, все погибе. И бысть поле чисто, инуди же по местомъ поля того возрастоша пустыни и дубравы велія, имеюще въ себе и питаючи зверіе пустынны и всяцы скоти полсти мнози. Царь же Князь Великіи преиде часть поля того, прилежащую хъ Казанскимъ улусомъ, пятію недели до новаго града Свіяжского, и тяжекъ явился ему путь той и всему воинству его: отъ конскихъ бо ногъ взимаему на высоту песку, и не бе видети солнца и небеси и всего воинства идущаго, и тоска велика все воинство обдержаше; мнози же человецы изомроша отъ солнечнаго жара и отъ жажды водныя, исхоша бо вся дебри и блата, и малыя реки полскія не тецаху путемъ своимъ, но развіе мало воды въ великихъ рекахъ обреташеся, во глубокихъ омутехъ, но и то сосудами, корцы, и котлы, и пригорщами въ часъ единъ до суха исчерпаху, другъ друга бьюще, и угнетающе, и задавляюще; ини же росу лизаху и тако жажду свою съ нужею утоляху. И пришедъ во градъ Свіяжскій и пребысть въ немъ стоя неделю, опочивая и отдыхая отъ великого шествія путнаго, и отъ горенія солнечнаго и ото многія теплоты летнія, сожидаяся со многими вои. Казанцы же сведаша приходъ самого Царя и пожгоша сами посады своя, и впряташася со всеми статками своими

во градъ. И собравшимся воемъ Рускимъ всемъ и до единого человека ись поля оного великого, тако же и преже посланная рать въ лодіяхъ вся приіде, цела, по здраву, преже его пришествія, и мало отдохнушемъ самемъ и конемъ изопочинувшимъ.

Повеліе Царя и Великого Князя воеводамъ перевозитися Волга и о брани съ Казанцы на встрече

И тогда певъ молебны многи Царь Князь Великіи и повелеваетъ яртоулному полку перевозитися Волгу въ ратоборныхъ лодяхъ, на то учененныхъ, въ пансыряхъ и доспехахъ одеявшимся, за нимъ же преднему полку итти, царевичемъ съ Татары, крепко уготовльшимся. Тако же и самъ Царь Князь Великіи уготовися, въ калатырь облекся передо всеми, яко гимантъ, и златы шлемъ возложи на главу свою, и препояса брани своя мечемъ, тако же и вси воеводы его, и полконачалницы, и воя вся одеваются въ крепкія доспехи, и утвержаются бронями и шлемы, и наготове приемлють въ руце свои копія, и щиты, и мечи, и луки, и стрелы; и почаша перевозитися все полцы великую реку Волгу, отъ Свіязска града, съ нагорныя страны, на Казанскую страну, на луговую, Августа въ 25 день. И слышавъ Казанскіи царь, Едегеръ Касаевичъ, воя Рускихъ перевязяхуся реку, изыиде ись Казани на великіи лугъ свои къ Волге встретиеніемъ и со избранными боицы Казанскими, съ пятію десять тысящами, и разщинивъ полки своя при берегу реки стоя, самъ сопротиву ертоула и предняго полка и всея болшія матицы, въ неи же самъ Царь Князь

Великіи идяше, хотя пострашити Рускихъ вои и берега не дати превозящимся, яко да темъ воспряти имъ. И сразишася на 3 часа ото обоихъ полковъ, біющеся на великомъ лузе Цареве, у Гостина острова. И преже въспущаютъ Казанцы ертоулного полка и прочь отбиваютъ отъ берега, и удержа, и укрепи его передовы полкъ, поскоривъ придвигнутся ко берегу; и возопиша царевици и воеводы преднему полку своему, всеи силе варварской укрепляючи и поженуци ихъ, яко не слабеютъ: и паки бываетъ брань, не худа и мрачна, вооружаются ярости, и великъ шумъ на высоту взимается, и мнози отъ обою страну падоша, аки цветы прекрасны, зане овемъ бо дело строино братися на суши, и на воде и единъ удержаваше сто, а два тысящу, овемъ же неугодно на воде, и скорбно, и тесно всюду; но Богъ помогаая всемъ надеющимся нань и тои поможетъ, яко искони воду на сушу преложи, и по мале часе облія Казанцевъ кругъ Руское воинство, правая рука и левая, и вспящаются ото огненного стрелянія, и сотрєніи быша, и побежа во градъ Казански царь, не путми, со всею силою своею, немогуци долго стояти и ни мало удержати Руси, еже не дати берега, виде изнеможете своихъ, а Рускихъ вои храбростьство и мужество. И превожакхуся Рустіи полцы по 7 днеи не боящеся Казанцовъ.

**О приходе Царя и Великого Князя хъ Казани,
и о величестве силы его и о рассмотрени,
и о крепости града Казани**

Самъ же Царь Князь Великіи превезеса Волгу реку, Августа въ 17 день, въ веселіи сердца своего,

по чисту пути пришедъ, подступи близь самого града Казаніи и ста на Арскомъ поле со всею матицею великою, прямо града, за версту едину противу троихъ вратъ Арскихъ, и повеле себя оделати градцемъ, да не убиенъ будетъ ись пушки; полкамъ же развели врата, приступныя места, коемуждо ихъ противу коего места стояти, со излазящими изъ града съ Казанцы битися: и поставися правыя руки полкъ, царя Шигалея, противу двоихъ Нагайскихъ вратъ, а передовый полкъ царевичевъ съ Татары за Булакомъ, противу двоихъ же вратъ, Елбукиныхъ и Кебековыхъ, а ертоулны полкъ за Булакомъ же противъ Моралеевыхъ вратъ, а левыя руки полкъ за рекою за Казанью противъ вратъ Водяныхъ, а сторожевыи полкъ за Казанью же за рекою противу Царевыхъ вратъ. И облегда воя Руская Казань, и бе видети многія силы, аки море волнующеся около Казани или вешняя великая вода по лугомъ разліяся; вси жи вои избранни оружницы и копейники, и вси на Казань дыхающе дерзостію браніи, и гневомъ, аки огнемъ, облецахуся; оболченная оружія на храбрыхъ оружницехъ, яко пламень, и реку аки солнце, зраки человекомъ изо очію изымающыи, аки звезды на главахъ светяхуся златыя шлемы, и щиты и копья въ рукахъ зряхуся. И сущіи во граде Казанцы возмущахуся отъ страха. И како хто не убоится сицовыхъ полковъ? Хотя бы храбри были Казанцы или древнія они исполины, но ти бы все почюдилися. Или мало усумнися толику собранію человеческому? И не хуждше Антіоха явленного, егда приде Іерусалимъ пленити; но онъ неверенъ, и поганъ, и хотяше законъ Жидовскіи потребите, и церковь Божию осквернити и разорити, се же верныи на неверныхъ за безаконіе и за злодеяніе приде погубити ихъ, и наполни всю

землю воями своими, конники и пешьцы; и покрывшася ратью его поля и горы и подолія, и разлеташася аки птица по всеи земли той, и воеваху, и пленяху Казанскую землю и область всюду, невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конецъ ея, и быша убіенія человеческая велика, и кровми поляся варварская земля, блата и дебри и озера и реки намостишася Черемискими костми. Земля бо бе Казанская реками и езеры и блаты велми наводнена, за согрешеніе же къ Богу Казанскихъ людеи лета того ни едина капля дождя съ небеси на землю не паде: отъ солнечнаго бо жара непроходныя места, дебри, и блата, и речища вся преизхоша, и полцы Рустіи по своей земли, непроходными теми пути, безнужно яздяху, кои любо камо хотяше, и стадо скотія предгоняху. Царь же и Князь Великіи, обলেখши Казань и объехавъ около града, и смотраше стенныя высоты и мечь приступныхъ, и увидевъ удивися необычной красоте стень крепости града. Прежде бо приходиль въ зимнее время, темъ и не рассмотривъ града гараздо, каковъ есть. Прележить бо къ нему съ востока поле зовомо Арское, велико и красно, по нему же течеть подъ градъ Казань река, на томъ же поле изливается езеро Кабанъ именуемо, отъ града за три версты, и рыбу многу имущи въ себе на пищу человекомъ, изъ него же истекаетъ Булакъ река, въ Казань реку подъ градомъ втекаетъ, грязна велми и топка, а не зело глубока; съ полуднію же града, отъ Булака и до Волги, красныи лугъ Царевъ, на седмь верстъ продолжаются, травою многою зеленяся, и цветы краснея. Градъ же Казань зело крепокъ, велми, стоитъ на месте висоце, промежь двою рекъ Казани и Булака, и согражденъ въ седмь стень, въ велицехъ и толстыхъ

древесехъ дубовыхъ; въ стенахъ же сыпанъ внутри хрящъ и песокъ и мелкое каменье, толстина же градная отъ рекъ, отъ Казани и отъ Булака, трехъ сажень, и те бо места ратнымъ неприступныи.

О послани съ любовію Царя и Великого Князя ко царю Казанскому

И посылаетъ Царь Князь Великіи послы своя ко царю Казанскому, во фторы день прихода своего, подъехавъ ко стенамъ глаголати верное слово свое съ любовію, и ко всемъ Казанскимъ велможамъ болшимъ, немногимъ живымъ оставльшимся отъ царя Шигалея и въ техъ место быша новыя вкупе спроста ко всемъ Казанскимъ людемъ: «помилуй себя», глаголя, «Казанскіи царю, и убоися меня, видя плененія земля своя и губленіе многихъ людеи своихъ, и предаи ми ся доброволно, и служи ми верно, яко же и протчи царіе мои служатъ ми; и буди ми яко братъ, яко верень другъ, а не яко рабъ и слуга; и царьствуя будеши на Казани отъ мене и до смерти своя. Тако же и вси людіе Казанцы помyslите въ себе, и пощадите животь свои, и предаите ми градъ вашъ доброволно, по любви, и безъ брани, и безъ пролитія крови вашія же и нашія, и приложитея къ нашему царству, и присягаите намъ, яко же и прежніе, ничасо же никако же боящися отъ мене, ни страха имущи; и прощу вы всея прежнія бывшая ми отъ васъ злобы и напасти великія, еже сотвористе отцу моему и мне по немъ; милость и честь отъ мене пріимите и отъ горкія смерти ныне избавитесь, и мне будете любиміи друзи и верныя слуги, и дамъ вамъ лготу велику по вашей

любви жити въ воли своеи по вашему обычаю, и закона вашего и веры не отыму отъ васъ, и отъ земля вашія отъ васъ никуда по моимъ землямъ не разведу, его же вы боитесь, и токмо оставлю у васъ дву или трехъ воеводъ своихъ, а самъ прочь отоиду. А сами лучше весте: и аще ми не хотите повинутися, ни служити подъ моею областію, быти въ моемъ имени, то, празденъ градъ свои оставльше и землю свою, и идите, аможе хотите, со всеми людьми своими, здравы все, на все четыре части земля, въ кою убо страну, и зъ женами, и зъ детми, и со всемъ вашимъ имениемъ, и безъ боязни и безъ страха отъ мене, и не угибнетъ отъ васъ ни единъ власъ главы вашаея отъ вои моихъ. Во истинне бо, правде и на велику ползу вамъ глаголю, милующи васъ и брегуци, не кровопійца бо есмь азъ, ни сыроядецъ, яко же вы есте, погани и бесермяни, и не радъ кровопролитию вашему, но за великую вашу неправду посланъ Богомъ, придохъ со оружіемъ показнити вы. И аще же глаголь моихъ не послушаете, то Бога моего помощію имамъ ныне градъ вашъ на щитъ взяти, васъ же всехъ безъ милости, и жены ваша, и дети подъ мечъ подклонити; и падете же и поперетесь, яко прахъ подъ ногама нашими, и не мните мя, яко играюща или пострашающа васъ, или яко всуе глаголюща, не имамъ бо оступити отъ васъ ни до десяти летъ, не вземше градъ, его же ради и самъ придохъ азъ, неверующи моимъ посылаемымъ мною царемъ, княземъ и воеводамъ». Не хотяше бо Царь Князь Великіи да проліется кровь ихъ безъ ума и безъ опасенія его къ имъ отъ него, но хотяше самъ преже собою и правя и смиреніе явити имъ, по заповеди Спасове, яко всякъ вознесяися смирится, смиряи же себе вознесется.

О страхе Казанского царя и ответъ жестокии Казанцевъ ко Царю и Великому Князю

Царь же Казанскіи, слышавъ сладостная и грозная словеса Московского самодержца, устрашися зело, убояся и хотяше отворити градъ, волею предатися, но не можаше добромъ умолити, ни, страхомъ грозя, препрети Казанцовъ, не взя бо власти великія надъ ними, яко царь Шигалеи, и, яко новъ сы ему, еще обычая въ нихъ не ведаша. И не послушаше Казанцы совета доброго царева, и не внимаху словесе его. Онъ же вонъ прошашесе изъ града изыти съ пришедшими своими, да волею къ самодержцу приѣхавъ и милость отъ него получить, и не выпустиша его. И во всемъ болши царя слушаху князя Чапкуна, и покоряхуся ему яко царю, пословъ ж самодержцовыхъ отбиша отъ града зъ безчестіемъ, лаявше жестокими словесы, и гордостію и величаніемъ возносящися, врежающе и раздражающе сердце его, глаголющи: «да ведая буди царю Московскому, тако глаголетъ тебе царь Казанскіи и все Казанцы: да помреве вкупе вси и до единого же насъ, и зъ женами нашими и зъ чады нашими, зде, за законъ, и за веру обычая отецъ своихъ во отечестви нашея земля, въ ней же родихомся, во граде нашемъ, въ немъ же воспитахомся и ныне живемъ, въ немъ же царствуемъ царіе и съ ними владеють уланове и князи и мурзы. Тебе же и такъ богату сущу и много имущи градовъ и земель, у насъ же единъ столны градъ Казань, и тои хочеши взяти у насъ, и пришедъ яко силенъ намъ буди, и не мысли и не надеися лестію грозя царства нашего взяти,

уже бо познахомъ лукавствіе ваше, и не мысли себе никако же волею града нашего предати и до смерти всехъ насъ, и не видети бы намъ того, ни слышати, что Рускими твоими людми, свинойдцы погаными, насиліемъ побладаемъ столны градъ нашъ, Казань, и древняя наша законы добрыя вашими ногами попираемы и посмехаемы и новы обычаи Рускіи бываеми.

**Сказаніе волхвовъ о цареve сне
и о сеитове, и о страсе царя и Казанцовъ,
и о выежжающихъ изъ града битися съ Русью**

Въ первую же ночь, егда хъ Казани пріиде Царь и Великіи Князь и градъ облеже, виде сонъ страшень самъ про себя Казанскіи царь: «легшу ми съ печалію мало уснути, яко изыде съ востока мeсяць, малъ, темень, худъ и мрачень, и ста надъ Казанію, другіи же мeсяць, аки отъ запада взыде, зело пресветель и великъ велми, и пришедъ надъ градомъ же ста, выше темного мeсяца. Темныи же мeсяць передъ светлымъ побеговаль и потрясашеся; великіи же мeсяць долго стоявъ и, яко крылатъ, полете отъ места своего, и догнавъ, и удари собою темнаго мeсяца, и аки поглотивъ въ себе и пріять, и тои въ немъ просветися, великіи же мeсяць, светлыи, испусти исъ себе, аки звезды, огненныя искры до полу небеси и во градъ, и сожде вся люди Казанскія, и паки ста надъ градомъ великіи мeсяць, и боле возрасте, и паче первого сіяше неизреченнымъ светомъ, аки солнце». Въ ту же ночь сеить Казанскіи сонъ же виде, яко стекошася мнози стада великія многообразныхъ зверей и люте рыкающе, лвове же, и пардуси, и медведи, и волцы, и рыси,

и наполнишася ими лугове и поля вся Казанскія; противъ же ихъ истекоша изъ града невеликіи стада, единошерстни зверіе и волцы, выюще, и естися битися падша со многоразличными теми зверьми, и въ часъ единъ вси стекше изъ града отъ лютыхъ техъ зверей изядени быша. Сеить же на утріе пріехавъ къ царю и сказа ему сонъ свои, а царь свои сонъ сеиту поведавъ, и дивишася о снехъ своихъ. И созва къ себе царь вся велможа Казанскія и премудрыя волхвы и поведаша имъ оба сна своя царь и сеить, властели же Казанскія вси умолкнуша, и ни единъ же ихъ ответа воздасть. Волхвы же яве царю оба сна разсудиша, передо всеми велможами: «темный мѣсяць, худый, ты еси, царю; а светлый мѣсяць Московскіи Царь, Князь Великіи, отъ него же ять будеши и въ пленъ сведе: а многоразличніе зверіе языцы толкуются мнози, Руская сила; а единошерстни-волцы, то есть Казанцы единовѣрны, и стражутъ за свое царство едиными главами своими, и подвизаются нелестно собою за ся; а еже изядоша серыхъ пестрые зверіе, то одолеетъ ныне Руская Казанцовъ. И болши сего не вопрошай насъ о семь ничто же, и аще сего не хочеши, то и увещай ранее Казанцовъ смиритися съ нимъ, яко же и преже глаголахомъ много имъ до твоего призванія къ нимъ, да и сами живи будутъ и царства своего не погубятъ еще же». Царь и вси велможи ужасахуся и трепетаху и сокрушахуся сердца своими, обаче метяхуся мыслію и не внимаху реченнымъ ихъ и царю воли не даяху ни въ чемъ, и премудрыхъ своихъ волхвовъ не слушаху, надеяхуся на пошедшихъ своихъ пословъ звати Нагаискихъ Срацынъ въ поможете имъ, и біяхуся съ Русю, выежжая по 7 дни, не хотяще имъ дати ко граду приступовъ чинити, Рустей же силе

велицеи сущи и всегда прогоняху во градъ, біюще Казанцовъ, единъ бо Казанецъ біяшеся со сто Русиновъ, два же со двумя сты, ждущи къ себе на помочь Нагаискія силы, и не возмогоша Казанцы еже не дати Руси ко граду приступити.

О побежени Черемисы

Но злее преднихъ градскихъ, созаци выеждя изъ остроговъ лестныхъ, стужаше полкомъ Рускимъ Черемиса, наеждяючи на станы, возмущаючи въ нощи и въ день, убиваючи отъ вои, и хватаючи живыхъ, и стада конскія отгоняючи. И напускающимъ на нихъ воемъ Рускимъ, они же убегаху отъ нихъ въ чащи леса и въ горкія стремнины, и стояху въ крепехъ, и избиваху. И воспечалися о томъ Царь Князь Великіи, и воеводы его все по немъ, понеже бе доходити ихъ великою нуждою, но, яко праведникъ верою несомненною на Бога уповая, посла на тыя воеводъ своихъ, князя Александра Горбатова Суждалского да князя Ондreja Курпъского со множествомъ вои. И идоша 3 дни, со труды, жестокими пути до местъ ихъ и обходящи вкругъ дебри ихъ и стремнины и горы, а прямо ходу полуднемъ и обшедше оступиша отвсюду крепичи Черемискія и пути ихъ отнята; онемъ же неведущимъ сихъ и отъ преднихъ полковъ побежавшимъ, и намчашася на заднихъ, и победита ихъ скоро, и остроги ихъ раскопаша, и пожгоша, и воеводъ Черемисскихъ 5 взяша живыхъ, съ ними 500 добрыхъ Черемисиновъ приведоша, и жены ихъ и дети плениша, и сами воеводы здравіи приидоша, и Черемиса преста выеждяти изъ лесовъ. Оставиша бо техъ Казанцы 73 000 конниковъ

подъ вои Рускими, 30 000 на Волзе въ судехъ, и отъ техъ судовыхъ никоя же пакости бысть Рускимъ во емъ, ходящимъ въ лодіяхъ, воюющимъ села Казанскія стояща по брегомъ рекъ, ти бо токмо покушася напасти запасныя лодія и не можаху: острогомъ крепкимъ и великимъ вся обведены по берегу Волги, и стрежаху ихъ два воеводы стрелцами огненными и со многими вои, околныя Черемисы паче да не изгономъ нападутъ, и смятутся воя; отъ ладеиныя Черемисы не брежахуся, не умеютъ бо битися съ Русью на воде. И по техъ реченныхъ воеводахъ прииде изъ воины князь Семіонъ и протчи воеводы, воевавшє землю Казанскую и единомъ пошествіемъ взявше въ десять дней великихъ же и малыхъ остроговъ 30, въ нихъ же збегше Черемиса во время рати и отбивающєся избываху; и много въ нихъ Черемисы и зъ женами и зъ детми избита, и всякого ихъ рухла и скота взяша безъ числа, и не бысть паденія во емъ ни у единого града, ни у острога, но сами крепкія остроги отверзаху и предавахуся, ни лука напрязающи, ни стрелы пущающи, ни каменемъ метающи; но разве у первого острога великого 3 дни постояста воя, но безъ паденія же люцкаго. Тои бо острогъ стары, Арескъ зовомъ, зделанъ аки градъ твердъ, и зъ башнями, и зъ боиницы, и живеть людеи много въ немъ, и брегуть велми, и не бе взиманъ ни отъ коихъ же ратеи никакоже, стоитъ отъ Казани 60 верстъ, въ местехъ зело крепкихъ и въ непроходныхъ, въ дебрехъ и въ блатахъ, единомъ путемъ къ нему притти и отоити. Великіи же воевода князь Семіонъ, виде, яко не взяти его тако просто, яко много есть въ немъ люду, боицовъ единихъ 15 000, и прикативъ пушки и пищали къ нему, начать бити. Князи же Арскія и вся Черемиса, седящая въ немъ, возопиша, и врата отверзоша, и руки подаша,

Богу въ сердца ихъ страхъ вложившу; и разплениша ихъ Русь, и приведоша князеи Арскихъ 12, и воеводъ Черемискихъ 7, и земскихъ людеи лутчихъ избравше сотниковъ и старейшихъ 300, и всехъ до 5000 человекъ. Царь, же Князь Великіи возрадовашася велми зело, и благодаряще Бога, и воеводъ почиташе, и воя своя похваляюще, и пленныхъ до времени брещи повеле, и ко граду приводити многажды, и глаголати царю и Казанцомъ, да безъ крови предасться ему; они же пленныхъ своихъ плача и моленія не послушаху. И симъ плененіемъ велми прегорко сердца отреза Казанцемъ князь Семіонъ, и въ страхъ великъ вложи ихъ. Тако же и Рускаго плена множество приведе; ини же собою бегаху изо всехъ Казанскихъ улусовъ въ страны Рускія, яко не брегоми никемъ же. Царь же Князь Великіи повеле весь пленъ собирати въ станъ свои, и держаше на многи дни въ шатрехъ своихъ, пищую, и одеждами, всемъ доволь учрежаше, яко отецъ чадолюбивы чадъ своихъ веселяше, и въ Рускую землю въ лодіяхъ своихъ отпровождаше ихъ до Василя града, и во свояси оттуду ихъ разпушаше. Нужницы они видеша къ нимъ таковое милосердіе благоутробіе его, яко отъ плена ихъ свободы и таковы утешени подасть, и о семъ милованіе его многи слезы и моленія о немъ, ко Господу взываху, со слезами глаголюще: «о премилостивыи Господи, Иисусе Христе, Боже нашъ, услыши насъ молящихся пресвятому имени твоему! Помилуй, Господи, и спаси и сохрани своего раба, благовернаго царя нашего, и все христолюбивое воинство, и даруй ему одоленіе на противныя его, и виждь его благое милосердіе, еже къ намъ горкимъ инопленнымъ людемъ показа. И ты, Господи, воздай же милость свою за насъ убогихъ и нищихъ въ нынешнемъ веце и въ будущемъ».

**О бою преставшимъ, и въ осаде седшимъ
Казанцемъ, и о разгневани Царя и
Великого Князя на Казанцовъ**

Казанцы же разумевше отъ пословъ своихъ, и отъ того часа престаша битися съ Русью, выеждя изъ града, искусиша бо стремление ихъ и храбрость ихъ, и затворишася во граде, и седоша въ осаде, надеюшися на крепость града своего и на многія своя кормля и запасъ, и пять тысячъ съ собою затвориша иноземскихъ купцевъ, Бухарь, и Шамахеи, и Турчанъ, и Армянъ, и инехъ, не испустивше ихъ изъ града до прихода силы Рускія итъти во страны своя, Турчанъ и Армень: ведаху техъ огненному бою гораздыхъ и принужаху ихъ битися съ Русью; онемъ же не хотящимъ и отрицающимся аки неумеющимъ дела того, и приковываху ихъ железы къ пушкамъ, и съ омнаженными мечи стояху надъ главами ихъ, и смертью претяху имъ; и тако ихъ принудиша неволею исъ пушекъ бити по Рускимъ полкомъ. Они же лестно и худо біяху и не улучаху, аки неумеючи, и ядра чересь воя препущаху или не допущаху, едва кого убиваху. Во взятіе Казанское Царь Князь Великіи милость за се подасть имъ: живыхъ всехъ испустивъ во отечествіа ихъ. И отложиша Казанцы надежду свою ото всехъ, и, во убитыхъ место, избежавшихъ изъ града, прибираху высокорастлыя жены и девицы силныя, и теми число наполняху, и уча ихъ копеинному бою и стрелбе и битися со стены, и воскладаху на нихъ пансыря и доспехи; они же яко юноша біяхуса дерзостно, но страшиво естество женское, и мяхко сердце ихъ х кровавымъ ранамъ и нетер-

пеливо, аще и варварско. И начата Казанцы крепити градъ, и застениша вси врата граду каменіемъ и землею, и запрошася со всеми людми во граде и пушки и пищали и воеводъ крепкихъ изготовиша, съ приступныхъ мѣсть градъ бреши, и да ведаеть каждо ихъ воеводъ свою страну и крепце блюдетъ и вся да устраяеть и готовить, еже довлеетъ на ратную потребу, мнящи тако отстоятися, яко и преже сего избываху многажды. Царь же Князь Великіи видевь Казанцовъ неприклонныхъ къ милости его, и поносящихъ ему, и гордящихся, и о смиреніи его не внимающихъ и на брань готовляющихся, и гнева многа наполнися, и яростію великою разжегся, и преже бывшее милосердіе свое къ нимъ и на гневъ предтворяеть. И осуди во острозехъ взятую Черемису всю на смерть до 7000: инехъ около града на колія посади, а инехъ стремглавъ за едину ногу повешати, а инехъ за выя, онехъ же оружіемъ убиша на устрашеніе Казанцомъ, да видевше злогоркую ту смерть своихъ и убоятся, градъ здадутъ ему и смирятсся. Черемиса же умирающе кленяху Казанцовъ: «дабы и вамъ по насъ тоя же горькая смерть пріяти и женамъ вашимъ и детемъ». И повеле Царь Князь Великіи ополчитися воемъ, ко граду приступати, и всякія хитрости замышленіямъ воемъ брани творити на взятіе града, и учинити грады приступныя, и многія туры великія насыпати землю, и болши нарядъ стенобитны готовить. И зделанымъ бывшимъ вскоре многимъ трудомъ и всему наряду огненному уготовленну и повеле грады тыя и туры и великія пушки блиско прикатити ко стенамъ граднымъ, а иныя ставити по Казани реке, по берегу, и по-за Булаку и по рвомъ, около града, и бити по стенамъ граднымъ со всехъ странъ изъ великихъ пушекъ, ядра имеющимъ въ колѣно человеку и

въ поясъ, паче же изъ огненныхъ пищалей болшихъ многихъ, изъ луковъ тмочисленныхъ стреляти внутрь града день и ночь. Самъ яздыше по полкомъ своимъ нощю, и где понужая, и поучивая къ приступу воя, дары имъ и почести обещава. И стенобитныи же боицы и огненныя стрелцы со тщаніемъ великимъ, не ленящеса и повеленна имъ творяху, и бїяху отвсюду по стенамъ безпрестани; тако же и вся воинскія пешщы ополчахуса, и ко граду преступаху по вся дни, и брани силныя творяху, еже довлееть ратнымъ творити, и покушахуса силою взыти на стены; и не припущаху ихъ Казанцы, но крепце боряхуса съ конники и съ пешщы. Отъ пушечного стрелянїя не можаху стояти на стенахъ, но збегаху зъ града, и западываху за стены, и напрасно исъ наряду своего не стреляху, но готовъ зарядень держаху, ждуще ко граду великого приступа всехъ Рускихъ вои; и егда приступаху ко граду воя вся Руская великимъ приступомъ, конники и пешщы, и они тогда на стены вьскакаху, и бїяхуса зъ града, и съ пушекъ своихъ и съ пищалей и зъ луковъ стреляху, и коліемъ изостреннымъ и каменемъ бросаху, и смолою, и водою кипящею въ котлехъ на подскакаящя воины блиско къ стене возливаху, и брани силны творяху, и крепцы бываху, смерти не боящеса и елико можаху и противляхуса, и отбиваху прочь, и отгоняху все Московское воинство, и мало ихъ побиваху, заступленіемъ всемилостивого Бога нашего. И отъ пушешного, и отъ пищалного громовенїя, и отъ многооружного крежетанїя и звяцанїя, и отъ плача, рыданїя градцкихъ людеи, женъ и дети, и отъ великого кричанїя, и вопля, и свистанїя, и обои вои ржанїя и топота конского, яко великіи громъ и страшень зукъ далече на Рускихъ пределехъ, за 300 версть, слышася.

И не бе ту слышати лзе, что другъ зъ другомъ глаголетъ, и дымныи мракъ зелныи возхожаше въ верхъ и покрываше градъ и Руская воя вся, и нощь яко ясны дни просвещашесе ото огня, и невидима быша тма ношная, и день летни яко темная нощь осенняя бываше отъ дымного воскурения и мрака. И дванадесятию великими приступы ко граду приступаху вся воя Руская, конники и пешъцы, и по 40 дни бѣяху въ стены градъ день и нощь, и по вся дни притужающи, и не дающи отъ труда поспати Казанцомъ, и многи козни стенобитныя замышляющи, и много трудящесе, ово тако, ово инако, и ни ниже успеха и ни въ чемъ же градъ не вредиша; но яко великая гора каменная твердо стояше градъ и неподвижимо ни откуду же, отъ силного бьенія пушечного шатаяся, позыбаяся. И недомышляхуся стенобитныи боицы, что сотворити граду.

Глаголани о Казани воеводъ Царю и Великому Князю. Моленіе его къ нимъ

Князи же и воеводы Московская, тако же видевше неослабение Казанцовъ, и стеснувше многожды и глаголаху самодержцу, егда на дому къ нему въ станъ пріеждяху поутру: «видимъ, господине Царю, яко уже лето преходитъ и есень и зима приближается, а путь намъ съ тобою, на Русь итти, далеко есть и тяжекъ, а Казанцы ни мало деломъ послабляютъ, но зело крепце стоятъ и паче готовятся, а запасъ кормовыи твои и нашъ весь по Волге потонуль, разбившимъ лодіямъ отъ ветра: да на что ся надеемъ, и откуду брашно возмемъ на люди своя? А въ Казанской земли во всеи ни мало обретають кормовъ посылаемыя воя всюду, но

пусто, повоевана бе. Подобно бо есть тебе послушати насъ и оставити во граде въ Свѣязскомъ немноги воя, отъ Казани отступити и на Русь возвратитися со всеми силами, зане приходитъ время, яко да не все мы зде напрасно гладомъ изомремъ, а оставшихъ живыхъ Казанцы избіють». И мало его не отведоша отъ Казани, смутивше ему сердце; но Богъ укрепи его, хотя Казань предати ему. Онъ же рече имъ: «да кая похвала намъ будетъ, о великія моя воеводы, отъ всехъ языкъ стужающихъ намъ? Почто рано страшливы есте, ничасо же мало скорбная пріимше? И что рекутъ намъ врази наши? И кто не посмеется намъ, часто приходящимъ и съ такимъ тяжкимъ нарядомъ поднимающимся, и всегда велико дело начинающимъ, и не совершающимъ, ничто же добра успевающимъ, но токмо трудъ великъ себе доспеваючи? И како несмыслени есте; рцете ми, себе ли ради единого азъ тако тружаюся и сице стражюся? не опщія ли ради ползвы мирскія, и не ваша ли есть и моя держава Рускія земля? И надъ вами азъ единъ токмо имя царское имея и венець нося и бягряницу. И не смертенъ ли есмъ? и не трилакотныи ли мене ждетъ гробъ, яко и всехъ человекъ? Но хощу завета моего, Богу попускающу ми, съ вами дерзновенію на насъ поганыхъ воспретити. Или не помните глаголь своихъ, когда еще въ полате моеи на Москве сетовахъ съ вами, вы же добре ми рекосте: «дерзаи, не боися, и царствовати съ тобою и умрети готовимся», и сердце ми тогда возвеселисте, ныне же опечалуете. А о хлебе что пецетеса? Не може ли Богъ прокормити насъ малеми хлебы, яко древле иногда отъ 5 хлебовъ 5000 народа Іюдеи напита? Или не искусиста милости бояси, како иногда, семо приходящимъ намъ, мнози наши людіе и кони павше, испивше воды здешныя изъ рекъ

ихъ, умираху и долго болезнію болевше, ныне же Богъ услади воды сія паче меда и млека, и здравіе велико воемъ своимъ подасть и конемъ ихъ паче своя земля. И потому мыслимъ, яко хоцетъ Богъ предати градъ въ руки наша, за грехи Казанцовъ. И весте сами боле мене: кто венчается безъ труда? Земледелецъ убо тружается съ печалію и со слезами, жнетъ же веселіемъ и радостно; и купецъ тако же оставляетъ домъ, и жену, и дети, и преплаваеъ моря, и преходитъ въ далная страна, ища богатство, и егда обогатеетъ и возвратится, и вся труды отъ радости забываетъ, и покои приѣмлетъ зъ домашними своими. Да то видяще, потерпите мало еще и узрите славу Божею. И молюся вамъ, господіе мои, къ тому по сеи часъ не стужайте ми о семь, да умру съ вами зде на чюжеи земле, а къ Москве съ поношеніемъ и со студомъ не возвращуся; и лутче естъ намъ единою умрети и пострадати кровію за Христа и похвалнымъ быти въ роды, или победившимъ великая благая преобрести. И да возьмемъ единославную чашу съ питіемъ: или проліемъ, или одолеемъ, или одолени будемъ». И поклонися имъ до земля. Они же укрепишася моленіемъ его и ученіемъ и сократиша речи своя, да не паче разгневають его.

Похвала царю Шигалею и князю Семіону

Единъ бо царь Шигалеи и князь Семіонъ тѣи самодержца укрепляху, втаи, наедине, никако же потачити воеводамъ, смущающимъ его и обленевающимъ служити, и не отступити отъ Казани, не взявше градъ. Онъ же слушаше аки отца Шигалея царя, а князя Семіона аки брата. Бе бо царь Шигалеи въ рат-

номъ деле зело прехитръ и храбръ, яко инъ никто же таковъ во всехъ царехъ служащихъ ему самодержцу, и верниши везде верныхъ нашихъ князеи и воеводъ, служаше нелестно, за христiяны страдаше весь животъ свои до конца. Да никто же мя осудить о семъ, яко еди-
 новерныхъ своихъ похуляюще, поганныхъ же варваръ похваляюще: тако бо есть, яко вси знаютъ, и дивятся мужеству его, и похваляютъ. Тои предлежаше крепчае всехъ о Казани по старой вражде своей нань, и сетоваше самодержцу о взяти града непрестанно. Тако же и превеликiи воевода князь Семiонъ вся превзыде воеводы и полкочначалники храбростiю, твердостiю ума своего; мудрыхъ ради советовъ его любимъ бе Царю и Великому Князю; всемъ показася красота и похвала Московскимъ воеводамъ, старымъ же и новымъ воемъ Рускимъ добро ратень воевода, победами многими сiя: мнози Русти вои и противни ратницы видяху ево изда-
 леча, егда на брани въ полцехъ снемшихся, аки огнен-
 на всего яздыша на коне своемъ, и мечъ, и конь его аки пламень метающься на страны, и сецающи против-
 ныхъ. И творяше улицы, и коня его мети аки змiя кры-
 лата летающи выше знамянъ; противницы же видевше се скоро бежаху отъ него все, не могуще ни мало стоя-
 ти противу, страхомъ обдержими и мнящи его быти не человека, но яко же ангела Божiя, или святыхъ некоего поборника Руского; но о прегоркая смерть злая, не милующи красоты человека, ни храбра мужа щадиша, ни богата почитающи, ни царя по многими владуща-
 го боящися, но вся равно отъ житiя сего поемлющи, и въ трилокатнемъ гробе, гробе темнемъ полагавши, и землею засыпана, и кто можетъ отъ пресилныхъ твоея крепости избежать? и где тогда красота, и храбрость, и величанiе? Все мимо иде, аки сонъ. Въ седмое же

лето по взятіи Казанскомъ, мужественне воевавъ на Ливонскія Немцы, и смертную язву оттуду на вые своей принесе, и скончася на Москве, въ пятьдесятое лето века своего, не достигъ совершенныя старости, оставивъ самодержцу печаль велику и всемъ воеводамъ на многи дни, понеже ратникъ бе велии и мужственъ зело. И проводи его до гроба самодержецъ самъ съ плачемъ и со слезами, и положень бысть во отечестви своемъ въ Николине въ новосозданней отъ него церкви каменной, яко смерти его ради. Скращу же речъ и первіе костнущя, жалость бо ми душевная и сладкая любви его ко мне глаголати о немъ и до смерти моя понужаеть.

О посланныхъ черноризцехъ изъ обители живоначалные Троицы Сергеева монастыря

И прииде въ то время въ Казань два инока, посланныи игуменомъ къ благочестивому Царю и носяще святую икону, на ней же писанъ образъ живоначалные Троицы и пресвятыя Богородица со двема апостолами, видение Сергея чудотворца, и просвиру, и воду святую. Царь же Князь Великий съ великою радостію святую икону приємлетъ и прочая, и таковая въ тайне, таино сведящему Богу моление отъ сердца приносить: «слава тебе, глаголаше, создателю мой, слава тебе, яко въ сицовыхъ въ Далнихъ странахъ варварскихъ зашедшаго посещаеши мене, грешного; на сію бо твою икону взираю, яко на самого Бога, и милости и помощи отъ тебе непрестая прошу и всему воинству моему, твой бо есмь азъ рабъ и вси людіе твои, грешніи раби. Ущедри, владыко, и помилуй, милостиве, и подаи же намъ победительная на враги наша». И на Пресвятыя образъ тако же взирая

глаголаше: «о Пресвятая госпоже Богородице, помози намъ ныне, грешнымъ рабомъ твоимъ, и моли владыку, Христа Бога нашего, да подасть намъ победу на противныя. И ты убо, преподобие отче Сергіе, велики Христовъ угодниче, ускори ныне на помощь нашу и помогаи молитвами си, яко же иногда прадеду нашему на Дону на поганого Мамаю». И отъ того дне, вонже икона прииде, вся благочестивому Царю отъ Господа радость и победа даровашеся, и нача недоставати во граде пушечного зелія до толика, яко ни единою стрелити, и прискорбни быша Казанцы до смерти.

О пришедшихъ Фрязехъ ко Царю Московскому и Великому Князю

И се внезапно тогда посла Богъ ко Царю самодержцу, яко ангела своего ко Иусу Наввину разорити стены Ерохонскія, Мангитомъ утвержденныя, тако и zde приведе новохитренныя мудрецы, Фряги иноземцы, служити ему; и повеле ихъ Царь Князь Великіи преставити предъ ся. Фрязи же, ставше предъ нимъ и видевшѣ лице его, и падше поклонишася до земля; Царь же, видевъ ихъ честныи мужи, взоромъ добры, и сказа имъ крепость града и непослабленіе Казанцовъ. Они же реша ему: «не печалуи, господи царю, мы скоро и малѣи деньми, аще волю подаси мне, ото основанія нїизложимъ градъ, и наше есть дело сіе, и на томъ приидохомъ, еже послужити Богу и тебе». Онъ же слышавъ сія отъ Фрягъ и радости нанолнися, и одаривъ ихъ попремногу златомъ и сребромъ и светлыми портици, и повелеваетъ имъ таковая вборзе творити. Хитрецы же со усердіемъ яшася по сіе дело. «И

мошно быти симъ», глаголаху, «и аще не тако, или гладомъ выстояти его: то и не возметься инако ничемъ же градъ сеи». И преже учиниша стрелцомъ съ четырехъ странъ града башни 4, Фряжскимъ обычаемъ, съ каменемъ и зъ землю, крепки и высоки, съ тремя бои, съ верхнимъ и съ середнимъ и съ нижнимъ, да сидяще въ нихъ огненныя стрелцы переменныя оттуду съ высоты аки съ небеси во градъ стреляху, и отлучаху, и побиваху ихъ многихъ внутрь града ходящихъ, и во храминахъ живущихъ, мужъ и женъ и дети, яко не смети имъ въ день по улицамъ ихъ соватися и ни чрезъ дворъ свои исъ храмины во храмину прескочити по какое убо орудіе. И се бысть Казанцомъ злее всехъ приступныхъ. И совершивше башни хитрецы, и мосты на рвехъ и чересь реки мудростію великою, и вскоре другому делу болшому касаются, его же преже того никто же на Руси видалъ, и почаша ноцію тайно копати глубокія рвы подъ Казань градъ, съ восточныя страны, подъ глубокую ону стремину ото Арского поля, съ пріезду хъ Казани, и неведущимъ Казанцемъ дела сего, отъ нашихъ вои никому же, токмо воевода и делатели, иже кои дело сіе делаху; но и ти укреплены со истинною никому же дела того поведати изменныхъ для нашихъ лесцовъ, да не сведавше Казанцы и того устрегутся. Исъ техъ же единъ бе некто отъ приставникъ дела того, воинъ полку царева, родомъ Колужеского, именемъ Юрьи Булгаковъ, лють сы и неправедень, яко во отечестви своемъ сожитствующимъ ему соседъ насилствоваше, и грабляше, и озлобляше, и землю у нихъ отводяше, къ своей земли прилогаше, его же за злонравіе не любляше самодержецъ, многожды смиряше; сеи же беззаконны за нелюбіе то гневашеся на господина своего и Царя, и хоте, аки неверныи, злое прелagateиство сотворити:

и написавъ грамоту на стреле, и пусти ю въ Казань ко царю, да градъ и люди своя крепити и самъ не страшится, сказа ему и места подкопные, и отступление Царя и Великого Князя вборзе, и во всехъ воехъ скорбь великую кормля ради и потопленія на Волге. «Да егда, рече, Царь и Князь Великіи отъ Казани отступить, азъ же, мало проводивъ его, и буду къ тебе въ Казань служити; ты же буди мя брегіи, и любя раба твоего». Ничто можетъ человекъ сотворити, аще не Богъ попусти ему. Казанцы же паче о семь укрепишася, и искаху въ томъ месте подкоповъ, не обретоша. Богу укрепльшу, вборзе хитрецы повеленное ими дело, въ седмы день, строино и спешно скончаша, изготовиша тайныя рвы въ тріехъ местехъ подъ градными стенами, яко дивитися самодержцу и княземъ и воеводамъ его новей мудрости той. Боицы же пушечныя изъза туровъ не престающа въ стены града біяху изо всего наряду великого, и съ пушекъ болшихъ и зъ пищалеи, да не познани будутъ копающися подъ градъ. Казанцы же, старыя и недужныя и небоицы, и они, аки мыши, въ погребехъ своихъ по норамъ землянымъ, ископаючи глубоко, и ту отъ стрелянія избываху въ пещерахъ техъ, сокрывшеса зъ женами и зъ детми, и не являющися, и на светъ не изходящи изъ ямъ техъ на многи дни.

**Чудо святыхъ апостоль и святого Николы,
како явишася на воздусе и благословиша
землю ону и градъ Казань, да вселятся
въ немъ православни христьяне**

Предо взятіемъ же града Казани многа чюдеса показа всемилостивы Богъ угодники своими,

великими апостолами 12 и великимъ чудотворцомъ Николою и преподобнымъ Сергеемъ. Некіи убо отъ человекъ боярскихъ людеи, раненъ велми, у града лежаша за туры, болень, язвами изнемогая, и мало отъ болезни въ сонъ тонокъ сведень бысть, и видить надъ градомъ сіяючи великіи светъ и во свете томъ на воздухе дванадесять апостолъ стоящихъ. И се прииде къ нимъ отъ востока мужъ светель, старъ, во одежди святительской, велимъ же светомъ сіяя, и поклонися передъ апостолами, глаголя: «радуитесь, ученицы и апостола Господа нашего Исуса Христа», и отвещаша ему апостола: «радуи-ся и ты, угодниче Христовъ Николае». И нача свя-тыи Николае молити святыхъ апостолъ: «ученицы Христовы, молити Спаса Христа и благословите место сіе, да освятится градъ, да вселятся въ немъ православніи люди и во веки поживуть». И отвещаша ему апостола: «но да вкупе съ тобою помолим-ся, угодниче божіи Николае, егда услышитъ насъ Богъ и помилуетъ люди своя». И обратишася на востокъ и помолишася мало, и гласъ приде къ нимъ отъ востока съ небеси, глаголя: «се услышахъ мо-литву вашу; отныне буди благословенна земля сія и градъ сіи, да прославится на семь имя мое, Отца и Сына и Святого Духа». Апостола же и Никола свя-ты обратившеся и благословиша место оно и градъ, и невидими быша. Воинъ же той болныи, видевь и слышавъ сія вся, страхомъ великимъ одержимъ, и возбнувъ отъ виденія, и повеле къ себе отца духов-ного призвати, и поведаша ему вся, еже видевь и слыша, и всемъ ту предстоящимъ воиномъ, самъ же причастився святыхъ таинъ Христа Бога нашего и преставися въ той часъ.

Чюдо второе святого Николы

Инь же воинъ, двора Царева Великого Князя, виде во сне святого Николу, вшедша къ нему въ шатеръ его и возбужающа его отъ сна, глаголя: «востани, человече, и шедъ рцы царю своему, ему же ты служиши, да приступаетъ дерзновенно ко граду, всяко сомненіе отложя, безо всякого страха, не леняся, въ праздникъ Пресвятыя Богородица, честнаго ея Покрова: Богъ ему предаеть градъ сеи и противныя ему Срацины. Азь бо есмь Николае, Мирскіи святитель, и возвещаю ти сія». Тои же боляринъ убудився отъ сна своего, и мняше сонъ зримое, а не истинно виденіе, и мечта ни помышляя, и умолча, никому же того поведя того дне. Во фторуую же ночь и паки тому же христолюбивому мужю явися святы Николае и зъ запрещеніемъ рече ему: «не мни, человече, яко ложъ виденіе се, но истину ти глаголю: «воставъ скоро првеждь, яже ти преже возвестихъ». Онъ же воставъ и текъ и поведя самодержцу своему.

Чюдо третье преподобнаго Сергея чудотворца

Иниі же воины, благочестивиіи человецы, видеша себе во сне во граде Казани, ту же во граде старца видеша въ ветхихъ ризахъ чернеческихъ ходяща, браду же велію, густу, седу, не велми же долгу имущу, градъ и улицы и храмины самому метущи; и нецы ту светліи юноши предстояще глаголюще ему: «како, святы Сергеи, самъ сія твориши? Повели убо сія иному измести».

И рече имъ святы, яко «азъ убо самъ измету ихъ, заутра бо у мене многія гости будутъ zde, велицы, силныи, и богати, и убози». По взятіи же града отъ многихъ нечистыхъ Казанцовъ известно про святого уведано бысть, како варвари они по многи дни и нощи видяху его, яве по граду ходящу, и градъ крестомъ осеняющи, и метуща, яко же преже написано бысть о немъ. И таковая вся благочестивому царю возвестиша. Онъ же заповеда никому же сихъ чудесь поведати, дондеже на немъ милость Божія совершится; самъ же безъ престани въ таине Бога моляше: «ты убо, премилостивы Господи, Исусе Христе, Сыне Божіи, таковая вся веси и насъ, рабъ своихъ, помилуй по велицеи милости твоей».

**О злобе Казанцовъ,
и о последнемъ послани къ нимъ
Царя и Великого Князя, и о милосерди его**

Они же, немилостивіи, зліи, отрицаху ихъ отъ себя прочь, и не слушаху ихъ; ни приклонишася, окоянни, къ горкимъ слезамъ родителей своихъ, и милыхъ женъ не миловаше и малыхъ детеи своихъ, но окаменишася сердца ихъ непокорствомъ, и ожесточившася железныя выи ихъ; не смиреніемъ, наполнены бо суть злобы ихъ, и лукавства, и всякія неправды, и мнящеся быти, и объюродеша, ослепи бо ихъ злоба, и лукавство ихъ, и, яко хотеша и рекоша, тако сотвориша, и напрасно вдругъ исчезнуша за беззаконіе свое, яко Египтяне; онехъ бо море потопи, сихъ же оружіе пояде, и во своей крови потопишася, и спяти быша и падоша, и поразишася неисцелною язвою смертною, и отечества своего и свободы и славы испадоша, и вся-

кого бдагоденства и господствія лишашася, и быша пленницы и раби. Царь же Князь Великіи, видевь женъ и девиць по стенамъ града ходящихъ, и не веле стрелцомъ стреляти ихъ, да поне мало при кончине своей повеселятся. Мнози же отъ вои Рускихъ жалостивіи прослезисаша, зряще ихъ, и дивящеся немилосердію ихъ при кончине къ женамъ и къ чадомъ своимъ. Посылаше Царь Князь Великіи до седмижды хъ Казанцомъ послы своя, самъ ходя съ ними, и речи слушаая, таяся аки воинъ, а не царь, въ простыхъ одеждахъ; овогда же прежнихъ князеи Казанскихъ посылаше глаголати къ нимъ милосердіе свое, да примолвять и увещають ихъ всяко, яко своеземцовъ и сродниковъ, глаголюще речъ сію отъ него: «о непокоривіи и жестосердіи людіе Казанстіи, не видите ли сами всея ваша земля запустенія, и остроговъ взятія, а въ нихъ многихъ людей Черемисы ваша племяни, и знаемыхъ вашихъ побіеніи отъ человека и до скота, кроме единехъ васъ, аки въ темнице сидящихъ во граде своемъ? Вемъ бо, яко храбри есте собою и надеетесь не на Бога, но на храбрость свою, и на крепость града своего, и на уготовленную свою кормлю многую; но не удержатъ васъ ныне, яко же вижю, ни железныя стены, ни огненная сила, и не можете Божія гнева ни подъ землею укрытися. Богу, мя пославшу погубити васъ, многого ради моего терпенія отъ васъ: и что Богу противитесь? Азь бо милую, и желею, и тужу о всехъ васъ, и о родителехъ вашихъ старыхъ, и о красныхъ женахъ, и о детехъ младыхъ, вчюже пришедеъ, иноязычникъ сы: тако же вы, окоянни и беззаконніи челоуцы, не смилитесь ко утробамъ вашимъ, или кто тако не любитъ женъ и не слушаеъ родители своихъ, яко же и вы? Помилуйте поне малыя своя детца, и дщеря красныя,

и жены своя любимая, и техъ ради не погубляйте себе напрасно, и крови не проливайте нашія же и своя, да живи будете, честь и дары великія отъ мене приимете, и, въ царстве нашемъ, любви всегда будете у насъ; и отъ сего дни къ тому гнева моего и прещенія не боитесь. И кленуся вамъ самъ, яко любо есть вамъ, живъ Господь Богъ мой, яко не имамъ ни единого же погубити васъ, ни мала, ни велика, и не мщю никому же, но паче любити учну стоящихъ крепко за себе; не срамъ бо есть вамъ покоритися болшимъ себе, намъ; и аще не покоритесь ми часа сего, то уже все при конце есть, и узрите вскоре збывшее слово мое, и азъ о семь буду безъ вины отъ Бога моего. А вашъ лживы пророкъ Махметъ не поможетъ вамъ ничемъ же, ныне же въ него веруете зле прелстившеся и не познавъше истинного Бога.

**О безстрашии, и о роптаніи Казанцовъ,
и о укреплении межъ собою**

Казанцы же никако послушаху, но и умирающе грозяху, и спротиву сего воздати ему хотяше: «аще мало послабиша намъ; или десятижды хочещи слышати отъ насъ», глаголаху: «ни даровъ твоихъ хочемъ пріяти, нижи прещенія страшимся, ни страха твоего боимся. И что прелщаеши насъ словесы твоими лукавыми? Твори почто пришелъ еси. Аще мы къ тебе собравшеся тако силны пришли, то всю бы землю твою отъ конца до конца попленили бы, яко же и нашу ты попленилъ еси, и грады бы твоя вся до основанія разорили, и не бы тебе дали тако много вещати что ли и мало помедлити». И укрепляхуся между собою гла-

голюще: «не убоимся, о храбрія Казанцы, страха и прещенія Московского и многія его силы Рускія, аки моря бьющагося о камень волнами и аки великого леса шумяща напрасно, великъ имуще градъ нашъ, твердъ и великъ, ему же стены высоки и врата железна, и люди въ немъ удалы велми, и запасу много, и доволенъ стати на десять летъ въ прекормленіе намъ; и да не будемъ отметницы добрѣя нашея веры Срацынскія и не пощадимъ пролити крови своея, да ведоми не поидемъ въ пленъ работати иновернымъ на чюжей земле, христьяномъ, по роду меншимъ насъ, и укратшимъ благословеніе».

О гневѣ и ярости Царя и Великого Князя на Казанцовъ

И виде Царь Князь Великіи никако же покоряющися ему Казанцевъ, къ сему же и грозящихъ еще, и возвиже пламень ярости своея изъ глубокого сердца своего, яко левъ рыканіе страшно испусти. Избираетъ изо всехъ полковъ юношъ свирипосердыхъ и крепкооружныхъ, полкъ великъ 100 000 силныхъ бойцовъ, уготавлиетъ техъ пешихъ къ приступу града, овехъ съ огненнымъ стреляніемъ, овехъ съ копи и мечи, овехъ съ секиры, и съ мотыки, и съ лествицы, и багры, и со многоразличными хитростми градоемными, да преже всехъ полковъ поспешитъ избранныи той полкъ и на градъ злоряостне нападетъ со устремленіемъ сильнымъ; воеводъ же устави полка того князя Михаила Глинского, другаго же воеводу князя Александра Воротынского, оба же те воеводы храбры и силны. И уготовивъ полкъ той, стояти веле и ждати време,

всему же воинству отъ града отступити повеле, яко до поприща единого и бываемыхъ на готово стоя смотрити, и весь нарядъ стенобитный и пушки и пищали отдвигнути и места очистити, и егда учнетъ Богъ избранному полку помогати, тогда же темъ полкомъ всемъ на то же дело поскорити, и повелеваетъ хитрецомъ во глубокия рвы, въ подкопныя, подь крепкия стены Казанскія бочки со огненнымъ зеліемъ подкачивати. Бе бо тогда день той суботны, праздникъ же владычице наша Богородицы, честнаго ея Покрова. И уже дни суботному мимошедшу, осветающи же дни преславному Христову воскресенію, вонже всемирная радость, на память святыхъ великомученикъ Кипріяна и Устиньи, у себя же Царь Князь Великіи рано воставъ заутра, до зори, въ церкви повеле прозвистеромъ своимъ певцемъ заутренняя пенія сотворити, по отпеніи же заутреніи въ той же часъ и молебная пети повеле ко Господу нашему Иисусу Христу и ко Пречистой Богородицы и ко всемъ святымъ небеснымъ силамъ и великимъ чюдотворцомъ Рускимъ и всемъ святымъ, и на солнечномъ восходе литоргею служити; непрестанно же самъ о землю меташеся, и главою біяшеся, и въ перси своя часто руками ударяше, и захлипашеся, и слезами весь обливашеся. Съ нимъ же и вся земля Руская испусти вопли безгласны ко всесилному Богу, исполняема неповинными кровми: «да не воше будутъ труды его и великіи подвигъ подъятія его, и да не возвратится второе самъ пришедъ и посрамлень отъ града Казани, и да не будетъ въ последни смехъ во уничиженіе Казанцомъ и всемъ окрестнымъ врагомъ его, живущимъ около державы его, и да не будетъ лишень отъ желанія своего. И отверзи очи свои, Боже, види злобу поганыхъ вар-

варь, и ущедри закланія рабъ своихъ, и судъ издаси на окоянныхъ горекъ, яко же они воздаша вернымъ людемъ Рускимъ». И отпевши молебная, и литоргею прозвистеромъ его служившимъ, и покаявся онъ у духовнаго отца своего, и причастився пречистаго тела и животворящая крови Христа Бога нашего, тако же и вси князи и воеводы и воины мнози въ станехъ поновившеся у отцехъ своихъ духовныхъ, причастишася пречистыхъ Христовыхъ таинъ, и приготовишася чисти къ подвигу смертному приступите.

Моленіе и ученіе къ воемъ своимъ Царя и Великого Князя

И тогда благоверны Царь вседъ на велики конь свои и поеха по всемъ полкомъ своимъ и по станомъ, моля и наказуя воеводъ своихъ и воя вся, съ плачемъ горкимъ, кланялся имъ до златыя стремени ноги своея: «братіе и господіе мои, князи и воеводы, и вси, мали и велицы, Руская чада, ныне приспе намъ время добро показати победа на противныхъ нашихъ, за непокорство ихъ, и несмиреніе, и за великую злобу, и неправду. Подщитесь подвигнутися за обиды своя на нихъ, на славу мне, себе же на похвалу велику, и послужите Богу и намъ всею крепостію вашею, и постражите за церкви святыя и за все православіе наше, явите мужство свое и на память роду нашему по насъ; да убитые ныне отъ Казанцовъ съ мученики венцы пріимуть на небесехъ Христа Бога нашего, и напишутся имяна ихъ у насъ во вседневныя сенаники вечныя, поминаеми будутъ по вся дни въ святыхъ соборехъ церковныхъ, отъ митрополитъ и епискуповъ и поповъ, на литіяхъ,

и на понахидахъ, и на литоргеяхъ; вы же, сохраненны Богомъ и не убиты отъ поганыхъ zde, отъ мене примете честь и дарове и похваленіе велико». Князи же и воеводы, слышавше, и все вои, отъ самодержца своего умилная словеса его, и воскликнуша великими гласы, со слезами, и дерзостни быша вси и рекоша: «ради есмь и се готови, о самодержце велики, всемъ сердцемъ подвизатися вседушевно, елико поможетъ Богъ, и класти главы наша нелестно, за веру христьянскую, и за вся люди Рускія, и за тебя, Царя нашего, умрети; а со срамомъ съ тобою живы во своя не возвратимся великого твоего ради попеченія, еже стражеши за вся люди своя, и нашихъ ради частыхъ трудовъ, хожденіемъ всегдашнимъ хъ Казани».

О зажженіи въ ровехъ зелія, и о веселіи Казанцовъ, и о молбе, и о жертве ихъ

Наказа же крепко всемъ княземъ и воеводамъ и полконачалникомъ, да готови будутъ все часа того къ приступу, егда возгласятъ ратныя трубы, и пешцы и конники въ пансыряхъ и въ доспесехъ одеянии, и да брежетъ и учить киждо ихъ полка своего, и принужаетъ къ брани крепко и мужественно и неподвижно стояти. И объехавъ все полки своя и, яко отъ Бога извещеніе приемъ, и повелеваетъ хитрецомъ подъ крепкими стенами во рвехъ глубокихъ зажигати свирепое зеліе огненное; самъ же въ станъ свои приехавъ и паки на молитву къ Богу обратиться со слезами; стояше, весь вооруженъ въ златыя браня, въ рекомы калантырь, и готовъ на подвигъ, и ожидая милости Божія, поющимъ у него безпрестани священникомъ

и дьякономъ молебны. Казанцы же видевше изо стрелницъ и со стень града своего, яко отступиша отъ града тмочисленная воя Руская бе же Казанцовъ на стенахъ града 20 000, иже брань творяху, преме-няющесе, съ вои Рускими и сказаша царю своему отступление Московского Царя, и заповеда Царь мол-бы творити, аки не хотя, новому сеиту Казанскому, и моламъ и азифомъ и дербышомъ, по всему граду Казанію людемъ всемъ, мужемъ и женамъ со младен-цы ихъ; и жертву приносить скверному Махметю, яко избавльшему градъ ихъ отъ таковыя несказанныя силы Рускія. Царь же и велможи Казанскія жребца и юнца тучныя приводяше закалаху на жертву, про-стая же чадъ, убозіи людіе, овца и куры и птица при-носяши закалаху, и радоватися и веселитися почаша, лики творяше, и прелесныя песни поюще, плещуще руками, и скачущи, и пляшуще, играючи въ гусли своя, и въ прегудница ударяючи, и грохотаніе велико творяще, и поносы и смехъ и укоризны велики даю-щи Рускимъ людемъ воемъ, и погаными свинойдцы называюще ихъ. Царь Казанскіи весель бысть и не-весель, чуяша бо сердце его, и по сномъ разсужаше себе, и по всему познаваше взяту быти граду. Мня-ху бо поганни Казанцы, яко Царь великіи безделенъ вспять возвратися, яко и преже сего за два лета при-ходилъ бе къ нимъ и не отъ истины, и не тако силно и грозно нарядяся, но яко пострашая имъ, и претя, и грозя, да престануть отъ злобы своя, да живутъ въ сумежницахъ по суседству, не обидяща его и отоиде прочь и не учинивъ имъ конечныя победы; не ведеху бо, безумніи, скончанія своего, что имъ уже приспе во дне горкіи часъ, и приближися къ вечеру день ко-нечныя погібели ихъ.

О страше огня, и о разрушени стенъ, и погибели Казанцовъ

И егда зажжено бысть огненное зелье въ ровехъ, священнику же чтущи на молебне святое евангеліе и конецъ того возгласившу: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь», и аки друга верна съ темъ во едино дело согласистася, въ тои часъ абіе возгреме земля, яко вели громъ, и потрясеса место все, идеже стояша градъ, и позыбахуся стены градныя, и вмале весь градъ не паде отъ основанія. И вышедъ исподъ градныхъ пещерь, и соидесь во едино место, и возвысися пламень огня до облакъ, шумящъ, и клокочющи, аки некія великія реки силныи, прахъ, яко и Рускимъ во емъ инемъ смятися отъ страха и далечъ отъ града бжати, и прорва крепкія стены градныя, прясло едино, а въ другомъ же месте, отъ Булака саженеи зъ десятокъ, и таиникъ подня, и понесе на высоту великое дровіе, на высоту съ людми, яко сено и прахъ ветромъ, и относя чрезъ воя Рускія, и меташе въ лесе и на поле далече, за 10 верстъ и 20 верстъ, идеже несть Рускихъ люди и Божіимъ бреженіемъ не уби дровемъ темъ великимъ ни единого же Русина. Бывши же на стенахъ погани, поносы и укоризни дающе Рускимъ во емъ, и вси безъ вести погибоша; овіе дровіимъ и дымомъ подави, овехъ же огонь пояде, а иже внутрь во граде Казанцы, мужи и жены, отъ страха сильного грянутія омертвеша, и падоша ницы на землю, чающе подъ собою земли погрязнути, или яко Содомскіи огонь съ небеси сошедше попалити ихъ; и быша аки мышцы безгласни, другъ на друга зряще, яко изумленны, и ничто же другъ ко

другу своему провешати могуще, и долго лежавше и очнеша отъ страха того, и смутишася, и подвизашася яко пьяни. И вся хитрость ихъ и разное уменіе ихъ поглощено бысть Христовою благодатию, и обратися имъ вместо смеха плачь, и въ веселію место жалость, и въ гуслии место и прегудница и плясанія другъ друга объемяща плакати и рыдати неутешно.

Ополченіе и победа Московскихъ воеводъ на Казанцовъ

Видевше же се воеводы великого полка, яко прииде имъ уже помощь Божія, и наполнишася духа храбра, и вострубиша воя ихъ въ ратныя трубы и въ сурны во многія, и удариша въ накры, вестъ подающе и протчимъ полкомъ всемъ, да готовятся скоро. Царь же Князь Великіи, вземъ благословеніе и прощеніе отъ духовнаго отца своего, мужа добродетелна, Андрея именовемъ, и аки пардусъ ярости наполнився бранныя, и вседь на избранныи свои конь съ мечемъ своимъ, и скача вопіяше воеводамъ мечемъ маша: «что долго стоите безделны? Се приспе время потружатися малъ часъ и обрести вечную славу», и хотеша въ ярости дерзнути съ воеводами самъ итти къ приступу въ велицемъ полце и собою дати храбрости начало всемъ, но удержаша воеводы нудма, и воли ему не даша, да не грехъ кои случится, и отведоша въ станъ его, и увещеваючи его тихими словесы: «тебе убо, о Царю, спасти себе и насъ; аще бо мы все избъени будемъ, а ты будеши здоровъ, то намъ будетъ честь и слава и похвала во всехъ земляхъ, и останутся у тебя сынове наши и внучата и сродники, то и паки вместо насъ

будутъ безъ числа служащихъ ти; аще ли же мы все спасемъ и тебе единого самодержца изгубимъ, такая намъ будетъ слава и похвала, но студи, и срамъ, и поношеніе во языцехъ, и уничиженіе вечно, и останемъ аки овечная стада, въ пустыняхъ и въ горахъ блудяще, снедаемы отъ волкъ и не имущи пастыря». Онъ же пришедъ во умъ свои отъ ярости зелныя, и позна, яко не добро есть безумное дерзновеніе, и пусти ко граду впреди великии полкъ, пешихъ оруженниковъ за великими щитами деревянными, по 30 человекъ, ко всемъ вратомъ, и туры подвинути ко стенамъ граднымъ блиско, до толика, яко воемъ взыти съ нихъ на стены проломныя, а царевичевъ Астороханскихъ съ Татары, за теми же воинство все, но и еще полкомъ всемъ не веле поспешити, да не угнетенія ради и тесненія у града паденіи людемъ будетъ веліе. Самъ же отъехавъ зъ братомъ своимъ, со княземъ Владимеромъ, и со царемъ Шигалеемъ, и стояше, и смотряше издалеча бывающаго. Воеводы же съ пешцы ко граду приступльше и единомъ часомъ мало трудни диверы врата града изломиша, и во градъ внидоша, и путь всюде сотвориша всему Рускому воинству, и самодержцово знамя вознесше на граде поставиша, христьянское победителство на поганыхъ являючи всемъ; и вдругъ съ теми царевичи поспешиста въ проломы, съ полки своими варварскими, внидоша во градъ, полыми месты, въ мегновени ока, безбранно, и обои тя отъ возгоренія градъ отняша, и угасиша силу огненную. Казанцы бо еще во страсти мятущимся, и не ведающимъ себе, и ума не собравшимъ, протчіе же воеводы стоящи, и времени ожидаючи, и видевьше огонь угасше, по аеру ветромъ разносимъ, и вои Рускихъ скачущихъ, и бьющихся съ Казанцы, за руки

имаяся, и двигнушася отъ шесть своихъ съ полки своими, киждо ихъ где стояху, съ воплемъ крепкимъ, и приидоша во градъ на конехъ своихъ, яко грозныя тучи съ великимъ громомъ, ліющесе со всехъ странъ, аки сильная вода, во все врата, и въ проломы, съ обнаженными копіи и съ мечи, другъ друга поникающе, и вопіюще: «дерзайте, не боитесь, о друзи и братія, и поспешите на дело Божіе; се Христось невидимо помогаетъ намъ». И не удержаша ихъ ни реки, ни глубокія рвы и вся крепость Казанская, но яко птица чрезъ ихъ прелетаху, и ко граду припадаху, и прилипаху. И аще не Господь сохранить градъ, то всеубдя стреги его. Пешцы же, лествица тмочисленная приставляющи ко стенамъ граду, полезоша неудержанно, ови же, яко птица или векшица, прилепляющися, яко ногти, железными багры всюду ко стенамъ возлозяху, и на гради біяху Казанцовъ, Казанцы же со стень градныхъ кидяху на землю. И смерть свою предъ очима своима видяше, и лучше живота смерть вменияху, яко не лестно за законъ свои и за отечество и за градъ свои пострадаша. Съ некихъ же Казанцовъ сниде смертный страхъ, и охрабришася, сташа во вратехъ града и у полыхъ мечь, сняшася съ Русью, и съ Татары смешася сечемъ великимъ, съ прежними же и зъ задними, иже кои во граде, и крепце сецахуся, яко звери дивіи рыкающе. И страшно бо видети обоихъ храбрости и мужества: ови во градъ влести хотяху, ови же пустити не хотяше, и отчаявше живота своего и силно біяхуся, и неотступно рекуще въ себе, яко одинако же умрете естъ намъ. И спрескотаху копія, и сулицы, и мечи въ рукахъ ихъ и, яко громъ сильень, гласъ и кричаніе отъ обоихъ вои гремьяше. И ту въ Муралевыхъ вратехъ язвиша Казанцы храброго вое-

воду князя Семіона Микулинского ранами многими, но не смертными, и по малехъ днехъ исцелиша его врачеве, и здрава сотвориша, не на много время, яко преже написахъ о немъ брата же его, князя Дмитрея, ись пушки со стены убиша, и похвативше слуги его, и отомчаша мертва въ шатерь его, и вои его паде съ нимъ 3000. И мало бившеса и потопташа Казанцовъ Русь, и вогнаша ихъ въ улицы града, біюще, и сецаху Казанцовъ, не зело много имъ, не успевающимъ скакати по всемъ местомъ граду, всюду вратъ и проломовъ бреши, и битися со всеми не могущимъ, яко уже полонъ градъ Руси, аки мышца насыпано; и тако бегающе біяхуся, и на бои ставляхуся многажды, и воздержеваху многихъ преднихъ немнози, и силныхъ убиваху несилны, донележе создаи Русь приспевши и побиваху ихъ; ини же вбегаху въ дома своя и запирахуся во храминахъ, и біяхуся оттоле. Но не можетъ малъ пламень много удержати, противитися велицей воде гашенію, но скоро угасаетъ, и ни малая прудина — великія реки быстрины, сиче же ни Казанцы много стояти противу толикого множества Рускихъ вои, и паче же рещи Божія помощи.

Плачь и уничиженіе къ себе Казанцовъ и убіеніе князя Чапкуна

И начаша бегати Казанцы сюду и сюду по улицамъ граднымъ, яко буря, морская вода ветромъ же носима, обрываючи съ себя пансыри и доспехи, и мечюще изъ рукъ своихъ оружія своя, и клячющи, и ревуци горкими гласи, вопіюще сами къ собе, мужи и жены, отроки и отроковицы, своимъ языкомъ варварскимъ: «о

люте намъ», глаголюще: «уже бо время смерти нашае приближися днесъ. И что сотворимъ? Уже бо постиже насъ неизбытны конецъ и въ правду погибаемъ, не повинувшеся. О како изнемогоша крепцы нашіе люди, иже несть было таковыхъ ни во всехъ земляхъ! О како падоша силныи Казанцы отъ Рускихъ люди, иже ни зрети колико можаху преже сего, противитися намъ: и ныне видимъ себе, аки прахъ валящихся подъ ногами ихъ, погибающая надежда наша; и днесъ мимо иде добраго житія нашего и заиде красное солнце ото очію нашаю, и светъ померче. О горы покроите насъ! О земле мати, развигни уста своя ныне скоро, пожри насъ чадъ своихъ живыхъ, да не видимъ горкія смерти сія внезапу, со единого пришедшія вдругъ на всехъ насъ! Бежимъ, бежимъ, Казанцы, да не умремъ!»! Отвещеваху же ини: «камо протчее бежимъ, яко тесень есть градъ, или где есть ныне сокроемся отъ злыя Руси? Придоша бо къ намъ гости немалыя и наливають намъ пити горкую чашу смертную, ею же мы иногда часто черпахомъ имъ, отъ нихъ же ныне сами тая же горкія питія смертныя неволею испиваемъ. И кровь ихъ изліяся на насъ и на чада наша. И где есть ныне врагъ нашъ, злодеи, князь силныи Чапкунъ? Вместо живота смерть на насъ всеконечную наведе. И въ коеи полате со царемъ нашимъ и съ велможами Казанскими сидеть, думаетъ о Казани? Или еще пьеть черлено вино и меды сладкія и веселится, приємля дары отъ царя, и почести отъ друговъ своихъ велможъ, или съ красными своими женами спить еще долго утра? Или храбръствуетъ, единъ хочетъ удержати Казань за многихъ людей? Удержа царство, пугубле, и мняся крепко стояти, возмущая народомъ всемъ и велможами всеми, владуя, яко премудръ творяшеся, и царя не слушаше.

Горе намъ буимъ, послушавше злаго совета его! И се исчезаемъ днесъ совета его ради вси». И текша воини свои ему разсекоша его мечи на части, глаголющи: «умри съ нами, безумныи лесче и душегубны, и прилагатаю, и окоянны пагубниче, и лукавы смущениче, замутивъ Казанью всею. Увы намъ отъ тебе, увы иже и тебе, лживый псе, нечистый. Горе, горе намъ! Лучше было намъ послушати царя своего, отецъ и матери своихъ, и женъ и дети слезъ и плача не презрете, и Царя Московьского съ веселіемъ и радостію въ первы день прихода его встретити изшедши зъ женами нашими и зъ детми, да предатися ему, да токмо живи были вси и красны светъ вси видели, и работали бы ему съ великою правдою и верою». Ови же отъ нихъ, жалостне рыдающе, на воздухъ гласъ воспущаху.

Моленіе и смиреніе Казанцовъ

«Милостивъ буди намъ», вопіяху, «самодержче Московскіи, и прости намъ всего нашего зла и беззаконія нашего, и не помяни, много бо лукавствахомъ, и неправды творихомъ отцы наши ко твоему отцу, и деды наши и прадеды къ дедомъ твоимъ и къ прадедомъ, тако же и мы ныне къ тебе и болша сихъ, докуду бо ростяша ты; и тогда тебе многа зла сотворихомъ, пленяше и губяше землю твою, во свою волю, отъ единого сы изменами и лесцы полаты твоя, всегда норовящихъ намъ, и емлющи оттого у нас дары великіи; потому же и супротивихомся тебе много, и лстяхомъ, и лъгахомъ по ихъ наученію, и служити волею своею и поработатися не хотехомъ тебе, тако сущу и велику царю и богату, ему же мно-

го царства и земли подлежахуть безчисленны, дани приносяще, и князи и самодержавии работаютъ ему, и волнии цари служатъ, повинувшися, паче многихъ цареи славою и силою и богатствомъ превосходящему, ему же точныхъ во вселенней не обретаются, мы же ныне самоволіемъ слушавше князя Чапкуна, твоего же милосердія не послушавше, и се ныне преклоняемъ выя своя подо оружія вои твоихъ, и погубляемъ безвременне и лишаемся всеу живота нашего и красного света сего избываемъ, умирающе не по закону нашему, нази ложащися безчисленно, поругаеми предъ очима твоихъ людеи, непогребаети въ землю. И что много речемъ? По истине бо и по правде твоеи погибаемъ вси мы отъ тебе, самодержце великіи, за високоуміе наше, и безверіе, и лукавствіе, и злобу. Когда бо ты родись отъ матери твоея, мы о тебе осмотрихомъ тогда, и погибель свою узнахомъ, и волхвы наши преже роженія твоего поведаху намъ, яко хочетъ родитися на Руси царь силенъ, и возматетъ многими странами и царства многія поплентитъ и смиритъ, и одолеетъ иноязычнымъ землямъ, и грады ихъ пріиметъ, и озлобитъ, и никто же отъ цареи нашихъ Срацынскихъ и королеи Латынскихъ возможетъ противитися ему, аще же и постоитъ, но побежденіи будутъ; иматъ же и наше царство взяти, и насъ всехъ погубити огнемъ и мечемъ; но злымъ обычаемъ нашимъ прегордымъ отъ сродства своего одержими еси, и не хотехомъ преже смерти нашея смиритися съ тобою и повинутися тебе и слышати неволники твои и раби. Правда и милость великая и многое терпеніе твое и великое смиреніе, еже къ намъ, и къ Богу твоему вера твоя и непрестанная молба преможе и погуби насъ. Ныне же, самодержче великіи, да буди царствуя по

насъ и владея Казанью мирне и много летъ и во веки царствуя». И плакаху Казанцы плачемъ великимъ, раздирающе въ тугахъ на себе ризы своя, и обнимающи отцы сыновъ своихъ, матери же чадъ своихъ, и проливающи слезы горкія. «Увы», вопіяху, «пагубы различныя нашеи отъ васъ. Не молихомъ ли отъ васъ, чадъ, не плакахомъ ли: помилуйте старости наша со юностію вашею, и сосецъ воздоивъшихъ васъ устыдитесь, и несть въ васъ милующихъ насъ, не слушающихъ, и не збысть ли ся сіе»? Слышаху же отъ Рускихъ вои мнози умилная въ рыдани словеса мужъ и женъ Казанскихъ, знаючи языку ихъ. И покивающи главами своими плеваху, и проклинаху мирская зачатія ихъ зміная и аспидова роженія. И донесошася плачеве, жалостныя речи Казанцовъ во уши самодержчевы. И еще милостивая утроба сердцемъ своимъ пожале о нихъ, забывъ злобы ихъ и неправды, и повеле воеводамъ, да молвятъ сотникомъ и тысящникомъ, да уимуть отъ сеча, и не бе ихъ мошно уняти, ни ярости воинства утолити, быша бо имъ злее Казанцовъ, паче огня и всеядца и меча обоюдоуостра, и вся болезни и горкія смерти горчаеши; и повелевающихъ отъ брани престати мнози своихъ язвиша до смерти. Русти же вои состизающи Казанцовъ немилостиво мечи своими и секирами отсекаху, и копіями и сулицами прободаху сквозь, и резаху аки свинеи нещадно, и кровь ихъ по улицамъ течаше. И вбегоша въ вышградъ, и не успеха въ немъ затворитися, та же и царевъ дворъ и въ полаты его. Біяхуся нещадно съ Русью, каменемъ и дреколемъ и цками покровными, яко во тме шатающися, и сами убивающесе, и живы въ руки не дающесе взяти. И скоро побеждени бываху Казанцы, яко трава посецахуся.

О падени храбрыхъ Казанцовъ

Техъ же досталныхъ Казанцовъ 3000 окопившеся храбрыхъ, и плакавше и целовавъшеся со оставльшимися, и молвяше къ себе: «выедемъ исъ тесноты сея на поле, и сецемся съ Русью на месте роце, дондеже изомремъ или убегше животь получимъ», и вседше на коня своя и прорвашася во врата царевы за Казань реку, и надеющися на крепость рукъ своихъ и хотяше пробитися сквозе Рускихъ полковъ, убежати въ Нагаи; и скочиша аки зверіе во осоку, и ту ихъ окружи Руская сила вместо согнетенія, и осыпаша ихъ аки пчела, не дадуци прозрети стоя бо ту на поле два воеводы противу царевыхъ вратъ, князь Петръ Щенятевъ, князь Иванъ Пронской Тарантаи. И много секъшеся Казанцы, и многихъ вои Рускихъ убиша, и сами ту же умроша, храбрыя, похвално на земле своеи. Како бо можаху Казанцы съ такими и Рускими силами многими, яко быти на единого Казанца Русиновъ пятьдесятъ. Русти же вои быстро, яко орли и ястреби гладніи на нырищи полетоваху, и скачащи, яко елени, по горамъ и по стогнамъ града, и рыстаху, яко зверіе, по пустынямъ, семо и авамо, и яко лвы рыкаху возхитити лова ищущи Казанцовъ, въ домехъ и во храминахъ и въ погребяхъ, и въ ямахъ сокрывающихся, и где аще обретаху Казанца, стара или юношу или средолетного, и ту вскоре того оружіемъ своимъ смерти предаваху; отроки же токмо младыя и красныя жены и девица соблюдаху и не убиваху повеленіемъ самодержца, что много моляху и мужеи своихъ предатися ему. И бе видети, яко высокія горы,

громады же великія побитыхъ Казанцовъ лежащихъ, яко внутри града зъ градными стенами сравниться, и во вратехъ же градныхъ, и въ проломехъ, и за градомъ во рвехъ, и въ потоцехъ, и въ кладезяхъ, и по Казани реки, и по-за Булаку, и по лугомъ безчисленно мертвыхъ бысть, яко силному коню не могущу долго скакати по трупію мертвыхъ Казанцовъ, но вседати воиномъ на иныя коня и пременяться; реки же по всему граду крови ихъ пролишася, и потоцы горящихъ слезъ протекоша, и, яко великія лужа дождевыя воды, кровь стояша по низкимъ местомъ и очерленеваше землю, яко и реченнымъ водамъ съ кровію смеситися, и не можаху людіе изъ рекъ по 7 дней пити воды, конемъ же и людемъ въ крови до колена бродити. И бысть сеча та великая ото утра перваго часа и до десятого.

О сече и о взятіи плена и богатства Казанского

Глаголаша бо нецы после плененія Казанцы, умеюще грамоте своей, варварскимъ вопрошающимъ у нихъ въ беседе Рускимъ людемъ о сече Казанской, и отвещеваху имъ, яко много есть было въ Казани сечеи и боевъ великихъ, а такова сеча и бои не бысть никогда же, отъ когда и почася быти царство Казанское. «И ни отъ прадедъ своихъ слышахомъ, ни писанія же наша имеютъ сицовыхъ; и збысться отъ Рускихъ людеи всегда о Казани глаголюще слово, яко мечемъ и на крови зачася Казань, тако же и скончается мечемъ и кровію, яко же и збысться ему ныне же, преизлихованному неправда-

ми, преже злобами всяческими кипящему». Блаженъ благоверны нашъ царь, иже воздасть ему воздаянія его, еже по премногу времени воздаваше намъ. Блажени вои Рустіи, до велика разбивъшія и скверныя младенца его о камень. Вои же Русти, избираючи великородныхъ Казанцовъ малыя дети и отроки, и красныя отроковицы и жены доброличная богатыхъ и добродородныхъ мужей, въ пленъ взяша многихъ, и овехъ себе въ работу сведоша, овехъ же крестиша, въ жены себе пояша, отроки же и отроковицы въ сыны и во дщеря место держаша, паче имуще своихъ чадъ; взяша же безчисленная множества злата, и сребра, и жемчюгу, и камня драгаго, и светлыхъ портищъ златыхъ, и красныхъ поволокъ драгихъ, и сосудовъ серебряныхъ и златыхъ и всяцехъ, имъ же несть числа. Киждо человекъ что требоваше и можаше, и то взимаше себе на требованіе; и силніи воины межъ себя бьющися отъ несильныхъ отнимаху, раны возлагающе на ся о богатестве томъ. О зависти сребролюбія, несытыи аде, отданіемъ равне всемъ богатство отъ Бога! Другъ друга убиваше, мнози же тогда убози вои, кои взимающе и грабящися, вси въ земли сокровенная сокровища великая обретаючи, обогатеша до века своего Казанскимъ богатствомъ, и наполнишася всякого узорочья до воля своя, яко сыновомъ и внукомъ ихъ и по последнему роду ихъ остася то богатство, и къ тому не пещися о нужныхъ потребъ же домашнихъ, но веселитися всегда зъ женами своими и зъ детми, яко мало дни потрудивъшися и на долго время обогатевша; и все богатство Руское и всякія драгія узорочья и паки въспясть обратишася Рускимъ людемъ, еже издавна Казанцы воеваніемъ себе собращася.

О зыманіи Казанского царя и о прилогатае Московскомъ

Некіи же юноша воинъ, княжеи отрокъ, оружіе наго держа въ рукахъ своихъ, кровію варварскою красеющуся, и потече съ воины, съ четою своею, въ мерское светлице Махметево и въ мечеть цареву, идеже умершихъ нечестивыхъ цареи Казанскихъ скверная и гнилая и мотылная и смрадная телеса погребяхуся, чая тамо некое себе налести богаство, еже и не бысть; и разби оружіемъ своимъ двери мечетныя, и влезъ въ ню, и погляда сюду и всюду, и виде по стенамъ златотканная запоны на царскихъ гробехъ, усажены жемчюгомъ и каменіемъ драгимъ, по едину же страну храма того до верха наставлено великихъ ларцовъ и крабіи съ рухломъ драгимъ Казанскихъ велможъ, по другои же стране женъ красныхъ и девиць до 1000, угнетающихся, во одеяни красномъ, и въ повояхъ златыхъ, и среди мечети самого царя Казанского, въ желе, вечныхъ и въ худыхъ ризахъ одеянна, не на царскомъ месте златомъ, но на земли сидяща, на ковре, сетующа и плачюща, и прахомъ главу свою посыпану имущу, и скверному молитву по закону своему творяща, и хранящася смертнаго ради страха, да не познанъ будетъ отъ Рускихъ вои, яко царь есть, и некако прелукаве ихъ неизыманъ ношцію убежати у нихъ изъ града, и 12 ереи нечестивыхъ предъ нимъ на земли же ницаху, и молитву же творяху, и около царя 30 князеи вооруженныхъ стояху. Воинъ же той Русинъ остави то все въ мечете грабити, со инеми же доскочи на царя, а иныя на жены устремившася, и хоте оружіемъ своимъ поразити, всехъ смер-

ти предати, не ведая, что царь есть, убогія ради приправы его, еже на немъ; сверже бо съ себе царь драгія ризы, познатія дея воинскія одежда совлечеса, но не утаится въ кале многоценны бисерь. Князи же царевы воскричаша и Рускимъ языкомъ рекоша: «не мозите насъ, юнни, никако же убити, о силныи воевода, да насъ дея самъ не погибнеши зле; ему же служиши но вземъ веди насъ живыхъ ко Царю и Великому Князю, да про насъ отъ него честь приимеши: то бо есть царь Казанскіи, его же малымъ не убилъ еси, а то есть ереи Богмичи, а мы есмя князи царевы, служими ему раби», и падоша ему на колену свою, повергше оружія своя, держаще на персехъ руцы свои, модящеса своимъ языкомъ, дабы ихъ не убилъ. Бе бо крепко заповедано отъ самодержца всемъ воемъ никако же убити Казанского царя, но жива взяти, идеже обрящутъ его. Юноша же воинъ приклонився къ моленію и опусти острое кровавое оружіе къ милосердію свое на землю, трясыся злобою убиственною и трепещася весь отъ радости, яко не лишень есть онъ за труды своя обогащеніе пріяти отъ Бога; повеле же другомъ своимъ убити ереевъ Богмичихъ, и убиша ихъ, князеи же перевязати, царю же ничто зла сотвори, но, яко великое сокровище обреть, тихо и честно царя отъ земля подья, и посади его на конь свои, и его князеи остави пеши итти связанныхъ у седла, у ногу цареву, а самъ и друзи его предъ царемъ и около царя идяху, оружіемъ своимъ машуще, и разбиваху воя, путь итти царю творяще сквозе воя, да никто же приблизится къ нему; и многихъ уязви юноша той, хотящихъ силно царя отнати у него, чести ради, и корысти отъ самодержца пріяти, и приведе въ станъ къ шатру самодержцову. Онъ же не веле его вести на очи къ себе: «не подобаетъ бо», глаголаше, «повин-

ному по древнихъ цареи обычаю». Видевъ же царь въ велицеи быти въ печали и тузе, но радостну и веселу, яко царь же сы, аще и погань, и силоу и богатствомъ не таковъ сы, но самоволенъ бе и себе служаше, а не иному коему царю, и себя брежаше, и за себе стояше, и паче милости достоинъ есть таковы, а не муце и казни, и повелеваетъ его на конь всадити и по всемъ Рускимъ полкомъ водити, рекъ: «да не иматъ лица моего супостать мои», и водивъ его отдати на бреженіе великому воеводе, князю Дмитрею Палецкому Щереде, его же отрокъ царя изыма, и наказа воеводе словесы утешати царя, и не печалитися, и блюсти его, и бреши во ослабе и въ покое велицемъ, да точію не убежитъ или самъ себе не убіеть; князи же его железы перековавъ держати, воина же Русина, приведшаго царя, и друзи его сребромъ и златомъ исъ казны своя по немало одаривъ, и светлая портица подавъ имъ, и паки отпусти ихъ на сечю Казанцовъ. И радостно потече зъ друзи своими, взявше корысть добычи своя отъ самодержцовой казны. И повеле Царь Князь Великій приставнику своему воеводе у царя Казанского вопросити, аще кто къ нему или хъ Казанцомъ отъ воеводъ или отъ вои Московскихъ переветъ держалъ и грамоты посылалъ. Царь же с словомъ воеводы борзо влагалище свое развергъ, еже при поясе своемъ носяше у срачицы, и возьмъ отъ него грамоту и вдасть воеводе, оного злаго воина Юрья Булгакова самого его руки писаніе; воевода же то самодержцу донесе и прочеть я предъ нимъ. Онъ же разгневався зело, и повеле яти его и пытати крепко, аще того есть грамота писаніе. Онъ же никако же заприся, но исповеда предо всеми, яко «мое есть дело сіе и мои грехъ ко мне пришелъ, и по сердцу сотворихъ сія за нелюбіе твое ко мне»; и предасть его воеводе, да про-

мыслить о немъ, яко хошетъ. Воевода же отдасть на смертную казнь, и повеле его по хрепту секирою разсекати, и руце его и мышцы и нозе его по колени и последи главу ему отсеци, яко да и прочіе сіе видевше накажутся тако творити. И лежа три дни непогребенъ на месте томъ, всеми зримъ, и прошеніемъ у воеводы своихъ ему взяша съ места того, и погребенъ бысть на Руси у родителей своихъ. Се бо тако случается везде ко иновернымъ преветь держащимъ.

Смета всехъ въ Казани побитыхъ Казанцовъ и Рускихъ вои, и зщищеніе града

И скончавше сечь, и воплю преставшу, и улегшуся мятежу, и повеле Царь Князь Великіи мудрецемъ гораздымъ и объехавъ сметити и счести, колико есть число побитыхъ Казанцовъ и Руси. И борзо поездивъ и сочте и смети Рязанскія земля воевода, Назареи Глебовъ мудръ бе и хитръ къ счетному числу, таковыя единемъ часомъ, недолго мысля или рати число недождамыя, по хожденію ихъ, по пути, въ мегновени ока познавше, сметивъ и сказуетъ речъ самодержцу: «боле 190 000 побитыхъ Казанскихъ людей всехъ, мала и велика, стара и млада, мужска полу и женска, кроме плененныхъ; есть же техъ число боле того». Онъ же позыбавъ главою своею и рече: «воистинну сіи людіе, буи и немудри, крепцы быша и силни, и самоволне умроша, не покорившеса воли моеи». Рускихъ же вои сочтоша побитыхъ отъ Казанскихъ людей, во всехъ приступехъ и на съемныхъ боехъ и въ загонехъ, 15 355. И повеле Царь Князь Великіи дрябемъ пешъцемъ чистити градъ, и царевъ дворъ, и улицы все, и площади, и всехъ по-

битыхъ Казанцовъ трупія вонъ изъ града извлачити, и далечъ вне града пометати на пусте месте, псомъ и зверемъ на снесеніе и на раздробленіе воздушнымъ птицамъ. Ту же наидоша въ трупіи томъ сеита Казанского убита и оного буюго варвара, сходника и прелагатая, князя Чапкуна, лежаща нага, по частемъ разсечена, и толь скоро согнившя, во единъ день, и червми кипяща, и злосмрадіе злое издающа, на показаніе протчимъ всемъ изменникомъ, съ лестію и неправдою служащимъ господіемъ своимъ, имъ же да буди вечная память.

Вшествіе въ Казань Царя и Великого Князя и моленіе его, и благодареніе Богу

И егда исчистиша градъ, тогда самъ благоверны Царь и Великіи Князь во фторникъ въехавъ въ столный градъ Казань, въ 3 часъ дни, со всею своею силою, предидущимъ предъ нимъ хоругови его, образу Спасову и того рожши пречистой Богородицы, и честному кресту, и приехавъ на велию площадь къ цареву двору и ту соиде съ коня своего, дивяся во уме своемъ, и чюдяся; и павъ на землю благодаряше Бога, зря на образъ его, еже на хоругови, и на Пречистую Богородицу, и на честны крестъ Спасовъ, слезы точа о неначаемыхъ избывшихся ему. И воставъ отъ земля, и радости и жалости наполнився и рече: «о колико народъ люди паде единымъ малымъ часемъ и единого ради града сего! И не безъ ума положиша славы своя Казанцы до смерти, яко велика бо слава и красота царства сего». И поиде въ царевъ дворъ, таже и на сени, и въ полаты, въ златоверхія теремы, и походи въ нихъ, красуюся, веселяся, разруши бо ся красота ихъ

и охуде ото многого біенія пушечнаго; и озре цареву казну свою очима своими самъ и повеле переписать ю и печатію своею запечати, да не угинеть отъ нея ничто же. Приставлень бо бе къ неи воевода, да стрелцы огненными брещи ея отъ разхищенія вои. И повеле молебная благодаренія прозвितеромъ своимъ и дьякономъ и всемъ людемъ Богу воздати о всехъ отъ Бога дарованныхъ ему, желаніе его, и воду святить, и со кресты и съ литеею окрестъ всего града ходити священникамъ и всемъ воемъ повеле, и въ себе ходя за кресты слезя глаголаше: «благодарю тя, Христе Боже мои, яко не предалъ мя еси въ руце врагъ моихъ до конца въ посмехъ и укоръ, и не презриль еси моленія моего, и даровалъ ми еси юному сія вся ныне збывшеся видети очима моима, еже на жреби мои и на часть и на славу мне отъ прародителии моихъ убрегль еси, еже они многа лета подвизашася о Казани и долеть еи не возмогоша; и ничемъ же охужень есмь отъ нихъ». И вси людіе: «Господи помилуй!» взываху, и вси вопіяху: десница твоя, Господи, въ крепости прославися и десная ти рука, Господи, сокруши враги наша, и множествомъ славы твоея стерль еси сопротивныхъ, и паки: день, иже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь. И много воспеваючи, и много благодарственныя гласы воспеваючи, и, яко велицыи громи, до небесъ слышахуся гласъ ихъ. Священницы же святую воду святивше, зъ животворящихъ крестовъ и святыхъ иконъ и чюдотворныхъ мощей святыхъ, и все христоролюбивое воинство, и кони ихъ, и по всему граду, по улицамъ и по домомъ и по храминамъ, и всюде ходяше, довольно кропиша. И тако святымъ обновленіемъ обновиша Казань градъ. И разрушенная места и паки повеле Царь Князь Великіи поровняти, и

воставити, крепце заздати и боле старого прибавити града, и место разширити на зданіе каменного града и поча на весне того же лета строити каменны градъ и церкви въ немъ болшіе, утверженіе царству.

О заложеніи досталніе Черемисы за Царя и Великого Князя. Исполненія и обещанія его

Черемиса же лугавая досталная вся, сведавше того же дне взятіе великого града своего, изыдоша изъ остроговъ своихъ, стареишины ихъ, сотники, кои были не взятые ещо, и собрашася мнози, пріидоша въ Казань ко цадю самодержцу съ великимъ смиреніемъ и покореніемъ и предашася ему вси, и назваша себе новымъ царемъ. Онъ же возлюбилъ ихъ, и пожалова на обеде своемъ, накормивъ ихъ и напоивъ, и дасть семена земныя, и коня, и волы на ораніе, инемъ же одеяніе дасть и сребрениць понемногу; они же радовахуся милосердію его; и отпусти ихъ по местомъ своимъ жити безъ боязни, и наказавъ воеводамъ, да закажутъ воемъ своимъ не обидети ихъ ничемъ же. И преписаша техъ оставшихся отъ воеванія живыхъ 93 075. И отъ того дне преста воевати Казанскія земля, и вскоре восхоте благоверны Царь обещаніе свое исполнити обещающася предъ образомъ Спасовымъ, хъ Казани пошедъ, мечети поганья раскопати и святыя церкви возвизати на месте ихъ и повелеваетъ всемъ воеводамъ и воемъ на плещахъ своихъ отъ леса дровіе носити. Самъ прежде рукама своима древо секирою посече и отъ леса на плещу свою принесе, и во единъ день созда храмъ соборный, Благовещенія Пресвятыя Богородица, на месте красне, на площади, близъ царева двора, при-

дела два имущи единомъ стояніемъ сотворены церкви же пределныя велицы, страсотерпцы Рускія Борисъ и Глебъ и новоявленныя чудотворцы Муромскія князь Петръ и княгиня Февронія, вторую же церковь постави Воскресеніе Господа нашего Исуса Христа, третью церковь святыхъ великомученикъ Кипріяна и Устиньи, четвертую за градомъ, на пожаре, противу вратъ градныхъ, на торговище, нерукотворенный образъ Господа нашего Исуса Христа, пятую же великого чудотворца Николы монастырь общижителенъ, потомъ же многа церкви отъ христьянъ во имя святыхъ возвигнути быша, въ похвалу имени Христа Бога нашего. И наведе богатыхъ жителей Царь Князь Великіи въ Казань изъ области своея, и изъ сель, изъ градовъ, и наполни людьми своими, десятирицою старого боле; и великимъ богатствомъ Казань возкипе, и необычною красотою возсія, и забывъ всякъ человекъ иноземець, видевшє царство то, отца своего, и мать, и жену, и дети и племя свое и друзи, и землю свою, и жити въ Казани, и не помышляючи воспячь во отечествіе свое обратитися.

**О поставлени въ Казани архіепископа,
и похвала Христу Богу нашему**

Минувшима же по взяти Казани летома двема, и Божіимъ промысломъ и изволеніемъ самодержца и про рассуженію великого святительского собора, святиша нового архіепископа граду Казанскому, перваго, Гурья именемъ, игумена бывшаго честныя обители Іосифовы, да въ новомъ царстве Казани устрояеть, утверждаетъ и справляетъ слово истинныя веры, и во

укреплени граду ото изменныхъ лестецъ, и во блюдени христоименитымъ людемъ, живущимъ во граде и въ селехъ, духовно и всячески, и да не прелщаются людіе сходяшися съ поганою Черемисою, яко же Русь Литовская съ Ляхи, и да не женятся, ни посягають съ ними, ни едятъ, ни пьютъ у нихъ, и къ себе да не взывають ихъ. И учини быти Царь Князь Великіи Казанско-го архіепискупа подь Ноугородцкою архіепискупью третьяго въ Руси. Но, о великихъ ти новыхъ чудесъ, Христе, кое благодареніе о сихъ мы грешни тебе принесемъ? Точію се: слава неизреченнымъ судбамъ твоимъ, владыко; слава человеколюбію, милосердію твоему къ намъ; слава неизглаголанной ти благодати. Веліи еси, Господи, и чудна дела твоя; ни едино же слово доволно наше къ похваленію чудесъ твоихъ, и паки: вели Господь нашъ и велія крепость его и разуму его несть числа. Кто возглаголетъ сылы Господня и слышаны сотворить вся хвалы его? Слава единому Богу нашему, творящая дивная и преславная чудеса, еже видеста очи наши.

Похвала граду Казани

О блаженъ еси ныне граде преславны Казань и отъ Бога благословенъ. Зело радуися и веселися паче всехъ Рускихъ градовъ; вся бо Руская земля и градове издавна отъ благодати Святаго Духа просвещеніе пріяша, ты же новы ныне православіемъ; ныне же кадило благовонно, фиміямъ въ воню благоуханія Христу приносится; иже иногда животная заклахуся безсловесная скоти и птица, ныне же самы агнецъ Христось за вся верныя закалается, и безкровная и чистая жертва Богу

отъ грехъ нашихъ приносится; иже иногда тимпаны звяняху, и органы всклицаху, и рожцы вопіяху, и сурны возглашаху, и трубы шумяху, и воя Казанская собираючи симъ, подаючи вестъ, да готови будутъ на единое даніе поити пролити крови христьянскія, ныне же доброгласныя трубы вопіяху, рекше звоненія церковная оглашаючи, не страхъ и боязнь подаючи, но веселіе и уменіе людемъ въ сердца влагая, и возбужаючи отъ сна, и созывавци благобоязненныя мужи и жены на духовный подвигъ во церкви Божія, на молбы и моленія и на божественная славословія.

О посланію съ вестью къ Москве, о молитве и о радости людстеи

Православныи же Царь Князь Великіи посылаетъ тогда скоро со благодарною вестью къ Москве напередъ себя великого воеводу благородна боярина, шурина своего, Данила Романовича, ко брату своему ко князю Георгію, и ко отцу своему святейшему Макарію митрополиту, и ко Царице своей Анастасеи, и веля имъ поведати царское свое здраве и всехъ князей и великихъ воеводъ и всехъ благочестивыхъ вои его, и бывшую ему помощь и великую победу надъ Казанцы, и како взя столный градъ Казань и самого царя Казанского изыма. Прииде же вестъ къ Москве Октября въ 9 день, на память святого апостола Якова Алфеева. Благородныи же князь Георгіи и пріосвященныи Макареи митрополить, услышавъ сія отъ царева посла, и скоро потекоша въ великую соборную церковь Пресвятыя владычица Богородица и приснодевы Марія и со всеми епискупы, иже бяху въ

царствующемъ граде Москве кждо ихъ давно пришедши отъ епискупія своего и ждущи исъ Казани возвращенія царева и со всеми прозвитеры своими, и зъ дьяконы, и съ крылики, повелевше на площади во вся тяжкая звонити, тако же и по всему граду Москве по всемъ церквамъ звонити, благодарственныя молебны пети всю неделю. И начата молебная совершати православіемъ просветися и божественными храмы обновися, и яко младенець породися, избежь темныя веры суетства, и всяко нечестье потреби, и поганую Богмицю веру до конца потреби, и яко солнце красное отъ темныхъ облакъ произшедъ, отъ прелести провозсія, всю страну ту лучами благоверія просвещаеши. И сего ради не унывай, но паче ликоствуи, светло торжествуй и красуйся. Отъять Господь отъ тебе вся неправды твоя, бывшая отъ зачала въ тебе, избавить тя отъ варварского державства и жертвъ служенія скверного Махметя. И воцарися Господь посреде тебе, и тои сохранить тя, яко зеницу ока десница, десницею своею покрываетъ и заступитъ тя отъ врагъ твоихъ, и не узриши зла къ тому ни отъ кого же, и миръ Божіи на тебе до века временныхъ прибудеть. Древле бо ты злобами и неправдами великими наполняшеся, и кровью многою Рускою и горкими слезами, яко реками, кипяше, и всяцами сквернами и нечистотами приобиловашеся, и техъ ради беззакони твоихъ и великою славою словяше, яко доходити славе твоеи и до самого царя Вавилонска, и другомъ ему именоватися, и почитаему быти отъ него, и любиму и славиму, а отъ Рускихъ людей всегда поношаемъ и проклинаемъ бываше, и къ Богу своему со слезами моляхуся, да воздасть ти Господь по деломъ твоимъ, еже воспріяль еси ныне же отъ нихъ: вместо проклятія благословеніемъ

веселишися, и похвалами ублажаемъ прославляешися, и седмицею паче первого славнейши сотвориши, не до Вавилона, но отъ конецъ и до конецъ земля. Мы же, истиннии христьяне и нечестни поборницы вере Христове, како не удивитися бывшимъ, Божію человеколюбію на насъ? Идеже царство темное и нечестивое бе, и ту царство благочестивое процвете; иде умножися грехъ, ту преизобиловаше Божія благодать. И кто есть не почюдится, и кто не прославить Бога о семъ? Токмо еретикъ и неверны иноземцы; ти бо суть едины не ради христьянскому добру, но розпыхахуся сердца своими завистию снедаемы, видяще Христову веру разширяющуюся, и народа людьми умножающуюся; иже иногда слышаху и видяху во граде Казани мерзости и запустенія мечети варварскія стояше, ныне же на техъ местехъ видяхуся церкви Божія, христьянскія, пресветло сіяючи; иже иногда злосмрадныя къ варвары воздухъ оскверняючи бесомъ требоваху преосвещенны митрополить со епископы, и у всехъ реки слезъ ото очію на брады и на перси проливаху и на землю тецаху. Небо и земля и вся тварь тогда дивяшеся, вкупе радующеся со человеки, славяща и величающа творца своего, всесилного Бога, даровавшему слуге своему, благочестивому Царю, дивную победу на варвары. И во всеи Русеи земли, во градехъ, и въ селехъ, и во всехъ людехъ, радость и веселіе бысть велико на долго время. Православны же христьяне, иноцы и мирсти, и вси полатнїи сановницы съ ними что убо ныне не глаголаху, и что ли не творяху, победная плещуща и веселящеся, и борзо теченіе ко святымъ церквамъ творяше, состизающеся, и другъ зъ другомъ сретающися сами у себе пытаху и поведяху, како самодержецъ ихъ Казанцы злыя победы, и градъ

Казань взя крепкими стенами и людми, его же отецъ, его и деды и прадеды во многа лета доступаючи, и никіи же отъ нихъ тако возможе взяти.

О возвращени къ Москве Царя и Великого Князя

Царь Князь Великіи пребысть въ Казаніи, взявъ градъ дни 15, устрояя и уверяя, и уряжая; два великія воеводы въ себе место во граде наместники остави, князя Олександра Горбатово, да князя Василя Сребряного судити людемъ и воиская попеченія творити, и съ ними 60 000 вои на все лето въ соблюденіе царству, а въ Свіажскомъ граде два же воеводы, князя Петра Шуиского и болярина именемъ Бориса Салтыкова, и съ ними 40 000 вои; и вся добре разчинивъ. И тако возвратися ко отечеству своему Рускія земля, светлу победу поставлеи надъ супостаты своими; въ весели мнози и въ радости велице грядеше исъ Казани въ лодяхъ преже реченную многаже великою рекою Волгою къ Нижнему Нову граду, здравъ и неврежень, со всеми силами Рускими, Божією благодатію сохранимъ, съ великою славою, и со многимъ богатствомъ, и безчисленною корыстью, нізложивъ супротиву борцы своя, и ведяше съ собою жива супостата своего, царя Казанского, пленивъ, и многихъ съ нимъ улановъ и мурзь и князеи Казанскихъ зъ женами и зъ детми, безчисленною пленъ. Царя Шигалея со всею его силою отпусти полемъ великимъ, въ отчину его въ Касимовъ, темъ же путемъ, имъ же ехавъ самъ Шигалеи хъ Казани; царевичевъ же Астороханскихъ, болшаго брата Дербыша съ честію одаривъ и отпусти въ орду его, и по лете

единемъ отъ Нагаи убиенъ бысть, меншаго же брата Каибулу съ собою къ Москве взя, да служить ему на Москве, и дасть ему вотчину Юрьевъ градъ Полскои; протчая же воя вся идяху за нимъ исъ Казани къ Василію граду, землю Казанскою по нагорной стране и по луговой, непроходными пути чрезъ высокія горы и дебри и блата, блудяще пеши по пустынямъ; и мнози зъ гладу помроша, не доставше пищи у нихъ, иніи же конину и зверину, и мертвечину ядоша, и конеи безъ числа паде, яко мало ихъ выведоша. И егда бысть въ Нижнемъ Нове граде Царь Князь Великіи, и оттоле поиде на конехъ, шествіе пути творяше сквозе грады и села зъ братомъ со княземъ Володимеромъ Ондреевичемъ и со всеми князи и воеводами къ царствующему граду Москве, и встретаху его священницы и мниси съ народомъ, со кресты исходящи изъ градовъ, изъ сель, стоящихъ по пути ему, съ молитвами и съ похвалами и съ веселіемъ великимъ. И прииде въ великую обитель живоначалныя Троица въ лавру Сергія чудотворца, и доволно игумена и братію напитая яденіемъ и питіемъ, и милостину вда, и ту встрети его съ Москвы братъ его князь Георгіи Василевичъ съ князи и зъ боляры, и поиде Царь Князь Великіи изо обители Сергіевы вкупе зъ братією своею.

**О встретени Царя и Великого Князя
епископъ и всего народа Московского
и о красоте и ополченія его**

Слышано же бысть на Москве царскіи приходъ его, и выехавша посланныи отъ митрополита епископы 3, и встретиша его отъ града Москвы за

12 версть, въ царскимъ селе его въ Тонинскомъ, со архимариты, игумены, Ростовски архіепископъ Никандръ, и Тверски епископъ Акакіи, Сава, епископъ Крутицкіи, миръ и благословеніе носяще отъ пресвященнаго отца Макарія митрополита, и поклонися ему, и благословивше его, и скоро назадъ возвратившеся отъ него. Приближающуся ему къ посаду граду, и пусти водима впреди себе далеко съ приставникомъ воеводою Казанского царя со знаменіемъ его и съ плененными Казанцы полкъ великъ, до 50 000; и позвонеса великіи градъ Москва, и изыдоша на поле за посадъ вьстретити Царя и Великого Князя князи, и велможи его, и вси стареишины града, богатіи и убози, юноша и девы, и стары со младенцы, чернъцы и черницы, и спроста все множество безчисленное народа Московского, и съ ними же вси купцы иноязычныя, турцы, и армены, и немцы, и литва, и многія странницы; и вьстретиша за 10 версть, ови же за 5, ови за 3, ови же за едино поприщо, обаполы пути стояща со единого, угнетающеса и теснящеса; и видеша самодержца своего, идоша, яко пчелы матку свою, и возрадовашася зело хваляще и благодаряще его, и победителна велика его нарицаючи, и много лета ему восклицающе на долгъ часъ, и падаючи вси поклоняхуся ему до земля. Онъ же посреде народа тихо путемъ проходилаше на царстемъ коне своемъ со многимъ величаніемъ и славою великою, на обе страны поклонящеса народомъ, да вси людіе насладятся, видяще и велелепотныя славы его сіяюща на немъ; бѣше бо оболченъ во весь царскій санъ, яко въ светлыи день Воскресенія Христова, въ латная и въ сребряная одежда, и въ златыи венецъ на главе его съ великимъ жемчюгомъ и съ каменемъ драгимъ укра-

шень, и царская перфира о плещу его, и ничто же ино видети и у ногу его разве злата и сребра и жемчюга и камня драгоценного и никто же такихъ вещи драгихъ нигде же когда виде, удивляють бо сія умъ зрящимъ нань. За нимъ же яждяху братія его, князь Георги и князь Владимиръ, такожде и ти въ златыхъ венцахъ и в порфирная и въ златыя одеяни; за ними же, кругъ ихъ, вся князя и воеводы и благородныя бояре и велможи яждяху, по тому же въ пресветлая и въ драгая оболчены, и коемуждо на выяхъ ихъ повешены чеши и гривны златыи, яко забыти въ той часъ всемъ людемъ, на такія красоты на царскія зрящимъ, и вся домовная попеченія своя и недостатцы. Прилучиша же ся тогда на Москве послы некія, съ честію и зъ дары пришедше отъ далечихъ странъ, на болшую славу самодержцу нашему: Вавилонско-го царя посоль, сеить, мужъ зело премудры и взятъ бысть Казанского царства за 25 летъ, удалъ и несть бываль отъ той земля преже сего на Руси посоль и послы Нагаискія, и послы Полского короля, и послы Свиского короля, и послы Дацкого короля; и посоль Волоскіи, и купцы Аглинскія земля; и ти вси послы же и купцы тако же дивляхуся, глаголюще, яко несть мы видали ни въ коихъ же царствахъ, ни въ своихъ, ни въ чужихъ, ни на коемъ же царе, ни на короле таковыя красоты и силы и славы великія. Ови же народи Московсти, возлезше на высокія храмины и на забрала и на полатныя покровы, и оттуду зряху Царя своего, ови же далече напредъ заскакаше, и отъ онехъ отъ высотъ некихъ, липящеса, смотряху, да всяко возмогутъ его видети; девица же чертожныя и жены князя и боярскія, имъ же нелзе есть въ такая позороща великая, человеческого ради срама, изъ

домовъ своихъ изходити и изъ храминъ излазити, полезне есть, где седяху и живяху, яко птицы брегоми въ клетцахъ, они же совершение приницающе изъ вереи, изъ оконецъ своихъ, и въ малыя скважницы, глядяху, и наслажахуся многого того виденія, чуднаго, доброты и славы блещаяся.

**Встретеніе Царя и Великого Князя
преосвященнымъ митрополитомъ
Макареемъ и поученіе его къ нему**

Входящу же ему въ болшая врата граду, зовомыя Фроловская, и встрече его ту изшедъ преосвещенны Макареи митрополить, со архіепискупы, и епископы, и со архимариты, и игумены, и съ прозвитеры, и зъ дьяконы, и съ крылики, и со всемъ освещеномъ соборомъ, и со множествомъ великого народа Московского, носяще честныя кресты, и святыя чудотворныя иконы, съ кандилы, и со благовонными фиміямы, и со свечами. Царю и боляромъ великимъ и воеводамъ и рече преосвещенны митрополить: «отныне, духовныи сыну мои, державны царю, не скорби, не тужи, не печалися, но радуися и веселися, славя Бога, иже спасенія и победу пода тебе на противныя, и буди намъ всегда великая Божія благодать, яже о тебе ныне бысть; проси бо съ верою взя, искіи и обретеса, и удари отверзеса. И ты убо печалнымъ спомогаи, и нищимъ и алчющимъ пища подаваи, и нагимъ одежда, боляре же и велможи своя честныи имеи, обогащай ихъ, да не будутъ скудны ничемъ же, и ко всемъ слугамъ своимъ и малымъ же и къ великимъ любовь тихо показуи, и потребная имъ пода-

ваи, по апостольскому словеси, да съ радостію тебе служить, а не въздыхающе; повинныхъ же не скоро смертію осужаи, но со испытаніемъ великимъ; аще будетъ достоинни за дела своя казнь пріяти смертную, но и то съ милостію и съ пощаженіемъ, и отпушати имъ дващи и трищи, да покаются и престануть отъ злѡбъ своихъ къ тому не творити сихъ.

О милости къ народу Царя и Великого Князя и встреніе его Царицы

И поучень бысть надолго отъ митрополита Царь самодержецъ, и поклонися до земля отцу митрополиту на духовномъ поучени его, со многимъ смиреніемъ и страхомъ, яко отъ Божіихъ устъ, наказаніе отъ него пріимъ, и обещася та ему творити и быти, яко же поучивъ его отецъ митрополитъ. И многу того дне милостину нищимъ и по монастыремъ чернцемъ и по градцкимъ церквамъ и ереемъ вда; и всехъ осуженныхъ на смерть и въ темницахъ сидящихъ на волю испусти; и земскія дани своя людемъ обলেখчи; и милостину разосла по всеи державе своеи, по градомъ и по селомъ, и по монастыремъ по всемъ, и по малымъ же и великимъ, и по пустынямъ, и по всемъ церквамъ святымъ, где есть, свеща и просвира отправляти, да молятся прилежно Богу все о телесномъ здравіи и душевномъ спасеніи, игумены и попы. И поиде благоверныи Царь изъ великія церкви соборныя на сени своя въ церковь Пречистыя Богородица Благовещенія, и въ тои тако же помолися, и молебны певъ; и съ тоя же церкви поиде въ царскія полаты своя. Царица же христоролюбивая Анастасія встрете угото-

вся Царя самодержца, по царскому обычаю своему на предверіе податное изшедъ, со благоверными женами съ княгини, и зъ болярыны, и веселія полны, на землю проливающи слезы, яко пчелная горлица, супруга своего видевъ, давно разлучившимся отъ себе и паки прилетевша къ первому подружію своему, и воплы ихъ и тоскованнее обою предста, и радостна быста зело, другъ друга видевшѣ, или рещи яко красная денница пресветлое солнце на вселенную съ востока въ полаты своя входяща узре, и по мрачны облакъ унынія и печали пребывше ей по немъ, светлостію лица своего и веселымъ зреніемъ на ню, прогоняя отъ нея и невидимъ, яко дымъ, сотворяя.

**О взятіи Казанскомъ, и о труде и о скорбехъ
Царя и Великого Князя и воеводъ
и вои его и нуже земскихъ людеи**

Взять же столный градъ Казань благоверный Царь Князь Великіи Иванъ Васильевичъ, всеа Руси самодержецъ христьянскіи, въ лето 7060-го, Октябрю въ 2 день, на память святыхъ великомученикъ Кипріяна и Устиньи, въ день неделный, въ 3 часъ дни, много подвизався за свою Богомъ хранимую державу Рускую землю, за православныя люди, день и ночь сердцемъ боля и стоня, душею сокрушаися, и никако же царскихъ брашенъ сладкихъ въ сытость и въ сладость насыщашеся до победеніи Казанцовъ, и печаль ему о Казани всегда веселіе пресецаше, по всякъ часъ слыша овца люди Рускія отъ волкъ Казанцовъ розгоняемы, и похищаемы, и снедаемы. И скорбь велія одержаше много летъ все христьянство

Рускія земля, убогихъ и богатыхъ, и воинъ и воеводъ, князеи и боляръ, и всехъ простыхъ людеи; изнемогаху бо земскія люди, простыя, съ частыхъ податей великихъ, не успеваху дающе царскія оброки; воеводы же и воины не опочиваючи во бранехъ тружахуся, борющесе съ поганы за христьяны и съ коней своихъ не слазяще, и оружїи своихъ не снимаючи, по двори своихъ и женъ и детеи и гостемъ толко прихожаху на часъ, являющися домови къ женамъ своимъ и къ детемъ; и мнози тогда худоумнїи человецы, или прямо рещи безумныя и тщедушныя, негодоваху и роптаху на самодержца своего, яко и самому ему землю свою губящи, и паче злее ратныхъ, и не щадящу, и не брегущи люди своихъ. Онъ бо предобры въ самодержцахъ не похвалы тленныя себе взыскуя, да славень будетъ въ родехъ мужествомъ яко и Макидонски Александръ до краи земля дошедъ и смерти не убежа, или преже его бывы Ликинїи царь до четырехъ гадровъ дошедъ и столпове тамо постави, и свое имя въ писанїихъ сеи же не о таковеи славе подвизашесе, но о своемъ царстве тружашесе, общаго ради составленїя мирскаго, о благостояни святыхъ церкви, и о строени земскомъ и о тишине всего православного христьянства, да не паки бы поработитися поганымъ, яко жи при царе Батыя: и въ день убо царская строяше, нощїю же по святымъ церквамъ и по монастыремъ, близъ града стоящимъ, яздыше и моляшесе и човекулюбцу Богу и ко Пречистей Богородицы, обляся слезами, помиловати и ущедрити согрешившія рабы своя и до конца смирити и покорити ему поганыя и со всею многою Черемисою ихъ. И не презри Господь моленїя раба своего, и увиде смиренїе и сокрушенїе сердца его, и верное прошенїе его и въздыханїе съ рыданїемъ

услыша, и сотвори съ нимъ по вере его великую свою милость, и дасть ему милосерды Богъ желаніе сердца его, и вся подвиги и труды его благихъ исполни, и предасть ему въ руце, яко малу и худу птицу, великое царство Казанское, часть его отъ прародителии его убреже ему. И тако Казань державы царскія до конца отпаде и великому царству Московскому работати нехотя повинуюся, и Руская земля совершеннаго мира отъ Казанцовъ насладися.

Похвала Царю и Великому Князю

Сицевъ бе тои Царь Князь Великіи и многа при себе память и похваль сотвори достойно: грады новы созда и ветхія обнови, церкви пречюдныя и прекрасныя воздвиже, и монастыря общежитианья иночествующимъ устрои; и отъ юнны версты не любляху никакія потехи царскія: ловлени песья, ни звериныя борбы, ни гуселного звячанія, ни прегудницъ скрипенія, ни мусскаго гласа, ни писканія прилетного, ни скомраховъ видимыхъ; и бесовская плясанія, и всяко смехотворенія отъ себе отрыну, и глумленники отогна, и въ конецъ сихъ возненавиде; токмо всегда о воинственномъ попеченіи упражняшешя, и поученіе о бранехъ творяше, и почиташе добре конники и храбрыя оруженники, и о сихъ съ воеводами прилежаше, и симъ во вся дни живота своего съ мудрыми советники своими поучашешя, и подвизашешя, како бы очисти землю свою отъ поганыхъ нашествія, и отъ частаго плененія ихъ; къ сему же тшашешя и покушашешя всяку неправду, и нечестіе, и кривосудство, и посулы, и резоиманіе, и разбои, и татьбы изо всея земля своя извести.

РАССКАЗ О БОЛЕЗНИ ЦАРСКОЙ 1553 ГОДА
В ПРИПИСКЕ К ЛИЦЕВОМУ
ЛЕТОПИСНОМУ СВОДУ

...После этого, по крещении царя Симеона Казанского, в среду третьей недели поста, 1 марта, разболелся Царь и Великий Князь Иван Васильевич всяя Руси. И была болезнь его весьма тяжкой — едва людей узнавал. И так он был болен, что многим казалось: приближается к кончине. Дьяк же Великого Князя Иван Михайлов напомнил Царю о завещании; государь же повелел составить завещание, которое всегда у него было наготове.

Когда же завещание было составлено, государю напомнили о крестном целовании, чтобы князя Владимира Андреевича и бояр привести к присяге на имя царевича князя Дмитрия. Государь в тот же вечер привел к присяге своих бояр, князя Ивана Федоровича Мстиславского, князя Владимира Ивановича Воротынского, Ивана Васильевича Шереметева, Михаила Яковлевича Морозова, князя Дмитрия Федоровича Палецкого, дьяка Ивана Михайлова, а также бояр Данила Романовича и Василия Михайловича Юрьевых. А боярин князь Дмитрий Иванович Курлятев, тот не целовал крест, разболелся, а целовал уже только на третий день, когда мятеж утих. А казначей Никита Фуников — тот утром разболелся, а встал, когда государь совсем выздоровел, и тогда целовал, после всех людей.

А про князя Дмитрия Курлятева да про Никиту Фуникова говорили, что они сносились с княгиней Ефросиньей и с ее сыном князем Владимиром и не хотели, чтобы князь Дмитрий в его младенческом возрасте стал государем.

А боярин князь Дмитрий Федорович Палецкий, тот после крестного целования посылал ко княгине Ефросинии и к сыну ее князю Владимиру зятя своего Василия Петровича Борисова-Бороздина, женатого на сестре князя Дмитрия Палецкого; а родная сестра Василия была замужем за Хованским, а дочь Хованского и племянницей Василия была княгиня Ефросиния, мать князя Владимира. А посылал князь Дмитрий Василия потому, что по Божьему суду и по воле Царя и Великого Князя брат Царя и Великого Князя князь Юрий Васильевич взял замуж дочь князя Дмитрия Палецкого, и князь Дмитрий Палецкий посылал Василия ко княгине Ефросинии и сыну ее князю Владимиру с тем, чтобы княгиня и ее сын пожаловали князю Юрию Васильевичу и своей дочери, жене князя Юрия, удел согласно завещанию Великого Князя Василия; они же не будут против того, чтобы княгиня Ефросиния и князь Владимир получили престол государства, и готовы им служить.

А тех дворян, которые были у государя в думе, — Алексея Федоровича Адашева и Игнатия Вешнякова — государь привел ко крестному целованию в тот же вечер.

В то же время князь Владимир Андреевич и его мать собрали своих детей боярских и стали им раздавать денежное жалованье, а бояре стали говорить князю Владимиру, что он и его мать поступают неподобающим образом: государь недомогает, а они лю-

дям жалованье раздают. И князь Владимир и его мать стали сердиться; бояре же начали их остерегаться и не стали часто пускать князя Владимира Андреевича к государю.

В то же время был в церкви Благовещения, что в палатах у царского дворца, некий священник по имени Сильвестр, родом новгородец. Был же тот священник Сильвестр в великой милости у государя, был духовным и думным советником и был как бы всемогущ. И все его слушались и никто не смел ни в чем противиться из-за царской к нему милости, ибо он давал указания и митрополиту, и епископам, и архимандритам, и игуменам, и монахам, и попам, и боярам, и дьякам, и приказным людям, и воеводам, и детям боярским, и всяким людям; говоря попросту, он повелевал во всех делах и святительских, и царских, как Царь и церковный иерарх, хотя и не имел царского и святительского имени, образа и престола, но лишь священническое, однако высоко почитался всеми и владел всем со своими советниками. Был же тот Сильвестр в совете и великой милости у князя Владимира Андреевича и его матери княгини Ефросинии; его попечением они и из заключения были освобождены. И потому он стал тогда боярам препятствовать, говоря: «Зачем вы к государю князя Владимира не пускаете? Он больше хочет добра государю, чем вы, бояре». Бояре же говорили ему, что они дали присягу государю и сыну его, царевичу Дмитрию, по той присяге и делают так, чтобы государству было крепче. И с того времени началась вражда между боярами и Сильвестром с его советниками.

И после того как назавтра привел государь к крестоцелованию бояр своих ближних, призвал государь

поутру всех своих бояр и начал им говорить, чтобы они целовали крест его сыну царевичу князю Дмитрию, а целовали б в передней избе, так как государю сильно немоглось, и приводить их при себе к целованию было ему тяжело. И велел он быть при том боярам своим ближним, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому да князю Владимиру Ивановичу Воротынскому с товарищами. И боярин князь Иван Михайлович Шуйский стал в ответ на государевы речи говорить, что им в отсутствие государя <крест> целовать невозможно: перед кем целовать им <крест>, если государя тут нет? А окольный Федор Григорьевич Адашев начал говорить: «Знает Бог и ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичу князю Дмитрию крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братьями, нам не служить; сын твой, государь наш, еще в пеленках, и станут нами владеть Захарьины, Данила с братьями. А мы уж видели от бояр, до того как ты вырос, бед много».

И была великая ссора и волнение и многие споры среди всех бояр, не хотят служить младенцу в пеленках. А бояре, которые государю и сыну его царевичу Дмитрию крест целовали, стали тем боярам возражать и говорить им, чтобы они государю и его сыну царевичу князю Дмитрию крест целовали. Бояре же, которые не хотели присягать государю и сыну его царевичу князю Дмитрию, стали жестоко браниться с боярами, которые государю и его сыну крест целовали, говоря, что те хотят сами владеть, а они не хотят служить и подчиняться их власти. И были между бояр споры великие, и крик, и шум великий, и слова многие бранные.

И Царь и Великий Князь, увидев боярское упорство, начал говорить им так: «Если вы сыну моему Дмитрию креста не целуете, то, значит, у вас иной го-

сударь есть; а вы целовали крест мне и не однажды, чтобы кроме нас других государей не искать. А я вас привожу к крестному целованию и велю вам служить сыну моему Дмитрию, а не Захарьиным. Я с вами не могу говорить много; а вы души свои забыли, нам и детям нашим служить не хотите, в чем нам присягали, того не помните. А кто не хочет служить государю в пеленках, тот и большому не захочет служить. А если мы вам не надобны, то это ляжет на ваши души.

А боярам, которые целовали крест до того, государь стал говорить: «Государи бояре, вы поклялись своей душой мне и сыну моему Дмитрию, что будете нам служить. А ныне бояре сына моего на государстве видеть не хотят. А если совершится надо мною воля Божья и меня не станет, то вы пожалуйста, вспомните, на чем мне и сыну моему крест целовали; не дайте боярам как-нибудь сына моего извести, но бегите с ним в чужую землю, куда бог вам укажет».

А Даниилу Романовичу и Василию Михайловичу государь сказал: «А вы, Захарьины, чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете! Так вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!»

И все бояре устрашились того жесткого государева слова и пошли в переднюю палату целовать крест.

А когда бояре пошли в переднюю палату, Царь и Великий Князь послал за ними своего боярина князя Владимира Ивановича Воротынского и иных своих бояр, а с крестом прислал дьяка своего Ивана Михайлова. И бояре пошли целовать крест.

А когда бояре пришли целовать, то у креста стоял боярин князь Владимир Иванович Воротынский,

а дьяк Иван Михайлов держал крест. И как пришли целовать, пришел боярин князь Иван Иванович Пронский-Турунтай и стал говорить князю Владимиру Воротынскому: «Твой отец, да и ты сам после Великого Князя Василия первый изменник, а ты приводишь ко кресту!» И князь Владимир ему отвечал: «Я, сударь, изменник, а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрию, а ты, сударь, прямой человек, а государю нашему и сыну его царевичу князю Дмитрию креста не целуешь и служить им не хочешь». И князь Иван Пронский второпях поцеловал крест.

А после того государю докладывал боярин Иван Петрович Федоров, что бояре, которые не хотели целовать крест, князь Петр Щенятев, князь Иван Пронский, князь Семен Ростовский, говорили ему: «Ведь владеть нами Захарьиным, и чем нами владеть Захарьиным и служить нам государю малому, то лучше станем служить старшему государю, князю Владимиру Андреевичу». И еще докладывал государю окольничий Лев Андреевич Салтыков, что боярин князь Дмитрий Иванович Немово, едучи по площади, говорил ему: «Бог знает что! Нас бояре приводят к целованию, а сами креста не целовали. А как служить малому мимо старшего? А ведь владеть нами Захарьиным».

А когда государь привел бояр к присяге, то велел он написать целовальную запись, по которой приводить к присяге князя Владимира Андреевича. А как запись написали, и князь Владимир к государю пришел, и государь ему велел на записи целовать крест. И князь Владимир не захотел, и государь ему сказал: «Сам знаешь, что станется твоей душе, если не хочешь креста целовать; что станется, до того мне дела нет».

А боярам, которые вечером целовали, государь сказал: «Государи бояре, мне не вмоготу, мне не до того, а на чем вы крест целовали мне и моему сыну Дмитрию, по тому и делайте».

И бояре начали говорить князю Владимиру Андреевичу, чтобы князь не упрявился, а послушал государя и крест целовал. А говорили первыми князь Владимир Воротынский и дьяк Иван Михайлов. И князь Владимир Андреевич стал сердиться и гневаться, а Воротынскому сказал: «Ты бы со мной не спорил, и ничего мне не указывал и против меня не говорил». А Воротынский ответил князю: «Я, государь, дал душу государю своему и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси и сыну его князю Дмитрию, что мне служить им во всем по правде. И с тобою мне они же, государи мои, велели говорить. И служу я им, государям своим, а тебе служить не хочу, и за них, государей своих, с тобою говорю. А как доведется, по их, государей своих, повелению, и драться с тобою готов». И стали иные бояре говорить, чтобы князь целовал крест, а не станет князь крест целовать, и ему оттуда не выйти. И с трудом принудили князя Владимира крест целовать, и он целовал крест поневоле.

И после того посылал государь ко княгине боярина своего Дмитрия Федоровича Палецкого, да дьяка Ивана Михайлова, чтобы она велела к той грамоте привесить княжескую печать. И они ко княгине ходили трижды, и она с трудом дала приказ приложить печать, а говорила: «Что это за крестное целование, если поневоле?» — и много бранных речей говорила.

И с тех пор была вражда государю с князем Владимиром Андреевичем, а между бояр смута и мятеж, и царству во всем оскудение.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРЯ ИОАННА IV ГРОЗНОГО

1530, 25 августа — рождение Иоанна IV.

1533, 3 декабря — смерть Великого Князя Василия III, отца Иоанна IV.

1537, 2 мая — 1 июня — мятеж князя Андрея Старицкого (родной брат Великого Князя Василия III; дядя Иоанна IV).

1538, 3 апреля — смерть Великой Княгини Елены Глинской, матери Иоанна IV (отравлена).

1542, 2 января — переворот в Москве под руководством Шуйских.

1542, 16 марта — поставление в митрополиты свт. Макария.

1543, конец декабря — арест и смерть князя Андрея Шуйского, главы боярской партии.

1546, 6 мая — казнь князя Ивана Кубенского и Воронцовых.

1547, 16 января — венчание на царство Иоанна IV. Помазанник Божий. Царский титул.

1547, 3 февраля — венчание на Анастасии Романовне Захарьиной.

1547, июнь — «Великий» пожар и бунт в Москве.

1547, ноябрь — 1548, март — первый Казанский поход Иоанна IV.

1547 — рождение царевны Анны Иоанновны (1547—1550; мать — Царица Анастасия Романовна).

1549, февраль — Иоанн IV созвал первый Земский собор («Примирительный»).

1549, ноябрь — 1550, март — второй Казанский поход Иоанна IV.

1550, июнь — принятие нового «Судебника».

1550, июль — ограничение местничества.

1551, январь — февраль — «Стоглавый» Церковный собор. Унификация церковной жизни в Русской Православной Церкви.

1552, май — начало третьего Казанского похода.

1552, 1 октября — ультиматум казанцам о сдаче города, начало штурма, разрушение стен Казани.

1552, 2 октября — взятие Казани.

1552, 4 октября — освящение града Казани. Ныне — праздник Собор Казанских святых и обретение мощей святителя Гурия Казанского.

1552, 11 октября — отъезд Царя из Казани в Москву.

1552, октябрь — рождение царевича Димитрия Иоанновича, царского первенца (мать — Царица Анастасия Романовна).

1552, 8 ноября — празднование в Москве Казанского взятия. День Архангела Михаила, особо почитаемого Царем Иоанном IV.

1553, март — тяжелая болезнь Царя Иоанна IV. Споры о престолонаследии между сторонниками царевича Димитрия и удельного князя Владимира Старицкого (двоюродного брата Иоанна Грозного).

1553, 26 июня — смерть царевича Димитрия Иоанновича (утонул при невыясненных обстоятельствах).

1553, осень — собор против ереси Матвея Башкина.

1554, март — рождение царевича Иоанна Иоанновича (мать — Царица Анастасия Романовна).

1554, лето — арест князя Семена Лобанова-Ростовского. Суд над ним.

1555—1556 — отмена кормлений. Принято Уложение о государственной службе.

1556, сентябрь — присоединение Астраханского ханства.

1556 — нарушение перемирия шведским королем Густавом. Нападение шведов на Орешек.

1557, 31 мая — рождение царевича Феодора Иоанновича, (мать — Царица Анастасия Романовна; будущий царь в 1584—1598 гг.).

1558, январь — начало Ливонской войны.

1558, 11 мая — взятие Ругодива (Нарвы) русскими войсками.

1558 — переход на русскую службу князя Дмитрия Вишневецкого.

1558, май — поход Д. Вишневецкого на Крым.

1558, сентябрь — Сибирское ханство начало выплачивать дань России.

1559, 1 октября — в память взятия Казани освящена митрополитом Макарием церковь Покрова Пресвятой Богородицы на рву (Собор Василия Блаженного).

1560, весна — удаление Алексея Адашева и Сильвестра.

1560, 6 августа — смерть Царицы Анастасии (отравлена).

1560 — собор для расследования смерти Царицы Анастасии, осуждение Адашева и Сильвестра. Окончательное падение Избранной рады.

1561, август — венчание Царя Иоанна IV на Марии Темрюковне, крещенной в православие дочери кабардинского князя Темрюка.

1562, март — начало войны с Великим княжеством Литовским.

1563, январь — февраль — полоцкий поход Царя Иоанна IV. Взятие Полоцка.

1563, 2 марта — рождение царевича Василия Иоанновича (мать — Царица Мария Темрюковна).

1563, 6 мая — смерть царевича Василия Иоанновича.

1563, лето — опала на двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Старицкого и его мать, княгиню Ефросинию.

1563, 31 декабря — успение свт. Макария митрополита Московского и всея Руси, наставника Царя.

1564, апрель — измена и бегство в Литву Ливонского наместника князя Андрея Курбского.

1564, 5 июля — первое послание (ответ) князю Курбскому от Царя Иоанна IV.

1564, 3 декабря — отъезд Царя Иоанна IV из Москвы в Александрову слободу.

1565, 5 января — создание опричнины.

1565 — высылка в Казань ростовских и ярославских князей.

1566, 28 июня — созыв Земского собора для решения вопроса о продолжении войны с Литвой.

1566, 25 июля — избрание игумена Соловецкого Филиппа (Колычева) митрополитом Московским и всея Руси.

1567, осень — раскрыт заговор против Царя Иоанна IV с целью схватить его и выдать королю Сигизмунду во время военного похода в Литву.

1568, 4 ноября — низложение святителя Филиппа Освященным собором. Ссылка в Тверь.

1569, 9 сентября — смерть Царицы Марии Темрюковны (отравлена царским поваром, подкупленным князем Владимиром Старицким).

1569, 9 октября — смерть князя Владимира Старицкого (двоюродного брата Царя Иоанна IV) и его жены (отравились либо были отравлены).

1569, 23 декабрь — смерть святителя Филиппа.

1570, январь-февраль — расследование в Новгороде, аресты и казни заговорщиков.

1570, февраль — поход на Псков.

1570, февраль — смерть преподобного Корнилия.

1570, июль — казнь заговорщиков в Москве.

1571, 24 мая — сожжение Москвы крымскими татарами.

1571, 28 октября — венчание Царя Иоанна IV на Марфе Собакиной. Ее смерть 13 ноября (отравлена).

1572, июнь — август — составление завещания (духовной) Царя Иоанна IV.

1572, 30 июля — 2 августа — разгром крымских татар в битве при Молодях (в 45 верстах от Москвы).

1572, август — отмена опричнины.

1575, октябрь — назначение татарского царевича Симеона Бекбулатовича Великим князем Московским.

1576, май — июнь — поход Царя Иоанна IV против крымских татар.

1576, август — конец княжения Симеона Бекбулатовича.

1577, июль — сентябрь — поход Царя Иоанна IV в Ливонию.

1579, июнь — нападение польского короля Стефана Батория на Россию.

1579, 29 августа — захват поляками Полоцка.

1580 декабрь — 1581 январь — созванный Земский собор просит Царя закончить Ливонскую войну.

1581, 20 августа — прибыл нунций Антонио Поссевино, посол папы Римского для посредничества в мирных переговорах.

1581, август — начало осады поляками Пскова.

1581, 19 ноября — смерть царевича Иоанна Иоанновича (отравлен).

1581—1582 — поход Ермака в Сибирь. Разгром Сибирского ханства.

1582, 15 января — заключено Ям-Запольское перемирие между Россией и Речью Посполитой.

1582, февраль — диспут о вере между Царем Иоанном IV и нунцием Антонио Поссевино.

1582, февраль — отступление поляков от Пскова.

1582, 19 октября — рождение святого царевича Димитрия (мать — Царица Мария Нагая; зарезан в 1591 г. в Угличе).

1582 — рассылка Царем Иоанном IV в монастыри синодика с именами казненных для поминовения душ усопших.

1583, август — заключение Плюсского перемирия со Швецией.

1584, 18 марта — смерть Царя Иоанна IV (отравлен).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первое послание Андрею Курбскому было написано 5 июля 1564 г. в ответ на послание Курбского. Послание печатается по изданию: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 283—328.

² *Святой равноапостольный Константин Великий* (286—337) — римский император, утвердивший христианство в качестве государственной религии Римской империи. Вскоре после I Вселенского Собора его мать императрица Елена приехала в Иерусалим на поиски Гроба Господня. В результате на месте Голгофы были построены базилика и ротонда Св. Гроба, там же были обретены три креста и таблица с надписью имени Иисуса Христа.

³ *Святой равноапостольный князь Владимир* (†1015).

⁴ *Великий Князь Дмитрий Донской* (1350—1389).

⁵ *Иоанн III Васильевич* (1440—1505) — победил хана Ахмата в стоянии на Угре и освободил Русь от татарского ига.

⁶ *Великий Князь Василий III Иванович* (1479—1533) — закончил объединение Русских княжеств под властью Москвы. Присоединил Новгород Великий.

⁷ То есть нарушивший присягу на кресте (крестное целование).

⁸ Войска Великого княжества Литовского, которыми командовал князь А. Курбский, во время нападения на Русские земли разоряли православные храмы.

⁹ Византийский император-иконоборец.

¹⁰ *Андрей Михайлович Курбский* (1528—1583) — военачальник, член Избранной рады, после предварительного сговора с польским королем перешел во время боевых действий на сторону противника, т. к. был замешан в заговоре против Царя. Происходил из рода князей Ярославских и в посланиях неоднократно называл себя «Ярославским владыкой». Считал, что имеет больше прав на трон, чем Иоанн IV.

¹¹ Намек на дипломатические ошибки Избранной рады, которые привели к войне с Литвой.

¹² Здесь Иоанн Грозный открыто обвиняет А. Курбского в связях с еретической сектой «жидовствующих», возникшей в XV в. в Новгороде Великом, перечисляя ее характерные признаки.

¹³ *Василий Шибанов*, слуга А. Курбского, по одной версии был брошен князем в России и казнен за участие в подготовке бегства Курбского. По другой — был направлен Курбским с тайной миссией в Россию (выкрасть из прежнего дома Курбского некие секретные документы, добыть денег для князя) и для передачи обвинительного письма Курбского лично в руки Царю. Версия малоубедительная, т. к. князь Курбский должен был понимать, что его посланец едва ли вернется в Литву с документами и деньгами после встречи с Царем. Более достоверна первая версия об аресте слуги после бегства князя.

¹⁴ Эта фраза также противоречит общепринятой легенде о том, что В. Шибанов сам читал письмо Царю, стоя перед ним на крыльце.

¹⁵ Речь идет о ереси новациан, которые считали, что Церковь является сообществом святых, поэтому грешники не имеют покаяния и прощения за свои грехи и должны быть изгнаны из Церкви.

¹⁶ Речь о том, что Избранная рада (неформальное аристократическое объединение) фактически отстранила от власти Царя и Боярскую думу (государственный орган) и проводила антинациональную политику децентрализации страны.

¹⁷ Речь идет о *Сильвестре* (в иноках Спиридон, ум. до 1577 г.) — священнике Кремлевского Благовещенского собора. Роль его в политической жизни России 1540—1550-х гг. сильно преувеличена. Был протееже двоюродного брата Ивана Грозного, князя Владимира Старицкого и А. Курбского. Ему приписывается создание «Домостроя», хотя известно, что списки этой книги существовали и до Сильвестра. Значение Сильвестра раздуто в XIX в. представителями либерального крыла русской исторической науки.

В 1560 г. Сильвестр потерял расположение Царя и сослан в Соловецкий монастырь. Его семьи репрессии не коснулись, сын Сильвестра Анфим в 1561 г. был послан дьяком в Смоленск.

¹⁸ Скорее всего, речь идет о кулачных боях, осуждаемых Церковью (см. например, решения Владимирского собора 1274 г.), т. к. во время них многих «убивали до смерти», при этом одежду убитых победители получали как трофей. Несмотря на это, кулачные бои были любимы на Руси и так и не были никогда искоренены до конца.

¹⁹ *Алексей Федорович Адашев* (1530-е — нач. 1561 гг.) — с 1547 г. член Избранной рады, дипломат, участник военных походов. Протееже А. Курбского. Совершил ряд дипломатических ошибок (возможно, преднамеренно). В 1560 г. был послан на войну в Ливонию третьим воеводой Большого полка, но вскоре взят под стражу по подозрению в отравлении Царицы Анастасии Романовны. Вскоре умер в Дерптской тюрьме от горячки.

²⁰ *Иоанн Синаит* (483—563) — был прозван Лествичником по названию созданного им аскетического трактата «Лествица райская». «Лествица» состоит из 30 бесед, адресованных инокам, стремящимся к духовному самосовершенствованию, наибольшим препятствием на пути к которому являются страсти.

²¹ *Тимофей (Тихон) Тетерин-Пухов* был пострижен в монахи, но сбежал в Литву.

²² *Св. Иоанн Златоуст* (ок. 350—407) — богослов, оставивший после себя огромное литературное наследие. *Афанасий Александрийский* (293—373) — один из наиболее почитаемых на Руси отцов Церкви. Здесь речь идет о толкованиях Златоуста и Афанасия Александрийского на Евангелие от Матфея (Мф, 23).

²³ Св. равноапостольный царь Константин Великий, подозревая своего сына Криспа в заговоре, подписал ему смертный приговор, по которому тот был тайно казнен. Вскоре выяснилось, что Крисп был оклеветан мачехой, императрицей Фаустой, и она при «невыясненных обстоятельствах» утонула в горячей ванне.

²⁴ Жителей Иерусалима.

²⁵ Речь идет о заключении Константинопольской церковью унии с католиками, что послужило духовной причиной гибели Византийской империи и падения Константинополя, захваченного турками в 1453 г.

²⁶ Византийская империя.

²⁷ Германия.

²⁸ Король Гейзерих.

²⁹ Начальники областей.

³⁰ Император Карл Великий.

³¹ Крестоносцами (1204).

³² 1453 г.

³³ Князь А. Курбский получил от польского короля в награду за измену город Ковель с замком, Кревскую старостию, 10 сел и 4000 десятин земли в Литве, 28 сел на Волыни.

³⁴ Мать Иоанна Грозного, Великая Княгиня Елена Глинская, как теперь стало известно, была отравлена (при исследовании ее останков выявлено превышение ПДК мышьяка в 10 раз).

³⁵ За время своего правления Иоанн IV построил более 100 новых церквей и монастырей.

³⁶ Речь идет о монашеском постриге перед смертью Великого Князя Василия Ивановича.

³⁷ Родной брат Иоанна Грозного.

³⁸ *Князь Андрей Старицкий*, дядя Иоанна, поднял против него мятеж в мае 1537 г.

³⁹ Умерла 3 апреля 1538 г.

⁴⁰ Речь о борьбе за власть в к. 1530-х — нач. 1540-х гг. боярских кланов Шуйских и Бельских.

⁴¹ Полушерстяная.

⁴² 2 января 1542 г. Шуйские совершили правительственный переворот в Москве.

⁴³ «Источники» — полосы, украшавшие мантию.

⁴⁴ 1545 г.

⁴⁵ «Великий» московский пожар в июне 1547 г., вслед за которым начался бунт сторонников Шуйских.

⁴⁶ Родственник по матери Царя Иоанна.

⁴⁷ Бунтовщики даже привели с собой в с. Воробьево городского палача.

⁴⁸ А. Ф. Адашев.

⁴⁹ Простых слуг.

⁵⁰ В феврале 1549 г. был созван первый Земский собор («Примирительный»).

⁵¹ Избранная рада, подменив собой Боярскую думу, законодательно ограничила власть царя: лишила его права жаловать боярский сан, присвоив это право себе.

⁵² После взятия Казани между Царем Иоанном и некоторыми военачальниками, близкими к Избранной раде, возник спор. Последние убеждали Царя остаться в разоренной Казани на всю зиму — вдали от Москвы, жены и только что родившегося сына. Когда Иоанн настоял на своем и вернулся в столицу, то неожиданно тяжело заболел. Во время его болезни была предпринята попытка государственного переворота с целью возведения на престол князя Владимира Старицкого.

⁵³ *Царевич Дмитрий Иванович* (октябрь 1552 — 26 июня 1553, мать — Царица Анастасия Романовна), утонул при невыясненных обстоятельствах в возрасте 9 месяцев. Считается, что был «случайно» уронен нянькой в реку при посадке на струг.

⁵⁴ *Князь Семен Лобанов-Ростовский* — член Избранной рады, активный участник неудавшегося переворота в пользу князя Владимира Старицкого. Сообщил польскому посольству важные политические данные о напряженной обстановке в завоеванной Казани и посоветовал польским послам не заключать мир с Россией, т. к. в Казани скоро начнется восстание местного населения, что затруднит положение России и ослабит ее. Летом 1554 г. пытался бежать в Литву, был схвачен и осужден Боярской думой на смертную казнь, которую Царь Иоанн заменил ему на ссылку в Белоозере.

⁵⁵ Семен Лобанов был один из тех бояр, которые во время болезни Иоанна говорили о «низком» происхождении Царицы Анастасии и на основании этого отказывались принимать присягу царевичу Дмитрию Ивановичу.

⁵⁶ Ливонская война (январь 1558 — январь 1582).

⁵⁷ Сильвестр постоянно препятствовал Царю совершать паломнические поездки с больной Анастасией по монастырям. Ненавидел Царицу Анастасию, которую москвичи за доброту и мудрость считали святой.

⁵⁸ В монастырь.

⁵⁹ Сын Сильвестра Анфим в 1561 г. был послан дьяком в Смоленск.

⁶⁰ Иностранцев.

⁶¹ По наущению князя Курбского крымский хан напал на Россию.

⁶² *Антенор* — один из вождей троянцев, во время войны призывал примириться с ахейцами и возвратить им Елену Прекрасную. После падения Трои бежал и был одним из основателей города Патавия (Падуя).

⁶³ *Эней* — сын троянца Анхиса и Афродиты, после падения Трои бежал в Италию. Считается родоначальником римлян.

⁶⁴ Святой равноапостольный император Константин Великий.

⁶⁵ Некоторые из воевод во время Казанского похода, о котором идет речь, неоднократно пытались уговорить

царя прекратить поход из-за тяжелых условий и вернуться в Москву.

⁶⁶ Пока Иоанн был ребенком и страной управляли бояре, Россия подвергалась нападениям казанцев, крымцев, литовцев и шведов.

⁶⁷ Адашев.

⁶⁸ Принадлежащие Ливонскому ордену, в котором состояли, в основном, немцы (германцы).

⁶⁹ По инициативе Адашева между Ливонским орденом и Россией было заключено перемирие, за время которого руководство Ливонского ордена смогло договориться с Польшей о совместных действиях против России. Внешняя политика А. Адашева привела к тому, что к 1560 г. против России совместно выступили Ливония, Польша, Литва, Крымское ханство и Швеция.

⁷⁰ Ливонский город Феллин.

⁷¹ Вайссенштейн.

⁷² Ливония.

⁷³ Шведов.

⁷⁴ Иоанн считал, что неудачи в Ливонской войне вызваны «нерадением» Курбского и некоторых других военачальников, но теперь известно, что князь Курбский состоял более двух лет в тайной переписке с польским королем, выдавая ему секретную информацию, благодаря чему были уничтожены крупные отряды русских войск — до 20 000 человек (см.: Р. Г. Скрынников. «Иван Грозный»).

⁷⁵ Царь перевел Курбского из воевод на должность наместника г. Дерпта после того, как 4 тысячи поляков разгромили 15-тысячное московское войско под командованием Курбского. Польский историк Валишевский пишет, что это поражение было «подготовлено какими-то подозрительными сношениями» Курбского с поляками.

⁷⁶ Дерпт.

⁷⁷ Саддукеи — ветхозаветная иудейская секта, отрицавшая загробную жизнь, воскресение мертвых, бытие ангелов и злых духов.

⁷⁸ Манихейство — религиозное учение, зародившееся в III в. в Вавилонии, смешавшее зороастризм, христианство и гностицизм. Утверждало равнозначность добра и зла.

⁷⁹ *Феофил* — византийский император в 829—842 гг. Иконоборец. Издал эдикт о закрытии всех монастырей в населенных пунктах.

⁸⁰ Россия.

⁸¹ О Царице Анастасии и царевиче Дмитрие.

⁸² «Удавившемуся» — самоубийство считается у христиан одним из самых больших грехов. «Погибшему ради славы» — гордыня также большой грех, «начало всех грехов», из-за нее сатана восстал на Бога.

⁸³ «Эфиопское лицо» — в христианской традиции «эфиопом» называли иногда злого духа (беса).

⁸⁴ Речь идет о Дионисии Ареопагите. Грозный упоминает о его послании иноку Димофилу, которое было включено митрополитом Макарием в Великие Минеи Четьи.

⁸⁵ Один из предков князя А. Курбского.

⁸⁶ *Евдоксия* — супруга византийского императора Феодосия II (401—450). Имела огромное влияние на своего мужа. Противники Царя считали, что Царица Анастасия оказывает на Иоанна влияние с целью настроить его против Избранной рады.

⁸⁷ Ин 8:39.

⁸⁸ Ин 21:18

⁸⁹ «Возраст Христов» — по преданию, Христос был распят в 33 года. Царю Иоанну 33 года исполнилось в 1563 г.

⁹⁰ «Кроновы жрецы» — мифический бог Кронос, отец Зевса, пожирал своих детей младенцами, чтобы они, возмужав, не отняли у него власть.

⁹¹ Волмер.

⁹² По договору Ливония была обязана платить дань России. Многолетняя задержка с выплатой дани и послужила причиной начала Ливонской войны. В целом Прибалтика была зоной влияния России (особенно Полоцкого

княжества и Новгорода Великого) еще с X в. Польша никогда не имела на нее прав.

⁹³ Власть польского короля была жестко ограничена правом «вето» польского дворянства.

⁹⁴ Моавитяне («потомство отца») — потомки Моава, сына Лота от его старшей дочери, родившиеся в результате кровосмешения после гибели Содома и Гоморры. Жили на восток от Мертвого моря (озера в Палестине).

⁹⁵ Аммонитяне — потомки Бен-Амми, сына Лота от кровосмешения его с младшей дочерью. Жили в районе реки Иордан (Палестина).

⁹⁶ Ошибка. Лот был племянник Авраама, сын Харрана. Видимо, Царь имел в виду, что Лот происходил из рода Авраама.

⁹⁷ Второе послание Андрею Курбскому было написано в 1577 г. после удачного похода в Ливонию, когда были взяты почти все крепости (за исключением Ревеля и Риги). Курбскому оно было послано через захваченного в плен предводителя польских войск в Ливонии князя Александра Полубенского. Послание печатается по изданию: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 385—388.

⁹⁸ То есть царская власть получена Иоанном от Бога.

⁹⁹ Волжской Булгарии.

¹⁰⁰ *Ветхозаветный царь Манассия* («Заставляющий забыть») поклонялся идолам и был очень жесток. Здесь Царь говорит не о том, что он так же поклонялся идолам, а что его грехи тяжелее грехов Манассии. Бескомпромиссное покаяние в своих грехах, полный отказ от самооправдания, характерны для православной традиции.

¹⁰¹ *Амалик*, сын Елифазов, правнук Исава, враг израильтян, был разбит Иисусом Навином в сражении в Рефидиме (Исх.17:1—16). Во время сражения, пока Моисей стоял на холме, подняв свой жезл (прообраз креста), израильтяне побеждали.

¹⁰² *Максенций* — противник св. равноап. императора Константина Великого, чья победа над Максенцием (312)

сопровождалась явлением креста с надписью: «Тем побеждай».

¹⁰³ Дочери Ивана Грозного от Анастасии умерли в раннем детстве (отравлены).

¹⁰⁴ Речь идет о смерти Царицы Анастасии Романовны (отравлена).

¹⁰⁵ Здесь Иоанн говорит о своем втором браке с *Царицей Марией Темрюковной* (август 1561 г.), дочерью пятигорского князя Темрюка. В сентябре 1569 г. она была отравлена царским поваром, подкупленным сторонниками возведения на престол князя Владимира Старицкого.

¹⁰⁶ Заговор 1569 г. в пользу князя Владимира Старицкого, двоюродного брата Иоанна Грозного. Владимир Старицкий, несмотря на то (а может быть, именно потому) что был «прост умом», пользовался большой поддержкой бояр, недовольных жесткой политикой централизации, проводимой Иоанном Грозным. Его кандидатура неоднократно выставлялась как альтернатива Царю во время заговоров (1553, 1563 и 1569 гг.). В результате заговора 1569 г. Царица Мария была убита, а Царь Иоанн и царевич Иван Иванович после отравления тяжело болели. Разоблаченный князь Владимир Старицкий и его жена были либо принуждены выпить свой яд, найденный у подкупленного ими царского повара, либо сами отравились, опасаясь пыток и казни.

¹⁰⁷ Иоанну Грозному в момент благословения на царство было 3 года.

¹⁰⁸ После мятежа 1537 г., который поднял князь Андрей Старицкий, отец Владимира, с целью захватить престол, он был схвачен боярами и заточен в тюрьму.

¹⁰⁹ Ливонские.

¹¹⁰ Многие ливонские города перешли на сторону русских без боя.

¹¹¹ 1577 г.

¹¹² Дипломатические отношения с Британией были установлены Россией после падения власти Золотой Орды в 1524 г. Постоянные торговые и дипломатиче-

ские отношения начинаются с 1553 г. В феврале 1554 г. грамотой Царя Иоанна Грозного была разрешена беспошлинная торговля между Россией и Англией. Россия получала из Англии оружие, стратегическое сырье и специалистов. Послание английской королеве Елизавете I было написано Иваном Грозным в связи с осложнениями в отношениях между Россией и Англией. Послание печатается по изданию: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 329—333.

¹¹³ *Ричард Ченслер* в августе 1553 г. пристал к устью реки Сев. Двины у Никольского Корельского монастыря. Он был участником экспедиции, организованной для открытия Северного морского пути в Индию. Английским королем Эдуардом IV экспедиции были даны грамоты «всем царям, государям и владыкам и всяким судиям земли и вождям ее». Р. Ченслер был доставлен в Москву.

¹¹⁴ Ченслер. Речь идет о его второй поездке в Москву в 1555—1556 гг.

¹¹⁵ *Осип Григорьевич Непея* — русский дипломат. Прибыл в Лондон 14 февраля 1557 г. По пути в Англию потерпел кораблекрушение у берегов Шотландии 10 октября 1556 г., во время которого погиб Ричард Ченслер. В Лондоне Непея вел переговоры с королевой Марией Тюдор и ее мужем испанским королем Филиппом II. Династии Габсбургов (Филиппу II и его дяде, императору Фердинанду I) в этот период была нужна дружба с Москвой, которая еще не начала войну с Ливонией, но уже боролась с Крымом и Турцией — противниками Габсбургов. Содержание переговоров до сих пор остается неизвестным, так как они велись только устно. Непея привез из Англии большое количество оружия для войны с Турцией.

¹¹⁶ *Антони Дженкинсон* приезжал в Москву в 1567 г. Через него Иван Грозный передал английской королеве предложение о союзе «против всех своих врагов». Царь также просил королеву о присылке корабельных мастеров и военного снаряжения в Россию, а также о взаим-

ных гарантиях убежища. В это же время русские послы вели в Швеции переговоры о ратификации российско-шведского договора.

¹¹⁷ *Купец Рудольф Рюттер.*

¹¹⁸ Нарва, завоевана русскими во время Ливонской войны, в 1558 г.

¹¹⁹ *Эдуард Гудмен* — представитель английской «Московской компании».

¹²⁰ *Джордж Мидлтон* — представитель английской «Московской компании».

¹²¹ *Томас Рандольф* — английский дипломат, прибыл в Россию в июле 1568 г.

¹²² «Сын боярский» — социальный статус, на практике соответствующий дворянину.

¹²³ Чума. Из-за нее английскому дипломату не давали аудиенции у Царя полгода.

¹²⁴ Опричник князь А. И. Вяземский, дьяк и хранитель государственной печати Иван Михайлович Висковатый и дьяк Андрей Васильевич Монастырев-Безносос.

¹²⁵ О военном союзе с Англией.

¹²⁶ *Андрей Григорьевич Совин* — русский посол в Лондоне в 1569—1570 г. Переговоры окончились безрезультатно.

¹²⁷ *Уильям Гаррард.*

¹²⁸ Царь Иоанн указывает на ограничение самодержавной власти английского монарха и роль представительных органов в управлении Британской империей.

¹²⁹ То есть все прежние договора с Англией были денонсированы.

¹³⁰ Прения Царя Ивана Васильевича Грозного с пастором Общины чешских братьев *Яном Рокитой* состоялись 10 мая 1570 г. Текст подготовлен по: Древнерусские полемические сочинения против протестантов // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1878. Кн. 2. Вып. 1.

¹³¹ Царь обыгрывает имя Лютера, его созвучие по-русски со словом «лютый».

¹³² Koznodeieja — проповедник (польск.). Здесь Царь снова обыгрывает звучание польского слова по-русски как кознодей (человек, делающий козни).

¹³³ Иисус Христос.

¹³⁴ Грехопадение Адама и Евы привело к тому, что они и все их потомки стали смертными, и появился первородный грех, передающийся из поколения в поколение от родителей к детям и обрекающий всех людей, и праведников, и грешников, на пребывание после смерти в аду. Только воплощение Сына Божия, Иисуса Христа, и Его добровольное самопожертвование на кресте, принесение Себя, как единственное на земле безгрешное Существо в жертву за всех людей, позволило Ему вывести праведников из ада в рай и искупить первородный грех человечества, в результате чего теперь каждый человек имеет возможность спастись и получить вечную жизнь, если он верует во Христа и Св. Троицу, кается в совершенных грехах и причащается в Православной церкви Святых Христовых Таинств.

¹³⁵ Дьявол.

¹³⁶ Имеющего свободу воли и свободу выбора.

¹³⁷ Лк 2:14. Воскликание ангелов при воплощении Иисуса Христа.

¹³⁸ 1 Кор 12.

¹³⁹ Лев III Исавр (717—774), Константин V Копроним (741—775), Лев V Армянин (813—820), Феофил (829—842) — византийские императоры-иконоборцы.

¹⁴⁰ Второзаконие — название пятой книги из Пятикнижия Моисеева, дано ей греческими переводчиками, т. к. она представляет собой повторение законов, изложенных в предшествующих пяти книгах Библии. Иконоборцы, выступая против почитания икон, помимо текстов новозаветных (Ин 4:24; 1:18; 5:37), где говорится, что Бог есть дух, опирались на Второзаконие (Втор 5:8): «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли». Любые антропоморфные изображения Христа они считали идолопоклонством.

¹⁴¹ «Закон Моисеев» — Пятикнижие Моисеево (пять первых книг Ветхого Завета).

¹⁴² Гал 5:2.

¹⁴³ Исх 20:4. Вторая заповедь.

¹⁴⁴ Исх 32:1.

¹⁴⁵ Пс 105:28. После победы над мадианитянами евреи ели жертвенное мясо, которое было предназначено идолам, т. е. нарушили один из важных религиозных заповедей (есть идоложертвенное — все равно что признать себя поклонником идола, для которого эта жертва предназначалась, соответствует по значению православному таинству Причастия).

¹⁴⁶ Речь о приношении в жертву идолам младенцев.

¹⁴⁷ Изображения ангелов и поклонение святыне были и в Ветхозаветной церкви (Исх 25:18; Евр 9:4—6).

¹⁴⁸ Христос-Бог воплотился в человеческом теле.

¹⁴⁹ Речь о так называемом «Спасе Нерукотворном».

По преданию, когда Христа вели на распятие, Он вытер лицо протянутым Ему из толпы платком («Плат святой Вероники»), на котором запечатлелся Его нерукотворный образ. По другой версии, это была Плащаница, хранящаяся теперь в г. Турине, куда она попала после похищения ее крестоносцами из разгромленного Константинополя в 1204 г. Она была свернута в несколько раз, так что виден был лишь лик Христа. Первоначально изображение долгое время размещалось в нише над городскими воротами г. Эдессы.

¹⁵⁰ Написавший историю Церкви Евсевий Памфил (260—340) описывает скульптурную группу, которая, по преданию, была воздвигнута женщиной, исцеленной Христом от кровотечений. Перед входом в свой дом на высоком камне она поставила медное изображение коленапреклоненной женщины с простертыми руками, напротив нее — прямую фигуру мужчины, о которой говорили, что эта статуя является образом Христа.

¹⁵¹ Речь идет о иконе Богородицы с младенцем. Согласно преданию, этот образ возник на колонне в постро-

енной руками апостолов церкви г. Лидды (недалеко от Иерусалима). Во времена правления императора *Юлиана Отступника* (361—362), пытавшегося возродить язычество, хотели уничтожить это изображение. Однако, как рассказывает легенда, после каждого уничтожения иконы на колонне вновь и вновь появлялось красочное изображение Богоматери.

¹⁵² Отступник.

¹⁵³ Византийские источники также рассказывают о нерукотворной иконе, которая появилась в храме неподалеку от г. Лидды. Эта церковь была построена Энеем в память о его чудесном исцелении апостолами (Деян 9:32—35). В строительстве Энею помогали другие ученики Христа из семидесяти (Лк 10:1—24). В западной части храма появилась колонна с изображением женской фигуры, облаченной в пурпурные одежды. Изображение было окружено надписью: «Мария и Мать Назорея и Царя Христа».

¹⁵⁴ Владимирская икона Божией Матери.

¹⁵⁵ Откр 22:8—9.

¹⁵⁶ Фаворе.

¹⁵⁷ *Епифаний Кипрский* (367—403) — богослов. Отвергал достоверность изображения апостолов, пророков и Христа, считая, что живописцы изображают их в соответствии со своей фантазией и для собственного удовольствия. К текстам Епифания обращались иконоборцы на Соборе 754 г. в Иерии.

¹⁵⁸ По православному преданию, существуют силы (люди и бесы), целенаправленно стремящиеся привести к власти над всем миром антихриста. Их совет назван в Библии «вратами ада» (Мф 16:18), т. к. в древности совет старейшин каждого города собирался у городских ворот. Врата ада творят «тайну беззакония» (2 Фесс 2:7), т. е. тайно и сознательно работают во благо антихриста. Назвав Рокиту не только еретиком, но и «слугой антихристово-дьявольского совета», Царь указал, что тот не просто заблудится в вопросах веры, но сознательно служит антихристу в его борьбе с Христом.

¹⁵⁹ Вечносуществующим.

¹⁶⁰ В 1566 г. шведский король Эрик XIV предложил Царю заключить договор о союзе и взаимной помощи, который и был подписан год спустя в Александровской слободе. Для ратификации договора русские послы отправились в Швецию, но во время их пребывания там, в 1568 г., Эрик XIV был свергнут, и к власти пришел Юхан III. Переговоры провалились, русские послы подверглись оскорблениям. Четыре года спустя переговоры возобновились, в связи с чем были написаны два послания шведскому королю Юхану III в 1572 и 1573 гг. Послания печатаются по: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 334—350.

¹⁶¹ Вендия — южное побережье Балтийского моря, которое населяли в начале Христианской эры венеды (венды).

¹⁶² *Павел, епископ Абовский*, Антон Оловеев (Тоне Ольсен) прибыли в Москву в 1569 г. в составе шведского посольства, но, не принятые Царем, были сосланы в г. Муром, где находились до января 1572 г. В 1572 г. они были отпущены в Швецию с грамотой Юхану III, содержащей условия перемирия.

¹⁶³ *Михаил Кайбулович*, сын астраханского царевича Кайбулы, перешел на русскую службу в 1552 г. В 1571—1572 гг. Царь поставил его во главе Боярской думы с титулом «царевича Астраханского».

¹⁶⁴ *Андрос Нильсен*, наместник шведского короля в Выборге, написал русскому наместнику г. Орешек грамоту, будто Иоанн Грозный сам просил мира у шведского короля, что и послужило причиной написания этого письма.

¹⁶⁵ Как подтверждение своих мирных намерений шведский король Эрик XIV в 1567 г. предлагал передать в заложницы Царю Иоанну жену своего брата Юхана, *Катерину Ягеллон*, сестру польского короля. Кроме того, таким образом Царь Иоанн мог бы оказывать влияние и на польского короля. Впоследствии некоторые историки ложно обвиняли Иоанна в стремлении жениться на ней,

для чего, якобы, он и требовал ее прислать в Москву «от живого мужа».

¹⁶⁶ В 1572 г. русские войска под командованием М. И. Воротынского одержали победу над крымским ханом и турецкими войсками в битве при Молодях в 70 верстах южнее Москвы. Это было крупнейшее сражение, от исхода которого зависела судьба Восточной Европы. По значению равно Куликовской битве.

¹⁶⁷ 1572 г.

¹⁶⁸ Печатается по: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 334—350.

¹⁶⁹ Во время похода 1572—1573 г. в северную Ливонию Иван IV получил от Юхана III ответное послание, текст которого не сохранился.

¹⁷⁰ Дед шведского короля не царствовал, отец Юхана III Густав Ваза стал королем в результате свержения власти датских королей над Швецией. Таким образом, Царь указывает на некоролевское происхождение Юхана III.

¹⁷¹ *Сиффридсона.*

¹⁷² Обычно переговоры России и Швеции шли через новгородских наместников.

¹⁷³ Русские послы, прибывшие в 1567 г. к королю Эрику XIV для ратификации мирного договора, после переворота, приведшего к власти короля Юхана, были ограблены и до мая 1569 г. находились под арестом.

¹⁷⁴ Ганса Ларссона.

¹⁷⁵ Н. Гюлленшерна.

¹⁷⁶ *Кнут Андерсен и Биорн Классом.*

¹⁷⁷ С 1537 по 1597 г.

¹⁷⁸ 1547 г.

¹⁷⁹ Магнусе.

¹⁸⁰ Речь идет о Великом Киевском Князе Ярославле Мудром (Георгий в крещении).

¹⁸¹ Существовала средневековая легенда о происхождении русских самодержцев от римского императора Августа.

¹⁸² Шведы стали протестантами, у которых пасторы выбираются из мирян и не имеют апостольского преемства, т. е. передающегося от апостолов рукоположения при поставлении в священнослужители.

¹⁸³ Царь кратко пересказывает историю прихода к власти правившей в Литве династии.

¹⁸⁴ Тоне Ольсону.

¹⁸⁵ Вейссенштейн.

¹⁸⁶ 1573 г.

¹⁸⁷ Послание Иоанна Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, написанное в 1573 г., было ответом братии Кирилло-Белозерского монастыря на просьбу о разрешении конфликта между Иваном Шереметевым (в иночестве Ионой) и Василием Собакиным (в иночестве Варлаамом), монастырские власти в этом конфликте поддерживали Шереметева.

Послание печатается по изданию: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 351—369.

¹⁸⁸ Это место в послании некоторые историки считают доказательством особой греховности Царя, забывая, что подробная и даже гипертрофированная исповедь есть неотъемлемый элемент христианства. Не только миряне, но и многие святые пишут о себе как о великих грешниках. Это связано с тем, что исповедь включает в себя не только совершенные грехи (дела), но и помыслы (грешные мысли) и прелюбопытности (тонкие душевные движения, мимолетные порывы страсти), которые все равны для христианина, все воспринимаются им как совершенный грех. В Евангелии Христос говорит: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф 5:28).

¹⁸⁹ *Св. Кирилл Белозерский* (1337—1427) — основатель Кирилло-Белозерского Успенского монастыря.

¹⁹⁰ Ныне г. Солоники (Греция).

¹⁹¹ Иван Васильевич Большой-Шереметев, Иван Иванович Хабаров и Василий (Варлаам) Собакин пере-

дали свои владения в качестве монастырского вклада при пострижении и фактически содержали монастырь, обеспечив тем самым себе некоторые послабления в строгой монастырской жизни. Подобные нововведения были восприняты Иваном Грозным как отказ от устава Кирилла Белозерского и разрушение созданного им монашеского жительствова.

¹⁹² Свв. Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский, Варлаам Хутынский, Пафнутий Боровский.

¹⁹³ Речь идет о Владимире Воротынском, брате военачальника Михаила Воротынского. Над его прахом вдова поставила церковь.

¹⁹⁴ Имеется в виду книга «Лествица» Иоанна Лествичника.

¹⁹⁵ Князь Святослав (Святоша), †1142 г.

¹⁹⁶ Келарь — заведующий хозяйством.

¹⁹⁷ Водку.

¹⁹⁸ Итальянские, виноградные.

¹⁹⁹ В Переславле-Залесском.

²⁰⁰ *Бельские* — один из знатнейших родов средневековой России, потомки Великого Князя Литовского Гедимины.

²⁰¹ Здесь Иоанн напоминает обещание Христа апостолам: «Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19:28).

²⁰² Основателя монастыря св. Кирилла Белозерского.

²⁰³ Меж тем сам Иоанн Грозный вносил в Троице-Сергиев монастырь большие вклады, по его распоряжению была построена вокруг монастыря новая каменная стена, позволившая выдержать в Смутное время польско-литовскую осаду, практически закончено возведение Успенского собора.

²⁰⁴ Ливонию.

²⁰⁵ Простолюдин, в переносном смысле — человек без чести.

²⁰⁶ Дарить острые и колющие предметы (например, ножи и вилки) считается до сих пор плохой приметой, пожеланием ссоры.

²⁰⁷ Украшения книжного переплета.

²⁰⁸ Василий Грязной был один из близких к Царю опричников. Попав в плен к крымским татарам, назвал себя приближенным Царя и убеждал крымцев, что Иоанн обменяет его на одного из татарских военачальников, находившихся в московском плену, о чем просил так же и Царя. Приведенное ниже письмо является ответом на эту просьбу.

Послание печатается по изданию: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 370—371.

²⁰⁹ На охоту.

²¹⁰ В мае 1571 г. Москва была сожжена войсками крымского хана Девлет-Гирея в результате предательства боярского сына Кудеяра Тишенкова, который провел крымские войска в обход русских застав и неожиданно вывел в тыл русской армии. Русские в панике отступили, а крымцы подошли к Москве и подожгли ее. Погибло около 60 000 человек и столько же попало в плен.

²¹¹ Речь идет о создании опричнины (1565—1572).

²¹² Алексин — город, до 1566 г. принадлежавший князьям Старицким. В 1566 г. эта территория была взята в опричнину.

²¹³ Князья Пенинские-Оболенские служили князьям Старицким. Иван Грозный упрекает Грязного, что тот был псарем у Пенинских.

²¹⁴ Мурза Дивей был взят в плен в 1572 г. Есть сведения, что он перешел на службу русскому Царю.

²¹⁵ То есть если Василий Грязной перейдет в мусульманство. Всем пленникам-христианам мусульмане предлагали сменить веру. В случае отказа, условия содержания в плену ужесточались. Если же пленник соглашался стать мусульманином, ему обычно предлага-

ли принять участие в военных действиях против бывших единоверцев.

²¹⁶ Вольмер.

²¹⁷ Послание польскому наместнику в Ливонии Александру Ивановичу Полубенскому было написано в 1577 г. с расчетом на то, что с письмом ознакомится и новый король Речи Посполитой Стефан Баторий. Печатается по изданию: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 374—381.

²¹⁸ То есть в мире духовном — ангелов и в мире материальном — людей и животных.

²¹⁹ Сатану («сатана» по-русски — «противник»).

²²⁰ Первый царь по Библии, основатель Вавилона и инициатор строительства Вавилонской башни. Первый охотник. По легенде, после того как башню не удалось достроить, взлетел в небо на орлах и пытался выстрелить в Бога из лука.

²²¹ *Мицраим* — основатель Египта.

²²² Здесь Иоанн называет основателей различных азиатских государств, которые, как праотцы, были впоследствии обожествлены древними людьми и названы богами (Бел, Астарта, Арес).

²²³ После ночной борьбы с неизвестным духом Иаков получил от него новое имя «Израиль» (Быт 32), что переводится как «Богоборец»: «отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Быт 32:28).

²²⁴ Здесь Иоанн Грозный пытается обосновать утверждение о происхождении московских царей от римского императора Августа и, таким образом, о благословении Богом именно Московского царства как Третьего Рима, а также право России на Прибалтику.

²²⁵ Азия — так в античности называли полуостров Малая Азия, на котором в настоящее время располагается Турция.

²²⁶ Балтийское море.

²²⁷ Апостолов. Апостол по-русски — посланник.

²²⁸ Это некоторое преувеличение, св. князь Владимир был в момент крещения Руси молодым человеком. В старости крестился св. князь Константин Великий.

²²⁹ В дому — в роду.

²³⁰ Свв. князя Александр Невский и Дмитрий Донской.

²³¹ А. Полубенский был потомком Василия Дуды Родиона Квашнина — отсюда и «дудкино племя». В переносном смысле выражение «дудеть в дуду» означало «болтать, врать».

²³² Русское название Таллина.

²³³ Баторий.

²³⁴ Здесь Царь Иоанн указывает, что его посланник князь Трубецкой ведет свой род от Великого Князя Литовского Ольгерда и знатнее, чем гетман Полубенский.

²³⁵ Св. Троица считается покровительницей Пскова.

²³⁶ 1577 г.

²³⁷ Вольмера.

²³⁸ 1577 г.

²³⁹ Семиградский (трансильванский — родина легендарного вампира графа Дракулы) воевода Стефан Баторий был избран сеймом на престол Речи Посполитой в декабре 1575 г. и коронован 1 мая 1576 г. Иван Грозный был сторонником избрания на польский престол австрийского императора Максимилиана II (были также планы объединения под властью Иоанна Грозного России и Речи Посполитой, которые имели своих сторонников и в Польше, и в Литве). Летом 1581 г. войска Батория при политической и финансовой поддержке католических стран Европы и непосредственно папы Римского, с помощью многочисленных иностранных наемников (в том числе французов, венгров, немцев) заняли несколько пограничных русских городов и осадили Псков. Иоанн Грозный, учитывая, что Россия одновременно ведет войну со Швецией, был вынужден пойти на заключение мира с Баторием.

Послание печатается по изданию: Послания Ивана Грозного. М., 1951. С. 390—414.

²⁴⁰ Иоанн Грозный считал Стефана Батория, выбранного «демократически» — на сейме (съезде) польских дворян, «неполноценным» королем, в отличие от себя или, например, турецкого султана, как самодержцев, получивших трон по наследству. Это связано с тем, что наследственный монарх всходил на престол по воле Божьей, тогда как избранный — по «многоятежному желанию человечества», через выборы, по воле народа. В последнем случае народ присваивал себе прерогативу Бога избирать монарха, то есть выступал вместо Бога, был в некотором роде «анти-христом» (анти — «вместо»).

²⁴¹ Криштоф Держко был отправлен в Москву 5 июня 1581 г., а из Москвы выехал 29 июня того же года.

²⁴² Нейгаузен, Нейшлос, Неймюль и Нарва.

²⁴³ О надругательстве над телами убитых при осаде русской крепости Сокол упоминают и западные источники, в них рассказывается, что немецкие маркитантки разрезали тела и вынимали жир, который широко использовался в средневековой медицине. Известно из истории Пугачевского бунта, что пугачевцы так же использовали человеческий жир для лечения и колдовства (А. С. Пушкин).

²⁴⁴ Маестат — *лат.* *majesstas*, величество.

²⁴⁵ Сентябрь 1558 — сентябрь 1559 г.

²⁴⁶ 1560 г.

²⁴⁷ 1460 г.

²⁴⁸ 1439 г.

²⁴⁹ Флорентийский собор, постановивший заключить Унию (союз) между католиками и православными под верховным главенством папы Римского. Лишь один православный епископ, святой Марк Эфесский, отказался подписать эту Унию. Впоследствии большинство православных участников Флорентийского собора покалялись в своем отступничестве именно ему, как единственному оставшемуся православному епископу. Митрополит Московский и всея Руси Исидор (грек по происхождению), вернувшись с Флорентийского собора, отслужил в мо-

сковском Кремле литургию с возгласением папы Римского как главы Церкви и был арестован за отступничество Великим Князем Василием, но бежал из-под ареста на Запад. Царь Иоанн Грозный вспомнил о Флорентийском соборе, чтобы использовать стремление папы Римского обратить Россию в католичество для скорейшего заключения мирного договора с Речью Посполитой. Это ему удалось. Римский папа прислал своего специального посланника (нунция) Антонио Поссевина, который способствовал заключению Ям-Запольского перемирия (15 января 1582 г.). Однако после окончания военных действий Иоанн наотрез отказался обсуждать вопрос об унии с католиками.

²⁵⁰ Царь Иоанн намекает на то, что избранию Стефана Батория польским королем способствовал турецкий султан, чьим вассалом был семиградский воевода.

²⁵¹ Мул.

²⁵² 1581 г.

²⁵³ Печатается по: Духовные и договорные грамоты Великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950. С. 426—433, 444. Были и другие завещания Царя Иоанна Грозного, например, 1582 г.

²⁵⁴ То есть согрешил мыслями и чувствами.

²⁵⁵ Видимо, здесь подразумевается библейский рассказ о том, что Рувим «пошел и переспал с Валлою, наложницею отца своего» (Быт 35:22). Так как Иоанну было всего 8 лет, когда он остался круглым сиротой, то, конечно, ни о каком уподоблении с его стороны библейскому Рувиму и «осквернении отцовского ложа» не может быть и речи. Это сравнение, так же, как и сравнения себя с Каином, Ламехом и Исавом, — всего лишь дань традиции, по которой кающийся «примеряет» на себя все грехи, перечисленные в «Исповедании грехов» и в «Каноне покаянном» — от объедения до убийства и блуда.

²⁵⁶ Иоанн составлял свое завещание в Новгороде Великом, куда был вынужден временно переехать после уничтожения Москвы крымским ханом 24 мая 1571 г. Как

известно, путь к Москве в обход русских войск татарам показали предатели из числа русских бояр, недовольных внутренней политикой Царя. На этих предателей, он, видимо, и намекает, говоря, что «изгнан от бояр» и «скитается».

²⁵⁷ Трилакотна — трехлоктеевого, 2 м 10 см.

²⁵⁸ Пение петуха.

²⁵⁹ Отец Царя Иоанна, Великий Князь Василий Иванович, перед смертью принял монашеский постриг с именем Варлаам.

²⁶⁰ Анастасия Романовна (Царица с 3 февраля 1547, † 6 августа 1560, отравлена).

²⁶¹ Мария Темрюковна (Царица с августа 1561, † 9 сентября 1569, отравлена).

²⁶² Марфа Собакина (Царица с 28 октября 1571, † 13 ноября 1571, отравлена). Она была отравлена еще до венчания, тяжело болела до самой смерти и так и не стала фактической супругой Царя.

²⁶³ Существует множество догадок о том, что представляла собой эта скатерть, но точного ответа на этот вопрос нет. Предположительно, она связана с земной жизнью Христа.

МОЛИТВОСЛОВИЯ

¹ В 1541 г. крымский хан Саип-Гирей совершил нападение на Русь. Великому Князю Ивану IV Васильевичу (царь с 1547) было тогда 11 лет. Узнав о нападении крымцев, он молился в Успенском соборе Московского Кремля перед Владимирской иконой Божией Матери и у мощей св. Петра Митрополита Московского, который стоял у истоков создания Московского государства. Владимирской иконе Божией Матери церковью установлено три празднества в память о защите Москвы от нашествия врагов: 21 мая — в память избавления от нападения казанского хана Махмет-Гирея в 1521 г.; 23 июня — в память избав-

ления от ордынского царя Ахмата в 1480 г.; 26 августа — в память о спасении от нашествия Тамерлана в 1395 г. Как известно, в течение всей своей жизни (1530—1584) Царь Иоанн Грозный не пропустил без уважительной причины ни одного богослужения. Эта молитва, составленная им в 11 лет, и тот факт, что его воспитателем после смерти родителей был св. Макарий, митрополит Московский и всея Руси, опровергают измышления антирусских историков о проявленной с детства жестокости и непристойном поведении Иоанна.

Текст молитвы печатается по: Полное собрание Русских летописей. Т. XXIX. М., 1965. С. 135—136.

² Здесь Иоанн вспоминает о вторжении на Русь в 1395 г. Тамерлана (Темир-Аксак, Железный хромец). По молитве Великого Князя Московского к Владимирской иконе, после 10-дневного крестного хода с ней из Владимира в Москву, Тамерлану было устрашающее видение во сне Богородицы, после чего завоеватель покинул пределы Русской земли. В память этого события в Москве был воздвигнут Сретенский монастырь.

³ Христианский.

⁴ Отец будущего Царя, Великий Князь Василий Иванович, внезапно умер, когда его сыну было три года (1533), а мать, Великая Княгиня Елена (урожденная Глинская) была отравлена (при исследовании ее останков обнаружено десятикратное превышение ПДК мышьяка) в 1538 г. Иоанн остался круглым сиротой в 8 лет.

⁵ Басурманства, мусульманства.

⁶ Поганый — язычник.

⁷ Собирая войска для похода на Казань, Царь Иоанн Грозный просил о помощи в военных делах, обращаясь с молитвой к Господу и Богородице. Здесь приводится одна из таких царских молитв, совершенная 16 июня 1552 г. в Успенском соборе Московского Кремля.

Печатается по: Полное собрание Русских летописей. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. III. М., 1965. С. 177.

⁸ Непосредственно перед решающим штурмом Казани (1—2 октября 1552 г.) Иоанн IV приказал служить Литургию (священнодействие Православной церкви, необходимое для Таинства Причастия) «хотяше бо святыни коснуться», т. е. причаститься Св. Даров. Во время Литургии были взорваны крепостные стены Казани, что символически выражало помощь Божию в борьбе с «агорянами». Здесь приводится царская молитва во время этого богослужения.

Печатается по: Полное собрание Русских летописей. Патриаршая или Никоновская летопись. С. 216.

⁹ Здесь Царь обращается за помощью к своим предкам — святым воинам князьям-Рюриковичам: Александру Невскому, Константину Муромскому, Василию и Константину Всеволодовичам (погибшим во время Батыева нашествия) и др.

¹⁰ 2 октября 1552 г. Казань была взята штурмом. Вокруг Казани совершили крестный ход, и Царь лично воздвиг посреди города православный крест, возблагодарив при этом Господа за победу. На месте воздвижения креста была затем поставлена церковь во имя Нерукотворенного образа Господа нашего Иисуса Христа.

Печатается по: Полное собрание Русских летописей. Патриаршая или Никоновская летопись. С. 219.

¹¹ Празднество этой иконе установлено в 1480 г. повелением Великого Князя Иоанна III Васильевича (деда Иоанна IV) по благословию Геронтия, митрополита Московского и всея Руси, в память чудесного удаления татар и спасения Руси заступлением Богородицы от нашествия в 1480 г. ордынского хана Ахмата (известно в истории как «Стояние на Угре»). Совершается 23 июня. По преданию, эта икона написана апостолом Лукою на доске стола, за которым совершал трапезу Сам Иисус Христос со Своею Матерью и праведным Иосифом. Подробнее о стихирах см.: Царь Иван Васильевич Грозный. Духовные песнопения и молитвословия / Сост. С. Фомин. М., 1999.

Печатается по: *Архим. Леонид*. Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение Царя Иоанна, Деспота Российского. По рукописи библиотеки Троице-Сергиевой Лавры, № 428. СПб. 1886. С. 6, 8, 10.

¹² То есть далее см. богослужение празднику Покрова.

¹³ Св. прп. Никита Столпник (к. XI — нач. XII вв., память 24 мая) служил мытарем (налоговым инспектором) в городе Переславле-Залесском. В то время этот город входил в десятку самых крупных и экономически развитых городов Северо-Западной Руси. Будучи налоговиком, св. Никита прославился неумеренным взяточничеством. Но однажды Бог послал ему и его жене страшное видение — они увидали, что в их котле варится не обычная пища, а человеческие руки и ноги, плавающие в кровавой пене. Устрашенный видением, мытарь раскаялся и ушел в монастырь. В поле за монастырем монах выкопал себе узкую глубокую яму (как бы «столп наоборот») и, возложив на себя тяжелые железные вериги и каменную шапку, стоял в ней день и ночь на молитве долгое время. Известен тем, что уже при жизни совершал чудеса исцеления. Был убит с целью ограбления родными, которые считали, что все свое серебро преподобный перелил в вериги, которые носил. Увидев, что вериги не серебряные, а железные, убийцы бросили их в Волгу, где те и были чудесно найдены местными священнослужителями. Вериги до сих пор хранятся в Никитском монастыре г. Переславля-Залесского, где их возлагают на бесноватых с целью изгнания демона. Автор примечания лично наблюдал, как при выносе вериг из алтаря бесноватые начинают биться в припадке. На месте затворничества прп. Никиты Столпника имеется чудотворный источник. По молитвам к св. прп. Никите Столпнику Иоанна IV и его супруги Анастасии у них родился сын Иван (28 марта 1554 г.). Тропарь, составленный Царем святому, сохранился на вышитой супругою Иоанна Анастасией пелене с изображением преп. Никиты, хранящейся в монастыре. Подробнее о

св. Никите Переяславском см.: Житие переславских святых. Переславль-Залесский, 1998 г.

Печатается по: Акафист преподобному отцу нашему Никите Столпнику, Переяславскому чудотворцу. Изд. 2-е. М., 1897.

¹⁴ Царь подразумевает св. великомученика Никиту Готфского (†372, память 15 сентября).

¹⁵ Тропарь и кондак печатаются по: *Рамазанова Н. В.* Тропарь и кондак на перенесение честных мощей Князю Михаилу Черниговскому, «...творение Ивана, богомудрого Царя, Самодержца Российскаго» (к проблеме атрибуции) // Литература Древней Руси. Л. «Наука», 1988. С. 115—116.

¹⁶ Послание печатается по: *Иванчин-Писарев Н. Д.* Михаил, Великий Князь Киево-Черниговский, и боярин его Феодор. М., 1839. С. 39—42.

¹⁷ Святые князь Михаил Черниговский и его боярин Феодор были убиты в Орде за отказ совершить языческие очистительные обряды перед аудиенцией у Батыя. После захвата Чернигова католиками мощи были перенесены по распоряжению Иоанна Грозного в Москву, в специально построенный для них храм в честь Собора Черниговских святых над Тайницкими воротами (14 февраля 1578 г.).

¹⁸ *Освященный собор* — Поместный собор Русской Православной церкви.

¹⁹ Практика таких писем, посылаемых к отшедшим к Богу святым в случае перенесения их мощей на новое постоянное место, имела характер традиции и представляла из себя как бы извинение за то, что святых «переселяют» без их соизволения. Например, известно письмо царя Алексея Михайловича (XVII в.), посланное им с будущим патриархом Никоном на Соловки к св. Филиппу, Митрополиту Московскому и всея Руси чудотворцу, перед тем, как перенести его мощи в Москву.

²⁰ Батыя.

²¹ Пс 123:7—8.

²² Ин 11:26.

²³ Мф 22:32.

²⁴ То есть царского моления.

²⁵ Печатается по: *Архим. Леонид*. Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение Царя Иоанна, деспота Российского. С. 2, 4, 6; *Серегина Н. С.* Песнопения Русским святым. С. 388, 390, 392, 394.

²⁶ Свт. Петр (ок. 1260—1327, память 21 декабря) стал митрополитом всея Руси в 1305 г. Он был первым русским митрополитом, поселившимся в Москве и предрекшим этому городу великое будущее столицы России: «И град сей славен будет в всех градах Русьских и святители поживут в нем и въздут руки его на плещу враг его и прославит ся Бог в нем, еще же и мои кости в нем положени будут» (свт. Петр был похоронен в построенном по его настояниям Успенском соборе Московского Кремля). Его образ сыграл большую роль в создании концепции «Москва — Третий Рим». Как в Первом Риме, стоящем на семи холмах, был первоверховный апостол Петр, основатель Христианской церкви, которому Господь поручил «пасти овец» (Ин 21:17), так и в Третьем Риме — Москве, так же стоящей на семи холмах, был свой святитель Петр, порвавший с Киевской Русью, переехавший не просто во Владимиро-Суздальскую Русь, но в будущий центр России, в Москву, и, по сути, ставший основателем (так, во всяком случае, это воспринималось в XV—XVI вв.) Русской (Московской) Православной церкви, сохранившей, в отличие от Римско-католической, впавшей в ересь, Византийской и Украинской (пошедших на Унию с Римом в XV и XVI вв. соответственно) церквей, чистоту христианской веры, что и обусловило перемещение всемирного центра Православия из Второго Рима — Константинополя в Москву.

²⁷ Свт. Петр славился святостью жизни с детства, в 12 лет поступил в монастырь, где вел подвижническую жизнь и писал иконы.

²⁸ Имеется в виду пророчество о будущем Москвы.

²⁹ То есть сосуд для миро, принадлежащий Св. Духу. Миро (в дореволюционном написании через ижицу

«миро») — особый состав из благовонных веществ для священного помазания. В Ветхозаветной церкви составлялся из смирны самоточной, корицы благовонной, тростника благовонного, кассии и елея (оливкового масла). В современной Православной церкви миро варится высшими иерархами (предстоятелями) поместных церквей и централизовано доставляется в каждый храм. В истории Православной церкви нередки случаи чудесного мироточения (истекания миро) из мощей святых и из икон.

³⁰ Божие Слово — Христос.

³¹ Собор во имя Успения Пресвятой Богородицы в Московском Кремле.

³² Архангел Михаил (праздник 6 сентября и 8 ноября) — архистратиг (главнокомандующий) Сил Небесных, т. е. всех ангелов. Командовал оставшимися верными Богу ангелами во время восстания Люцифера против власти Господа и победил сатану (*противника* Божия) и дьявола (*разделителя* ангелов) и пошедших за ним ангелов, ставших бесами, сверг их с Небес (духовного мира) на землю (в мир физический), где они с тех пор и обитают, преимущественно в воздушном пространстве, которое напоминает им о потерянных духовных Небесах. Впоследствии архангел Михаил был вождем Ветхозаветного Израиля, которого надо понимать не просто как этническое понятие, но как религиозный термин, т. к. границы этнического Израиля практически совпадали с границами Ветхозаветной Церкви. Поэтому Архангел Михаил был защитником не этноса, а Церкви. С падением Ветхого Израиля в результате богоубийства (распятия Христа), архангел Михаил стал покровителем Израиля Новозаветного, т. е. христиан. В рамках концепции «Москва — Третий Рим», он воспринимался на Руси как защитник Русской земли (единственной свободной от иноверцев православной территории в мире на тот момент), русского православного народа и русских царей (ставших верховными защитниками Православия вместо византийских императоров, согласившихся на Унию с католи-

ками). Родовой усыпальницей московских великих князей и царей был до XVIII в. собор во имя Михаила Архангела в Московском Кремле. Царь Иоанн Грозный почитал архангела Михаила как своего сугубого покровителя и всегда обращался к нему с молитвой при начале важных дел, особенно военных походов.

То, что «Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе» написан именно Царем Иоанном Грозным, неоспоримо доказал академик Д. С. Лихачев, который первым и опубликовал этот текст в 1972 г.

Печатается по: *Лихачев Д. С.* Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л. «Наука», 1986. С. 372—377.

³³ Литературный псевдоним Иоанна Грозного.

³⁴ Тексты предначинательных молитв и ирмосы канона даны в *дониконовской* редакции.

³⁵ Здесь молящемуся необходимо назвать свое имя.

³⁶ Из летописи известно, что Царь Иоанн Грозный прорек время своей смерти за три месяца до ее наступления.

ЛЕТОПИСИ

¹ Речь идет о князе Дмитрие Донском и Куликовской битве.

² Снаряжение.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ I. ПОСЛАНИЯ	49
Первое послание Курбскому (1564)	49
Второе послание Курбскому (1577)	103
Послание английской королеве Елизавете (1570)	108
Ответ Яну Роките (1570).....	113
Первое послание шведскому королю Юхану III (1572)....	121
Второе послание шведскому королю Юхану III (1573)....	124
Послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573).....	140
Послание Василию Грязному (1574)	162
Послание Полубенскому (1577).....	164
Послание Яну Ходкевичу (1577)	173
Послание польскому королю Стефану Баторию (1581)...	176
Духовная Царя и Великаго Князя Иоанна Васильевича, Самодержца Всероссийскаго (1572).....	205
ЧАСТЬ II. МОЛИТВОСЛОВИЯ	221
Молитва Царя Иоанна Васильевича Божией Матери и святителю Петру, Митрополиту Московскому и всея России чудотворцу об избавлении от безбожных агарян (1541).....	221

Молитва Царя Иоанна Васильевича «о поможении Православному христианству от безбожных и злых изменников казанских татар» (1552).....	222
Моление царское за Божественной Литургией перед взятием Казани (1552).....	222
Хвала Царя Богу после взятия Казанского царства (1552).....	223
Стихиры Владимирской иконе Божией Матери (1550—1560 гг.).....	224
Тропарь Преподобному отцу нашему Никите Столпнику, Переяславскому чудотворцу (начало 1550-х гг.).....	226
Тропарь, кондак и послание на перенесение честных мощей святых мучеников и исповедников благоверного Князя Михаила Черниговского и болярина его Феодора († 20.9.1246), чудотворцев (1578).....	227
Стихиры на преставление святителя Петра, Митрополита Московского и всея России чудотворца (нач. 1580-х гг.).....	233
Канон Ангелу Грозному, и воеводе, и хранителю всех человек, от Бога посланному по вся душа человеческая (1570 — нач. 1580-х гг.).....	236
Молитва к Господу нашему Иисусу Христу, ко святому архангелу Михаилу.....	247
ЧАСТЬ III. ЛЕТОПИСИ.....	249
Казанский летописец.....	249
О смерти Великого Князя Василія, и о приказе царства сыну его, и о самовласти боярь его.....	249
О Цари и Великомъ Князе Иване Васильевиче, и о разуму его, и о премудрости его, и о согляданіи его боярь, и о избъени, и о согляданіи земля своя, и о любви къ воемъ своимъ, и уведаньи его о Казанскомъ царстве.....	251

Отъ Казанцовъ плененіе Рускую землю и скверненіе отъ нихъ святыхъ церквей и наруганіе христьяномъ православнымъ.....	254
Моленіе къ Богу Царя и Великого Князя о жалости христьянского народа, кои въ пленъ взяты.....	257
О виденіи сна Царя и Великого Князя, и о второмъ его послани воеводъ хъ Казани, и о поставлени Свіязска града	258
О бывшемъ звону на месте, и о чудотворени, и о явлени Сергея чудотворца	260
Советъ зъ бояры своими Царя и Великого Князя.....	262
Ответъ ко Царю и Великому Князю отъ братія его и отъ всехъ велможъ его и воеводъ	264
О собрани Рускихъ вои и о рассмотрени ихъ.....	265
Наказаніе Царя и Великого Князя Царице своей Анастасее	267
О молитве и о молени Царя и Великого Князя	269
О благословеніи митрополитомъ Царя и Великого Князя и все воинство его и проречени его о Казани	271
О пошествіи на Казань Царя и Великого Князя, и о пришествіи Крымского царя на Рускія пределы, и о прогнании его.....	272
О пошестви съ Коломны Царя и Великого Князя и о рядстве полковъ его	275
О величестве поля, и о нужде безводіемъ, и о пришестви Царя и Великого Князя въ Свіязски градъ	277
Повеленіе Царя и Великого Князя воеводамъ перевозитися Волга и о брани съ Казанцы на встрече	279
О приходе Царя и Великого Князя хъ Казани, и о величестве силы его и о рассмотрени, и о крепости града Казани.....	280
О послани съ любовію Царя и Великого Князя ко царю Казанскому	283
О страсе Казанского царя и ответъ жестокии Казанцевъ ко Царю и Великому Князю	285

Сказаніе волхвовъ о царе ве сне и о сеитове, и о страсе царя и Казанцовъ, и о выежжающихъ изъ града битися съ Русью	286
О побезени Черемисы.....	288
О бою преставшимъ, и въ осаде седшимъ Казанцемъ, и о разгневани Царя и Великого Князя на Казанцовъ.....	291
Глаголани о Казани воеводъ Царю и Великому Князю. Моленіе его къ нимъ.....	294
Похвала царю Шигалею и князю Семіону	296
О посланныхъ черноризцехъ изъ обители живоначалные Троицы Сергеева монастыря	298
О пришедшихъ Фрязехъ ко Царю Московскому и Великому Князю	299
Чудо святыхъ апостоль и святого Николы, како явишася на воздусе и благословиша землю ону и градъ Казань, да вселятся въ немъ православни христьяне	301
Чюдо второе святого Николы.....	303
Чюдо третие преподобнаго Сергея чюдотворца	303
О злобе Казанцовъ, и о последнемъ послани къ нимъ Царя и Великого Князя, и о милосерди его	304
О безстрашіи, и о роптаніи Казанцовъ, и о укреплени межъ собою.....	306
О гневѣ и ярости Царя и Великого Князя на Казанцовъ	307
Моленіе и ученіе къ воємъ своимъ Царя и Великого Князя	309
О зажженіи въ ровехъ зелія, и о веселіи Казанцовъ, и о молбе, и о жертве ихъ.....	310
О страсе огня, и о разрушени стень, и погибели Казанцовъ	312
Ополченіе и победа Московскихъ воеводъ на Казанцовъ	313
Плачь и уничиженіе къ себе Казанцовъ и убіеніе князя Чапкуна	316
Моленіе и смиреніе Казанцовъ	318
О падени храбрыхъ Казанцовъ.....	321

СОДЕРЖАНИЕ

О сече и о взятїи плена и богатства Казанского	322
О зыманїи Казанского царя и о прилогатае Московскомъ	324
Смета всехъ въ Казани побитыхъ Казанцовъ и Рускихъ вои, и зщищенїе града.....	327
Вшествоїе въ Казань Царя и Великого Князя и моленїе его, и благодаренїе Богу	328
О заложенїи досталнїе Черемисы за Царя и Великого Князя. Исполненїя и обещанїя его.....	330
О поставлени въ Казани архїепископа, и похвала Христу Богу нашему.....	331
Похвала граду Казани	332
О посланїю съ вестью къ Москве, о молитве и о радости людстеи	333
О возвращени къ Москве Царя и Великого Князя.....	336
О встретени Царя и Великого Князя епископъ и всего народа Московского и о красоте и ополченїя его ..	337
Встретенїе Царя и Великого Князя преосвященнымъ митрополитомъ Макареемъ и поученїе его къ нему	340
О милости къ народу Царя и Великого Князя и встретенїе его Царицы	341
О взятїи Казанскомъ, и о труде и о скорбехъ Царя и Великого Князя и воеводъ и вои его и нуже земскихъ людеи	342
Похвала Царю и Великому Князю.....	344
Рассказ о болезни царской 1553 года в приписке к лицевому летописному своду.....	345
ОСНОВНЫЕ СОБЫТІЯ ПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРЯ ИОАННА IV ГРОЗНОГО.....	352
ПРИМЕЧАНИЯ.....	358

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 30 томов).

Редактор В. Г. Манягин
Корректор В. Л. Авдеева
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 28.04.2010 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 15,2 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русское искусство
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организаций. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спаский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: Философия и литература, 720 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
Платонов О. История царевубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)

**В 2010 ГОДУ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСТИТ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:**

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Достоевский Ф. М. Дневник писателя.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ.
Черкасский В. А. Национальная реформа.
Лешков В. Н. Русский народ и государство.
Солоневич И. Л. Народная монархия.
Хомяков Д. А. Православие, Самодержавие, Народность.
Победоносцев К. П. Православие и государство.
Леонтьев К. Империя духа.
Валуев Д. А. Начала славянофильства.
Астафьев П. Е. Национальное самосознание.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности.
За русскую народность. Идеология Галицкой Руси.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов.
Булацель В. Ф. Борьба за правду.
Святые черносотенцы. За Веру, Царя и Отечество.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Государственно-правовой идеал славянофилов.
Русская цивилизация. История и идеология Святой Руси.
Русская цивилизация. Философия и литература.
Святая Русь – высший этап развития мировой цивилизации.
Святые и подвижники Православия. Историческая Энциклопедия.
Монастыри и храмы России. Историческая Энциклопедия.